

Вечные Пилигримы Вселенной

Сет-Амон

Сигео

Сердце

Сет-Амон Сигео

**Вечные Пилигримы
Вселенной**

Книга 2

Сердце

Иллюзия – Сердце реальности,

Красота – её крылья

Сет-Амон Сигео

Рига 2019

Оглавление

Оглавление	3
Аннотация	6
Встреча.....	7
Йеанние.....	16
На ловца и зверь бежит	20
Страх – двигатель прогресса	29
Победитель	37
Адельфофаги	40
Тиран от Бога	52
Только хорошее! Или.....	61
Игра без правил.....	63
Черти где?.....	69
Экспериментатор	74
Он может всё.....	79
Мадагаскарский «шелкопряд»	91
Сандор.....	100
Дикарки.....	105
Если вы друг.....	107
«Пылинки» Вселенной.....	112
Мы – будущее Земли.....	114
Кино снимаем.....	119
Вместо полит-убежища у людоедов.....	124
Мать Вселенной.....	130
Последняя ночь Эпохи	139
Лёд тронулся	141
В Аду как в Аду – скучно не бывает	144
Путь в Мир Оамá-Аийó	150
Мои враги окрестят это геноцидом	152

«Шах» нынешним хозяевам Мира.....	156
«Железный Птенец» Блейка.....	162
Оамá-Аийó.....	171
Глаза Ночи, жаждущей Правды и Света.....	182
На них звери не нападают – только люди.....	187
Каузальный Спрут.....	189
Уже и пошутить нельзя.....	195
Смертельно уставший Камень.....	198
Айшét.....	203
Меня и в самом деле съели.....	207
Ты душа мною сказанного.....	210
У лезвия ножа тоже две стороны.....	216
И так – мы создаем Вечность.....	220
Что эти чары такое?.....	223
Приговор.....	228
Танец Жизни Омáийо.....	232
Я буду такой же красивой как ты?.....	236
И как могли мы этого не знать?.....	242
Единый поток.....	246
О, Минéй!.....	248
Сейóн.....	252
Танец Инсá.....	260
Летим!.....	263
Прикоснись ко мне хотя бы тенью!.....	267
Творческие джунгли Омáийо.....	271
Цветы Нейсá.....	274
Не самый простой вопрос.....	277
«Цветок Жизни» Омáийо.....	279
Отклик Земли.....	284
Демийáр.....	287
Странное «божество».....	290
Ки-о-тáй.....	296

Сейчас – или никогда!.....	301
Но как я стал этой тварью?.....	304
Мир для Счастья слишком велик	307
Не перепутать бы это с душой	311
Вместе с камнями	313
Ибрагим	316
Это то – что я есть	325
У меня нет имени, Нейсі.....	327
Не люди	331
Этот Мир не совсем живой.....	334
Я готова взлететь до Солнца	336
Оборотни	339
Люцифер.....	342
Куда падает Солнце?.....	349
Сердце Земли	360
На Пути Вечном.....	365

Сет-Амон Сигео «Вечные Пилигримы Вселенной. Сердце»

ISBN 978-9934-19-878-6

Copyright © 2017 Set-Amon Sigeo

Аннотация

Вместе с чертовски неожиданной версией происхождения человека, эта книга является презентацией альтернативы проекту «Гомо Сапиенс» – интригующим путешествием в антропологические джунгли – приглашением автора отправиться вместе с ним в увлекательнейшую экспедицию за пределы Ойкумены – в тропический реликтовый Мир, хранящий сокрушительные тайны о человеке.

Но из экспедиций возвращаются не все. Из этой – можно не вернуться человеком.

Эти мощные образы... страшные, изумительной красоты аллегории, яркие молнии сюжетных стрел... Пластично детонирующий «Реал»!

Что это?

Нелегитимная стезя познаний? Хлябь несанкционированных чувств, переживаний, озарений – куда злобный «Гуру» упрятать хочет свою жертву? Или...

Сигео

Встреча

В то время как все обсерватории Планеты фиксировали аномальное атмосферное явление беспрецедентного масштаба, а высшие военные чины ядерных держав в недоумении впивались глазами в мониторы пультов управления Судьбами Человечества, густой туман над главным аэровокзалом России уже рассеивался. И всё более очевидным становился факт, что на взлётной полосе, где предположительно приземлился некий летающий объект, ничего нет.

Замолкли сирены, застыли радары, понизился градус суеты среди прибывших на место происшествия полицейских. И только тогда взору предстала картина скорей театральная, нежели реалистическая, словно розыгрыш или неуместная шутка:

По взлётной полосе не приземлившегося лайнера, в направлении здания аэропорта шёл человек. Шёл быстро и легко. Настолько самоуверенно и легко, что многочисленные стражи порядка подобострастно шаркались пред ним и охотно уступали дорогу.

Через несколько минут незнакомец исчез за каскадом стеклянных дверей и пропускных пунктов и появился на одной из верхних платформ центрального зала ожидания аэропорта.

Это гигантское сооружение из стекла и металла напоминало крытый амфитеатр, центром которого была овальная площадь на нижнем уровне. На эту площадь, покрытую коврами пурпурного цвета и освещённую по всем канонам пиротехники, устремил взор незнакомец.

Лёгкое удивление отразилось на его лице при виде большого количества фото и телерепортёров в гуще блёсток бенгальских огней, и шальные огоньки засветились в его глазах.

В то же время центром внимания становился сам гость, прибывший «ниоткуда».

Высокий рост пришельца, безупречная осанка, чёрные волосы, щедрой волной спадающие с широких плеч, изысканный костюм аристократа восемнадцатого века – всё это привлекало праздное внимание толпы и пробуждало не абы какое любопытство.

Но и гость любопытства не скрывал: иронично улыбнувшись, по бокам расставил руки и оценивающим взглядом окинул всех. Сделал некий

сдержанный жест рукой, подошёл к лестнице и стал медленно по ней спускаться.

К моменту, когда незнакомец приблизился к «сцене», внимание к нему уже было приковано напрочь: с высоты на него целились множество глаз, фото и кинокамер, а в зале воцарилась полная тишина.

Ею воспользуюсь, чтоб перейти к убийственному – убойно откровенному пиару: пришельцем тем был я.

Или им буду. Ну неважно. В некотором смысле – я им был. И крайне незатейливо и просто объяснялось моё прибытие сюда: ввиду необходимости вмешаться в некие глубинные процессы планетарного масштаба. В какие именно тогда и сам не знал я, но может свет на всё пролить дальнейшее моё повествование.

То, что здесь превратилось вдруг в яркую «сцену», покрытую коврами, должно было служить мне местом встречи. На её краю, в вибрациях эфира, считываю замысел того, с кем встретиться мне предстоит.

А вот и он – из-за зашторенных кулис выходит на сверкающую сцену. Ступает на ковёр... и делает два шага мне навстречу.

Зандор! Вот он.

И тут взрывается толпа! – дикие крики, вопли, визг, аплодисменты. Восторг и обожание кумира в них до неприличия обнажены: как зачарованный народ ликует в страшном, подобострастном наркотическом экстазе.

Вот это встреча! И демонстрация мускулатуры. И «мышечной накачки» мозга. Да... Соперник мой – почётный академик всех виднейших академий Мира, первейший идеолог и фактический хозяин этой страны, Чемпион Мира по борьбе без правил – мощный атлет, ума палата и... кладёзь неимоверного коварства.

Гордо стоит он на краю «арены» и наслаждается своей беспрецедентной мощью, харизмой и властью над всем.

И он – победитель. Почти.

Дело за малым: вместо рукопожатия – резким движением заломать мою руку, хватануть меня с подъёмом над головой... и после зрелищной раскрутки – швырнуть с силой и треском оземь!

А затем победоносно... под овации покинуть поле боя, – поле сражения философов из яростно враждующих систем, – систем непримиримых.

И кто решил, что мудрецы не так должны одерживать свои победы?

Мы в центре арены для памятной встречи. И, кажется, наконец! – Зандёр замечает меня. Да, похоже. И что? Дальше что?

Дальше – по плану. Но... по мере приближения ко мне, самоуверенность борца вдруг тает, тает... И всё-таки он делает гигантское усилие! И – замысел свой воплощает.

И не воплощает. Им поданная мне рука оказывается бессильной даже с места сдвинуть мою руку.

Любезно... в своей руке держу руку Зандёра. Смотрю ему в глаза.

Занятно. Но, в сущности, в глазах его лишь то, что и должно быть, – то, что хозяину их, вместо любимого деликатеса, пришлось довольствоваться ядовитой жабой.

А с другой стороны, Зандёр заинтригован. И приветствует меня:

– Добро пожаловать в мою страну, Сигёо! Надеюсь, вас ничто не разочарует здесь.

– Благодарю вас, сударь. Надеюсь, что и мною приготовленные вам сюрпризы, придутся вам по вкусу. Как экспедиция? Вы к ней готовы?

– Подобные вопросы я решаю на ходу. Четверть часа на сборы вас устроит?

– Вне сомнений.

– Тогда до встречи на борту моего славного «Конкорда». Сколько сопровождающих понадобится вам, чтоб безопасно, безошибочно и точно совершить посадку?

– Не много – сотни три. Да, три сотни будет в самый раз.

На этом небрежном запросе, после обмена эксклюзивом невообразимо любезных улыбок, мы покидаем поле несостоявшегося боя. Расходимся под градом щелчков фотокамер, в прерывистом свете ярких ламп-вспышек.

В моём распоряжении минута, чтоб всё понять и оценить. Особенно не в меру экзальтированный выброс чувств участниками самобытного, в смысле – дешёвого, «аттракциона».

Похоже, от демократического блуда страна «рванула» к некой новой, ещё не апробированной форме хаоса – с старым как мир культом вождя, полным контролем над бесправным индивидом и обвальная деградацией «разумных».

Да, схватка моя с «менеджером» этого лихого беспредела могла бы ход истории перенаправить. Но зачем?

В моих теоретических конструктах глупость «разумных» оправдание и высочайшую оценку и без того запросто находила. И я бы мог даже её... Да, мог бы... изрядно преумножить и возглавить.

Только затем ли здесь я? Нет?

Тогда зачем?

Затем, что равновесие теряет Мир? Или затем, что через всё, что бы ни встало на моём пути, переступить я должен?

Да, это я приемлю. И самоуверенно иду.

От зала ожидания до самолёта президента десантники построены в шеренгу: все как один – три сотни двадцать восемь. Команды подают, вытягиваются по стойке смирно.

Честь отдают мне генералы, маршалы, контр-адмиралы. Оркестр играет гимн несуществующей страны.

Похоже, музыку здесь тоже сочиняют на ходу.

Что это? Шутка? Психотронная атака? Но забавно. Значит, смысла уже не лишено.

Трап к самолёту подан. Восхожу.

Ступеньки безобразной инсталляции изношены, встречаются не часто и смазаны обильно солидолом. Иду... Иду и представляю «радость» тех, чей замысел спустить меня по лестнице не возымел конкретики по части сбыться.

В наспех обитом досками салон-сарай лайнера пока что ни души. Но это лишь один из множества его отсеков. Располагаюсь в кресле. Ах! – колченогом... Жду.

И вот – со скрежетом петель дверей «премиум-зала»... в потёмках вырисовывается престранный силуэт: фигура стюардессы. Ох! – Столетней... Стюардессы в Чёрном.

Прихрамывая, спотыкаясь и ворча, бранясь и чертыхаясь (практически на все лады) – она «загадочно» (!) подмигивает мне... И, наконец... Ну! На-ко-нец... с тоской смертельной в меркнувших глазах, – в глазах почти угасших... берёт на себя хлопоты по подготовке меня к «взлёту».

Стол сервирует. Нет, но... Это ж... Лом мочёный... Зельц скобяной... Отварные пассатижи.

Не знаю.

Меню. Там от руки. Ну до чего коряво! – Мазут, Дуст, Дёготь, Хлорка, Сажа... Цианистый калий... Ну хорошо.

Что там ещё?

Ах! – артефакт прошлого века – комп допотопный. Для связи с «Центром» Сверхдержавы – с идеологической её «машиной».

А вот и Он – «Царь» без пяти минут – передо мной на глянцевом экране.

Как радужно лицо его! И вдохновенно. А улыбка! – приветливее не бывает.

Он сожаленье выражает в связи с необходимостью лететь в салоне рядом, где средоточие средств по управлению державой. Любезно предлагает лекцию послушать по его Супер-материализму. И желает самого приятного полёта.

И мы взлетаем!

Ещё с минуту на экране светится лицо Зандóра.

С почтительным подобострастием нанизывает он одну улыбку на другую. И вместе с его чуткими... проникновенными словами: «не скучайте» – обрывается внезапно связь.

А вместе с ней – немедля гаснет свет и раздаётся рёв сирен... невыносимый, жуткий скрежет набирает силу во всех пяти углах моего «кабинета». Его вибрации трясут и резкие толчки в разные стороны – одну, другую, третью... Нет, но... такое, относительно приемлемое положение вещей длится не долго: начинается сильная качка, и всё «пространство» заполняет облако яростно жалящих и люто кусающих насекомых.

Вдобавок – в мощных динамиках звучит задорный «Танец с саблями» Хачатуряна... вперемешку с фрагментами из лекций Зандóра.

Читает автор.

Однако с этого момента за ходом дел в «Преисподней» – в вверенном мне феерическом «гламур-сараяе» – я наблюдаю на почтенном расстоянии – в творческой зале Командóра.

Так иногда я буду называть Зандóра.

Вместе следим за тем, что происходит на экранах его пульта управления полётом: Зандóр – сидя в рабочем кресле, я – под прозрачным потолком – среди узоров паутинок, сплетённых мной на «скорую-руку», – мной, в качестве одной из моих ипостасей – крохотного паучка Шалáбе, – Шалáбе, толк знающего в тонкостях интриг возле-научных и возле-кормило-властных.

А на экране! – полчище крыс оккупируют все им доступные места моего «Уголка».

Свет то включается, то гаснет. Дымит, чадит, горит проводка. Тлеет...
И улыбается Зандор.

Летим на максимальной скорости – сверхзвуковой. А это значит: сей фантастический полёт не может длиться вечно.

И половина его позади. Но... впереди иные сервисы и значные услуги:
Гигантский спрут в «салон» вползает. Озабоченно в потёмках рыщет – норовит всё заключить в свои смертельные объятия.

Да. Скучать с Этим!

Рад, весел Командор – потуги не напрасны. И почему-то его вовсе не смущает факт, что в сотворённом им бедламе я неизменно избегаю взора его ясных глаз и объективов кинокамер.

Не успеваю насладиться зрелищем на мониторе, как трескаются, разбиваются и разлетаются все стёкла в иллюминаторах моей кабины. После чего... становится свершённым чудом сотворенье «Ада».

Да, чудом! И бесспорным фактом:

Все формы жизни здесь неотвратимо задыхаются идохнут, –дохнут нещадно, уносимые со свистом за пределы совершеннейшей из душегубок!

Но. Это не предел гостеприимства крепчайшего умом Столпа Супердержавы:

При приземлении кабина гостя начинает бешено вращаться! Быстрее и быстрее.

Да, аналогия здесь с центрифугой до чрезвычайности уместна.

И наконец! – на вираже при трепетно и люто ожидаемой посадке – из стратегически армированных шлангов, – шлангов «гофре»! – подаются в салон нечистоты... немислимо – невообразимо омерзительного свойства!

Да! Они подаются из шлангов.

В количестве неумолимо щедром...

И снова они! – из «гофре»... Прямо от туда! Они и они. И... на предельной скорости вращается кабина – крутится, кружится, свершает обороты! И...

Убавляет их. Их сдерживает... замедляет ход.

И с визгом тошнотворным – затихает.

Посадка свершена.

Немного погодя дверь отворяется, и жаркий свежий воздух знойного тропического лета наполняет камеру беспрецедентных удовольствий.

И вот – к моей «экспериментальной гильотине» подан трап.

Зачем?

Имеются сомнения в победе у Зандóра? Или это какая-то рутинная формальность?

«Явлением народу» я не спешу порадовать отца Русского Материализма и его команду.

Но... эта жара! – заставила Зандóра развязать шёлковый галстук, сбросить двубортный кашемировый пиджак.

И вот – он во главе спецов из засекреченных порядком служб, в радостном предвкушении победы, жадно впивается глазами в тьму, – во тьму меж косяков дверных – сарай-амбарных.

Что тут случиться может? И чего произойти не может никогда?! Попросту произойти не может – вследствие применения столь непредвиденных параметров полёта от высочайшего авторитета мировой науки.

Ну, ничего такого... как бы никто не ожидал. Это понятно. И всё-таки... чего-то все настойчиво и терпеливо ждали.

Эх, до чего нерасторопно бывает время в такие напряжённые минуты! – когда победа предсказуема, неотвратима. Когда безоговорочно разбит противник и повержен. Когда он втопан в Грязь. Растоптан!

Ах, эта Грязь! Кто изобрёл её? – придумал. Чей Гений её сотворил для цели столь приятной?

Какие сладкие, блаженные минуты! Счастье.

Счастье?!

Когда после Такого! Эдакого... Как ни в чём не бывало! – весело и беспечно, в роскошном костюме аристократа «с иглы», по трапу сбегает на встречу непримиримый соперник и враг.

Чудовищно! Немыслимо. Нет! И... улыбаться надо.

И улыбается Зандóр. Вежливо. Учтиво. Осведомляется о предоставленной мне степени комфорта.

– Ошеломляющая степень, – я отвечаю, изображая восхищение и благодарность.

– Надеюсь, вы...

– И я надеюсь.

– Неужели?

– Конечно.

– Что?

– Вы не скучали?

– Нет. На самом деле. Но...

– Не беспокойтесь – я пропустить не смел и слова из ваших лекционных умопомрачительных пассажей. Вы оракул, мой друг. Вы трибун.

– Это приятно слышать.

– Но слышать – это одно.

– А в чём другое?

– В том, что, преодолев ещё сотню-другую миль, окажемся у цели. А там... на деле и проверим верность ваших мировоззренческих ноу-хау.

– Проверим? Да. Ну разумеется. Тайó-Танаó. Завтра в полдень.

Зандóр раздумывает несколько секунд. Потом с руки браслет снимает.

И подаёт его мне со словами:

– Здесь все необходимые средства для связи. С детальными инструкциями к ним.

– Благодарю. Однако... в тех «инструкт-деталях»... нет ничего «такого»?

– Какого?

– Что отменило бы необходимость самой связи.

– Нет. Нет, конечно. Кстати, как вы намерены пройти через погран-контроль?

– А вы?

– Ну... предположим: для вельможи моего калибра, для этого поставить на колени эту милую страну – не самая невыполнимая задача.

– Ну... предположим.

– А что до пограничников... то с ними говорить рекомендуется на языке особом. Том, что без слов поймут они на много лучше. Хотя едва ли догадаются когда, что есть такой язык на самом деле.

– Да? Это любопытно.

– Пойдём. Я покажу.

В зоне погран-контроля предлагают Командóру предъявить личные документы. Он надменно поднимает бровь, нечто показывает и проходит.

– Что вы им предъявили?

– Это, – с гордостью произносит Зандóр и предъявляет мне электронную карту с экраном, передающим команду обезоружить одного из офицеров и совершить теракт.

И если бы я был не я...

– Это – разработка вашего института?

– Одна из самых перспективных.

– Круто.

– Да, но вы как прошли?

– Сказал, что я с вами.

И снова улыбается Зандор. Почти непринуждённо... добродушно. И искренне почти.

– Ничего вы им не говорили.

– Но у меня никто ничего и не спрашивал.

– Похоже, мы могли бы сотрудничать в области известных нам технологий. Подумайте об этом, Сигео. Надеюсь на вашу пунктуальность при завтрашней встрече.

– Где б я отважился усомниться в пунктуальности вашей.

И расходимся мы. В разные стороны. С целями – противоположными диаметрально.

Хотя... там видно будет.

Йеанниё

Манила!

Я не знаю ещё, как доберусь до следующего места встречи, но у меня есть немного времени. И мне так хочется успеть хотя бы слегка прикоснуться к жизни этого необычного города.

Однако браслет, мне вручённый Зандóром, не самая безопасная вещь. Это электронными ноу-хау напичканный «мозг». А также – характеристика его изобретателя и прежнего владельца.

Считываю с электронной «безделицы» план Командóра. Просчитываю его шаги. И вношу коррективы в программы, встроенные в «художественную поделку».

Теперь можно о ней забыть. Забыться. И беззаботно пошалить по беспределу.

Какими дивными возможностями я для этого располагаю!

Через мгновение уже не чопорный вельможа я, а лет двенадцати мальчишка в шортах и кроссовках – так – на босу ногу.

И бегу! Нет, – я лечу!..

В футбол с мальчишками играю. Из рогатки по бутылкам бью. Лазаю по деревьям. Убегаю от стражей порядка.

Как хорошо! – хорошо забыть про всё на свете, что мешает восприятию жизни, что только в детстве дано! Но в детстве не было у меня тех степеней свободы, что имею теперь.

И быстрокрылой птицей я взмываю в небо. Высоко! И вижу всё, что видят птицы. И более того.

Под крыльями моими странная, замысловатая архитектура... Река и Океан! Горы и улицы, и люди... Как много их! А сколько красок!

Но больше всего их на рынке – людей и красок. И я среди них – среди этих людей. Такой же, как все. И не совсем.

Я для них иностранец.

Но мне нравится их любопытные взоры и удивление. Их добрые глаза и улыбки.

Видимо, странно себя веду: интересуюсь всем, задаю много вопросов. Пытаюсь говорить на чужом языке. Неумело, на ходу вспоминая слова. Запоминая те, которым учат.

И так нравится мне это! Всё и все.

Но. Особенно нравится мне одна девчонка. Она помогает родителям своим: раскладывает фрукты на прилавке. И так увлечена композициями из них, что никого вокруг не замечает.

Я смущён. Но достаточно смелости в себе нахожу, чтоб подойти к ней и спросить:

– Это игра?

– Такой игры нет. Но я придумала её, – девочка отвечает и дарит мне взгляд своих тёмных внимательных глаз. Вижу её удивление, но не подаю виду и говорю, что мне нравится, как она уложила фрукты.

– Но почему нравится? – любопытствует она.

– Потому что это красиво.

– Но почему красиво?

Мне двенадцать лет, и я не знаю почему. Поэтому меняю интонацию:

– Потому, что красиво.

Ответ мой собеседнице ничуть не кажется странным. И, даже возможно, её убедил. Но тут подошла мать девочки и подключилась к нашей беседе:

– Самые красивые фрукты те, что проданы.

Своё слово сказал и отец:

– Бери, сынок, что хочешь.

– Только перед едой всё надо мыть, – добавила мать моей подружки.

Но. У меня уже план созрел:

– А можно я помогу вам фрукты продать?

Мои новые друзья смеются.

– Что ж, попробуй, – даёт согласие отец.

– Для этого я только должен знать...

И я обращаюсь к девочке:

– Как твоё имя?

– Йеанние, – отвечает она.

– А я Сигео, – представляюсь и тут же обращаюсь к тем, что уже засмотрелись на нас:

– Мадам, эти манго созрели в сказочно красивом саду. Поэтому они такие сладкие как мёд и свежие, как дуновение ветра... Сеньор, такие сочные и ароматные груши, как эти, вам не купить больше нигде. Смотрите – сколь совершенны их формы! А цвет. А какой аромат!

Такого продавца, как я, здесь с роду не видали. Поэтому от покупателей отбоя нет.

Охотно я вступаю в разговор со всеми на любые темы. Но, в сущности, внимание моё приковано лишь к Йеанние.

Она... как бы не продавала ничего. А просто – дарила людям. Дарила им, как дарят радость. Аккуратно и красиво всё укладывала... подавала – с достоинством и уважением. С улыбкой приветливой и доброй.

А я восхищался ею. Не понимая, что со мной происходит. И мне не хотелось ничего понимать. Ничего! Только хотелось, чтоб это длилось вечно.

Но как скоро мы всё продали! И почему так спешили? Куда?

И вот – мы вчетвером среди пустых корзин. Что дальше?

Однако отец Йеанние такому повороту дел рад. Хватает меня. Над собой поднимает. Несёт! Кружится сам словно в танце. Говорит мне:

– Ты герой сегодня, Сигео! Так быстро мы ещё плоды трудов своих не продавали.

А когда ноги мои снова касаются земли, мать девочки обнимает меня и прижимает к себе с умилением. Спрашивает:

– Я надеюсь, твои родители не заждались тебя, Сигео?

– Не беспокойтесь, сеньора, они меня не потеряют. Я только ещё хотел...

Ах, до чего ж милы и понятливы эти филиппинки! Мать девочки улыбается и делает вид, что ей срочно необходимо поговорить с мужем. Берёт его за руку и отводит в сторону.

А я подхожу к Йеанние. И с минуту мы стоим молча.

Потом... она дарит мне улыбку и подходит ближе. Смотрит внимательно мне в глаза.

– Йеанние, – наконец я произношу.

– Ты хотел мне что-то сказать, Сигео?

– Да. Это очень важно. Та игра, что придумала ты, – самая лучшая. И самая...

– Красивая? Но на витрине нет ничего. Красоту мы продали. И её больше нет.

– Нет, Йеанние. Она есть. Только теперь она не на витрине. И ты не можешь увидеть её.

– Но где она? И кто может её видеть?

– Я могу. Потому что смотрю на тебя. И в тебе её вижу.

– Не знаю, – задумчиво и смущённо отвечает девочка, – а завтра ты придёшь?

– Я очень хотел бы, но...

Но мне подаёт сигнал браслет Зандóра – опасный, как гремучая змея, – не для меня опасная змея.

И я уже только внешне мальчишка. А в самом деле...

Не это важно теперь. Что мне сказать ребёнку? Мне так важно правильно ей ответить! Но времени нет. И я говорю уже отступая:

– Я приду. Скоро. Если ты меня не забудешь.

И срываю с руки браслет и со всей силы бросаю в небо.

И там – на безопасной высоте – попадает в него ракета, – ракета, запущенная с эсминца Зандóра. Взрывается! И мириады разноцветных искр летят сквозь мирное пространство жизни.

И это тоже красиво (?). Но... как всё – преходяще.

И нет меня перед глазами Йеанние. Словно и не было.

Не было? Но губы девочки произносят моё имя. Я знаю. Но что мне в том? Может быть, и это не важно?

Тогда важно что? Может быть, то, что я бегу к Океану? Туда, где теперь логово Зандóра?

Йеанние...

Но ведь и я её не забуду.

Почему?

На ловца и зверь бежит

В это время эсминец ВМФ России с Командóром на борту уже лениво покачивался в тёплых водах Океана – неподалёку от острова Лусон.

Образцовый порядок и безупречная чистота царили в каждой «клетке» этого монстра-гиганта. Белый корабль словно красовался, «играя мускулами» на спокойной глади Океана, – в лучах помпезного заката.

И вот из тренажёрного зала в стильных трусах на палубу выходит Зандóр... в трусах канареечных – предельно щедрого покроя.

Часть палубы занимает бассейн. У его края Зандóр останавливается, скидывает поднадоевшие ему «одежды» и прыгает в охлаждённую воду, часть которой ввиду не шутейной массы купальщика далеко летит за пределы «купальни».

Долго ли, коротко ли, нарезвившись в ней вдоволь, «Солнце Прогресса» восходит на палубу с другой стороны бассейна, где уже с нетерпением ждёт его адъютант при полном параде.

– Товарищ Маршал, честь имею доложить.

– Вы слышали «хлопок», милейший?

– Как бы точнее вам сказать?

– Что именно?

– Не могу знать. Предположительно...

– Это же надо! Средь бела дня... О палубу шлёпнулся кто-то? Лбом вышиб дверь?

– Как скажете.

– Всего-то?

– Как прикажете, мой командир.

– Ну... так-то лучше. Есть версия, куда слиняло моё полотенце?

– Нет.

– На самом деле?

– Нет, конечно. Никак нет.

– Так выясняйте. Оно в цене пока я не обсох.

– Но... я как бы...

– Вы полагаете, я хуже с этим справлюсь? – Зандóр делает несколько затейливых движений, напоминающих твист. – Ну... ведь прошу. Не заставляйте танцевать своё начальство.

Минуту спустя, завладев желанным предметом, Командóр прикрывает им часть своего величием осиянного тела и подходит к борту корабля.

Смотрит пристально вдаль. Смотрит, вдыхая с наслаждением бодрящий свежий воздух.

– Позвольте доложить, товарищ маршал, – пытается возобновить «беседу» адъютант.

– Ну... так что эт-а был-а?

– Как бы и не был-а. Вспышка была. Волна взрывная.

– И всё мим-а? Никого не зацепил-а?

– Товарищ Маршал.

– Говорят же вам. Впрочем... зовите.

Адъютант спешно набирает комбинацию на пульте, и на палубу немедленно ступают восемь офицеров высшего командного состава.

Зандор же – медленно подходит к креслу. Своему. Усаживается и жестом предлагает остальные кресла занять офицерам.

– Итак, господа, вы имеете сказать мне нечто, о чём сам догадаться я не смел бы. Денис Петрович.

Встаёт старший по званию офицер, адмирал флота, и докладывает:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, после пяти часов нахождения вне досягаемости средствами слежения, браслет ваш был обнаружен и уничтожен ракетой РЗ-115.

– Предположим: ненамного сложнее это было бы сделать лопатой... зубилом. Наконец, молотком. Только вещь больно уж хороша! Да и РЗ не валяются при дороге. Надеюсь, вам это ясно?

– Да, но...

– Как самочувствие Объекта? Ненароком ведь задеть могли. Вы!.. Никак вы промахнулись!!! Так? Или не так?!

– Аристарх Прохорович, браслет был сбит на высоте 617 метров над уровнем моря.

– Что? Так вот что вдохновляет вас! Но почему не то, чем в это время занят был Сигео?.. Где был он? – Господин Чёрт-Знает-Что! Зачем? Как? И откуда?!

– Он недоступен стал для нас, как только по прибытии вы с ним расстались.

– Из вас кто-нибудь, господа, мог бы порхать на высоте 617 метров вне досягаемости наших лазерных радаров? Ну, предположим, – мог бы. Только зачем? Чтоб при наличии браслета, стать более простой мишенью?

– Этот Объект... выставляет нас дураками. Он заставляет действовать нас нелогично. Ибо так действует и сам.

– Значит, вы... Вы! В обход моих инструктов. Нашли на что вам полагаться? На Логику. На шлюху! Когда я мыслить научу вас? Мыслить интенциями Смысла!.. Мои научные труды, лекции, школа... Прахом? Всё туда? – всё прахом?!

Зандóр начинал раздражаться, и, поскольку хорошего ничего это не предвещало, никто не смел больше голос подать. Пока... хозяин не сменил гнев на милость и сам не стал рассуждать:

– По логике: браслет, сбитый ракетой, для сотовой связи непригоден. Это по логике. Но что имеем мы в Реале? Степан Акимыч. Связь с Объектом. Звук под «конферанс».

Не раздумывая ни секунды, Командóр тут же включил микрофон и произнёс нарочито учтиво:

– На связи Я. Вы слышите меня, Сигéо?

– Слышу превосходно вас, мой друг. Что нового в вашем конце «бикфордова шнура»?

Лицо Зандóра сияло: его догадка оказалась верной, и в этом все могли убедиться.

– Нового?.. Что вы! Обычная рутина: Солнце, закат... цвета все те же. На горизонте та же пустота. А уж за ним – давно. Надежда лишь на вас. И экспедицию, конечно. Должно же – ну хоть что-нибудь – тоску развеять! Внести в жизнь развесёлые цвета.

Как перемещенья ваши? Возможно, неожиданности, трудности какие? – препятствия, преграды... Всегда помочь готов. Всегда к вашим услугам.

– Благодарю вас, сударь, обхожусь без трудностей пока – как бы само собой всё движется по плану. Сейчас от берега отчаливаю на пароме. Ах, эти дивные цвета заката! А Океан!.. Ночь обещает быть «горячей».

– А вы, Сигéо, я как посмотрю, – не промах. К утру, должно быть, впечатлений у вас будет масса. Таких, с которыми возможно поделиться только с другом.

– Расчёт мой именно на это: на впечатления, с которыми возможно поделиться только с другом.

– Тогда успеха вам, мой «друг». До встречи завтра.

– Да, до встречи на Тайó-Танáо.

С нескрываемым восхищением, уважением и страхом смотрели офицеры на своего предводителя и тирана. Тот же, довольный собой и ходом дел, мгновенно размотал полотенце и снова бросился в бассейн. И, делая заплыв на заплыве, стал отдавать краткие и чёткие команды:

– Сюда большой экран! Динамики с объёмным звуком.

Живее... Ну же!

Всё под контроль! Чтоб мышь не ускользнула!

Торпедное. В ружье! Куд-а-а-а? От-ставить!

Мой халат. Ну. Смирно!

Сам Главком выскакивает из бассейна, в доли секунды облачается в халат и вытягивается по стойке смирно.

Командует:

– От-ставить!

И снова – в чём мать родила.

И...

– Смирно!

Плясовое – до безобразия гротескное стёгнами. И... орлиным взором командир окидывает подчинённых. Да-а-а-а: танец с бубном по периметру бассейна неизбежен.

Понуро офицеры ждут очередного «Конца Света».

Но. Пока Зандóру не до плясок. Надев-таки халат, миролюбиво он усаживает всех подле экрана и живо начинает управлять всем тем, что появляется на нём.

С удовольствием делает это, с азартом.

– Ах! На ловца... На ловца как зверь-то бежит! Ну мы его... Мы его как хватанём! Да раскрутим... Да через перила!.. Не брыкался чтоб. Не ерепенился... Так. Так, Денис Петрович? Сейчас. Терпения немного. Ещё... ну... ну... ну... и... И!

Наконец, адмирал решается подать голос:

– Однако, если не браслет, то что мы сбили?

– Не парьтесь, адмирал. Всему свой час. Всё разузнаем. Раскопаем. И!
– под белы рученьки-ручонки.

Вот. Вот он! Я ж говорил вам. Вот. Смотрите!

И все смотрят, затаив дыханье, на экран, где я стою на верхней палубе парома. Стою лицом к закату... в лучах его прощаюсь с днём неспешно

уходящим. И все попутчики мои прощаются с днём этим жарким, терпким, летним.

А в дали – последними лучами Солнца освещён Белый Корабль, скользящий по зеркальной глади Океана, – Белый Корабль – гордость Зандóра – Его!.. – без пяти минут Властелина Мира.

Что ж... я на борту парома. На экране бездушного монитора. И под прицелом смертоносных орудий грозного судна.

Картинкой на экране манипулирует Зандóр. Использует для этого весь богатейший арсенал слежения со спутников Земли. А также – все надземные, надводные, подводные и прочие средства.

Словно кино снимает: в различных ракурсах паром, что примечательно на нём и подле. А главное: из разных точек Техносферы – Зандóр «ведёт огонь» по мне из объективов – по пришельцу из иного Мира – из подзабытого средневековья, может быть.

Тем временем вокруг меня всё больше собирается людей в костюмах столь же необычных.

Кто эти люди?

Они артисты. Дают концерт здесь этой ночью. И я – как бы один из них.

Палуба скоро превращается в сцену – в сумбур декораций и ярких огней. Места на ней занимают танцоры, музыканты, певцы.

Подхожу к краю парома. Смотрю в бескрайнюю даль, где в тревожных огнях догорает закат.

Теперь Зандóр крупным планом снимает меня – моё лицо уже занимает всю площадь экрана.

И зрителям кажется, будто на них я смотрю. И их вижу.

И это действительно так.

Я их мысли читаю. Поправки вношу в программы их электронных устройств – тех, что для воздействия на ход намеченных событий.

Готово! Улыбку дарю Командóру и театрально поворачиваюсь к сцене, где начинается развеселый концерт.

Остроумно и весело шутят ведущие. Играет оркестр. На сцену выходят артисты.

Песни звучат. Мелодии, передающие характер и тепло жителей этих сказочно красивых островов, – островов Юго-восточной Азии.

Прекрасные исполнители и настроения.

И поют, и танцуют артисты не только для зрителей, но и для всего Мироздания – для Океана... для Неба... для Звёзд.

И в выступлениях этих Мир обретает единство. Он оживает.

Но. Я никогда не стремился к тому, чтобы жить на сцене. Я стремился к тому, чтоб в Реальной Жизни жить как в иллюзиях тех, что Сам создаю.

А теперь – перед сценой стою и восхищаюсь. Любуюсь искусством тех, кто на ней понарошку живут. Как в Мире ином. Забываются. И грезят «жизнью».

И это прекрасно. И не совсем.

Ведь насколько важней в Реальной Жизни быть или не быть тем, кого играешь на помосте. До чего важней в Реале соответствовать тому, что создаёшь ты Сам – не кто-нибудь другой.

Игра – открытие. И величайшее из зол, когда становится пристанищем обмана.

Но жизнь – есть школа. Школа восхождения и через все виды искусства. Во имя Правды и Высоты во всём.

Праздник. Сегодня для многих он наступил. И наступил он для Зандóра. И для тех моряков, что по его приказу собрались подле экрана.

Но. Тут я ловлю взоры всех только на мне. С чего бы? Я не артист. Но, похоже, мнение у всех здесь иное – все моего выступления ждут.

Всё тише музыки звуки. Потом – аплодисменты мне.

Я должен демонстрировать своё искусство? То самое, что не для сцены, а для жизни? Что ж, сцену тогда придётся «убрать». Из подсознания, по крайней мере.

Убираю её. И зрителям своим иду навстречу – легко и вдохновенно. С той собранностью и с тем выражением лица, что обещает праздник: триумф вечно животворящего начала в человеке, когда на крыльях вдохновения – взлетает Истина на высоту Реала.

И это состояние я всем передаю.

Танцую невообразимый по земным меркам этюд – аналогов которому в хореографии Реала быть не может – законам физики в нём далеко не всё подчинено.

И вот – неторопливо гаснет свет прожекторов и разноцветных ламп. И свет Луны земные формы покрывает серебром и наполняет новым содержанием и смыслом... под музыку ночного Океана, – под музыку, которая интуитивно всем понятна и близка.

И в полу-невесомости блаженной... вместе со мной танцуют все артисты. Танцуют грациозно и легко – в самом движении самозабвенно растворяясь.

И это то, что я могу им подарить. И это то, к чему они стремятся сами.

Мои каскады фантастических прыжков: то плавных, то стремительных, взрывных – сменяются мгновеньями покоя – полным отсутствием движений. И возвращаются к ним вновь – лёгким, порывистым и страстным.

А дальше – мы танцуем все. Все вместе. Как Одно...

И вдруг – немыслимо! – со всех сторон взрываются торпеды!

Они взрываются лишь в нескольких десятках метров от парома. Взрываются и рассыпаются цветами ярких искр, – искр, что не гаснут, а несутся вихрем жарким ввысь.

Так неожиданно! Торжественно. Красиво.

И музыка тогда звучит иная: оркестр играет карнавальный изумительный пассаж. И в карнавальных масках веселятся люди. Под звон бокалов, шутки, розыгрыши, смех.

Иные настроения на палубе эсминца: Зандор устал командовать «огонь!» и созерцать всё то, что объяснить не может. Что ему подлинно не мило.

Он прекращает «бой», гасит экран и всем приказывает разойтись.

Затем встаёт устало с кресла... и, покачиваясь, медленно идёт в спортивный зал. Там валится на первую попавшую кушетку для массажа и засыпает мрачным и тяжёлым сном.

Но до утра уже недалеко. Пора вставать. Пора в бассейн и к тренажёрам.

И к столу пора.

И лишь потом... «сверхдружелюбно» брошенное адъютанту:

– Зови!

И снова: Зандор в кресле. Своём. Офицеры – напротив. Им после тяжёлой паузы позволено присесть.

– Ну. Что ещё «к столу» сегодня?

– Аристарх Прохорович, – докладывает адмирал, – паром был уничтожен в 5-15 зенитными ракетами А32.

– Уничтожен? Вам не показалось? Вы разыгрываете меня?!

– Вы можете увидеть это на экране.

– Подавайте.

И паром на экране... в лучах восходящего Солнца. Ракеты атакуют его. Взрывают.

И отправляют на дно.

Зандор смотрит в упор на подчинённых – не всем по душе эта картина. Но.

– Это полный провал, – наконец, он произносит. – И хорошо только одно: ни к кому у меня нет претензий. Однако наша задача теперь: сделать так, чтоб поражение это обернулось победой.

– Но, – пытается возразить адмирал.

– Ваши ракеты, Денис Петрович, уничтожили всё что угодно. Только не паром и не Сигео. Если желаете, можете с ним обсудить детали нашего блестящего Провала сами. По внутреннему телефону.

– Нет, но если враг столь неприступен! Столь недосыгаем! До такой степени неуязвим!

– Вот именно. Судите сами, – мрачно и холодно произносит Зандор и, взяв со стола манипулятор, выводит на экран изображение парома в реальном времени, мирно плывущего к цели.

Но тем сильнее, воинственной кураж Зандора. Он с кресла поднимается. Свирепо шагает – расхаживает взад-вперёд. Недобро усмехается. Смеётся. Говорит:

– Неуязвим... А знать ему бы!.. Знать бы, что у нас... Ха-ха-ха-ха. Такое есть! И Сатане не снилось. Ха-ха-ха-ха. Глеб, Фёдор. Нож мой. Подавайте!

Два капитана первого ранга поднимаются с места и приказ берут под козырёк.

Однако же не унимается Зандор:

– Сейчас... сейчас я покажу вам самое секретное оружие на свете, – оружие, которым только я владею. И я им уберу Сигео!

Уже к месту собрания вернулись ранее отосланные офицеры. Один из них нож держит, – нож, в усыпанных алмазами ножнах из драгоценных сплавов, а другой – ремни для прочного крепления орудия к телу владельца и дорожный кейс.

– Прошу всех встать! – командует Зандор.

И все встают. А он ловко выхватывает грозное орудие из ножен и поднимает над собой.

Солнечный свет скользит по его острым граням. Как молнии глаза слепит.

А Командор снова смеётся. Любуется оружием своим и своим тайным мыслям. Смеётся... то как ребёнок, то как отъявленный злодей и негодяй.

В упор смотрит внутрь полотна ножа – будто в него... и сквозь него глядит, глаза прищурив.

И будто видит. Нечто. Что?

Потом прячет нож в ножны и становится серьёзным. Вдыхает глубоко. Выпячивает грудь и отдаёт приказ:

– Григорий, Фёдор. Доспехи к бою!

И могучий торс Зандора опоясывают крепкими ремнями. Его как для полёта в космос снаряжают. Как в путь последний камикадзе отправляют. А тот последние команды отдаёт и наставляет:

– Противник ловок и умён. К всему будьте готовы. Приказы мои выполнять, какими бы абсурдными они вам не казались. Ясно?!

Имеем дело не с явлением Реала! С феноменом имеем дело. Всё под ударом. Все!

Из этого отныне исходите.

А я своё не упущу. Я зверя! – у-ни-что-жу.

Теперь – в бронированных шортах, в роскошной, нашпигованной электроникой безрукавке... гольфах, полуботфортах с застёжками на ремнях... с надёжно закреплённым ножом на груди – Зандор похож на символ мужества и отваги.

И он неуязвим: в его тылу вся мощь Супердержавы. Спокоен он. Самоуверен. Полон сил.

Над палубой грохочет вертолёт. Лестница подаётся.

До того, как зависнуть на ней, Зандор подаёт руку преемнику – адмиралу. А тот замечает отсутствие немаловажного «аксессуара» в экипировке командира.

– Эх! – говорит. – Ваш браслет, Аристарх Прохорович. Ладно, мой вот... берите.

Хорошо, адмирал, – произносит Зандор. Надевает браслет и на прощание бросает всем рутинное своё, обычное и рядовое:

– Не скучайте.

После чего зависает на канатах стальных, как громадный тарантул на своей ядовитой слюне... Карабкается он по упругим ступеням.

И пропадает.

Исчезает в панцире железном вертолёта.

Страх – двигатель прогресса

Тайо́-Тана́о – почти не тронутый цивилизацией островок в волнах Тихого Океана – последний «форпост Ойкумены» – крайняя, сколько-нибудь разведанная часть архипелага. Что дальше? – за цепями мангровых зарослей, связывающих то отдельные крохотные вкрапления суши, то более крупные её образования, доподлинно ничего не известно.

Смертельно опасными считают эти места жители островов, что поодаль, и рассказывают о них в дрожь бросающие истории и легенды. Но все сходятся в одном: Сана́о – это название таинственного островного царства – украшение Планеты – ожерелье её.

На грохот вертолёта сбегаются все жители Тайо́-Тана́о. Для смуглых, едва прикрытых одеждой туземцев, появление в небе «железной птицы» – событие диковинное и чрезвычайное.

И вот эта птица спускается на возвышающуюся над всем платформу и «выплёвывает» из гортани своей человека – гиганта, в одеянии причудливом и необычном. А тот – покидает логово своё и к ним идёт уверенно и быстро. А птица улетает.

Но никого вокруг Зандо́р в упор не замечает. Спускается по лестнице из чёрного базальта, касается рукой оружия, что на груди его свирепо затаилось. И использует его в качестве средства связи:

– Приветствую, Сигео. Не подскажете, который час?

– Салют, Зандо́р. Времени ровно столько, чтоб выдать вам за пунктуальность звонкую медаль и титул чемпиона.

– Будем считать, что выдали. Схожу охотно с пьедестала. Однако среди восхищённых фанов вас почему-то не видать.

– Не смею дольше напрягать ваше терпение. Иду на вы.

Из толпы напротив отделяется знакомая фигура – тоже не менее чем странная для этих «экзотических широт» и современной нам эпохи.

Конечно, это я.

Моя экипировка: батистовая белая рубашка с тончайшим кружевом на вороте и на манжетах, атласные бриджи – чёрные, блестящие как антрацит... гольфы, штиблеты с драгоценной россыпью сверкающих камней. И наконец – синяя шёлковая лента, волосы собирающая на затылке.

И вот к вторжению в логово страшной, лишь скупю в мифах освещённой тайны, мы готовы. Я и Зандо́р.

Одна группа туземцев меня окружает, другая – моего «партнёра».

И сходятся... сливаются они в одну.

И мы стоим с Зандóром друг напротив друга. В полуденных Солнца лучах. Среди толпы ошеломлённых женщин и мужчин.

Стоим. И пристально смотрим в глаза друг другу.

Есть зрители и сцена. Для действия всё готово.

И! – вот-вот коса найдёт на камень – на быка бросится тореадор с ножом!

Но. Зандóр делает шаг вперёд и подаёт мне руку. Для рукопожатия на этот раз.

Друг другу пожимаем руки. Обмениваемся критически непроницаемыми, до чрезвычайности значительными выражениями лиц...

Указываю жестом в сторону реки. И довожу до сведения компаньона:

– На берегу реки у нас ладья. В путь можем отправляться хоть сию минуту.

– Да, отправляться можем. И куда? Впрочем, не важно, – улыбается попутчик.

– А важно что? – интересуюсь. Так, на всякий случай.

– Надеюсь, вам это известно.

– Надейтесь, друг. Надежда замечательный попутчик.

– Да? Вот не знал. Нет, правда.

– И что есть Правда?

– Правда?

– Да. В нашем случае. Что есть она?

– Ха-ха-ха-ха. Должно быть, случай наш особый.

– Ха-ха-ха-ха. Вам так не кажется?

– А вам?

– Что?

– Вы не знаете?

– Что именно?

– Как что?

– Ну, говорят же вам.

– Что говорят?

– Вам невдомёк?

– Ну что вы.

– Это само собой. Так не прибавить ли нам шагу?

– Да, прибавить стоит.

И мы идём. Отнюдь не ускоряя шаг. Лишь искоса поглядывая друг на друга. Похоже на ковре ведут себя борцы до применения приёма.

Но вот пред нами быстрая речушка. Лодка на привязи покачивается на берегу. И как бы ехать надо... раз уж так обстоятельства сложились.

Да. Как бы надо... Зандор раздумывает. После – первым заходит в лодку и располагается в её передней части.

Вхожу в ладью и я. Беру весло, от берега отталкиваюсь и гребу неторопливо по течению.

Вскоре лишь джунгли окружают нас. Цветы словно парят над нами, а лианы настойчиво цепляются за нас и за ладью – как будто путь нам преградить хотят. Но... путь не преграждают.

Пёстрые бабочки мимо летят, садятся на одежду. Птицы поют в кронах деревьев и на ветвях диковинных растений. Пираньи у поверхности реки резвятся. Высовывают морды из воды прожорливые крокодилы.

Здесь же пиявки, змеи, крысы...

– Вам уже нравится путешествие наше, Зандор?

– Уже!.. А вы как полагаете? Здесь столько хищников, любезно предлагающих себя скормить на ужин.

– Вы тоже хищник? Выбрали себе кого-нибудь?

– Пока не выбрал. Лишь меню листаю.

– Меню... Оно не уступает вашему в «Конкорде»?

Зандор словно не слышит. Словно задет в своих самых высоких чувствах. С ответом не спешит. Точнее, – в выражении его лица ответ. Где ничего, кроме высокомерия и холодка надменного вельможи.

Паузу держу. После продолжаю:

– У вас есть шанс. Только меню листать вы можете лишь до тех пор, пока сами не выбраны каким-нибудь местным гурманом.

Всплески воды. Шорохи ниоткуда. Из зарослей пугающие звуки.

– Вы гурман? Из местных?

– Нет. Ну что вы! Я имел в виду не это.

– Значит, не ЭТО?

– Нет.

– Совсем не это?

– Ну что вы, милый друг!

И я с размаха бью веслом по челюсти раскрытой крокодила, что вознамерился забраться в лодку.

Зандор делает вид, что это не касается его, и безучастно смотрит мимо, – мимо всего, что происходит.

Тем временем всё больше тварей собираются вокруг нашей лодки. Они пытаются достать нас, подцепить зубами. Я же – веслом их отгоняю. Притом – не позволяя им прервать нашу беседу:

– Итак, для вас существенен лишь явно зримый – материальный план событий и вещей, Зандор. Не так ли?

– Есть что-то неожиданное в том для вас?

– Пожалуй, нет. Только бывает, что под натиском реалий – уходит почва из-под ног материалистического понимания Мира.

– Что за «реалии» такие? К мясной диете отношение имеют?

– Как посмотреть.

– Ах, посмотреть! Ну хорошо. И как случаться те «реалии» обыкновение имеют?

– Ох! Неожиданно весьма. И зрелищно. Если смотреть со стороны, конечно.

– Смотреть со стороны. Так вот в чём ваш расчёт.

– Но. Мы же в одной лодке.

– Это невероятно и помимо тех, вами всерьёз озвученных «реалий», что действительно отсутствуют в пригодном качестве для обстоятельного разговора.

– Но это поправимо. Легко. Уж вы поверьте, и...

– И что?

– Только уверены ли вы... что не боитесь?

– Чего?

– Реалий тех, которых как бы нет.

– Бояться знаний не мой стиль. Так где они? – ваши «реалии».

– И где ж им быть?

– Так где?

– Ну... за спиной, конечно.

– И за чьей?

– Не за моей же.

Зандор приподнимает бровь. Потом медленно поворачивает голову. А я продолжаю:

– Не напрягайтесь. Для ваших глаз они недостижимы пока. Ваш материализм тому преграда. Он же пока – ваша как бы несокрушимая броня.

– Ха-ха-ха-ха. А я-то думал.
– Что?
– Зачем вам знать?
– Так веселей. Для предстоящих дел полезней.
– Так значит «дел». И в чём тут польза?
– Как без неё? Если вы в курсе, чего боится компаньон.
– Боится. А если ничего он не боится? Ровным счётом.
– Плохо тогда. Из рук вон плохо. Страх – двигатель прогресса.
– Прогресса. Вот те раз!
– Ну, разумеется. Чему, если не страху, человек обязан появлением своим на «шахматной доске» Планеты?

– К чему вы клоните? От страха быть употреблённым в пищу соплеменником, можно бы стать и чем-нибудь посовершенней Сáпиенса Гóмо.

– Вижу, вы понимаете, о чём я. Так согласитесь же и с тем, что с нашей стороны не применить весь эвристический потенциал феномена, было бы крайне опрометчиво и неразумно.

– И это вы о страхе! Использовать его хотите? Хорошо. Прекрасно. И намёк ваш понят. Так... продолжаем подогрив нашего аппетита?

– Нашего?

– Чьего ж ещё? Быть может вашего? И только?

– А вы ещё не догадались?

Я улыбаюсь радужно и щедро, чтоб подольше задержать взгляд компаньона на безупречной белизне и остроте моих крепких зубов. И Командóр мне отвечает тем же. Ничуть не менее душевно и охотно.

И мы многозначительно молчим. И джунгли нам вторят молчанием своим, – молчанием всех своих тварей. Непродолжительное время... пока наша ладья скользит по гляncy хищницы реки – её жизни коварной. Там-м-м – в глубине. Пока лишь там. Не на поверхности её.

Хотя...

Наконец, я делаю взмах веслом и продолжаю беседу:

– Речь не столько об аппетите к еде, как видится он в свете гастрономических пристрастий, сколько о неуёмной Жажде к Познанию. О стремлении к Совершенству.

– Весьма высокий штиль. И своевременное уточненье.

- Скорее дополнение. То есть – одно другому не помеха: одно во многом из другого вытекает.
- Ах, даже так?
- Речь о жизни материи в форме и этике. А сознания – в стремлении к Истине и Красоте.
- Куда хватили! Но продолжайте. Вас прошу. Весь во внимании я, мой осведомлённейший попутчик.
- Вы разгоняете частицы в ускорителях, чтоб получить новое знание и вещество.
- И что?
- Так в ускорителях.
- Так ведь не в примусах же разгонять их.
- Возможно. Но зачем?
- Так уж Научная Картина Мира ничего не стоит?
- А сравнивать её с чем будем?
- Да, с чем? С Картиной Мира палеоантропов? С мировоззрением каннибалов?
- Но...
- Вы их поклонник? Здесь пробуете их теории на вкус? На зуб? Продавливаете их интересы, взгляды?
- Но без сравнений подлинных, предметных – увязнем мы в трясине лжи, бессмыслицы и фальши.
- Да. Скорей бы уж хоть что-нибудь сравнить!
- Ну разумеется.
- Так в чём же дело?
- То есть...
- С чего начнём?
- Надеюсь, не с телеги впереди подвальной крысы.
- Ваш алгоритм меня, надеюсь, убедит и успокоит.
- Вне разгона мысли до скорости света в нейронах, нам эту Вершину не взять.
- Ах!
- Ведь мы нуждаемся в подлинном знании, а не в суррогате из техногенного лома и хлама.

– Занятно. И благородно весьма. Ведь предлагаете вы на себе эксперимент сей ставить. Что ж, по рукам. Я ваш сторонник! Убеждённый и верный приверженец ваш.

– Но вы... неверно поняли меня... Это я ваш сторонник – усердный, пылкий, рьяный, непреклонный ваш сторонник!

– Неужели?

– Вы материалист, вам полагаются и карты в руки. А потом... мой аппетит по части знаний – во многом и успешно удовлетворён. А главное: он и значительно скромней, нежели ваши необузданные аппетиты.

– Понятно. Можете не продолжать. Вам удалось уже так разогнать «частицы» в моей черепной коробке, что можете вкусить реальный результат ваших потуг прямо сейчас. Сейчас! Без промедлений.

– Вы не блефуете? Честность – залог успеха всё-таки в любом серьёзном деле.

– Честность? А вы не столь предусмотрительны, коллега, как могло бы показаться, – лукаво «резюмирует» Зандор с сарказмом снисходительным на улыбающихся сладко и приветливо устах.

– О чём вы? – спрашиваю вдумчиво. Тоже не без улыбки.

– Надеюсь, вы позволите мне объяснить это наглядно – продемонстрировать всё прямо перед вашим носом. Ну. Идёт?

И, не дожидаясь ответа, Зандор решительно встаёт, поворачивается ко мне задом, берёт лодку руками за оба борта и с назиданием в голосе продолжает:

– Оставьте в покое весло, Сигео! Оно отвлекает. Смотрите только на то, что у вас перед носом. Смотрите! Ну. За задней частью шорт моих следите! Слышите? Внимательно следите!

После слов этих – поочерёдно – то левой, то правой ногой он давит то на один, то другой борт ладьи – раскачивает её сильнее и сильнее.

Ещё сильнее!

И лодка наполняется водой. И я уже сижу в ней, отчасти погрузившись в воду. Однако же не унимается Зандор – раскачивает всё сильнее ладью и меня наставляет:

– Не отвлекайтесь, компаньон. Следите! Не пропустите главное. Не упустите Счастья своего. Я настоятельно прошу вас. Умоляю!

Тем временем лодка идёт ко дну. Вместе со мной. Неумолимо...

Прощальный взгляд бросает на меня Зандор, выхватывает нож из ножен, поднимает его над собой и прыгает в почти святую воду, кишашую от поджидающих его там тварей.

Победитель

Несколько минут вода словно кипит. На её поверхности появляется кровь и красная пена. Много крови и пены.

А затем выплывает на поверхность Зандор.

В его руке окровавленный нож.

Он подплывает к берегу и выбирается на сушу. Поворачивается лицом к полю брани и набирает воздухом полную грудь. Выдыхает. Прячет нож в ножны и устремляется вглубь джунглей.

Пробиваться сквозь заросли приходится недолго. Уже через несколько минут ничто не препятствует Командору ступить уверенно и идти в полный рост.

Сочная трава ковром стелется по земле. Многообразие цветов поражает. Они на земле, на кустах, деревьях. Везде.

Но нашему Герою не до красот местной фауны. Он прибавляет шаг и вскоре выходит на довольно большую поляну, где посередине её – на возвышенности – только несколько гигантских деревьев растут – один подле другого. А ветви их, причудливо переплетаясь, образуют нечто наподобие сферы.

Зандор осматривается по сторонам. Потом решается идти к этому странному объекту – полурастению, полусооруженью.

Загадочное место. Удивительное. Такое место необжитым быть не может. Здесь кто-то непременно должен быть. Но кто?

Не доходя до цели, замедляет шаг Зандор. Опасность уже рядом. Только где? Кругом нет ни души.

Медлить нельзя, и резким движеньем Командор вырывает нож из ножен и поднимает его над головой. И мгновенно летят в него добрая дюжина копий!

Цель достигают. Все в цель попадают. И исчезают.

А Зандор невредим. Стоит в окружении плотном то ли приматов, то ли людей, настроенных решительно и агрессивно.

И наступают они. Медленно приближаются к жертве своей, что лишь пристально наблюдает за происходящим и подмигивает то одному неприятелю, то другому. А самому свирепому и большому – грозную рожу корчит и демонстрирует свои крепкие зубы – безупречной формы и белизны.

Смеётся.

Наконец, альфа-самец атакует. Но... так же как копья – исчезает, едва прикоснувшись к пышущему здоровьем телу врага.

Страхом и паникой сменяется отвага в рядах недругов Зандóра, а тот лишь дарит им свою ослепительную улыбку и немедля отправляется в их «роскошный» храм.

Те в свою очередь разбегаются по сторонам под натиском смертельного испуга.

Бесцеремонно и властно Победитель ступает на территорию, что для местных священна, и мрачными взглядами его тут встречают лики богов, – богов могущественных и кровожадных.

И вот в обители их Командóр. И с радостью там обнаруживает некоторые спартанские удобства.

Тут же алтарь, где лик главного бога выложен из корневищ и булыжников красного цвета. Устрашающе кровожадна и злобна улыбка его. Но гостю не до него. Он подходит к тому, что назвать можно столом, и на него садится.

На «столешнице» разбросаны орехи, фрукты, различные растения и ритуальные фигурки. Зандóр выбирает яблоко и пробует на вкус... По выражению его лица можно понять, что ожидания его оправданы сверх всякой меры.

Теперь самое время наладить связь со штабом. Одним касанием ножа связь установлена.

– Зандóр на проводе. Что нового, Денис?

– Рад слышать вас, мой командир. Пока без новостей. Ждём указаний.

– Как видимость? Я в кадре?

– Да.

– А что Сигéо?

– Но ведь вы...

– Он появится. Скоро. Пристально следите за ним!

– Есть.

Прихватив со стола ещё одно яблоко, Зандóр медленно прошёлся по ограниченному деревьями-великанами пространству и в глубоком раздумье подошёл к одной из его «стен».

В подвешенном состоянии на ней красовалась богатейшая «коллекция» орудий неолита.

Командёр выбрал каменный топор с длинной рукоятью и вышел из сооружения. Пройдя несколько шагов в сторону леса, с невероятной силой раскрутил над собой топорище – и кинул в сторону кустарника.

Оттуда раздался жалобный скулёрж и рычание прежних хозяев «отеля». Новый хозяин незлобно усмехнулся.

Теперь, когда «иерархия в стаде» была установлена, можно было сосредоточиться и на предстоящей встрече с противником посерьёзней.

Командёр бережно коснулся своего оружия и прижал его к Сердцу. И тогда – словно два Сердца забились в его груди.

– А что, если Сигео? – подумал он. – Тогда что? Нет. Нет и ещё раз НЕТ!

Зандёр не доверял никому на свете. Во всём полагался лишь на себя. И это было залогом его побед, – побед над всеми и всем. Всегда! Да... побеждать он привык. Ради победы готов был на всё. Тем более теперь. Теперь, когда на кону оказалось всё, – всё, ради чего он жил.

– Нет, – ещё раз задумчиво произнёс Зандёр и тяжело вздохнул. – Этого быть не может.

Значит, следовало готовиться к бою.

Однако Солнце торопливо подступало к горизонту, и ничего не оставалось, как только приготовиться ко сну.

В одно касание ножа параметры защиты были установлены. Но кроме «столешницы» для жертвоприношений здесь и прилечь-то было негде. Поэтому, расчистив место для себя, гость прямиком на ней и разместился.

И погрузиться в сон мгновенно.

Адельфофаги

Ночь. Тёмная. Звёздная. Лунная.

Какие только звуки не доносятся из джунглей. И до чего воздух свеж. Как пахнут цветы! Сон-н-н-н.

Словно гора уснула и спит на ненасытном столе, – столе для жертвоприношений. И дышит «гора». Ровно и глубоко дышит в тёплом свете Луны, – в свете тайн сновидений, – видений, блуждающих среди шорохов и теней, – теней листьев, цветов, ветвей.

Неслышно ступает под своды обители гость – чёрный гигантский паук с мерцающими глазами. Мохнатый паук, мощный, хищный.

И к делу чёрному он приступает: паутину плетёт – Царство Сонное ею преисполняет. И наполняет. Паутиной своей. Ею соединяет углы и концы он Царства Забвения, – Царства дальнего Сна и Ночи.

И зависает ткач на сладких «нитях счастья», и плетёт – ткёт он замысловатые узоры – «соты» сети. Кружевом их оплетает.

И спящего воина обвивает. Надёжно оплетает, прочно...

Бежит к центру тенёт!

Когтём цепляет одну нить и тем в движение приводит остальные.

И! – летит Зандор в центр паутины и в ней зависает, словно спелый плод.

И просыпается мгновенно.

Луна огромная над ним. Как светит! И только леденящие кровь звуки отовсюду.

Звуки джунглей.

И не в силах. Не в силах вырваться он из вязких, топких пут! Освободиться от них он не в силах.

И во сне. Нет? Наяву? Видит! Видит, как чёрный громадный паук на него нападает! Из ножен нож его вырывает.

И убегает.

Холодный пот прошибает Зандора. И снова все силы отданы им, чтоб вырваться из западни.

Тщетно отданы силы.

Совсем обессилев, он затихает. И в надежде, что это лишь сон, засыпает.

Спит он.

Как паук в паутине.

Или... как обессиленный трофей хозяина сети. Спит.

***

Что? Это сон?! Бывают сны такие? Нет. Но:

Лодка скользит по реке полноводной в тумане. Рассекает потоки воды.

Режет потоки. Летит.

Высоко над облаками она. Тихо и быстро летит.

Связанный крепко ремнями, Зандор неподвижно лежит в передней части ладьи, – ладьи Сигео.

Сигео стоит перед ним. Неподвижно... Стоит, опираясь рукой на весло, – чёрное, утопающее... тонущее в густом тумане.

С мыслями собирается пленник. Но всё, что блестящий ум его может выдать, вмещается в неблагоприятном, сквалыжно кратком и скупом:

– Чёрт!

– Хочу скормить аборигенам вас, мой друг, – невозмутимо объясняет суть внезапно сгенерировавшихся реалий компаньон. – Прошу вас: будьте сдержаны и не говорите громко. Приступ агрессии это может вызвать у них.

– Приступ?

– Да. Для дела крайне бесполезный.

– Какого ещё дела? Вы о чём? О ком? Что вы несёте?!

– Вот они.

Лодка летит над землёй в клубах дыма от полусонных костров. Костров, вокруг которых собрались какие-то невысказанно уродливые твари – чудовищно похожие на человеков – отвратные, циничные карикатуры на людей.

Все пропорции, формы их тел не просто уродливы и безобразны. Они разрушительны для психики всякого существа, что не задето их феноменальной Психофизиологической Порчей!

– Кто эти твари?

– Адельфофаги. Предки ваши, возможно. И Боги, если хотите. Вернуться не желаете к ним?

– Стать Богом? С вашей лёгкой руки?

– Вы на съеденье отдали меня крокодилам. За это к вам отнесутся здесь сносно. А что будет потом... зависит только от вас. Всё в ваших руках.

– Отдали! А вы б не отдали? Или это не вы мной отобедать хотели, нагуляв аппетит посредством манипуляций с веслом?

– Не знаю. Право, не знаю. Откуда же вам было знать?

– Откуда... Да. Именно. Знать бы.
– Так узнавайте. Вам коллайдер для этого нужен? Примус? Лопата?
– Узнать бы ещё. Ещё бы только узнать: с чего не даёт вам покоя моя черепная коробка. Наличка её – чистоган!

– Что ж, потрудитесь сначала напрячь это всё до предельных кондиций.
А там...

– Что там? Что там? О гуманитарных аспектах подобных вещей вы совсем без понятий?!

– С этой Реалью и с местными нравами – не совместимы они. Сами решайте. И выбирайте: жаровня гурманов, или...

– Или!

– Тогда разгоняйте частицы в нейронах. Список средств для того – в Меню вашего славного «Конкорда». Вам он известен не хуже, чем мне.

И, как говорится: «Бог в помощь». Да уродов этих немеряно здесь! Ну, вам видней. Выбирайте Реали.

После этих слов Сигео махнул веслом, и его лодка вместе с ним исчезла в клубах дыма, а Зандор остался лежать на холодной земле подле реки.

Остался лежать. Задетый в своих самых сокровенных и благородных чувствах. С образцово надменным, холодным и строгим лицом.

Секунду, две, три. Четыре.

Боги-уроды его обступили. Кое как подняли на уровень плеч.

Надрываясь, несут.

Стеснённый в движениях, оказать сопротивление пленник не мог. Но и не это сейчас было важно. Сейчас было важно понять: почему он Сигео принял за каннибала?

Заработал мозг Командора как мощный комп, подключённый к всем базам данных – хранилищам лжи. Это выдало беспрецедентный объём теоретически безупречных ответов по ясно сформулированным запросам. Но без единого материального доказательства.

Однако! Доказательства все были здесь – подле него – в непостижимой сути тех, кто бросили его уже под ноги вожака. Всё знание – лично присутствовало перед ним.

Но только в чём? И что оно? Знание это! Что?.. Если Оно – не Реальность?!

Чья? Понять бы! Понять... Не став частью этой Реали? Её не пережив? Не испытал? Не став самому каннибалом?

Или... не вспомнив себя им?

Что это? Предельная мерзость или высшая доблесть – погружаться в эту трясиину? Но. Цель. Всё определяет она?

Наверно.

Как осознать себя в недрах изнанки? Нутра! В материи. В сферах, что подле. Или над ней?

В человеке? Есть Он? Один... Хотя бы один Человек! Есть?

Не факт.

Но. При подборе формальных, несущественных признаков, черт... им может стать кто угодно.

Стать? Так становятся? Кем? Человеком?.. Да, так и становятся.

Противоречие на противоречии, вопрос на вопросе. Ответ где? Где Правда?

***

Куда обезьяны исчезли? Палеоантропы. Боги. Палеозавры! Что они замышляют? Не важно?

Ну как же не важно, если самое уродливое существо на свете уже ковыляет к тебе, – существо прекрасного пола! И ни молитв, ни заклинаний нет за душой.

Лишь электроны, нейтроны, глюоны, мезоны пляшут в нейронах словно злобные псы, – псы, сорвавшиеся с цепи!

Ах, если б сорваться с цепи самому, да дать дёру! Бежать.

От страха?

Нет. Никогда! Ах! Крепки ремни. Не уступчивы. Злы.

Пассия верховного адельфофага... – Светлая Повесть его. Да. На нём! Уже. Словно в седле.

На него вскочила. Как на жеребца.

Лицо. Это её лицо!

О-о-о-о... Если только это лицо. Какие черты! Мимика... Уши какие! А ноздри!

Сколько морщин! Какие жалкие формы!

Но. «Право первой ночи» за ней.

Похоже. Уже... Уже ясней не бывает. Ремни! Кожаные... – сильнейший её аргумент!

Какие там электроны?! Нейроны. О потомстве думать пора! Да? Не думать? Можно не думать?

Может быть, пронесёт?

Электроны, нейтроны, мюоны, глюоны. Всё врассыпную!

О! Руки её. Какие руки! Пальцы, колени... грудь. А язык! Что?.. Она... Что-о-о-о?.. Да? Она! Им лицо его лижет... облизывает... губы прикусывает, щёки его. Она его ест! Поедает...

Мысленно.

Пока только мысленно. Нежно, тихо, миролюбиво. Ласково ест. Покачиваясь. Раскачиваясь на нём... Наслаждаясь.

Но. Зандóру нужен ответ, а не дикая оргия, чьи очертания уже зависли над ним, как миражи, и разворачиваются в полную силу.

Навязчиво. Насильно.

Насильно? Точно насильно?

Как бы ни так! И оправдание можно найти. Всегда и всему. Стоит лишь разогнать электроны:

А может, съесть не его она хочет? – другого. А ему передать только Знание хочет – беспрецедентное, эксклюзивное Знание, – скреплённое Опытом, Страстью и Чувством, – Знание, освещённое Экстатическим Озарением!

Не упускать же такой уникальный, такой счастливый случай?!

Не упускать же!

И одно за другим отпадают сомнения. И жадно Зандóр погружается в мрачную бездну, – чёрную бездну глаз жрицы любви каннибалов. Глаза свои топит в гробнице времён и чудовищных преступлений, диких и мерзких страстей, что обуревают его.

Там-м-м – в жуткой могиле, костями перенаполненной... черепами... В могиле, вопящей! Взывающей к милосердию. К состраданию.

И Любви.

В могиле. В ней. В Женщине!

В смертельных её объятиях, – объятиях жрицы безумных страстей каннибалов – проходит «курс молодого бойца» самый продвинутый мачо цивилизации Гóмо.

Проходит его успешно. Хотя бы уже потому, что не может быть ЭТО описано здесь адекватно. Ибо не самое это почтенное дело: описывать тот беспредел, что могут Миру явить лишь столь отдалённые его субъекты – крайности! – разобщённые духовно, физически, ментально.

Но! Здесь. Да. Здесь ответ.

Финальное Напряжение! – Концентрация Сил! Экстатический Жар!..
Безумия Беспрецедентный Угар! И! – перетекают из глаз людоедки все
знания её в нейроны Ария Славянского разлива.

Потоком мощным перетекают они... Знания! Сведения. Познания.
Перетекают в новое русло.

Текут...

Если только это не блеф. Не обман. Не уловка. Если это – не Ложь.

Но. Властная чья-то рука кулаком бьёт в лицо любовнице Командóра!
И от него отлетает она, как скорлупа от ореха. Падает... Валяется в ногах
хозяина – гоминида с геномом «икс-игрек».

А он пинает её. Бьёт ногой ей в лицо! И хватает за подбородок Зандóра.

Потом... истекая кровью и корчась от боли, валяется рядом.

Да-а-а-а. Не рассчитал вождь каннибалов реакцию и остроту зубов
Зандóра, что прикус свой от пятерни его уже освобождает: выплёвывает
вместе с ней остатки крови и парного мяса.

Ах! Какого мяса! Свежего... Ну до чего же свежего!

Тёплого... парного мяса.

Но. Не толерантно это. Оскорбительно для властелина – выплёвывать
Мясо Его.

И тот. Униженный неисцелимо. Отдаёт приказы.

Не важно, какие приказы отдаёт обезьяна. Зандóр отходит от
пережитого. Собирается с мыслями вновь:

Почему? Всё-таки почему он принял Сигéо за такую же тварь, как эти?

Эти! Что суетятся теперь возле него.

Почему?

Быть может, тот Свежий Поток Озарений от Жрицы Любви Неолита
сбой дал и пролился мимо?

Раз так, «любовник» её обречён на гибель.

Почему он принял Сигéо за каннибала? Ответ был найден. Почти.
Женщина! Она. Неужели только она знает Правду? Правду о том, кто есть
кто.

***

Кровью вожак истекает, но «бандой» правит отменно – Зандóр висит
уже, крепко привязанный к перекладине меж двух ритуальных столбов. А
под ним разводит огонь хищное племя – тихий пока ещё, мирный огонь.

Тёплый и ласковый.

А рядом – над пылающими углями двух соседних костров – в глиняных чанах вскипает масло. Нежное – пальмовое. В этих сосудах будет зажарено мясо наивысшего сорта, – мясо Зандóра.

Все это знают. И у всех слюни по подбородку текут. По животу. Предположительно, слюна течёт и у Зандóра. Только пока – до этого ни у кого нет дела.

Кокосовым маслом пленника поливают. Заботливо... бережно его натирают. С пристрастием разминают. Пряностями тело его осыпают. И трут.

Но. Почему внезапно все стали смотреть на него с таким страхом? С почтением!

С таким уважением! И вожделием... О! До чего омерзительны взоры такие мужской половины «разумных»!

Жарит... поджаривает руку свою вождь на углях... Заискивающе смотрит – глядит на Командóра.

Кому достанется эта рука? Все это знают. Невдомёк только Зандóру, что каннибалы планы свои изменили и отныне – видят его своим вожаком. А пятерня прежнего властелина – отныне его добыча – пикантная «изюминка» меню – хмельная вишенка на «торте» – деликатес известный здесь и всякому желанный.

Но. Не это важно! Женщина где? – женщина та??! Где чёрные глаза её ночные? Разве найдёшь их в толпе? Их отыщешь?

Подле очередного вождя отирается зная, верноподданно смотрит ему в глаза и краской метит на теле его те куски, что съели бы с наибольшим желанием и аппетитом. Собаки!

Такова их любовь. Уважение к беспощадной и грубой силе.

Но... принимает меры и прежний вожак. Переворот готовит:

Кипящие чаны с пальмовым маслом. Они... Вылиты будут под ноги Зандóру. И сгорит он в пламени мощном и в муках тогда!

Но это ли важно?! Все силы, всю волю свою бросает Зандóр на решение только одной задачи: найти Женщину ту. Найти!

Но нет её. Нет! А напряжение ищущего столь велико, что прогибается под ним Реальность. И, женщину ту не найдя, находит он ногу вождя. Ту самую ногу, что пинком искалечила лик жрицы его любви... недолгой... И!..

Откусывает, отгрызает и эту ногу Зандóр... Ногу соперника. Выше колена.

И выше всяких похвал это действие! Да-а-а-а.

Вопит вождь от боли и заглушает рёвом своим бой барабанов и ритмы бубнов, – ритмы безумия, агрессии, необузданного и беспощадного зла.

Где женщина та??!

Это она должна вылить чан с пальмовым маслом в костёр. Она должна сжечь того, чьи гены изъяты её народом. Она! – Мать-Перемать – Промать – Праматерь Антропогенеза! – Верховная Проститутка Сáпиенсов Гóмо!

Она приближается. Подступает к разгорающемуся сильнее и сильнее костру.

Страшная! Как Смерть. С кровавыми подтёками на безобразном – до ужаса уродливом лице... идёт... Ступает... наступает!.. С чаном дымящим наперевес...

С чаном, подвешенном к бамбуковой жерди. Она.

Осторожно идёт. Чтоб не разлить масло под ноги. Свои. Кривые... Чего доброго, – чтоб не обжечься самой.

О, женщина! Неведомы твои пути. Она... Выливает масло в огонь!

Выливает!!! И смотрит Зандóру в глаза... своими ночными глазами. Чёрными. Как все могилы Вселенной.

Как вся её Боль. Её Кровь... И Любовь! Её... Она смотрит.

И нет больше костра! Нет в нём огня. Лишь клубы дыма из него валят. И пар.

Ведь то было не масло. То была вода, вскипячённая ею под видом масла.

О, женщина! Неведомы твои пути.

Женщина. Источник всего на свете. Что скажет она? Что произнесёт? Вот! – она произносит:

– Моя вина в том, что рожала детей этим уродам. И слепой любовью к детям моим – их ряды наполняла. Потому и уродлива... как все они. Не мой это выбор, но, если можешь... прости.

– Нет. Это моя вина. Прости меня ты! Прости, что не смог тебя защитить. Уберечь. Не смог... Я не смог. Но... смогу!

– Я знаю. И верю тебе.

– Как это важно! Как важно!

– Спасибо тебе.

– И тебе спасибо. Но я... Я не могу тебя вспомнить! Кто ты?

Но женщина не отвечает. Молчит. И от молчания этого всё погружается в тьму. Быстро.

И – ночь!

Абсолютная тьма. Абсолютная тишина и неподвижность.

Умерло всё. Превратилось в чёрные мёртвые камни. Всё! Кроме неё. И её собеседника.

– Ладно, – произносит тихо Зандóр, – но как твоё имя?

– Иртамáй.

– Неужели ты всё мне сказала?

– Всему своё время, Зандóр.

– Да, Иртамáй. Главное то, – что Мы Есть.

– Да. Сколько помню себя, только тебя и ждала. И вот...

День! Свет!

Одновременно два каменных топора рассекают голову женщины. Но... она успевает ещё улыбнуться. Всё-таки успевает. И осознать успевает, что последняя её улыбка – прекрасна.

Из глаз Зандóра черпает она эту последнюю, единственную в своей жизни высоту, – высоту Подлинного Женского Счастья, – Подлинного Женского Бытия.

Что теперь? Теперь всё ясно? Что? Всё? Это возможно?

Не важно. Иртамáй...

Слеза катится по щеке Зандóра. Хорошо, наверно, что её не видит та, на чью боль – отклик она – чью боль в себе она растворяет.

Но видят её остальные.

И в мгновение ока для божественных подонков превращается Зандóр в изгоя – в жалкую и низменную тварь, – тварь, сохранившую в себе гнусный порок, – яд жалости и сострадания.

Мгновенно рушатся преграды, установленные церемониалом. И начинается безотлагательное свежевание добычи! – безудержное живодёрство под эгидой генитального и сыропожирательского «естества» разумных тварей.

Но. Прекращается внезапно. Ибо врезается в угол костра ладья Сигéо. И Зандóр в неё впадает и там остаётся – на привычном месте. Связанный... Привычно.

Да?

Знать это важно? Или взорваться важней?! И взорвать вместе с собой всю эту нечисть?! Всю. Вместе с Сигео! Да. Вместе с ним!

Только ответ. Не найден?

Нет?

А Иртамай? Её слова: «Я тебе верю». Она. Почему она верит?

ОНА.

А Сигео... Он, что?.. Он торгует?! Его продаёт?! – Зандора!

Да, теперь заоблачна его цена. Недосягаема почти. И! – «срывает банк» Сигео. Но. Что хочет он в обмен?

В обмен на компаньона он хочет откушенную им руку и ногу вождя – уже готовые к употреблению.

Вот это новость! Вот – Истины момент. Да, в этом весь Сигео – каннибал! Каннибал высшей марки!

Но... тогда нет потаённого – скрытого смысла в словах Иртамай. А ей... ей Зандор верил. Только ей!

Почему?

– Ты умерла, чтоб я поверил Сигео? – мысленно спросил её Зандор. И в ответ увидел её улыбку. Ту самую улыбку... Смерти?

Увидел?

Да, «увидел» её в себе – в Сердце своём.

И тогда – весь Мир для него стал светлой и тихой лагуной... наполненной женским теплом и любовью. И он уже не думал ни о Сигео, ни о его коммерческих сделках на стыке реалий.

Он летел далеко-далеко. Где-то в глубинах Вселенной. Где? Не важно. Важно, что там его кто-то ждал. Очень-очень давно.

И ему верил.

Кто-то? Но:

– Сколько помню себя, только тебя и ждала. И вот...

Нет. Это не только конец. Не только! Тогда что? Начало? Начало Пути? Нового?

Когда искажённые, изувеченные Истины уступают место Новым? – прекрасным и юным?

Иртамай.

Новая Истина? В дряхлом, мерзком, предмогильном «свадебном наряде»?! Самая порочная! Самая желанная невеста на Свете!

О, Иртамай! Не невеста. Уже.

Так скоро!

Что там ещё требует в обмен на него Сигео?

Он хочет Правдой убить Зандора, – чтоб мясо его стало сочнее и слаще. От Правды! Тогда и он намерен принять участие в трапезе. Ай да Сигео! До чего ловок, хитёр! Как весел и артистичен!

Легко и дёшево ему доверие вождя досталось, и тот, с опорой на своих рабов-ублюдков, спешно ковыляет к лодке. А Сигео – уверенно и деловито – «кидает» своего высокородного «клиента»:

– Вы не поверите, сердечный друг: лишь в Правде, – в голой Правде ловко спрятана та сила, что косит этих тварей, словно Смерть. В Правде та Сила, от которой онидохнут, словно прусаки.

Что? Вы не знаете, кто прусаки? О-о-о-о... Я вас умоляю! Без паники. Без слёз, мой друг! Этот пробел в познании вашем легко сумею я восполнить. За обедом расскажу о них такое! Такое расскажу!.. ха-ха-ха-ха... что раны ваши заживут мгновенно, – став вмиг источником живым, – источником неисчерпаемым вкуснейшего на свете Мяса.

Вот! Убедитесь сами: лишь пара слов правдивых – и ваш лютей враг – гора деликатес-с-снейшего мяса!

Вожак смеётся. А Сигео спрашивает Командора:

– Вам что? – ответ на основной вопрос ваших умалишённых философий нужен? Вот он!

– Хе-хе-хе-хе, – смеётся вождь и отвечает: – Сознание... и зримая его изнанка – Материя – одно и то же. Но! – вне посредника. Однако при последнем – что угодно. Это при третьем... у которого всё больше «маск-имён»: теория, программа, голограмма... мутация, бог, истина, авторитет... Хе-хе-хе-хе. Но ведь он не поймёт!

– Ха-ха-ха-ха, – Сигео не скрывает своего восторга. – Он почти труп. Ну! Добивайте! А я проткну его ещё этой штуковиной. И в нём её оставлю. Для вас, мой друг! В знак глубочайшего почтения и уваженья.

В руках Сигео нож поблёскивает – нож Зандора. А вместе с тем главаря «банды» охватывает столь неистовый порыв жажды наживы, что о конспирации тот забывает напрочь.

А Сигео... с заоблачных вершин эмоционального накала – даёт финальную инструкцию вождю:

– Ну. Добивайте гада! Без обиняков – ему откройтесь! Отрекомендуйте! Ну! Представьте же ему! И он ваш! Ну же!!!

– Я... – робко молвит вождь, – из всех Посредников меж Истиной и человеком... Я... ЛЮБОЙ! Только не СОВЕСТЬ... Хе-хе-хе...

И, как только тайна страшная раскрыта, – хватает жожака Сигео за его шейные – уродливые позвонки. Высоко поднимает. И... вставляет нож в его обвислый, выдающийся живот!

Потом... как тварь, – как чучело, – его бросает в изумлённую толпу – на радость вечно жаждущим кровавых сцен «приматам».

***

И снова связанный Зандор лежит в ладье Сигео. И летит в ней с ним куда-то.

Река. Туман. Дым. Облака... Реликтовая тишина.

На дне челна пристроена добыча компаньона: прожаренные кисть и голень родовитого адельфофага. Да... Не так всё однозначно. Каннибал всё-таки – каннибал... Всегда.

Нет? Или да?

– Вы использовали меня в качестве твари, мой друг... отгрызающей для вас лакомые куски плоти людей, – сетует Зандор, не сильно веря тому, что говорит.

– Не будьте столь щепетильны, дружище. И вы не подарок.

– Но тогда... почему вы меня дарили? Вы не только гурман с криминальным отливом. Вы сутенёр, Сигео... Сводник!

– Не без греха и вы. Привет от Стюардессы в Чёрном.

Зандор с ответом не спешит. А я... чуть погодя, без всякого нажима, продолжаю:

– Только ханжой не будьте. И явится всё в свете подлинном для вас. И станет на свои места. Туда же станет всё и в вашем потрясающем «реакторе» Идей и Мыслей. Ныне – несколько перегретом.

– Перегретом... Да. Всего-то.

И снова ночь. Луна. Хмельные облака.

Туман. Река... и тишина реликтового леса.

Сон-н-н.

Тиран от Бога

Спит пленник в паутине глубоким и здоровым сном.

И просыпается, когда гонимая лучами Солнца ночь в голубовато-сизой дымке исчезает. И пеньем птиц и светлой радостью дня наполняется эфир. Просыпается пленник, и улыбка лицо его озаряет:

Как хорошо-о-о! Как хорошо, что это был только сон!

Но. Снова и снова пальцы Зандóра пытаются паутину порвать. И... тщетно.

Что это? Это конец?

Пленение... Покорение... Поражение...

Оно такое?

Но тут до жертвы неминучих обстоятельств доносится знакомый и спокойный голос:

– А вы недурно устроились, мой друг.

Это голос Сигéо. Словно кипящим железом он пленника обдаёт и до предела напрягает струны его жизни.

Тем более, что нож его!.. в руке Сигéо держит. И колет им... орех... Оре-е-е-х... И он... Сигéо... из него – ореха – извлекает сердцевину. Его ножом! Он! пробует орех на вкус.

И одобрительно кивает.

Мгновение-другое отмалчивается Зандóр, не подавая виду сколь трагично всё здесь для него. Но тут, словно, не замечая бедственности положения его, я добавляю:

– Как провели ночь, сударь мой? Надеюсь, вы в порядке?

– Да, разумеется. В полном порядке. Вот только... отлежал бока немного. Самую малость. Не соизволите ли мне помочь? Немного.

Я подхожу к Зандóру с видом, будто ничего не понимаю.

– Что это? Вы так бурно спали, что запутались в резинках собственных трусов?

– Не изуверствуйте, Сигéо. Дорого вам это может обойтись.

– Мне кажется, я мог бы оказать услугу вам и посерьёзней, но если нет у вас иных желаний... то извольте.

Ногтем мизинца поддеваю одну из нитей паутины, и мгновенно хитросплетения её Зандóра отпускают. И он лежит в них как в роскошном гамаке, – удобно и комфортно.

– Как это удалось вам?

– Вы ж не слепой. Ещё имеются какие-либо просьбы, нужды пожеланья?.. прихоти, причуды, ... неотложные капризы?

– Милейший...

– Да.

– Вон та вещица.

– Какая?

– Которой вы. Ну... колете орехи.

– Да.

– Но вы уверены, что она ваша?

– Разумеется. Её нашёл я по пути сюда.

– Но, видите ли... до того она была моей.

– Как? Неужели? А я всё думаю, куда бы мне её пристроить? Надеюсь, вы мне тоже не откажете в услуге, освободив меня от этой несуразнейшей заботы.

Подбрасываю нож в сторону Командóра и отворачиваюсь безучастно.

Подхожу к столу для жертвоприношений.

И зачем только богам столько еды? Прожорливы они сверх всякой меры. Как и все те, кто поклоняются им для своей же пользы. На самом деле пользы?

Тем временем пока я праздно размышляю, Зандóр словно из пепла восстаёт – вновь нарождается на свет. Нож прижимает к Сердцу, в ножны погружает...

И снова предо мной – самоуверен, весел, бодр. Задумчив... Да, есть ему теперь над чем поразмышлять.

– Ваш свежий вид, Зандóр, свидетельство того, что ночью вам кошмары не особо докучали. Но это превосходное решение пространства! Какая красота! Какой высокий класс плетенья! Все эти сети, нити, кружева... Как не воспользоваться этим?

Разбегаюсь. И бросаюсь в сеть! Она пружинит и забрасывает меня высоко – под самые высокие ветви деревьев, хватаюсь за ажурно сотканые нити. Качаюсь в них. Раскачиваюсь. Прыгаю в другую сеть тенёт, что несколькими этажами ниже. И она бросает меня снова ввысь... где я проделываю сальто...

Ах, эти многочисленные сальто! Эти головокружительные смелые прыжки! На высоте значительной, опасной. Там-м-м-м...

Там фантастические трюки выполняю – на разных уровнях и разных концах паутины. Немыслимые – дерзкие откалываю номера. Темп ускоряю! – то бегу по нитям как канатоходец, то соскальзываю с них с огромной высоты. И падаю. Бегу. Снова взлетаю!

Вниз леч-у-у-у-у!

Наконец падаю в тот сегмент конструкта, где остаюсь, раскачиваясь в нём, как в гамаке.

Зандор, глаз с меня не спускавший, ударяет пару раз в ладоши.

– Где этому учат?

– В «пятом углу» чертовски фешенебельного кабинета... одного известного нам «Конкорда».

Компаньон глянул на меня косо и выдал с холодком:

– Кто б мог подумать? А ежели без дураков?

– Что было, былью поросло. Уже не помню. Тогда был существом иным я и обожал охоту.

– Но согласитесь: звучит это не очень-то правдоподобно.

– Не очень? А вы... знанием не обладаете, что большинство людей сочтут нелепой выдумкой или обманом?

– Переубедить вас я не стану. Но дело в том, что, строго говоря, нет ничего на Свете, что безусловно верно и всецело объяснимо.

– Так в этом дело? А не в том, что вы хотите всё и сразу?

– Однако и для медленного роста – неплохо почву твёрдую иметь.

– Какую почву? Ввиду незыблемых и непреложных истин?

– Да, возможно.

– Вы их находите? Или терять предпочитаете по ходу дела?

– Вы о чём?

– О том, что вы теряете. А я иной раз нахожу.

Зандор задумался. Надменно отвернулся. Отошёл в сторону. Потом снова повернулся ко мне с видом, будто ответ был успешно найден:

– А известно ли вам, Сигео, что в это время суток завтракаю я?

– Нет. Но это хоть что-то проясняет.

– И объясняет. Прошу к столу. Не обращайтесь внимания на беспорядок.

И мы идём к столу, где дары тропиков разбросаны и перемешаны с предметами языческого культа.

– Помилуйте, но это же алтарь! Алтарь для жертвоприношений, – я как бы возражаю.

– Хотя бы это пусть вас не смущает.
– Нет, но...
– Не придавайте этому значения.
– Но на пустой части стола место для жертвы, которую у нас кто-то увёл, оставив нам довольствоваться лишь гарниром.

– Да, но...
– И вас не напрягает это? Или вы думаете, что легко здесь обойдётся без белковой пищи?

– Я так не думаю. Просто не к спеху это.
– Пожалуй. Но... Что это? Это что? – я указываю на лист до ужаса засаленной бумаги в центре «алтаря», – бумаги с потрясающе коряво выведенной надписью «Меню».

Да, именно! – того Меню – из славного «Конкорда».

Секунда, две, четыре... восемь.

Непроницаемо Лицо Зандóра... неподвижно – профиль монументален, ясен, строг.

Потом... твёрдой рукой – холодной... берёт он «документ» и прячет. Прячет его во внутренний карман жилета.

И, без малейшего труда забыв о нём, любезно продолжает:

– Вы только посмотрите: какой пред вами ананас! А яблоки какие! Вот эту грушу я рекомендую вам, мой друг... и гость.

Беру предложенный мне плод. Неторопливо наслаждаюсь его ароматом. И уточняю смысл последних слов «хозяина»:

– Вы намекаете на то, что здесь кое-кому пора и честь бы знать? Или о притязаниях на собственность аборигенов ставите меня в известность?

– Нет. Что вы! Гостите у меня сколько угодно. Прошу вас, оставайтесь здесь хотя бы до того, как я вернусь. Теперь, однако, обязывает долг меня с вами расстаться. Вам ли не знать: править Державой – дело священное, высокое, святое! Не терпящее и малейших отлагательств.

Этой напыщенной фразой завершив скромный завтрак, Зандóр спешно исчез за несуразным плетнём, по недоразумению служившим здесь дверью.

Всё в жизни его вдруг изменилось столь круто, что об этом следовало чем поскорей известить команду: ястребы и под гнетущим страхом нарушения строжайших директив, могли таких дров наломать, что напрочь бы разрушили все его планы.

Немного отбежав от места вынужденной дислокации, Зандор резко остановился и вышел на связь с командиром эсминца:

– Здесь Зандор. Слышите? Никакой стрельбы. Ракеты в «шахты»! Отбой!

– Есть отбой! Была объявлена только тревога, в связи с обнаружением врага в опасной близости от вас. Ждём указаний, командир.

– Первое. Ну, наконец, поймите! – для уничтожения врага ракеты бесполезны. Вето на применение их без моей команды. Что тут не ясно? А главная теперь задача: предельно ясная картина о стратегии Сигео. Собственно... с этого надо было начинать. Да маху дали. Стереотип мышления подвёл. Ну ладно. Продолжайте наблюдать. Что там ещё?

– Простите, но теперь уже для вас «тревога»! – со всех сторон подтягиваются вооружённые приматы к вам. Десятка три. Да-да, те что вчера. Вас окружают, командир!

– Эти? Не важно. С ними я быстро разберусь. Без паники там. Слышите? Пока.

Тем временем круг неприятелей вокруг Зандора медленно сжимался. И мне это было известно.

Тайну оружия его я разгадал. Частично. И у меня свой намечался план.

Если Зандор умел противника в «небытие» отправить, я мог его вернуть. И сделал это. И вождь к стаду вернулся. Притом – с намерением отомстить.

И снова Зандор посередине кольца кровожадных убийц. Снова копы в него летят... исчезают. И снова тот же примат, что вчера, перед ним! – цел и невредим.

Вот это сюрприз! Шок! Такого Командор не ожидал.

Но. Через миг вождь бросится в атаку.

И прячет нож Зандор, и принимает боевую стойку. А вождь мгновенно атакует. И! – взлетает на руках борца. Кружится словно винт над ним, раскрученный могучими руками, – то хватающими жертву в центре тяжести, то отпускающими...

И! – бросающими её оземь! С силой невероятной. От которой содрогается земля и разбегаются приматы.

А победитель... лениво поправляя «электронную одежду»... задумчиво бредёт к месторасположению своей «команды».

И чем медленней он идёт, тем быстрее работает его голова: анализирует, просчитывает, вычисляет.

Возврат вождя приматов из «Запретной Параллели» предполагал невероятные возможности моста между Мирами – «Чёрной Норы», упрятанной в тяжёлом лезвии его ножа. Но как процессом управлять?

Из местных, может быть, кому-нибудь это известно?

А как насчёт гостей?

Да неужели?!

Озадачившись сверх всякой меры, переступает Командор «порог» «отжатого» у Бога дикарей жилища, где я покачиваюсь отрешённо в кружевных узорах паутины.

– Сигео! Вы можете себе представить эту дикость? – аборигены нападают на меня буквально каждый день.

– Попробуйте взглянуть на ваши действия с их стороны, и та же дикость – только ваша – предстанет перед вами без прикрас. Но прав здесь тот, на чьей стороне сила. Вы шансы ваши оценили?

– А заодно и ваши. Вы ж не намерены остаться вне игры?

– Какой игры? Игры без правил? Как ваши сумасбродные бои?

– Ха-ха-ха-ха, – Зандор смеётся. – Одно дело бои. Другое...

– Да? И в чём это другое?

– Как вам сказать?

– Посмотрим?

– Там. Там-тарам. Там и посмотрим. Ну, разумеется, посмотрим. Разве это не ключевое слово нашего мероприятия?

– Да. Но не эквивалент оно понятию «поймём».

– Конечно. Не всё сразу. Тем более, что вы настаиваете на этом. Так не подскажите мне, часом: чей нынче ход?

– Ходите, милый друг, как только посетит вас вдохновенье. Мне ж предоставьте разгадать одну забавнейшую тайну, – тайну ритмических движений задней части ваших шорт, – тайну загадочных и музыкальных тех движений, что предложили вы мне лицезреть давеча в лодке.

– Ах! Только-то всего? Разгадывайте на здоровье. Себя ни в чём не ущемляйте в этом славном деле. Да. И кстати, всё забываю вас спросить: как вам внезапный дайвинг? – здешний подводный мир, купание в лазурных мирных водах?

– За эти радости в долгу я не останусь. Так намекните хоть: какой монетой предпочли бы вы, чтоб расплатился я за них.

– О! Предпочёл бы... чтоб «монеты» эти вы приберегли. Так, знаете, на чёрный день – на старость. И сэкономили б на этом. Не очень-то любезно, уважаемый Сигео, шалость невинную забрасывать тяжеловесными монетами претензий и обид!

– Я не хотел обидеть вас, мой друг. И только шалость и имел в виду.

Но тут Зандор резко махнул рукой – по электронной связи снова он получил сигнал тревоги.

– Вот это да! Теперь окружены мы оба.

– Нет оснований для тревоги. Как нет агрессии в намерениях тех, кто к нам идут на встречу. Вот только... им придётся оказать приём достойный.

– Этого мне только не хватало, – роняет Командор и выходит на встречу к гостям.

Поднимаюсь и я. Иду вслед за ним.

А на «дворе»! – всё дикое племя окружило «наш» храм. И, увидев Зандора, все падают ниц перед ним.

Тот смотрит на них не без любопытства. Потом спрашивает меня:

– И что мне с ними делать?

– Они резонно полагают, что вы Бог. Хотят, чтоб правили здесь ими: решали споры их, междоусобицы, проблемы... миловали их, казнили... Справитесь? Ну... приступайте! Не буду вам мешать.

И я возвращаюсь в «храм». Зандор же выбирает из кармана нам знакомую «видео-карту», направляет дисплей её на подопечных и приказывает им встать. Дикари его понимают: встают и почтительно внемлют его милостивой речи:

– Благодарю вас. А теперь идите и займитесь вашими обычными делами. Но к обеду... нам самую изысканную пищу принесите, – еду достойную Богов. Богов! Ну, расходитесь!

И расходится «народ». А Бог их возвращается в свою примерно скромную обитель.

– Ну как? – осведомляется. – Вас вдохновила моя речь, Сигео?

– Она уже истории принадлежит. И вряд ли будет кем превзойдена. Но. Как вы собираетесь воспользоваться полномочиями Бога?

– В базарный день надеюсь выгодно их обменять на что-нибудь полегче. Скажем... на ваши башмаки.

- И не мечтайте. Быть предводителем команчей – не моё. Диктатор и тиран «от Бога» – это вы. Вот и несите Крест свой в гору. А я... посмотрю.
- Посмотрите? Ну хорошо. Смотрите. Но с условием.
- С каким?
- Что Богом! – признаете меня и вы.
- Бог с вами, компаньон! Однако у вас аппетиты! Но скажите: вас не смущает то, что Бога нет? Нет! Согласно вашей материалистической доктрине.
- Увы, до Истины ни у кого нет дела. А управлять людьми необходимо.
- То есть Мир Знаний строим на обмане. Давно ли сетовали вы на недостаток твёрдых почв?
- Но... Не потому ли правит Миром ложь, что Истину найти в принципе невозможно?
- Невозможно! Это закон? Аксиома? Вы и «приматы», – соприкоснувшись едва, – уже столько нашли! Но почему?! Почему они с лёту нашли – отыскивали в вас Бога? А вы в них – божьих Рабов.
- Почему авторитетнейший атеист охотно становится Богом для тех, кто лишь у истоков Пути к Просвещению и Прогрессу?
- Вы только с выводами не спешите. Медаль две стороны имеет. А на предельной стадии абсурда и озарение случиться может – прорыв к той Истине, что обновит и жизнь, и человека.
- Вы мёд, Зандёр, не пробовали пить вашими мудрыми устами? Скажите мне: идеология, которую вы измышляете, путь к Правде, или в «никуда»?
- Что значит «в никуда»?
- Хождение по кругу. По заколдованному кругу, откуда вырваться не могут люди. Не могут, ибо азбука их жизни зиждется на лжи, – лжи всевозможных философий, наук и искусств.
- Вы полагаете, могло бы быть иначе?
- По крайней мере – этого не отрицаю.
- Тогда, быть может, и озвучите причину краха всех цивилизаций Гóмо?
- Боюсь, что знать причину одного явления, уже слишком обременительно для человека. Но задуматься над тем, не в естестве ли самого его причина, – не так уж глупо, уверяю вас. Не одержав победы над

собой, «антропос» обречён ходить по кругу. Ходить по кругу до тех пор, пока не исчерпает жизненный ресурс свой и Планеты.

– И что предосудительного в том, чтоб исчерпать этот ресурс?

– Не знать того – нет ничего прекрасней! Что? – человек самое отсталое на свете существо, чтобы не понимать самых простых и очевидных истин?

Но как легко теряются они из виду, когда перед глазами лишь ритмично дёргается чьих-то шорт задняя озабоченная часть, грядущая к кормилу власти и материальных благ!

– Ох, ах! Это понятно. Только намёк... Намёк. Не слишком ли прозрачен? То колесо раскручено давно и силы нет такой, чтобы его остановить. А наше естество... Что это? Мы это точно знаем?

– Под «колпаком» у Лжи, с ею дарованной «короной», себя и не узреть, и не познать. Но все этим путём идут. Мысля себя лишь отражающими Мир субъектами. А не его творцами.

– Но не забывайте вы и об успехах Гóмо.

– Об успехах?.. Каких? Никак о Социуме речь. Том рукотворном склепе, в котором заживо себя хоронят люди.

– Как вас послушаешь, и панихиду заказать себе времени человеку не осталось. Только с чего вы взяли, что мозгов не хватит у него, чтоб вырुлить из тупика? Вы лекции мои хотя бы там – в салоне самолёта – слушали прилежно? С пристрастием глубинные их смыслы постигали?

– Ах, да, конечно. Но полагаться следует и на себя. Вы же, мой друг, всем предлагаете идти на поводу у вас.

– Так кто-то должен (или нет) возглавить «стадо»?!

– Стадо?.. Возможно. Только ягнёнку в стаде, – что птице в гнезде, оставаться нельзя дольше срока. Почему же он там остаётся? Остаётся по замыслу вождя.

Далее в своей беседе мы касаемся вопросов, относящихся к различным областям науки, в которых искомые проблемы философии отражены.

Однако этим утомлять читателя не стану. Тем более что я уверен: смысл того, что важно до него мне донести, ничуть не хуже отражён в живых примерах этого повествования.

Только хорошее! Или...

Только наша дискуссия начала набирать ещё более масштабные обороты, как Зандор получил известие о том, что его повара прибыли, и уже через пару секунд три аборигена с огромными подносами с различной снедью стояли на пороге нашего жилья.

На отдельном подносе были аккуратно уложены и украшены листьями и дольками фруктов мясные блюда. Аромат от них наполнял эфир и казался божественным, а аппетит становился «зверским».

С ритуальной торжественностью вся еда была уложена на алтарь. То есть на обеденный стол Нового Бога. А слуги его пали ниц перед ним, так выражая свою покорность и преданность его надприродному величию и силе.

В руках Зандора снова мелькнула электронная пластина, посредством которой, без лишних слов, он спровадил прислугу и немедленно приступил к делу.

– Ах, как жизнь-то налаживается, Сигео! Скорей сюда – к столу. Не упускайте шанс набить желудок за мой счёт и в этот раз.

Быстро и ловко из тени Зандор извлёк на Свет Божий две скульптуры Божеств с плоскими головными уборами и приставил их к столу в качестве роскошных табуретов и уселся на одного из них с намерением более чем определённым.

– Не церемоньтесь. Не упорствуйте, Сигео. Приступайте! Посмотрите... Вы только посмотрите, какое превосходное жаркое! Какие сверхбожественные ароматы! Ах!.. Вы что, не знаете, что лучше всех ест первый? Сейчас я это докажу.

И пошло-поехало: блюдо за блюдом, гарнир за гарниром...

Присел за стол и я. Но лишь за компанию. Налил себе воды из глиняного сосуда и не спеша стал потягивать её через соломку.

Зандор же от еды практически не отрывался. Сочетал мясные блюда то с одним гарниром, то с другим. Отведал все соусы, все напитки. Съел или хотя бы надкусил почти все фрукты и весь сиял от удовольствия. И всё не мог оторваться от трапезы, от стола, от удовольствия поглощения пищи.

Наконец, досыта насладившись, стал возвращаться к исходным реалиям жизни.

Там и меня заметил. И даже интерес проявил:

– Ах!.. То ли не жизнь, Сигео! Ну... Как вам обед? Отведали всё? Эх! Какие гарниры, приправы, напитки! А мясо! Мясо-о-о-о!.. Как они только готовят его? Непостижимо уму... Не-по-сти-жимо.

– Да. Но вы уверены, мой друг, что это мясо... Как бы сказать вам поточней... не человеческое?

Зандора словно подменили: все признаки умиротворения тут же с лица его исчезли. Исчезли и костыми легли поперёк гортани.

– Вы шутите? Это у вас такие шутки? Нет?.. Тогда причём здесь человеческое мясо?

– Если не человеческое, то какое?

– Как какое? Мясо... Оно...

– Вы что, не видите в горе костей на вашем блюде свеже-разобранный скелет примата? Вот лучевая кость руки, вот косточки запястья, вот ключица, вот фаланги пальцев, рёбра.

– Хватит! Вы помолчать хотя бы можете минуту? И подумать. Подумать, что несёте?! По-вашему, я что?! – съел человека?

– Нет. Не обязательно столь прямо и категорично. Можно сказать: съели врага. Он дважды нападал на вас. И если бы не вы его...

– О съеденных!

– (?)

– Только хорошее. Или...

– Что?

– Ничего. Вы суть улавливаете? Суть этой эпохальной мысли!

– Несомненно. Речь о вашем новом кредо. Амплуа.

– Помилуйте! Причём тут кредо? Речь о репутации Державы! Вы хоть язык держать умеете-то за зубами?

– Ваших секретных служб ничуть не хуже. И ваших медиа, конечно.

– Вот! Это славно. До чего же славно это!.. И славно то, Сигео, что жизнь пошла на лад. Стремительно и ярко.

А главное – бесповоротно.

Игра без правил

В одно мгновение ока Зандор сменил серьёзность на беспечность, и в его глазах засветились опасные искорки озорства. А вместе с ними исконно русское самодурство, бесчинство, хулиганство.

– Сейчас увидите, Сигео. Сейчас я покажу вам Кузькину мать-перемать!

И с разбегу Зандор бросается в паутину, где давеча ещё в качестве пленника запутанный лежал и, устроившись в ней сверхкомфортно, выходит на связь со штабом:

– Здесь Зандор. Эй! Срочно!..

Перечень запросов и распоряжений оказался не шутейным, но, после его оглашения настроение Командора подскочило настолько, что он стал раскачиваться в паутине столь радостно и энергично, что казалось: конструкция не выдержит и непременно рухнет.

– Присоединяйтесь, Сигео! Не сомневайтесь. Сейчас здесь такое будет! Ха-ха-ха-ха.

Так или иначе, но удержаться от участия в дебоше было сверх моих сил. И уже через мгновение нагрузка на паутину удвоилась.

Как обезумевших два паука раскачивались в ней мы, прыгали из одного конца в другой. И было весело. Опасно.

Но всего-то час спустя над нами закружили вертолёт, и рядом начали происходить какие-то невероятные дела.

Зандор практически не реагировал на это. Лишь, сделав ещё несколько прыжков, выбрался из сети, хлебнул воды из раритетного «бокала» и произнёс:

– Сейчас грохот утихнет. Наступит тишина. И вот тогда... Тогда, Сигео, – вы увидите, как делаются настоящие дела!

Вскоре так и случилось: грохот от вертолёт пропал вместе с ними в дали, а потом воцарилась полная, ничем не ограниченная тишина.

И тогда... Зандор победоносно поднял руку с вытянутым указательным пальцем, лицо его озарила знакомая мне ещё по трансферту по реке улыбка, и я услышал из его уст фразу, показавшуюся мне знакомой:

– Не упускайте шанс свой и на этот раз, Сигео. Вот он! – момент сермяжной Правды перед вами. Его достойны будьте и следите. Следите пристально за вам уже известной частью моих шорт! Неведомые горизонты

открывайте! Постигайте! Обобщайте! Истины нетленные стяжайте! Их формулируйте, слагайте... Афоризмы сочиняйте!

В этом мощном словесном потоке, весьма импозантно и скоро, Командёр дотанцовывает до выхода. Уже на пороге делает несколько псевдо-изящных движений известной нам частью «шорт». И вылетает вон.

Я следую за ним. Но то, что открывается там взору! – превосходит все ожидания мои: вся территория, что прилегает к «храму», полностью изменена: теперь – до ужаса напоминает стадион.

Да и наш «храм» преображён, и, кроме прочего всего, есть у него теперь прозрачный купол. И штандарт России развивается над ним.

Всюду бигборды с гоноровыми показами Зандóра. Его лихие ракурсы, чины.

Экранов громадьё!

На них прогоны роликов с победами «Его Величества» в политике, науке, спорте.

Тут же трибуны.

Футбольного поля простор!

Всё обозримо с площадки у входа в «Собор». Ибо она – на возвышении относительно прочей структуры ландшафта.

Здесь же бассейн и крытый спортзал, и, хотя всё из пластмассы, держится вместе крепко и выглядит стильно.

Но! Шорты, на которых минуту назад ставил акценты их высочайший «носитель», уже бесхозно валялись возле купальни. Там же скучал его бронежилет, и ботфорты.

Но самое удивительное: рядом с ними в траве, как обычный предмет обихода, валялось самое грозное оружие на свете – Нож Зандóра. А хозяин его беззаботно резвился в прохладной воде Океана, которой был до краёв наполнен бассейн.

Заплыв на заплыве, погружение за погружением. Волны да брызги!

Вот это стиль! – эталон поведения гаранта безопасности Супердержавы. Перед лицом опасности беспрецедентной, – опасности, исходившей от меня.

И сей гарант, с оружием своим у моих ног, самозабвенно агитирует меня:

– Айда, Сигéо! Эй! В пучину Океана! Ха! Или вы плавать всё ещё не молодец? Ха-ха-ха-ха. Сюда! Ну... не топор же вы. Я научу!

Но мне в пучину неохота. Иду к краю площадки. Да, интересно: для чего «Гаранту» это всё?

Ещё пару минут стою и размышляю, но... элегантно обмотавшись полотенцем, Зандóр уже ко мне подходит и осведомляется высокомерно:

– Так что, Сигéо? Наконец, посмотрим?!

– Разумеется. Только на что?

– На то, чья идеология сильнее.

– Но... если вам будет угодно знать, – не идеолог я.

– Сочувствую. Но вы как бы философ?

– Однако никому навязывать свои идеи не намерен.

– А я намерен. То есть моя футбольная команда играть будет с моей идеологической «подковкой». Ваша – как распорядитесь. Что? Идёт?

– Ну хорошо. Сыграем.

– Тогда команду подбирайте. А я ещё только распоряжусь.

И Зандóр поспешил к своим электронным шортам и прочим средствам для «манипуляций».

А уже несколько минут спустя возле святилища собралось почти всё население острова. Их было несколько тысяч. А на них – лишь набедренные повязки.

Все были напуганы вертолётами и в недоумении от перемен. Но Зандóр манипулировал «электоратом» настолько успешно, что толпа успокоилась быстро: все расслабились и с интересом начали проникаться тем, что в их головы вставлял новоявленный вождь.

А между тем на исполинского размера экране началась трансляция показательного футбольного матча. Потенциальные зрители – всё местное население – организовано занимали места на трибунах, а около сотни молодых воинов двинули по ступенькам вверх к нам, – к своему «мозговому центру», где Генератор Идей их уже поджидал и самых крепких стал отбирать в свою команду.

Лишь мне известным способом диалога я тоже выбрал одиннадцать игроков для своей команды. Но по принципу добровольности.

В это же время помощники Зандóра уже раздавали спортивные формы для футболистов. Моим достались белые трусы и синие майки, Зандóровцам – красные трусы и чёрные майки. Кроссовки всем выдали одинаковые.

Главным судьёй Командóр назначил себя, и тут же в его руке появился свисток.

Перед началом матча он стал взбадривать и взвинчивать «своих», угощал чипсами и кока-колой. Я же «своим» – мог дать лишь несколько простых советов.

Вскоре в руке организатора поединка снова появился свисток, и он подал команду. Все футболисты помчались на поле и построились в две шеренги – одна напротив другой, как полагается перед началом матча.

На смотровой площадке мы с Зандóром уселись каждый в своё кресло и стали наблюдать за происходящим.

Как гром среди бела дня грянул гимн России, и Зандóр тут же вскочил с места и вытянулся по стойке смирно. Встал с кресла и я.

Мне тоже полагалось выбрать мелодию для своей команды, и я выбрал гимн Филиппин. Под его звуки Зандóр стоял неохотно – с опорой на левую ногу и, недослушав до конца, плюхнулся в кресло. Где и оставался до тех самых пор, пока не прозвучал последний аккорд, после чего мгновенно вскочил на ноги и подал сигнал.

И матч начался.

Полупервобытные люди в красных трусах и чёрных футболках сразу же заиграли системно. Каждый футболист держался своего места на поле и стремился как можно точнее справиться со своей задачей, повинувшись командам «свыше». Их подавал сам Хозяин Матча и дело пошло: первый тайм его команда выиграла со счётом 7 : 0. И по всему было видно, что игра доставила удовольствие всем без исключения:

Вид игроков был настолько забавным, а их действия настолько проворными и неожиданными, что мы, представители цивилизованного мира, а также дикари – то и дело покатывались со смеху. Эффект от игры усиливала и её трансляция на экране, расположенном напротив трибун, где самые пикантные моменты игры зрители могли увидеть в повторе.

Конечно, всё это стало возможным лишь благодаря мастерству Зандóра управлять любой электроникой, что только попадала в его руки. И, поскольку ходом дел он был доволен, то тут же позволил себе несколько испепеляющих взглядов в мою сторону. Это были те самые – так называемые взгляды «сверху вниз».

В перерыве, пригласив меня следовать за ним, Хозяин Состязаний быстро спустился по ступенькам и вышел на поле для показательных исполнений пенальти, угловых ударов, обработки мяча и прочих

футбольных хитростей. Он сам стоял в воротах, забивал голы, нападал и отражал атаки. И это было не скучно.

Игроки моей команды тоже не скучали и ничуть не унывали. Они просто наслаждались игрой, не придавая ни малейшего значения её исходу.

Но в то время, как команда Зандóра уже научилась определённым клише мысли и действий, а также слепому повиновению сверху, мои игроки были сориентированы на самостоятельность и творчество для решения любых задач.

После первого тайма они ничуть не хуже соперников знали, как играть по заданной схеме. И схема эта была им известна. Так что никаких неожиданностей «красно-чёрные» им преподнести уже не могли – по времени не успевали.

Так и случилось: с первых же минут второго тайма слаженная коллективная игра одной команды столкнулась с творческим потенциалом индивидуальной игры соперников: порядку системы был противопоставлен творческий хаос. И противостоял он настолько успешно, что к концу второго периода результат матча сровнялся. Такой исход устраивал всех – и игроков, и зрителей. Но не Зандóра.

Со своими судейскими прерогативами он уже в центре футбольного поля. Бежит то туда, то сюда. Судит, подсуживает, недосуживает. Назначает добавочное время с обязательным выходом на поле тренеров команд.

От судьбы убежишь... – приходится подчиниться.

И мы играем в футбол с Зандóром в разных командах и друг против друга. Это зрелище не для слабонервных: Зандóр сверхжестокий и невероятно мощный игрок, ради победы готовый на всё. Его опасная и грубая игра то и дело вызывает протесты, но некому показать ему красную карточку здесь. Здесь сам себе он игрок и судья.

Легко отменяется одно правило за другим, и игра становится всё более и более зрелищной. И... бесчеловечной.

Едва ли кто из обычных людей мог бы противостоять Командóру даже минуту. Но со мной справиться ему не удаётся. Не удаётся... по причинам ему неизвестным.

И я лишь наслаждаюсь борьбой с сильным соперником, посмеиваясь над тем, в какие формы отливается его коварство. И над тем, как радуется он, когда я попадаю в штангу. При том, что сам бьёт только мимо.

Но истекает и добавочное время. И назначаются пенальти. Ну что ж, пенальти так пенальти.

И они пробиты. А на табло всё тот же результат.

Но это не результат для appetitов Зандóра. И тогда он принимает конгениальное решение – статус верховного судьи даёт ему право на это: он назначает пенальти в пустые ворота соперника. И сам его пробивает. И... мимо.

Лишь после этого звучит финальный свисток. Игра окончена.

Черти где?

По пластмассовым ступенькам лестницы мы поднимаемся к своим «апартаментам».

– Ничья всё же не поражение, дружище. Надеюсь, вы не станете настаивать на том, что я украл у вас Победу? – спрашиваю Главного Судью.

– Победу?.. Ах, победу! Я даже знаю об чём речь: о некоем хлопотном, рутинном и сверхзаурядном дельце. А стоит ли оно того?..

И тут внезапно! – оступается Зандор. И падает навзничь!

И шлёпнулся бы непременно, а то и с лестницы слетел, если бы я не ухватил его за руку и не помог утраченное равновесие восстановить.

– Перестарался кто-то с солидолом, – как бы пытаюсь «неувязке» объяснение найти и «успокоить» компаньона. – Ах! Нелюбезно как! Вы не находите?

Зандор словно окаменел... потом... лишь гордо высвободил руку... Надменно отмолчался пять секунд. И, словно ничего и не было, продолжил подниматься по ступенькам.

Он... соизволил восходить по ним... надменно довершая начатый до «инцидента» «спич»:

– Ну, погодите! Я не раз ещё припомню вам эту ничью.

– А я вам ваше эксклюзивное судейство. Надеюсь, что в тени большого спорта не останется оно и станет образцом не только для соревнований местного масштаба.

– Надейтесь, неуёмный друг. Надейтесь истово, усердно и прилежно. Занятие это не без изъяна. Однако... как перекликается оно с вашим нарядом! С излишне честным и самодовольным выражением лица.

Минуту-другую ещё куражится Зандор. Но уже весь во власти новой идеи:

– А как насчёт баньки? Русской. До ужина. А? А там... как «врежем» тропикам мать-перемать!

Ещё через несколько минут Титулованный Материалист уже «кувыркался» в бассейне и агитировал меня принять участие в очередном заплыве.

Немного подумав, я таки кинулся в воду искусственного водоёма и поплыл к его «берегу» напротив.

– Вы что! В одежде? Так думаете одолеть меня скорей?

И Командёр нырнул и ринулся в атаку: видимо, предполагая нанести мне удар головой в корпус. Но... промахнулся. И благо, что не врезался в стенку.

Выплыв на поверхность, однако... оценил ситуацию и снова атаковал. Но уже неким надводным приёмом.

Чтоб расстроить планы противника, на сей раз мне достаточно было лишь точно выбрать момент и молниеносно уйти на глубину.

Когда я снова оказался на поверхности воды, Зандёр уже был готов к следующему этапу схватки, и, чертыхаясь, потребовал, чтоб на этот раз атаковал я.

– Вы хотите, чтоб я поднял на вас руку, мой друг? – я уточнил ожидания компаньона.

– Не считите за труд. Хочу такую трёпку задать вам, чтоб очухивались вы до рассвета!

– И за дерзость поплатиться не боитесь?

– С трудом понимаю о чём вы.

– И у вас отсутствует в коленках дрожь?

– Её в пределах панталон ваших ищите.

– Ладно. Только не сотворить ли для начала вам молитву?

– Вы будете атаковать?

– Так не боитесь?

– Нет!

– Определённо?

– Не тяните время!

– Но...

– Нижайше вас прошу. Вас умоляю!

– Ну. Если не боитесь...

– Нет!

– Ну хорошо. Тогда следите зорко за динамикой форм моих панталон.

И я нырнул. Зандёр сделал то же и попытался меня отыскать под водой. Но это ему не удавалось. А время шло. И оставаться дольше без воздуха становилось всё более некомфортно. Однако соперник мой отчаянно боролся с собой и на поверхность не спешил.

Тем временем, набирая скорость, я кружил вокруг него спиралью, – спиралью, что от краёв бассейна создавала круговую волну. И когда Зандёр пулей вылетел из воды за глотком кислорода, то оказался в центре волны-

воронки, что мигом его закрутила вокруг оси и! – с громадной силой подняла и вышвырнула за пределы купальни! – в воздух, – где, медленно теряя обороты... падал он. Он падал.

Падал в траву возле бассейна. Медленно. Не скоро.

Упал.

На ногах устоять пытается, стремиться... – не упасть желает, жаждет, норовит... пробует, силится, тщиться... Не может. Падает в кресло своё... Сидит там... Там и сидит. И остаётся.

Безучастным и неподвижным. До тех самых пор, пока не предстаю перед ним, – перед его туманным взором:

Из бассейна иду. Будто и не из воды, а из эфира... Или гримёрной.

Одежда моя, – как из рук топ-модельера: чиста, суха и опрятна. Причёска, – словно с глянцевой обложки журнала.

И ни тени усталости на лице – на лике светлом моём, лучезарном...

Как ни в чём не бывало в своё кресло сажусь. Перебрасываю ногу за ногу и как бы в раздумье... касаюсь правой рукой подбородка... В этой позе и остаюсь.

Не на долго.

Очухивается... в себя приходит компаньон. Рукой тянется к полотенцу. Ещё немного – и он уже в порядке. С кресла встаёт. Как римлянин обматывается в лоскут «купальной ткани» и бросает мне едва ли дружелюбно:

– Сигео?.. Вас не узнаю. У вас там что в моём бассейне? – шкаф бельевой? Салон средневековой красоты?.. Нет. Это слишком. Вот в парной... Там счёт за всё вам предъявлю!

Сделав столь резонансное заявление, «партнёр» медленно и неохотно побрёл к своей одежде и снаряжению. По силуэту его было видно, как тяготит его это громоздкое электронное хозяйство.

Но, недолго раздумывая, он уже спешит в свой походный спортзал и возвращается оттуда в невероятно невесомых спортивных трусах невообразимо весёлой расцветки – с сакральной символикой государственной власти, что придаёт их хозяину особый «шик-шарм» и значительность.

Потом, всё-таки разок другой подозрительно заглянув в бассейн, Командёр снова усаживается в кресло, напускает на себя важность и спрашивает меня с видом неоспоримого превосходства:

– Послушайте... Почтенный варвар! Имеете вы хоть малейшее понятие о Русской Бане?

– Нет, патриций. О чём вы?

– Ох! Оторопь прошибает. Ну до чего же вы отстали! До чего отстали вы от цивилизованной и современной жизни!

– Да. Мы отстали. Но что мешает вам и далее идти по ней столь же успешно?

– И даже это неизвестно вам? Да то мешает, что руке неймётся веником вас высесть поскорей. А собственно, чего мы ждём? Программа отопления запущена давно. Я приглашаю. Одну только секунду. Снаряжение упрячу в сейф.

Немного погодя – мы перед входом в баню. Из трубы приземистого теремка дымок струится ароматный, а сквозь щели в брёвнах пробивается горячий пар.

Зандор дверь отворяет, пропускает меня вежливо вперёд.

– Прошу, сеньор. Без церемоний. Проходите. Здесь не солярий вам и не салон какого-нибудь там отстойного массажа. Изба на лапах здесь! Здесь привидения в щелях. Гады и Черти! Ну, же. Смелей вперёд!

Пришлось войти.

В салоне будки всё было прожжённым – чёрным – от времени криво-косым. Из крохотных окошек свет струился скупое... и освещал нехитрый инвентарь.

Прошли в парную. Дверь за нами затворив, Зандор схватил ковш деревянный, черпанул воды им и плеснул её на раскалённые камни в углу!

Паром густым тут же наполнилась парная, – таким горячим паром, что перехватило дух.

Но с наслаждением Зандор вдыхал горячий воздух и смеялся – посмеивался то ли надо мной, то ли мыслям своим... то ли без всякой задней мысли – от удовольствия... не более того.

И вдруг окатывает из бадьи он нас водой холодной. И смеётся снова. Самодовольно сообщает:

– Вот как – по-нашему, Сигео! Вы в порядке? Присаживайтесь. Расслабляйтесь пока суть да дело.

Пока, – значит, пока. Тем более, что миролюбие Зандора выглядит правдиво.

И мы сидим на лавке дубовой... в экстремальных для жизни парах. И это очень даже неплохо.

С одеждой и я расстаюсь. Так лучше. А Зандор льёт ещё ковш воды на трескучие камни. И становится в бане ещё горячей... и невыносимей. Приятней. И...

Экстрим... безмолвие... без мыслей... без эмоций... Долго.

До тех пор, пока Банщик не выходит на связь:

– А теперь – можно и по бокалу. Откуда вам знать, Сигео, про квас? Пойдём. Я угощаю.

В предбаннике из бочонка Зандор наполняет квасом бокалы. И мы снова сидим... и молчим, попивая хлебный напиток. Не говорим. Не до этого нам. Молчим.

Но не вечно молчанию длиться. Возвращаемся из «небытия».

– Однако где черти? – любопытствую я.

– Черти? – смеётся Зандор. – Всегда к вашим услугам. Пойдём! Прихватите только вот это.

И я беру веник дубовый. И Зандор веник берёт. И снова в парной мы, где я поддаю уже пару, а Зандор из ведра обливает нас.

И! начинается бой! – взаправдашняя битва.

Горячими прутьями бьём, хлестаем друг друга! – свирепыми мётлами – беспощадными, злыми! Рычим. И становимся всё красней и веселей. От напряжения.

И удовольствия.

Но рассыпаются веники в наших руках, и мы хватаем другие. Выбегаем из бани и продолжаем сражение там. Но снова от веников – прутья да прах.

И тогда – дерёмся на кулаках мы. Не злобно. Но и не слабо. Хохочем...

Бесчинствуем и веселимся!

После – в парной снова сидим. Молчим с полужакрытыми глазами. Долго молчим. И пьём квас... настоящий.

Полусонные, расслабленные, отрешённые... покидаем баньку «почёрному», – русскую баньку, где известно, какие водятся черти.

Теперь известно.

Но сонно нам. Дрёмно. Укутавшись в длинные полотенчища, отрешённо идём... уходим... грядём...

Кое-как добираемся до наших покоев и гамаков. Кидаемся в них и засыпаем. Спим... Долго... Целую вечность – часа два или три.

Экспериментатор

Просыпаемся. Катится Солнце к закату. Какими свежими, бодрыми просыпаемся мы!

И ужин уже на столе. И ночь впереди. Эх, было бы силу на что потратить!

Похоже, что будет. Ведь приближается шум со стороны Океана. Крылья-винты вертолётов эфир в вихри закручивают, и выбрасывают машины что-то из щедрых своих «горнил».

Улетают.

А события и далее выстраиваться в «шеренгу». Как эпизоды фильма, что искусно подбирает режиссёр.

Всем этим незримо управляет Командёр, используя средства, которыми напичкана его экипировка: жилет, ремни, застёжки, шорты.

Десять секунд... двадцать... тридцать... и – завершена техническая сторона «программы».

– Готово, – сообщает «режиссёр». – Теперь все «блюда» по порядку. Ужин подан. Прошу к столу, Сигео.

Стол снова ломится от изобилия: отменно постарались и на сей раз дикари. Правда, из меню вычеркнуто мясо. Чего нельзя сказать о рыбе. Однако Командёра это мало огорчает, и ест он с удовольствием и с аппетитом. И наконец мне сообщает новость:

– Кстати, племя моё сейчас тоже при деле. Том самом, что и мы.

– Да неужели?

– Взглянуть хотите? Тогда прошу. Извольте следовать за мной.

Встаём. Идём на выход.

К краю террасы медленно подходим. Окидываем взглядом то, что нового привнесено в уже известную нам хорошо картину.

Да-а-а-а.

Арена, что служила для спортивных игр, теперь стала местом для некоего масштабного аттракциона. Там появились несколько огромных сцен, множество декораций. А над всем! словно зависло колесо гигантской карусели.

Явились взору новые громадные экраны, динамики, аппаратура для подсветки, для освещения, для киносъёмки.

А на трибунах – дикарей! – как муравьёв на муравьиной куче. Они из пластиковых упаковок извлекают разную еду цивилизованного мира: мясные и молочные продукты – соленья, копчения, напитки, сладости. Всего не перечесть. Всё пробуют. Друг друга угощают.

Но. Откуда дикарям было известно, как упаковку открывать? – бутылки, банки... К тому же, и вели себя они прилично: ажиотаж не создавали, не сорили, не конфликтовали.

Забавно было наблюдать за ними. И смешно. Но ведь и мы должны были казаться дикарям смешными. А они не подавали виду.

Ещё веселей стало, когда аборигены открыли упаковки с костюмами для карнавала и стали наряжаться. Не столько угадывая, сколько опережая самые дерзкие идеи модельеров.

Взрослые и дети смело экспериментировали с нательным бельём и одеждой. Смеялись, удивлялись... перевоплощались.

А на экранах шла демонстрация весёлых карнавальных шествий – маскарадов со всех концов Планеты. Похоже, с тем, чтоб эти сцены послужили здесь уроком и наглядным руководством к действию.

Однако на нас с Командóром никто внимания практически не обращал. И это тоже было странно.

– При каком исходе можно будет считать эксперимент успешным? – спросил я.

– С чего вы взяли, что это эксперимент?

– Таким мощным атакам сознание людей ещё не подвергалось. Вы уверены, что риск оправдан?

– Да, – уверенно произнёс Зандóр и отошёл в сторону. Ему явно не хотелось говорить на эту тему. Да и время для этого было не самое подходящее.

Незаметно и ненавязчиво атмосфера праздника всех охватила, – наполнила ожиданием чего-то необычного и значимого – вдруг все оказались как бы в ином – почти неузнаваемом Мире, которым управляла чья-то непостижимая воля.

И события начали разворачиваться будто по плану:

Одновременно с закатом Солнца зажглись искусственные огни и залили пространство – эту спонтанно созданную, новую клетку Мира... И она оживала – в тёплых и мягких потоках света – весело, ярко... реальной казалась.

И не совсем.

Музыка! – один из хитов легендарного «Queen». Мощное, зрелищное сопровождение его на экранах:

Штормы. Вулканы. Моря. Ураганы. Сцены из лучших видеоклипов.

Всё поражало. Видимость создавало: будто здесь и сейчас – сливаются два несовместимых Мира – друг друга переполняя...

И истребляя.

Всё интенсивней накалялась атмосфера.

Эти дикие люди! В карнавальных костюмах. Приобщённые к ценностям им чужим... Дикари... действующие столь осмысленно и разумно.

Но. Не по выбору, не по воле своей. И почему так уверенно? С таким поразительным внешним спокойствием?

Хотелось понять: как участники сами воспринимают эту «игру». Но поведение их отражало очень широкий спектр чувств и казалось свободным.

Хотя, несомненно, и ограниченным неким искусственно и нелегально внедрённым в сознание сводом правил и норм.

На ярко декорированных сценах появились первые танцоры – весёлые и озорные. Танцевали танго, хип-хоп, модерн...

Точно сквозь землю провалился Зандёр. И ладно. Уже не до него было мне: так увлёкся я зрелищем, что развивалось перед глазами.

И вот – закрутилось гигантское колесо карусели. И сотни, тысячи участников могли занять места на подвесных сидениях этой системы. И в ней подниматься медленно вверх – по спирали движения и воображения. И кружиться в пространстве – высоко, далеко, долго!

И опускаться на землю.

И сцены в воздухе вскоре стали продолжением сцен на земле. Все новые акробатические номера и трюки демонстрировали смельчаки на лестницах, канатах.

Я летал вместе с ними и всем восторгался, – всем, что составляло это аномальное событие привычного жизнеустройства. Но... полноправным участником Праздника ощутить себя так и не мог. Лишь наблюдателем был здесь сторонним.

А Зандёр? Мог быть я уверен, что под шумок не применит он новый приём по устранению «друга»? – «друга» Номер Один.

Уж очень необычным, неожиданным здесь было всё. Возможно, бдительность моя так усыплялась.

Да, возможно.

Превосходная музыка, световые эффекты, дивные картины на экранах, вокруг.

Эксперимент.

Не слишком опасный? Не слишком зарвался «Игрок»?

Готовых решений знание моё не выдавало.

Зандор. С его фантастическим арсеналом средств. Столько дров наломать мот бы!

Но. И иначе могло быть.

Снова пытаюсь оценить состояние дикарей: нет, ничего сверхопасного нет в нём.

Но вот на их лицах маски. И на новом витке веселья – начинается маскарад!

Надеваю маску и я. И тогда! – только тогда чувствую себя полноправным участником действия.

И снова «лечу»! Вместе со всеми... Уже! Час за часом. Времени не замечая. Лечу далеко – за полночь.

Так далеко-о-о-о!

***

Но... возвращаться пора. Всем. К себе возвращаться время.

Всё тише музыки звуки. Медленно... останавливается карусель. Свет медленно гаснет.

Все участники действия уже на земле. Тишиной все объаты. Тишиной до самых далёких Звёзд, сверкающих в небе. Жизнь Вселенной объаты... Сами – Жизнь источающие. Её творящие – Жизнь – беспредельную в своих проявлениях!

Но. Зандор! Да!!! И коварство его беспредельно:

На расстоянии семи секунд полёта ракеты Рз-17... шесть секунд – что? – не боевые заряды?.. пять – с чего бы?.. четыре секунды – ай да Зандор!.. Три секунды – хитрец... две – экспериментатор... одна секунда – провокатор! Ноль секунд – ладно!

Высоко над нами взрываются ракеты – расщепляются и рассыпаются на мириады разноцветных искр. И снова сталкиваются, взрываются ракеты.

В восторге толпа.

Вновь и вновь небо в ярких огнях!

И погружается в долгую... протяжную тьму. Во тьму звёздной ночи.

И – Ночь!

Безграничная Ночь свои права диктует миллиардам Искр, – Искр Звёздных – в Искрах Сознания Существ Живых и Разумных.

И не взрываются больше ракеты. И кажется: Мир погрузился в вечную тьму... тишину.

И никого рядом.

Все разошлись. Разбрелись. Растворились в ночи. Таинственной. Опасной.

И ни души рядом. Лишь я. Я в маске стою. Один. Среди ночи.

Но.

Кто-то напротив. Кто?

Слишком темно чтоб узнать. И он – тоже в маске.

Безмолвно стоим друг против друга. В масках. В ночи.

И тогда... я снимаю маску. И маску снимает Зандор.

Молча стоим.

Потом... слышу спокойный голос «приятеля»:

– Вам уже нравится путешествие наше, Сигео?

– Чей «эксперимент» вы имеете в виду?

– Ха-ха-ха-ха, – смеётся Зандор.

– Ха-ха-ха-ха, – смеюсь и я.

– Посмотрим?

– Да, посмотрим.

Таким образом, «расставив» все точки над «i», мы поднимаемся на площадку над ареной последних событий. Туда, где заждалась нас не наша обитель.

Заходим в неё. Располагаемся для ночлега. Каждый в своём углу. В своей «паутине».

И засыпаем. Засыпаем лёгким, глубоким сном.

Он может всё

Тишина. Редкие всплески воды. Снова лодка Сигео в тумане летит... Сквозь облака. Сквозь клубы дыма... Зандор, как обычно, в носовой части ладьи. Сигео – в роли кормчего напротив.

– Вы посадить меня на цепь забыли, друг. Или связать хотя бы по рукам и по ногам.

– Нет надобности в этом – еды достаточно у нас, – невозмутимо отвечает компаньон, указывая на предусмотрительно под ноги брошенные части трупа каннибала – его руку и ногу.

– Вы уже подкрепились? – любопытствует Зандор.

– Нет. На полнолуние нет аппетита у меня.

– И у меня.

– Но это ведь – по меньшей мере странно.

– Совпадение?

– Такое?!.

– Вас это напрягает?

– Скорее – не обязывает ни к чему.

– Да? Удивительно. А кстати, как намерены вы продавать меня на сей раз? – в розницу, оптом? Может, в кредит?

– Но согласитесь: платить за знания из недр тысячелетий надо.

– Как тут не согласиться? Об одном только прошу: товар ваш не продешевите.

– Что вы! Я толк в этом деле знаю. И к тому же, мы у цели. На этот раз в гостях у местного шамана.

Под гул барабанов, ритм бубнов, бряцанье побрякушек и протяжные звуки рожков и свирелей въезжаем в каменный век.

Верховный шаман, словно паук в засаде, нас поджидает сидя на троне.

Медленно, важно... подходим к нему.

Тем временем подручные владыки с пристрастием вершат досмотр нашей ладьи. Причём небезуспешно: их радостные возгласы оповещают всю округу, что наш пикантный провиант ими успешно найден, конфискован и неотложно доставляется на вычурный алтарь для жертвоприношений.

На жертвенник перед престолом господина.

Воспламеняются! алчно горят его глаза. И он хватает жареную руку и откусывает её лакомую часть. И пожирает.

От наслаждения стенает, стонет, чавкает. Жуёт.

И тошнотворное зрелище это дополняется «любезностью» допроса:

– Рабы? Чем промышляете? Трупы едите?

– Из будущего мы, ваше преосвященство, – представляется Сигео. – Пред вами друг мой и Каннибалиссимус Заката Золотого Века Сáпиенсов Гóмо.

– Надеюсь, вам не надо объяснять, что вы окружены и участь ваша мной предрешена. Так что не лучше ли вам обломаться и не впаривать мне всякую туфту?

– Надеюсь, понимаете и вы, чем ваша трапеза чревата: вы съели завтрак самого высокородного и почитаемого Каннибала. Оторопь пронимает лишь от мысли, что может на моих глазах сейчас произойти.

– Хе-хе-хе-хе. А блефовать вы, вижу, мастер. Мастерок... Хе-хе. А о детекторчике лжи – о «полиграфе» – хоть краем уха слышали вы там – в вашем столетье? Считайте, что к нему подключены, – смеётся и гримасничает маг.

Затем, ударив в бубен, заглатывает некую живую тварь. Нарко-отваром её запивает. И впадает в транс – в реалии иных Миров... времён.

И грезит. Видит.

Видит, как Гость над головой раскручивает жертву. Оземь бросает!
Как пожирает её алчно на алтаре для жертвоприношений.

Как он нахваливает блюдо.

Видит скелет, обглоданный пред Командóром. И развесёлый, радостный, умиротворённый лик знатного едока.

Грезит шаман. Бормочет:

– Правда. Да это всё правда. Сушая правда! Мясо вождя. Потомка... Как приготовлено! Ой... Ароматы какие! Запахи эти ... Ах, мне бы! Отведать бы мне! Я никогда. Ну никогда не ел мяса потомка, – потомка самой желанной – Финальной Фазы Сáпиенсов Гóмо. Ах! Сколько бы съел! Всех съел бы. Да! Всех...

– Хватит! – резко обрывает шамана Зандóр и заглядывает в мгновенно продравшиеся глаза гипнотизёру. Этого достаточно, чтоб тот тут же пришёл в чувство и начал мямлить о пощаде:

– Ах! Не знал я. Не знал. Прощеньица просим-с. Простите. Просите... что пожелаете. Всё! Всё в обмен на жалкую жизнь мою здесь. Прошу вас. Вас умоляю!

– Что ж. В обмен на правду... вы вне опасности, мой друг, – обрывает оратора Сигео. – Так вы... умеете говорить правду?

– О, да. Умею! Да.

– А мы умеем её проверять.

– Вам лгать не стану.

Сигео усмехается, но продолжает:

– Что ж, коли так... нам выдавайте тайну рода. Какие преступления вы совершили? И какие в будущем намерены свершать.

– Но это... хе-хе-хе... как бы предательство. Это измена. Гадкая мерзость... хе-хе-хе... гадливая, гнусная пакость. Ах! Ну... даже не знаю, как сказать. Не комильфо.

– Простите...

– Ах, да! Ну да. Была не была, была не была. Да чего там?.. Хех, Маня! Так вот же:

По секретным преданиям знати... враждующие ныне племена были одним народом. Народом, пережившим у-жа-са-ю-щую катастрофу.

А до неё – все жили мирно. Ради цели Одной – творческой цели.

Но только мы. Мы! – племя Фиандор-Па-Ито! – были столь здравомыслящи и креативны, что вознамерились поставить с ног на голову весь Мир! Весь Мир на голову поставить!

И всё бы ладно. Всё бы обошлось. Если б тогда... не подспели Те. Те!.. не пришли.

– Те? Кто?

– Вот именно – Кто! Не Что, а Кто. Именно! – Пирамиды.

– Что? Пирамиды? Они пришли?.. Но как?

– Никак. Они явились... Появились! Вот и всё. И с этого всё началось.

– Что началось?

– Вибрации, что эти монстры исторгали, нас стали разрушать. Они повергли нас в дегенеративный транс и ужас, в котором стали мы терять естественные связи с Миром... и стали превращаться в примитивных обезьян. Нет – хуже! Хуже!

И в этом транс... мы стали обретать те знания и качества, что сделали нас самыми жестокими, опасными уродами на свете – биодобавками к технологическим конструктам самых страшных и опасных паразитов.

– Пирамид?

– Хе-хе-хе-хе. Это потом они внушили всем, что неживые. Что «объекты». Но нет. Они живые – Техногенно. Да, это тоже форма жизни – искусственная форма. Так называемое «бытие».

– А вы. Какая форма?

– Уже во многом та же.

– Та же? Как? Насильно?

– Хе-хе-хе-хе. До форс-мажора. До него. Когда мы заключали Сделку... насилия быть не могло. Его тогда ТОТ... ещё не придумал. Не преступил ещё Закон.

– Какой Закон?

– Закон Единства.

– Кто ТОТ? Вы же вините Пирамиды.

– Мы не виним их. Мы за них боимся. И боимся их. Как Смерти и расплаты за предательство своё. Но Пирамиды – только части его Тела.

– Кого?

– Того, кто изобрёл Насилие, Обжорство, Ложь, Страх, Секс, Власть, Деньги, Инструменты, Смерть...

– Кто он?!

– Бог!

– Их сотни. Тысячи.

– Тысячи Масок.

– А лицо?

– Зачем ему лицо, когда есть Ложь?! Насилие. Коварство. И когда есть мы.

– И Пирамиды.

– Да. И это Истина другая. И Реальность. И Единство. И другой Закон. И мы – проводники его – жрецы и боги.

– Боги? А не рабы вами изобретённой «Смерти»?

– Рабы не мы. Только они! – затравленные и запуганные нами твари! Они наши рабы и жертвы. И вечно будет так!

– Вечно... Ну хорошо. А если будет заговор раскрыт?

– Хе-хе-хе-хе. Не будет. Бог всех заставит полюбить себя... а не того, кто вознамерился их защитить. А главное! – свою вину Бог на него и взвалит!

– Это понятно. Другое озадачивает: что, по-вашему, есть Бог?

– Хе-хе-хе-хе. А вы, видать, не лыком шиты... Бог то, в кого безумцы верят. Бог то, кого придумываем мы, чтоб правду было за кого запрятать. И Того. И Тех. Бог – это Полуправда-Полутварь. Ложь Это!

– В последний раз я спрашиваю: Правду! Вы будите нам говорить?! Или мне принять меры?

– Да, буду говорить. И только правду: есть кроме нас – «богов» и «Бога»... Да, Они... И ТОТ.

– Смелей, мой друг.

– Они нам это разрешили. Всё разрешили! Они! Не мы. Это Они нам...

– Да, разумеется. Но что?

– Они нам разрешили преступать Законы Жизни. Вкушать нам разрешили наслаждение от всевозможных извращений, что не мы. Не мы! – Они изобрели!

– Значит, Они. И кто же?

– Не знаем. Знать не велят Они. Мы лишь должны их прятать за Богами. Приписывать должны им Святость, Сотворенье Мира. Ой, Не могу!.. Хе-хе-хе-хе-хе-хе... бля... Паразитам! Тем, кто его пожирают. Обожествлять мы их должны. Не важно как – только бы Правда не раскрылась.

– Правда?

– Да. О том, кто люди. Кто отважился их защитить. И на кого «Они» вину свою всенепременно свалят.

– Так уж и свалят.

– Да. С нашей помощью и свалят. Во что бы то ни стало взвалят! Свою вину и нашу. На Него.

– И на кого? Кто? Кто он?!

– А вы не догадались?

– Имя!

– Нет. Не могу. Только не это! Не просите! Не могу. Не в моих силах это.

Шаман обмяк, стал задыхаться, кашлять. Весь налился кровью. И дрожь начала колотить его и лихорадить.

Сигео озадаченно прошёлся взад-вперёд. Потом... задумчиво сказал:

– Чёрт знает что. Но продолжайте.

Оракул отпил какой-то бузы из черепа гоминида, пришёл в себя и дрожащим голосом продолжил:

– В том полутрансе... в который ввергли Те нас – наши «Боги»... «Бог» наш. То есть мы сами. Вполне достойно и поныне пребываем. Правда, не все. Лишь самые паскудные мерзавцы – избранные – Мы. Поэтому в ходу столько коварства, блефа, лжи.

– И в чём это коварство?

– В том, что мы сжигаем все мосты между собой и Очевидным! – между собой и Правдой. Её же заменяя поиском её в тенётах новой Лжи!.. меж полюсов и многочисленных сегментов заблуждений, что сами мы – изобретаем.

– Вот это любопытно!

– Слов не найду для похвалы, – презрительно изрёк Зандор и отвернулся.

– Речь об «истинах», – вкрадчиво сообщил каннибал, – религиозных и научных. Ну... Вам ли не знать?

– Что именно? – я продолжил допрос.

– Что всё это – одно и то же – одна и та же ложь. Одна! По кругу.

– Ну хорошо. А Правда в чём?

– Хе-хе-хе-хе, – засомневался в чём-то маг.

– Мне за вас ответить? Или...

– Нет-нет. Я сам. Я сам отвечу: Мир Живой... Он... создан всем и всеми, кто Живёт в нём, его созидая, – созидая Формы Жизни. А не Формы Смерти.

То есть – и нами создан этот Мир... Живой.

Да, до того, как стали мы его убийцами и палачами. Творцами Новых – Обезжизненных Реалий.

– Ну хорошо. И в чём ещё ваше коварство?

– Отчасти в том, что самые «достойные» из нас – Батуг-Байдó – в руки свои взяли защиту всех племён от хищников. А заодно... во всём стали уподобляться им. Стали употреблять мясо и кровь убитых в пищу.

А потом... познав вкус крови соплеменников, их мяса... выродились в злобных каннибалов – жадных безжалостных убийц Байдó, радость стяжающих от беспредела преступлений, черпающих ничтожные силы свои из убиенных ими трупов, из страданий жертв своих – их ран, увечий, смерти в муках.

Вот! так она и началась – погоня за самым уродливым и низменным на свете: за удовольствием гастрономическим, что вперемешку с наслаждением умственным и генитальным.

Так пандемия началась. И продолжается поныне.

Народ единый разделился на бегущих от «защитников» своих и нас – вирусом зла полу-убитых тварей.

Мы знаем: мы скоты, но быть другими не желаем. Быть быдлом плодоядным не хотим! И мы охотимся на них. Их убиваем. Но сами вымираем от жестокости среди своих: яд трупов, нами съеденных, нас разрушает.

И вымираем мы за преступления, что совершаем. Но Зло, что мы задумали и воплощаем в том, чтоб омерзительные гены наши – достались так же тем, кого мы истребляем – им! – плодоядным.

Речь о насилии над будущими матерями наших плотоядных деток – подлых уродов, что, как паразиты, будут жить в стане врага и наслаждаться будут вражеским страданием невинным.

Их пожирая изнутри. И извне пожирая. Вот в чём наш план! – наша идея.

Вам с расстояния тысячелетий – должно виднее быть, насколько мы успешно замысел свой воплощаем.

– Да, видней. Но как «защитники» могли стать в одночасье лютыми зверьми? – Сигео усомнился.

– Кто каннибалами не стали, те зверьми не стали. И восстали. И мятеж тот и доныне тлеет. Не озверевшие... как звери! – убивают нас, как самых мерзких гадов.

– Тот, кого содержите вы в клетке, из восставших?

– Да. Как вы узнали?

– А «полиграф» на что нам?

– Но до того следует жабу проглотить. Запив её...

– Смесью мочи скунса и крысы.

– Ах! Гениально! Вы фармацевт? Колдун? Изобретатель?

– Сейчас мы не об этом. О том, что от меня вы утаили!!!

– Ах, как приятно! – приятно иметь дело с умными людьми. Хе-хе...

– Ну! Без длинных отступлений.

– Это... Это, скорей, догадка. Знание Иного Плана.

– Ближе к делу.

– ТЕ... Кого мы прячем за Богами... Они... Пришельцы!.. Из Другой Вселенной.

Закашлялся маг. Снова и снова стал задыхаться. Сильно. А «лицо» его кровью налилось.

И воцарилась гробовая тишина.

Чёрная. Зловещая. Глухая.

В которой... Зандор медленно повернулся ко мне. И так посмотрел мне в глаза... Так посмотрел... будто Всё Это – только его касалось.

Так, будто хотел удостовериться в этом.

Или...

Но.

Я улыбнулся колдуну и произнёс:

– Ваш дар соображения божественен, коллега. Но вы же знаете...

– Это не теорема! которую возможно доказать.

– Ну хорошо. Положим, аксиома.

– Априори это! И то, что пониманию не подлежит.

– Занятно. Но. Вы ничего не путаете, друг? Что именно тут непонятно?

– То, – Правда Это! Или Ложь.

– И почему? Не потому ли, что вы прячете Это за Верой? – Верой Слепой в то, чего нет.

Ладно. Ещё только скажите: вы по дружбе здесь... хотели бы и мне ваш Метод впарить?

– Да, но это не наш метод! Его придумал Тот для нас и для людей. Или... Метод Познания рабов вам ближе?!

– Метод рабов, Мир сотворивших... Ладно.

Так в чём вина «раба», что заключили вы под стражу?

– Он соплеменник наш – урод по генетической статье новой морали: подонок с ужасающим атавистическим синдромом элитарности нам чуждой. Он!.. примкнул к отряду чужаков, таких как сам, и вместе – они убили сотен семь нашего брата.

Восседавший на голове истукана и слушавший коллег без огонька, Зандор вдруг оживился и стал внимательно присматриваться к пленнику, загнанному в клетку напротив него.

Это был статный и мощный воин, даже отдалённо не похожий на Байдó. Их полная противоположность. Их...

Но не его.

– Значит, – подвёл черту под дискурс Сигео, – нельзя сказать, что все адельфофаги каннибалы – хищники без совести и сострадания.

– Нет, так сказать нельзя. Это неправда – недобросовестное упрощение. Другое дело, что среди своих совесть и сострадание искореняем мы нещадно. А если уж кого по-настоящему боимся, то это совестливых наших – в мутациях их гены с генами враждебных нам племён дать могут столь чудовищный гибрид, что ужаснётся сам правитель Ада.

После этих слов мага Зандор как-то очень странно улыбнулся, а Сигео, изображая глубочайшее почтение к мистика, к нему подошёл, галантно взял его за руку выше локтя... и сделал любезнейшее предложение:

– А не прогуляться ли нам с вами напоследок, милейший? Не то ведь отсидеть и хвост не мудрено на речном настиле табурета.

Далее – подчёркнуто бережно и аккуратно шаман был «прогулян» до входа в клетку. Сигео пнул её дверцу ногой, и она послушно слетела с «петель».

После чего людоед услышал последнее к нему безукоризненно корректное обращение:

– Вам сюда, милый друг.

Потом только шлепок в область затылка и «мягкая посадка» мага в самом «престижном» углу конуры.

А пленник вышел на волю. Спокойно и хладнокровно – будто в происходящем для него ничего необычного не было. Немного погодя, однако, подошёл к Зандору и сказал:

– Не слабо вы вчера того ублюдка. Я, правда, для себя его «берёг». Ну ладно. Не судьба.

– Что тут поделаешь? – с пониманием ответил Зандор. И по нему было видно, что он симпатизирует дикарю. – И так бывает... Зато теперь имеется вакансия шамана. Управишься?

– Нет. Я не шарлатан. К тому же... к обеду здесь с меня точно шкуру сдерут.

– Значит, к обеду... А кто им позволит? – невесело улыбнулся Зандор и вынул из кармана жилета пластиковую карту с экраном.

А я... с удивлением посмотрел на него: мне никогда не приходилось слышать, чтоб компаньон с кем-либо говорил так сердечно, тепло и уважительно.

И говорил он на древнейшем диалекте Фиандор-Па-Ито:

– Сейчас посмотрим, дружище: не сверх меры ли ты самонадеян в своих прогнозах.

И уже через минуту около тысячи каннибалов рухнули на землю и поползли к ногам пленника, чтоб выразить ему покорность и абсолютную преданность.

– Вот. Такие перемены, Герой. Я зомбирова́л их. Ничего худого в том не будет, если теперь – тебе они послужат. Верой и правдой. Полагайся на них. Не предадут – скорее сдохнут.

– Тогда... я попробую здесь хоть что-нибудь изменить.

– Да. И ты изменишь Всё. Всё – в своё время.

– В своё время, Зандо́р.

– Тебе известно моё имя?

– Как и моё... От Иртамáй.

– Иртамáй.

Словно лезвие бритвы полоснуло по Сердцу Зандо́ра. Покачиваясь, он сошёл с «трона» и сделал несколько шагов... Куда? Неважно... Но он стал тонуть, – тонуть в Океане Горечи и Боли.

– Что с ней? Что с её телом?

– Согласно церемониалу – оно будет прожарено, расчленено и съедено новым вождём и его свитой.

– Когда?

– В эти минуты. Там – на берегу реки. Вниз по течению.

– Нет! – грозно воскликнул Зандо́р, прижимая руку к Сердцу. Так, чтоб не дать взорваться ему.

Бежит он...

И уже нет его перед глазами Матёрого Воина.

Дикаря?

С этой странной...

Очень Красивой и очень Страшной Космической Улыбкой на лице!

Улыбкой Смерти. Дикаря...

Прижимающего руку к Сердцу. И тихо и гордо произносящего:

– Я смог бы тоже...

Бежит Зандо́р. Изо всех ног к реке несётся... Вдоль берега бежит. И видит, – видит, как к костру подносят людоеды тело той, которую он защитить был должен. Должен!

Но не защитил.

Не смог.

Не смог?!! Как ненавидел он себя за это!

А что он смог? Что может? Он!

Нет же! Он Может Всё!!!

И он у цели. Где тело Иртамáй подвешено над яростно и злобно полыхающими красными и чёрными углями.

– Нет! – выдыхает он и на «жаровню» раскалённую взбегаёт.

И усиливается огонь в костре в десятки, в сотни раз. И... Больно... Люто... Долго... Пылает тело Иртамáй... Горит.

Сгорает на глазах Зандóра.

Сгорает на его руках... Прижатая к живому его Сердцу.

ОНА. Сгорает...

В последний раз глаза Зандóра видят впадины глаз Иртамáй.

И застывают. Гибнут. Гаснут.

Но!

Он стремится над пламенем встать! Подняться над ним тщится! Над огнём и собой вознестись жаждет!!!

Жаждет взлететь!

Алчет!!!

Хочет вынести Иртамáй из огня!

Раз за разом... Тысячи раз! Снова и снова...

И!.. – невообразимым усилием воли!!!

Ему удаётся это.

И! Чёрный... Обугленный... Горящий... Слепой... Несёт он тело... Горящее... Женщины.

Да. Женщины. Этой. Горящее тело. Несёт он.

Несёт Через Вечность.

Куда? Не важно. Важно, что он несёт её на Своих Руках... Прижимая к Сердцу... И Он – Это Может.

***

Темно. Как ещё никогда темно. И как ещё никогда больно. Что это? Что так болит? Это Душа? Сердце? Вселенная?

Каким гигантом быть надо, чтоб вынести Это?!!

Кем надо быть?

Знать бы.

Только зачем? Если не знать надо. А Быть.

И, если не Быть, то и незачем знать. Нечего знать. И знать невозможно.

***

Звёзды... Галактики... Как много их во Вселенной! Как в Океане капель воды... Как песчинок в Пустыне.

В Пустыне?

Но. Тогда надо идти. Идти во что бы это ни стало! Идти... чтоб обретая Себя, становиться Всем. И чтоб Быть.

Всегда! Навсегда.

Идти Надо.

Ведь для того! – для того снова вспыхнули Звёзды в небе! И для того – словно не было боли.

Тогда... было что?

***

Летит ладья в свете полной Луны...

Над Океаном летит.

Высоко... Скоро...

Уносит Путников Вечных.

В даль их уносит и в неизвестность.

И исчезает.

Нет её больше.

Словно и не было.

Нет?

Сон-н-н-н...

Мадагаскарский «шелкопряд»

Отнюдь не с первыми лучами Солнца мы проснулись следующим утром. Зандор, не изменяя привычке, тут же поспешил к бассейну, кинулся в холодную воду и там уже проснулся окончательно и бесповоротно.

К этому времени я возвращался с прогулки к протекающей рядом реке.

Укутываясь в полотенце, Командор приветствовал меня исключительно любезно:

– Доброе утро, Сигео! Ну... теперь-то признавайтесь без обиняков. Передо мной, как перед Богом.

– Куда вас занесло! А как с критерием Достоинства и Красоты? Отбитие поклонов ему чужды.

– Вместе с отказом от поклонов уйти хотите от ответа?

– И от ответственности. И если бы не любопытство... Так в чём признаться предстоит мне? Не томите.

Зандор важно прошёлся взад-вперёд. Потом... напыщенно и театрально выдал:

– Так что ж это такое?! Выходит, что купание в реке с палеозаврами для вас комфортней, нежели со мной в бассейне?

– С вами? Под вашим термоядерным зонтом? Спасибо. Я лучше с бронтозаврами – есть больше шансов уцелеть.

– Ох. Поверьте, я не столь опасен и прожорлив, как это может показаться.

– Как-то не очень убедительно, Зандор. Но могу вас успокоить: за лидерство с этими тварями в структурах пищевых цепей не соревнуюсь.

– Правда? Тогда с кем соревнуетесь?

– Это секрет.

– Секрет от друга?

– Вы разочарованы, мой друг?

– Весьма.

– И искренне? А-то ведь совесть «огрызаться» начинает.

– А путать совесть с ханжеством вы не имеете привычки?

– Не факт. А вот, скажем, привычка ваша путаться во всякой встречной поперечной паутине – не проливает свет и на иные ваши предпочтения?

Не успел я вопрос озвучить, как Зандор резко вскинул бровь и хлопнул в ладоши. Тут же к нему подбежал, видимо, его новый «адъютант» из местных. Ему было отдано распоряжение, и через минуту возле нас

собралось около десятка аборигенов с разнообразными снастями для ловли то ли рыб, то ли птиц, то ли насекомых. А в представленной к осмотру клетке содержался улов.

Зандор с нетерпением клетку схватил и пристально стал рассматривать угодивших в неё тварей, то и дело выражая разочарование.

И в самом деле: что же тут могло вызвать восторг, если конура была набита лишь пауками? – пауками различных видов и величины.

Всю ночь люди из охраны Вождя жгли костры вокруг «крепости» патрона и отлавливали всех пауков, что только попадались под руку. Однако желанный экземпляр пойман не был, и с огорчением в голосе Командор распорядился отпустить всех узников на волю.

Из одного только приличия я спросил:

– Вы зоолог?

– Да. В некотором роде. Арахнолог, – ответил Зандор. – Членистоногие – моя слабость.

– А жгутоногие – моя.

– Я так и знал. Мы с вами обязательно споёмся. Кстати, как смотрите на то вы, чтоб после завтрака отправиться на ловлю этих изумительных существ? Я дам вам сеть, рогатину, дубину...

– Пассатижи.

– Что? – арахнолог возмутился чопорно и чинно. Потом «остыл» мгновенно и продолжил:

– Поверьте мне, Сигео: пока мы не отловим этого гиганта, за безопасность вашу я не поручусь.

– Своим ушам не верю. Вы обо мне стали заботу проявлять?

– Заботу? Ну... Ну ладно. За завтраком я всё вам объясню.

Однако за завтраком тема предстоящей операции была напрочь забыта. Зандор лишь восторгался тонкостями местной кухни, залихватски орудовал «столовым серебром», нахваливал то одно блюдо, то другое. Ел много. С аппетитом. И, лишь когда программа по наслаждению приёмом пищи была полностью завершена, вернулся к предстоящей затее:

– Итак, Сигео! – вы верно поняли меня: мохнатую тварь изловить должны мы непременно. Инструменты выбирайте сами. Вон их тут сколько.

Но об одном прошу: не полагайтесь ни на диво, ни на чудо. Лишь на чутьё! Паук может явиться взору крохотным комком и ужасающим чёрным гигантом. Мы отловить обязаны его. Этого гада!

– Но ведь он жгутоногий.

– Что вы! Гад всегда гад и точка! А главное – он здесь. Тут где-то рядом... Ну. Да. Медлить нельзя. Увидимся ближе к обеду. Учтите: промедление Чёрт знает чем чревато!

С этими словами Зандор с моих глаз исчез. Кажется, в «дверном проёме».

Ах, если бы только он знал, как близок был к истине, полагая, что «Гад» где-то рядом.

Чтоб не разочаровать компаньона, следовало поторопиться и мне. И я побрёл за ним вслед.

Солнце поднималось всё выше, и вскоре от утренней прохлады не осталось и следа. Картины природы менялись одна за другой, и их красота радовала и вдохновляла. Но мне предстояло найти Зандора и по меньшей мере его «развлечь».

Наша встреча вскоре состоялась: в тот момент, когда Зандор, сидя на камне, с помощью своих спецсредств сканировал местность на предмет наличия существа с заданными характеристиками.

Внезапно за ухом его нечто зашевелилось. Защекотало... и через мгновение мохнатое жгутоногое оказалось на его ладони. Паучок, размером с горошину, щекотал его ладонь лапками и убежать не собирался.

Зандор мгновенно сжал его в кулаке. И... растерялся: должно быть, удаче своей не поверил и тут же, решив удостовериться в ней, разомкнул пальцы.

После чего – все вопросы отпали. А торжествовать победу было поздно: пальцы охотника были обвиты тонкой прозрачной нитью, а сам паук съехал по ней и исчез в траве.

Ненадолго.

Немного погодя он стал размером с воробья, с курицу... с индюка. И побежал. Побежал, таща за собой жертву.

Как не упирался Зандор, но ему пришлось повиноваться воле и силе гиганта.

Вскоре уже изо всех ног мчался за ним он, дыша глубоко, без возможности передохнуть и отдышаться. Но всё быстрее и быстрее бежал жгутоногий, и наконец Зандор за ним уже не поспевал.

И! волоком, как мешок с бесценным скарбом, стал он тащим мохнатой тварью. По траве. Между кустов, дерев...

Неизвестно чем кончилась бы «охота», если б вовремя не успел выхватить нож Командёр и полоснуть им по нити, что соединяла его с пауком.

Освободившись, он тут же вскочил и приготовился к бою, но... уже и след паука простыл.

Ничего не оставалось, как только стряхнуть с себя пыль и осмотреться. Мысль о поражении жгла, но приходилось мириться.

– Ничего... не мой день сегодня. Вот в следующий раз... он у меня попляшет, – утешал себя Зандёр, доставая из кармана жилета карту с голубым экраном,

На нём он увидел себя «глазами» одного из спутников Земли и обнаружил небольшое озеро неподалёку. К нему-то и решил отправиться, так как всё жарче становилось и начинала жажда о себе всё настоятельней напоминать.

Шаг прибавляя, погружённый в малоприятные раздумья, незадачливый охотник шёл к водоёму... к нему приближался – двигался неуклонно ему навстречу – к нему направлялся, ступал – приближался... и сокрушался:

– Это же надо! Паук. Паучок... И неизвестно ещё в какую «сеть» теперь меня упрятал. Ну, погоди!.. До тебя доберусь... Как должок-то верну!.. Как в долгу не останусь!

Наконец, поднявшись на холм, искомое озерцо Зандёр увидел близко. Однако подойти к нему возможно было лишь со стороны, где множество зверей спустились к водопою.

И хищники, и травоядные, склонив головы над водой, долго и неспешно пили.

Осторожно Зандёр подошёл к ним сзади. Оценил свои шансы.

И, когда уже с восторгом представил себе часть шорт своих в общем ряду! – внезапно из кустарника выбежал носорог.

Он... перебежал дорогу Командёру и с рёвом занял именно то место, которое облюбовал «соперник».

Теперь, вместо определённой части мнимых шорт, потенциальный «потребитель» пред собой узрел нечто совсем другое – серьёзное, реальное, большое... С хвостом с кисточкой на конце.

Кроме того, зверь всех расталкивал и оттеснял, воду мутил, разбрызгивал... при этом, не испытывая и малейшего стеснения.

Естественно, мириться с этим Командёр не мог. Но почему-то, находчивости и на грамм не проявив, он просто подбежал к зарвавшемуся дебоширу, схватил его за хвост и стал тащить от водоёма.

От неожиданности носорог остолбенел. Застыл. Позволил оттянуть себя метров на десять. И лишь потом стал приходить в себя, – стал вырываться, брыкаться, сопротивляться.

Но не тут-то было: Зандёр мало по малу стал раскручивать его вокруг себя. Быстрее... быстрее.

И лишь тогда, почувствовав, что жареным всерьёз запахло, зверь приложил все силы и из рук обидчика освободился.

Забегал. И засеменял. Вдоль берега. Вокруг Зандёра. Визжа, пыхтя... Показывая исключительную степень возмущения и недовольства.

Но... наконец, стал отходить от шока. Остановился. И уставился на Командёра.

С минуту противники смотрели пристально в глаза друг другу. После чего – мало-помалу – хвост носорога стал выписывать какие-то фигурки. И это – стало конвертироваться в дружественную определённую выраженья глаз и мимики его.

И тогда – всем своим поведением, отталкивая и отгоняя прочих зверей, он стал приглашать гостя к воде. А когда Зандёр бросился в озеро и поплыл дальше от берега, где глубже и чище вода, тот поплыл следом, – так показывая расположение и симпатию к «другу».

Так или иначе, но вскоре Зандёр утолил жажду и освежился, и не прочь был сосредоточиться на другом, но вездесущие проблемы на сей раз дали знать о себе посредством шалостей непрошенного «друга». Тот и секунды Командёру не давал подумать о своём: подле него скакал и прыгал, на бока ложился и на спину, и сопел и фыркал... дружелюбно вытягивая губы вперёд.

Носатый зверь так искусно смешил и развлекал Зандёра, что тот таки поддался его обаянию – оригинальность и остроумие хитреца ему импонировали всё больше, да и в долгу оставаться было не с руки. Поэтому, когда очередной раз носорог протянул губы к лицу Командёра как бы для поцелуя, тот вежливо отстранился и, приспустив шорты, предложил альтернативу.

Но прихотливое животное, видимо, всё-таки подвергло сомнению уместность сделанного предложения и лобызать выделенную для этого

«площадку» не стало. Лишь недоумённо и весело отпрянуло назад. И снова восторженно забегало и стало откалывать номера всё круче и круче.

Однако сколь примечательным не счёл бы Зандóр это событие, следовало предпринять что-то, чтобы до бесконечности оно не затянулось.

И вот в руках Командóра снова карта с «волшебным окном». Предложив заглянуть в него «другу», он отдаёт приказ:

– Ну... Иди! Беги теперь, приятель! Беги туда, откуда доносятся эти протяжные звуки – рёв слонов из разобщённого стада. Там только чмокнешь под хвост вожака и свободен. Как ветер в поле. Ну... Беги же! Беги. И чтоб больше тебя здесь я не видел.

Носорог быстро развернулся и уже было побежал. Но внезапно остановился. Повернулся к Зандóру. И как-то очень осмысленно посмотрел ему в глаза.

От этого взгляда у Зандóра всё поплыло в сознании и перед глазами. Поплыло. Затуманилось. замутилось. И мурашки стали бегать по телу. То ли от совести всплеска, то ли стыда.

И вдруг, как откровением озарённый, сам он помчался к слонам. Изю всех ног помчался!

Выбежал на равнину, что за холмом и, к ужасу там пасущихся великанов, к ним устремился с воплем столь диким и страшным, что животные пустились наутёк.

Однако Зандóр стал преследовать их с таким упорством, что вскоре наступал на пятки вожаку.

И вот – уже огромным тяжёлым «мешком» он болтается позади удирающего, ревающего, как сто сирен, слона, – держась за его хвост настойчиво и цепко. Держась за хвост слона-гиганта, который в ужасе лишь ускоряет бег и поливает обезумевшего «пассажира» всем чем может... и как может. Сколько может. И насколько хватает сил.

Однако соискатель изысканнейшей в Мире формы блаженства в стремлении своём предельно твёрд и непоколебим. Остановить его уже ничто не может. Ничто уже не может «соискателя» остановить.

И так уже он близок к цели! Близок!!!

Был. И!

Что-то. Где-то. Вдруг. Оборвалóсь!

То ли взорвалóсь. То ли сорвалóсь. То ли в руках. То ли в сознании. Словно «с цепи» сорвалóсь и взлетело. Полетело!

И паденьем стал «полёт». Паденьем Командóра. С «высоты» заоблачной.

После такого феерического «взлёта»!

Ах, эта Высота! Покорная почти. И покорённая... Да. Высота!

И ведь упасть с неё куда-то надо. Да.

Падать пришлось.

То ли на «нечто», то ли в «ничто». Или того хуже... Зандóр не знал. Не ведал. Не сразу понял... принял – Судьбы Удар сей и Подарок щедрый и великодушный! – отмеченный обильем немислимых Красот и Смыслов.

Но вот – и в сознании что-то проясняться стало, – стало проявляться, оформляться... Да, именно: круглая, упитанная спина носорога обнаруживаться там стала – Она! – Спина «Друга».

Теперь Зандóр сидел на ней, словно герой – мифический былинный всадник. На спине белой сидел он – белого «Коня»!

Сидел, как Победитель.

Осыпанный свежайшими. Ах, если бы цветами!

Даже в кошмарном сне зловоние такое Командóру никогда ещё не снилось. Нет, никогда! И вот...

Чего для счастья ещё над-а? Что?

Так стой же! Стой мгновение! Остановись!

Но нет. Не останавливается оно. Бежит.

Лёгкой рысцой.

Нет. Не стоит на месте Время.

А нити управления событиями где? Их нет в руках Зандóра.

Так, может быть, это и есть доподлинное Счастье?

Или трагедия?... Комедия?

Что это? Выбирать пора. Что выбрать?

И неуверенной рукой... Зандóр вытягивает жребий из руки Мошеницы Судьбы.

Он... выбирает Катастрофу.

Однако круглая спина непрошеного друга оказывается не столь уж ненадёжной почвой для опоры. И приближаются скитальцы к озеру опять. При том – уже с победным рёвом одного из них. Впрочем, может и не одного.

И на скорости небывалой, наперекор всем травоядным и хищным преградам, «небесная чета» взлетает над гладью воды! И рвёт её тяжестью страшной! – бременем жутким... зловонным.

И лишь там – в водах лазурных и чистых... Зандóр окончательно приходит в себя.

Что это было? Как случиться могло? Как мог произойти сбой в столь тщательно сработанной программе? Понять следовало это как можно скорей.

Но одна задача была ещё неотложней: безупречная чистота экипировки была столь неистово осквернена, что и в отчаяние впасть было недолго.

К счастью, электроника не подвела: прикладная программа была запущена, и в результате, мгновенно, как на одежде Зандóра, так и на теле его не осталось ни одной молекулы лишней.

Так что из воды Командóр вышел сухим и «при полном параде» – таким, как совсем недавно вышел из вертолётa на острове Тайó-Танáo.

– Не много времени прошло с тех пор, – подумал он, – но впечатлений!

Свалившийся как снег на голову «союзник» это как бы подтверждал, хвостом помахивая на полном серьёзе. То есть, более не шая и к шалостям не подстрекая, – усиленно стараясь показать себя надёжным и серьёзным.

И небезуспешно: когда «интеллигентный зверь» услужливо прилёт возле Зандóра, тот, не раздумывая сел ему на спину, и они лёгкой рысцой куда-то понеслись.

Куда? Зачем? Зандóр не знал.

И что всего печальней: такое положение дел для него было более чем неприличным. Но пока... ничего, кроме как сделать хорошую мину при скверной игре, ему не оставалось.

Отработав несколько «контрольных гримас», пригодных для данного момента, Зандóр пристально стал всматриваться вдаль.

Вскоре его внимание привлёк развивающийся над каким-то «обезбашенным» сооружением Российский Флаг, – Российский Флаг над сооружением гораздо более похожим на термитник, нежели на Дом Советов.

Но не это счёл Командóр определяющим.

«Главное, что дома», – подумал он и пришпорил «коня». Тот не только добавил ходу, но и заголосил на всю округу.

Всё чаще стали встречаться небольшие группы людей. Восторженными возгласами они приветствовали всадника, хлопали в ладоши и широко улыбались.

Зандóр тоже улыбался, усилием воли подтягивая уголки рта поближе к ушам. Но много ли ему было дела до естественности и искренности его

улыбки, когда он не мог уловить главного: кто контролирует ситуацию? Кто «дёргает за нити»? Кто «кукловод»?

И каков его – Зандóра! – статус в «игре»?

Сандор

По мере приближения к «дому» свита увеличивалась и при въезде на «Манежную Площадь» уже обретала характеристики присущие толпе. А когда Командор на спине носорога выехал на саму площадь, где ещё недавно проводился футбольный матч и состоялся красочный карнавал, его возвращение с охоты превратилось в настоящее зрелище, напоминающее и религиозную процессию, и языческий культовый обряд.

С помпой завершив круг почёта, тандем Носорог-Командор стал подниматься по лестнице к «резиденции», расположенной на холме.

Там я их и встретил, сидя в кресле под лёгким навесом шезлонга.

Однако сакральная величественность образа, в котором Зандор предстал предо мной, побуждала собраться и задействовать кое-какие нормы этикета. И я встал, импровизируя достойный зрелища поклон.

Взглянув на меня «сверху вниз», не выходя из роли, всадник лишь кинул чопорно с прохладцей:

– Без огонька встречаете, Сигео. Щедрей бы с пиететом.

– Что вы! Как вы могли подумать? Тем более, что у меня для вас сюрприз.

– Что-то к обеду?

– К послеобеду. А к обеду – стол накрыт.

Командор почти неохотно расстался с мягкой спиной друга, но как только сделал пару шагов мне навстречу, нас накрыла тяжёлая волна брызг из бассейна: освободившись от наездника, носорог мгновенно рванул с места и с разбегу плюхнулся в центр «водоёма», где теперь с наслаждением нырял и плавал, внимания ни на кого не обращая.

Зандор и бровью не повёл, и мы отправились туда, откуда доносились ароматы местных блюд. Шли медленно, степенно... Шли, предвкушая радость наполнения яствами чрева. И фразами обменивались, как бы и незначущими ничего, но и способными насторожить вполне:

– Оказывается, не только арахнолог вы, мой друг, но и мамолог, и палеонтолог.

– А вы догадливы, Сигео.

– Однако на охоту вы отправились как арахнолог. И я был вправе ожидать, что вы с неё вернётесь на спине ничуть не менее удобной паука.

– Не ставьте только здесь ваши права на обозрение! Они совсем не тем тут могут оказаться. К тому же ваша несерьёзная лояльность не наилучшим образом может сказаться на моём неукротимом аппетите.

– Прошу прощения.

– Ну. Так-то лучше.

– А так не лучше? – я спросил заоблачно учтиво. И к носу компаньона представил маленького паучка – чёрного... бархатного... с горошину размером, висящего на тонкой серебристой паутинке.

Вот так сюрприз! Как от электрошока передёрнуло Зандóра, и мысль его стремительно стала терять опору, ясность, внятность.

– Как? Вам удалось? Давайте мне! Сюда. Он может...

– Но. Это моя добыча.

– Как? Как это ваша? Вздор! Такого быть не может. Ну, говорят же вам: не-мо-жет-быть! Ну. Хорошо. В обмен просите всё, что захотите.

– Вашу добычу.

– Как? Мою?

– Да.

– Но, – колеблется и взвешивает Командóр, – это же такие... не-со-от-но-си-мы-е... Такие... не-со-от-но-си-тель-ные величины!

– И я об этом, – парирую решительно и в сжатом кулаке прячу предмет несостоявшегося торга.

– Но я надеюсь, – не унимается мой оппонент, – мы всё-таки вернёмся к этой теме.

– Нет невозможного. Этого в Мире – просто нет.

Эти слова несколько примирили Зандóра с его «гешефт-провалом» и он, наконец, сел за стол... оценивающим взглядом пробежался по блюдам... повеселел и, со словами: «невозможно нет», приступил к трапезе.

Дело шло быстро и даже весело, но, когда уже приближалось к концу, на пороге внезапно появился носорог, стряхнул с себя капли воды и подошёл к столу, где для него практически ничего не осталось.

И это только надо было видеть с каким укором зверь посмотрел на Зандóра... как демонстративно отошёл в сторону. Отвернулся и застыл в позе более чем красноречивой.

И это подействовало. Подействовало поразительно эффективно: Командóр тут же активировал средства связи со штабом и продиктовал

длиннейший список провианта, что, несомненно, должен был восстановить расположение, доверие, симпатию и приязнь друга.

Мало того, Зандóр спешно достал из «комода» полотенце и стал им зверя вытирать. И эта процедура, наряду с пошлёпыванием, настолько пришлись тому по вкусу, что обиды были тут же забыты, и установилась атмосфера образцового взаимопониманья.

– Даже и не мечтайте, Сигéо, что такого красавца вы сможете получить в обмен на вашего «шелкопряда». Вы только полюбуйтесь, какой гордый, величественный зверь перед вами! Даже и не мечтайте.

– Обычный носорог. Должно быть Суматрийский. Правда, на индийского больше похож. Вы уже интересовались его родословной?

– Наконец, хоть что-нибудь дельное слышу. Хотя ясно и так: аристократ он, – Потомственный Аристократ Духа и Крови! И я от этого не отступлю.

В это время в помещение вошли две женщины. На деревянной подставке они несли довольно большой сосуд. Когда они поставили его на землю, можно было заметить, что он наполнен кокосовым молоком.

– Э-нито нате Сандóр, – произнесла одна из женщин.

– Оо-то нате Сандóр, – подтвердила другая.

– Может быть для Зандóра? – переспросил я.

– Хинди-ди – нате Сандóр, – звучал ответ. И женщина указала рукой на носорога, – ата-мали умино о.

– Имя носорога Сандóр и это его любимый напиток? – переспросил я.

Женщины заулыбались и подтвердили правильность моих слов. А потом рассказали, что Сандóра все знают, и он – Священный Зверь – их покровитель. Ему почести воздают и приносят еду в пристанище, что он выбрал себе неподалёку.

Всё, что женщины о нём говорили, Сандóр слушал с интересом и лакал «молоко» из чаши. Не менее внимательно к «легенде» своего спасителя отнёсся и Зандóр. А когда женщины ушли, он подошёл к другу, положил руку ему на загривок и произнёс:

– Значит Сандóр. Или Эндóр. Сáнди, Э́нди... Какие имена! Я так и знал.

– Что знали? – спросил я.

– Да где вам понять.

Над нашим «дворцом» пролетел вертолёт, что могло означать только одно: обед для Сáнди доставлен.

Вскоре выяснилось, что самой желанной едой для Сандора оказались икра, пирожные и орехи. Хорошо «пошли» и пирожки с брусникой, плитки шоколада, конфеты... И от хлебного кваса зверь был в полном восторге.

Но нельзя было не заметить и то, что трапеза друга доставила Командору не меньше удовольствия, чем собственная.

Когда с едой было покончено, мы вышли на террасу. Санди сразу заинтересовался спортзалом друга и немедленно получил туда доступ. Мы же с Командором отправились под навесы шезлонгов, и там, надёжно спрятавшись от солнечных лучей и удобно устроившись в креслах, приступили к настоящему «делу» – под «дымовой завесой» неопределённости понятий и логических схем.

– Итак, в игру вступают новые «фигуры». Как вы на это смотрите, Зандор?

– На фигуру Санди? Она – само очарованье.

– А что вы скажете о его аппетите?

– Вашего паука он слопает – и глазом не моргнёт. Слопает как пешку слон на шахматной доске – в два счёта. Даже и не сомневайтесь. Кстати, как вы эту «пешку» там? Ну... как вы называете её?

И тут за ухом Зандора что-то зашевелилось, защекотало. И он уже было поднял руку для удара, но резко передумал и разразился восклицанием:

– Уберите! Уберите его, наконец! Не то Чёрт знает чем он оплетёт мне ухо!

– Имя его Шалáбе. И родом из Мадагаскара он. Не думаю, что «Новое Отечество» своё он станет обустроивать лишь после утомительных согласований с вами. Но... Что там у вас?.. Ничего у вас нет там.

– Показалось.

– С кем не бывает. Но вам не кажется, что Энди... жонглирует блинами вашей штанги?

– Так ведь занять себя он чем-то должен?! Он малое дитя ещё. А вот как подрастёт! Бока как нагуляет! Вы увидите ещё, Сигео, какой из него будет толк.

– А если у Энди есть мать, отец, братья, сёстры? А вы задерживаете его.

– А что, если мы это узнаем? – не особо обеспокоился Зандор и, взяв со стола манипулятор, вывел на большой экран над ареной изображение нашего острова в реальном времени – таким, как его фиксировали объективы с одного из спутников Земли.

Затем он ввёл в программу поиска параметры Энди и нажал на клавишу. Похожая особь была обнаружена лишь в помещении спортзала, что рядом. Всего одна особь.

– А что, Сигео, – мечтательно начал Зандор, – если я предложу вам стать моим секретарём?.. И переводчиком... Личным! Слышите? Моим переводчиком и секретарём! Представляете? Вы представляете, какие перспективы вам это откроет?! Ох!.. до чего Дело хорошее! А доходное-е-е.

– Нет. Благодарю. Если так дело пойдёт, вы и ливрею предложите мне. И тогда... прощай свобода, независимость, мир.

– Ну хорошо. Тогда ради Сандора. Проблема в том, что дикари меня с полслова понимают, а я их – не совсем.

Не дождавшись моего ответа, Командор вызвал «адъютанта» и наказал привести тех женщин, что приносили Санди кокосовый напиток.

Буквально через несколько минут они явились.

– Самостоятельно, Сигео, выясняйте всё. Вы лучше меня знаете, что именно меня интересует.

Распорядившись таким образом, Зандор, не раздеваясь, прыгнул в бассейн и поплыл «от греха подальше». В ту же секунду из спортзала пулей вылетел Энди и с радостным визгом тоже кинулся в воду.

Дикарки

Оставшись один в обществе двух дам, я тут же предложил им занять наши кресла, и пока они усаживались, рассмотрел их получше. Одетые в модную одежду цивилизованного мира, они смотрелись хоть и экзотично, но назвать их дикарками – язык не поворачивался. Это были очень красивые и обаятельные женщины – представительницы иной расы – со своими несомненными достоинствами, что всё больше бросались в глаза.

А если точнее... то от них невозможно было глаз отвести... хотя лица свои они прятали под длинными прядями чёрных волос.

Сколь сильно бы не было удивление «дикарок» тем, что происходило в бассейне, а там происходило настоящее цирковое представление, они вели себя сдержанно и достойно. И трудно было определить: является ли это их природной особенностью, или результатом той «воспитательной» работы, что Зандор здесь проводил.

Для этой цели в его распоряжении были самые мощные средства воздействия на сознание и психику людей, основная часть которых были разработаны им самим.

Счесть их безобидными я не мог и о цели эксперимента мог только догадываться. Так что выяснение подлинных намерений Зандора приобретало для меня всё большую актуальность.

Поэтому, сделав пару пустяжных комплиментов дамам, я первым делом у них спросил, как воспринимают они события последних дней.

По их реакции было видно, что именно на эту тему они и сами хотели бы поговорить. С благодарностью они отмечали всё, что сделал Зандор для их племени, называли его Белым Богом и своим вождём, победившим Чёрного Бога, ритуальное съедение которого было воспринято здесь как необходимая процедура перехода власти.

Особенно радовались женщины тому, что слуги и палачи Чёрного Бога теперь были разогнаны и покинули их остров.

Но Зандор никого не разгонял. Как же это могло случиться без его ведома?

Выяснилось, что племя уже много лет находилось в рабстве у нескольких племён людоедов, чьи ставленники здесь осуществляли властные функции и вершили свои чёрные дела. Теперь в страхе они разбежались, но островитяне опасаются, что вскоре могут вернуться, ибо очень злопамятны и жестоки.

Время от времени представители соседних племён нападали на них, отбирали детей, убивали и пожирали их на своих ритуальных пирах и сходках.

Тут было чему удивиться и о чём ещё расспросить, но не следовало забывать и о Сандоре.

Оказалось, что это животное появилось на острове внезапно – всего несколько дней назад и своим необычным поведением завоевало симпатии всех. Они увидели в нём своего покровителя и стали заботиться о нём. Это и было то немногое, что женщины могли мне рассказать о Санди, и, поблагодарив их, я попросил, чтоб они возвращались к своим обычным делам.

Зандор в это время верхом на Энди выезжал из бассейна. Поравнявшись с «дикарками», носорог прилёг на живот, чтоб друг мог слезть с его спины, что тот и сделал. Потом необычный всадник подошёл к сияющим от восторга женщинам и, поблагодарив их за предоставленную мне информацию, быстрым шагом направился ко мне.

Если вы друг

Мы снова сели в кресла, и я рассказал Командóру всё, что стало мне известно. Тот призадумался, но высказываться на сей счёт не стал. Лишь, уходя от темы, равнодушно спросил:

– Я давеча тут не ослышался? Мне кто-то якобы сюрприз пообещал?

– Им насладиться сможете и без моей моральной и технической поддержки. Но самые пикантные моменты можем и вместе посмотреть.

– Что ж, не томите. Подавайте! Всё как есть – на чистоту.

– Для этого желательно вам кресло развернуть к экрану и настроить видео на восемнадцатый канал.

– Аж восемнадцатый.

– Он самый.

Все необходимые действия Зандóр выполнил, словно делал мне величайшее одолжение, – с саркастической улыбкой на губах и театрально. Но, как только увидел на экране себя, держащегося за хвост удирающего и трубящего вовсю слона, да ещё со всеми, спровоцированными страхом «неожиданностями» зверя-гиганта, – улыбку с его лица словно ветром снесло.

– Вы что! Это снимали?

– Обратите внимание, сколь профессионально и с каким вкусом сделаны съёмки.

– Вы так не шутите, Сигéо! Если это попадёт в лапы «контре»... Я немедленно должен это изъять.

– Я отдаю всё добровольно.

– Всё?

– Именно. Отмотайте назад и вы увидите вашу встречу с Шалáбе и многое другое.

– Ах, Сигéо, Сигéо! Как слёзно тоскует по вам полосатый казённый ватник!.. постные щи и продрогшие нары.

– Ну почему же так мрачно? Документальность сюжетов сомнению не подлежит. К тому же на политический контекст здесь нет даже намёка.

– Компрометируя меня, вы подрываете авторитет могущественнейшей державы. Замахиваетесь на баланс сил в нынешнем хрупком, нестабильном Мире.

– Остыньте! Мы только страницы листаем, – страницы журнала нашей «антропологической» экспедиции. Не более того. А что до «баланса сил»... разве не вас он более всего и раздражает?

Зандор нажал на кнопку пульта и «сюрприз» исчез. Затем, откинувшись на спинку кресла и малость подумав, продолжил беседу в ином ключе:

– Этот «баланс» – отложенное до утра самоубийство – пирушка с залитыми спиртом глазами. Это похороны до наступления смерти. При том, что и одуматься ещё есть время. Только думать никто не желает. Некому думать.

– За исключением...

– Я не хочу, чтоб за меня решал тот камень, что привязали к шее мне до погружения в Пучину. Я выплыть хочу. И другим помочь. Если удастся.

– И с врагом определились вы?

– Давно. Но лишь теперь, – Зандор многозначительно посмотрел мне в глаза и иронически улыбнулся, – определяюсь с другом.

– Продолжайте, мой друг. Если вы друг, конечно.

– В чём вы безусловно правы, Сигео... это то, что наш враг – генетический код Сэпиенсов Гомо.

– То есть природа его носителя.

– Тысячи лет были в распоряжении у человека, чтоб совершенствовать себя, чтоб подниматься над своей низкой природой, становиться существом высоким. А он... только уродовал себя и всё, что его окружало. Мы уроды, Сигео! Уроды, каких не видывал свет.

– Но не всех же под одну гребёнку?

– Да, но это запросто лишь на словах. А как на деле отделить зёрна от плевел?

– И это вам известно?

– Да. Не сомневайтесь: мои средства и технологии не подкачают.

– Ваши! То есть за всех решите вы.

– Сказать так можно. Хотя на деле... И что плохого в том, если кто-то один отделит Сэпиенсов-жертв от Сэпиенсов-паразитов, объединившихся в единый, всё разрушающий тандем-конгломерат?

В сущности... реальность «разумных» такова, что часть из них – иные существа, сумевшие себя накрепко привязать к загривкам оболваненных рабов. Рабов несчастных... изувеченных морально, ментально, физически и генетически.

И вот – озверевшие паразиты гонят, а обезумевшие рабы тащат всё человечество в пропасть. Свято веруя в то, что благоденствие в качестве Гóмо их и там с нетерпением ждёт.

– То есть... вирусом «антропогенного бешенства» заражены все.

– Именно! – заражены. И больны в более или менее тяжёлой форме. А неизлечимых, боюсь, подавляющее большинство. Но! перед зиянием смерти – кое-кто прозревает. Через колено ломает себя. Становится другим.

У этих есть шанс. Шанс не только выжить, но и оправдать взлёт и крушение Цивилизации нашей.

Таких единицы. А остальные? Что с ними? С теми, чей вины нет в том, что они оказались марионетками в грязной, жестокой игре? Вот в чём Вопрос.

И это не вопрос милосердия. Это вопрос Справедливости – важнейшей константы Вселенского Бытия.

– Но чтоб «венец творенья», даже не злодей, внезапно осознал и принял то, что он не совершенен. Чтоб он самостоятельно решил стать более высоким существом... По-вашему, это реально?

– Для генетически модифицированной личности под нужды Техно-Прогресса... нет! – не реально. Поэтому нет у меня союзников среди людей... Увы, Сигéо. Нет у Разумных Зова Сердца к трансформации своего существа. Поэтому нет выбора и у меня. Я всех должен заставить. Или... Чай будете пить?

Зандóр хлопнул в ладоши и к нему подошёл уже знакомый мне абориген, выполняющий его поручения. Получив новое, он принёс самовар и стал управляться с его растопкой самым архаичным «приёмом», – используя сапог для раздува пламени в топке.

– Обратите внимание, Сигéо, как быстро управляются мои люди с самыми непривычными для них делами. Вам это не кажется странным?

– Как это удаётся вам?

– Тайная генетическая гигиена. Плюс кое-что ещё – моё ноу-хау. О нём никто не должен знать. Иначе канем в лету.

– Возможно ли, чтоб эта технология аналогов нигде на Свете не имела?

– Возможно. Путём столь бескорыстным и опасным не пойдёт никто. И под силу путь этот – лишь одиночке.

То, чем заняты спецы по «промывке мозгов», – лишь всё более циничные приёмы оболванивания Разумных. Понятно, – это затрагивает и генетику их, но... это не в счёт.

По замыслу важно лишь то, что в результате даст оптимальный эффект привыкания Гóмо-раба к содержанию на теле своём паразита. Важно лишь то, что способствует привычке раба к мотивированному как угодно безумию – отдавать себя в жертву «вампиру».

Это и мы умеем. И даже вынуждены порой что-то из этих средств применять. Правда, с целью иной. Но мы не за это. По крайней мере, я.

– Ничего удивительного: всегда предпочтительней применить свой Метод, апробировать своё ноу-хау. Но что-то ведь удерживает вас от немедленных и решительных действий? – необратимых шагов по реализации вашей программы?

– Ха-ха-ха-ха. Ни одна государственная тайна не сравнится с тем, на что вы делаете ваш запрос... Как бы без всякой задней мысли... Но вам, мой Друг, я выдам всё начистоту. Дам фору вам, Сигео:

У самого великого мыслителя и практика на сей Планете... нет Идеала. А без него... концы с концами не сводимы. Цепь – Не Замыкает.

Эх, было б время у меня! Я сам и стал бы этим Идеалом. И на себе сомкнул Раздробленность всю Мира. Но... опоздал. И это то, что оказалось меня Выше. Сверх моих сил... Ну ничего: сразиться я ещё сумею. За мечту свою сумею постоять.

Зандор не лукавил. И уходить от острых вопросов намерения не имел. Поэтому я решил прояснить ещё несколько важных моментов:

– Для того, чтоб кардинально менять себя и других, необходима контактная Среда и Её Воля «подчиниться», эксклюзивные возможности и полномочия, выход на ментально недостижимые импульсы Жизни. Вы уверены, что располагаете необходимым?

– Точно так же уверен в этом, как вы не уверены в том, что загнали меня в тупик вашим вопросом.

Почти всем я располагаю. Что до эксклюзива полномочий... это вопрос архиважный, архи ответственный... и! – Архи Острый. Как лезвие моего ножа. И заметьте, что ни где-нибудь, а именно там – на его острие – стыке сверхтонких отношений между Мирами – генерируется вами подразумеваемый феномен глобальных сдвигов Констант Бытия – новых воплощений и трансформаций Миров.

– Да. Но из уст материалиста это звучит как-то странно.

– А из уст идеалиста Это бы вас убедило?

– Нет, конечно.

– И разве вас убеждать надо? Вы не хуже меня знаете и о чём речь, и о том, что сказанное мною – правда.

– Да.

– Что с того, что кому-то в радость считать меня материалистом? Да и для меня это вполне удобный камуфляж. Но. От берега того давно отчалил я. Только к чему пристал... осознать не могу – пропасть между Реальным и Идеальным – неимоверно глубока.

И что толку в знании, что наша суть сокрыта в Целом и Едином? – что структурировано в те или иные формы Жизни... что человек – одна из них. Только не развивающаяся в согласии с Единым, а деградирующая в отрыве от Него...

Что толку это знать? Не зная то, что вместо...

– Можно чай подавать, Командёр? – нас прервал абориген на чистейшем русском.

– Подавайте, – дал добро мой собеседник и многозначительно посмотрел на меня, а когда чай был подан, взял кусочек сахара, откусил от него, запил и продолжил:

– Вот... произошло и это. Быстрее, чем я ожидал. И никаких манипуляций с тем, на что Табу у Природы. Это иной метод. Без корысти и лжи... Что же вы чай не пьёте?

– Вприкуску с сахаром?

– Ах, Сигео... Откуда вам знать, что есть чаепитие для нас – махровых руссов?

Подошёл к столу Сάνди и замахал хвостом. Зандёр подбросил вверх кусочек сахара. Носорог поймал и съел его с удовольствием. И снова замотал хвостом. Однако перекармливать его Зандёр не стал и только предложил альтернативу:

– Потерпи немного, малыш. Сейчас поведу тебя на поле. Сейчас... Там и посмотрим каков ты в деле.

Медленно допивая чай, Командёр мысленно отлетал всё дальше и дальше. Туда где снег, тайга, холода...

«Пылинки» Вселенной

Ни чай, ни сахар Эндóру никто не предлагал, поэтому терпение его скоро лопнуло и он, пару раз недовольно фыркнув, сам побежал по ступенькам вниз к футбольному полю.

Там уже играли в футбол две команды, но появление Энди всех привело в такой восторг, что игра сразу была расстроена. Носорог сходу отобрал у игроков мяч и не давал больше никому возможности им завладеть.

Но островитян было много, и они объединились в одну команду. Так что обхитрить Энди и забирать у него мяч им начало удаваться всё чаще, и они даже забили несколько голов. В ответ на это умный зверь снёс свои ворота, в результате чего соперники могли забивать голы только в свои.

Однако Сандóру футбол быстро надоел, и он придумал другую игру: «предложил» игрокам состязаться за место на его спине. После чего островитяне стали кидаться на «изобретателя» с целью занять место на его спине и удержаться на ней как можно дольше. Сандóр же брыкался и сбрасывал всех, кого мог. Но всё же – кое-кому удержаться удавалось. И тогда Санди катал их по периметру поля так быстро, что удержаться уже не мог никто, и таким образом он всегда побеждал.

Возвращаясь из Мира Грёз, Зандóр с интересом стал наблюдать за происходящим на «стадионе» и то и дело восклицал:

– Умница! Молодчина! Нет, вы только полюбуйтесь на него! Каков. А?

Наконец и сам вышел на поле и попытался укротить зарвавшегося «чемпиона». Но нет. Эндóр заупрямился не на шутку и «в обиду» себя не дал.

Ближе к вечеру участников игры и зрителей становилось всё больше. Однако спортивные страсти больше не накалялись. Атмосфера становилась всё более спокойной, тёплой и миролюбивой. Ещё некоторое время в центре внимания был Зандóр с его неукротимым другом, но постепенно концентрация внимания стала рассредоточиваться, и все участники «вечеринки» становились равноправными частями Целого, где взаимосвязи были абсолютно равны.

Заинтересованно и спокойно люди обсуждали происходящее на экранах: фильмы о науке, культуре, искусстве, других сторонах современной цивилизации. Они старались всё понять, усвоить, осознать... увязать с переменами в их повседневной жизни.

Но неужели этим примитивным «детям природы» было под силу справиться с этим? Притом, не вступив в конфликт со своей природой. Очевидным, правда, было и то, что усилий к тому они прилагали немало.

С появлением сумерек зажглись огни прожекторов. Но это были не праздничные яркие, хаотичные огни, а скорее – тёплый, спокойный свет, – объединяющий всех. И может быть, не только освещающий, но и просвещающий.

Закрутилось колесо карусели, и один за другим сотни, тысячи людей стали подниматься ввысь и, как Звёзды Галактики, целенаправленно закружились вокруг своего Ядра.

Ядра своего Смысла Жизни. Что по-новому стали осознавать.

Я спустился на арену и тоже занял место среди парящих «Пылинок» Вселенной – в соединённом траекториями карусельных «нитей» – хрупком микрокосме зарождающегося Нового Мира.

И так летел я медленно и долго. Над вечностью. И в ней. Времени не замечая.

Моя догадка, что смоделированное Зандóром пространство было информационным, подтвердилась. Это я испытал на себе.

Когда карусель полностью остановилась, было темно. И снова – никого рядом. Все разошлись... Или разлетелись?

Становилось прохладно.

Поднявшись на смотровую платформу, я увидел Зандóра. Кого-то он ждал.

– Время позднее. Пора ко сну, – произнёс он.

– Пожалуй.

И мы побрели в наши обширные покои.

Со словами «Эндóр совсем отбился от рук», Командóр стал устраиваться в своём гамаке. Кто-то из темноты подал голос.

Как большой, щедро набитый соломой мешок, Сандóр спал, превосходно устроившись в паутине, – среди податливых и крепких её структурных узлов, и смотрел свои нескучные носорожьи сны.

Вопросов не возникало. И вскоре сон одолел всех.

Мы – будущее Земли

Но. Ладья снова парит в облаках. Снова уносит куда-то Путников Вечных.

– Чудеса да и только, Сигео: мы снова в ладье. Одной на двоих.

– И как только вам удаётся всегда выходить из неё невредимым?

– Так ведь не шибко охота быть съеденным каким-нибудь латентным каннибалом.

– Каннибалом... Это диагноз?

– Для кого диагноз. А для кого и в пределах нормы.

– Для кого – козырь в игре. А для кого – трагическое стечение обстоятельств.

– Разжалобить меня хотите?

– В жалость вашу, Зандор что-то вера у меня не больно крепка.

– Почему? Добрый, высоконравственный каннибал с обострённым чувством справедливости – столь уж невозможный результат генетических мутаций?

– Вы намекаете на целесообразность сведения наших «круизов» лишь к экспериментам по селекции новых видов существ?

– Не припомню, чтоб этот вопрос обсуждался, но рациональное зерно в этом есть.

– Похоже, и этого плана задачи вы стали бы решать «по ходу дела»?

– В таком деле без импровизаций? Но сложность здесь в том, что в сущности, никогда не знаешь, с кем в точности имеешь дело.

– А главное – не знаешь, кто ты сам.

– Главное?.. Главное, что всё можно менять: наследственность, нравственность, истины, цели.

– Где? В теории? В лаборатории? Или в реальной жизни?

– Где угодно. Но важно и то, кто меняет. Важно то, кто управляет процессом. Этим невероятно тонким, ответственным и сложным делом.

– Насильно?

– Увы. Но паразит-наильник, дорвавшись до власти, что-то – а уж себя менять не станет. Мир под себя станет менять.

И вот что характерно: если среди «овец» окажется хотя бы один «овцеволк», то рано или поздно бразды правления захватит он. И всё пойдёт так, как ему надо. Ему... и его мерзкому потомству.

– Выходит: насилию сломать хребет в принципе невозможно?

– Возможно. Только как? На это нет пока ответа.

– Тогда не посмотреть ли нам на сей феномен... как бы со стороны?

– Да. Но лучше – не со стороны.

Ладья стала сбрасывать высоту и вскоре мы увидели, что находимся над небольшим полуостровом. Его удалённая от материка часть словно вросла в Океан высокими монолитами скал, объединённых плодородными долинами и высокогорными плато.

На одном из них, на самой грани почти вертикального обрыва, мы увидели огромное скопление людей. Они становились возле самого обрыва и подавали друг другу руки.

Живая цепь вот-вот должна была сомкнуться.

– Какой странный и опасный обряд! – произнёс Зандор.

– Если обряд, то последний. Это племя окружено каннибалами, и оно выбрало смерть. Предпочло смерть произволу врагов.

А вот и они.

Почти одновременно с противоположенной стороны на плато выбежали несколько сотен вооружённых до зубов кровожадных воинов. Они выкрикивали свои боевые кличи и уверенно шли в наступление.

– Красота! – весело воскликнул Зандор. – Если б вы только знали, Сигео, как я люблю ясность! Вот она – добро слева, зло справа. Вы на чьей стороне?

– Тех, кто слева.

– Кто б мог подумать, – бросил Зандор и выпрыгнул из ладьи, уже приземлившейся на небольшом расстоянии от тех, кто слева.

Немедля он выхватил нож и поднёс к глазам. Лезвие ножа засветилось и под взглядом хозяина стало менять параметры окружающей нас реальности. Длилось это недолго. После чего Командор вставил нож в ножны и самодовольно сообщил о результате проделанной работы:

– Сражение выиграно. Враг остановлен. И участь его зависит только от моей доброй воли.

– Меня больше беспокоит участь тех, кто над обрывом. Пойдём к ним.

Но к нам навстречу уже шла девочка лет тринадцати и то ли её отец, то ли вождь племени. Потом он остановился, а девочка прошла ещё несколько шагов вперёд, остановилась и спокойно и серьёзно произнесла:

– Мы – будущее Земли. Нам пора. Мы уходим.

Поднялся ветер... И утих. Девочка повернулась к соплеменнику... как бы подала ему знак. И тот сказал:

– Вы тоже из будущего. Не из того, что мы. Но... решает Земля.

– Да. И она уже решила. За вас и за нас, – сказал я. – Нам всем пора. Только уйдём мы не так, как предполагали вы. Вы доверяете нам?

– Да, – ответила девочка.

– Мы переправим вас на острова, не заселённые людьми. Там сможете следовать избранным вами путём.

– Хорошо, – сказал вождь.

– Поставьте об этом в известность всех. Это произойдёт сейчас и очень быстро.

Снова поднялся ветер... И не утихал. Только усиливался... Девочка и вождь с минуту стояли неподвижно. Потом приложили правую руку к Сердцу, повернулись и пошли назад к своему народу.

Мы стояли молча и наблюдали за происходящим. Через несколько минут всё племя уже стояло перед нами держась за руки – лишь в нескольких сантиметрах от обрыва.

Все стояли молча и смотрели на нас.

Ветер снова усилился и стал нещадно трепать скромные одежды этих необычных людей. Мы подошли к ним ближе, и сквозь яростные завывания урагана я громко и решительно произнёс:

– Начинайте, Зандор! Я завершу.

Зандор снова достал нож и поднял его на уровень глаз... и лезвие его воспламенилось. Но... после того, как оно погасло, всё племя из реальности, в которой оставались мы, исчезло. А мы вернулись в лодку и взмыли ввысь.

Летим... быстро... высоко... Летим над тихой гладью Океана. Под нами уже сотни, тысячи островов, нетронутых людьми.

Мы на одном из них:

Песчаный берег. Пальмы. Горные цепи вдали... Спасённое племя стоит на берегу Океана. Все счастливы. Удивлены.

Тёплыми лучами Солнца и свежими порывами ветра встречает их, – их новая Родина.

И мы среди них. Но... Нам пора.

Подбегает к нам та же девочка. Подходит тот же её соплеменник. Лица светятся их, но поведение сдержано и благородно.

– Мы знали, что вы придёте и ждали вас до последней минуты, – нам сообщает девочка. А соплеменник её дополняет:

– Сожалею, что так скоро расходятся наши пути, но важно, чтоб вы знали кто мы.

– Да, ведь мы о вас почти ничего не знаем, – я подтверждаю.

– Мы те, кто ушли от собратьев по разуму. Те, кто пошли иным путём в Жизни, – путём Духовного Роста. Мы уже другие ментально, духовно, физически. И мы, развиваясь, не отрываемся от Земли, Космоса, Природы.

– И живём мы любовью. Никого не лишая жизни, – добавила девочка, – но...

Видимо сложно ей было выразить то, что она хотела сказать, и она взглянула на соплеменника. И тот продолжил начатую девочкой фразу:

– Наша жестокость умирает вместе с нами. И только так она умирает: если наши мужчины убивают тех, кто на них охотятся, после – они убивают себя. Если наши женщины становятся жертвами насилия, они сами лишают себя жизни, чтоб не дать жизнь зверю в чреве своём. Таков наш закон.

– Эти острова станут украшением Планеты, – снова вступила в разговор девочка, наклонилась, подняла с земли горсть песка... прижала его к щеке... и продолжила: – если только сюда не вторгнутся те, кого вы остановили.

В руке Зандора снова засверкал на Солнце нож, и он поднёс его к глазам. Внимательно просмотрел лезвие на просвет... вздохнул и сказал:

– Лишь часть островов остаются недосыгаемы для ваших врагов. Это всё, что в моих силах. Но это вам очень поможет.

– Спасибо вам от всего моего племени, – ещё успеваешь сказать девочка сквозь штормовую волну разъединяющихся реалий.

И мы снова в ладье, скользящей над Океаном, – Океаном тревожным, взволнованным. Быстро летим. Так быстро, что даже молнии нас не настигают.

Дождь. Ветер. Раскаты грома.

Тьма... Гигантская свирепая волна. Разбита вдребезги ладья.

Холодная жуткая бездна.

На каменный берег Зандора выбрасывает волна. С ног сбивает другая. Ничего. Он твёрже любого камня, любой преграды.

По отвесной скале взбирается он на то же плато, откуда в иную Реаль вывел целое племя. Целый народ. Нет... Не целый... Откуда он знает?

Не важно.

Камни. Молнии. Скалы. Гул Океана... Ветер... Острые капли дождя.
Зандóр бежит по самому краю обрыва. Падает. Поднимается. Снова бежит. В ночи. Дикой... страшной... жестокой. Падает.

Снова встаёт и бежит.

Что это? Плачь? Женщины?.. Девочки?.. Здесь? – в бездонном омуте тьмы?!

Она рядом. Напротив. Молнии лицо её освещают. Она... вся в слезах.

– Я так хочу жить! – она произносит, от горечи задыхаясь.

Зандóра не видит сквозь слёзы. Не замечает. Нет. Не замечает...

Нет! – заметила. Увидела его. Притихла.

– Я так люблю их!.. Всех. Кого спасли вы. Как я люблю их! Но... Вам всё известно.

– Не плачь. Я никому не дам тебя в обиду.

– Знаю. Но лишь сама могу себя спасти. Я ношу зверя в чреве своём.

Он умрёт вместе со мной.

– И я не смогу помочь?

Девушка вытерла слёзы и спокойно посмотрела Зандóру в глаза.

Он подошёл к ней и взял её на руки. Она прижалась к нему... и тихо сказала:

– Это было очень-очень давно. Тогда так же билось твоё Сердце. И тогда... ты вынес меня из огня.

– Иртамáй, – тихо сказал Зандóр. И шагнул в пропасть.

Смертельная боль!!! Невыносимая. Страшная. Чёрная. Ничего...

Ночное небо тоже чёрное.

Но в нём загораются Звёзды.

Уже загораются... И восходит Луна. Тёплая. Круглая. Живая.

В Мире всё живое. И нет в нём ничего, кроме Жизни.

***

Ладья живая в пространстве живом парит... И уносит двух путников в неизвестность... Уносит.

Сон-н-н-н...

Кино снимаем

Казалось, следующий день будет таким же добрым и безмятежным, как вечер накануне. Но всё пошло на перекося сразу, как только Зандор вынырнул из воды после купанья, чтоб по лесенке взойти на платформу и отправиться к завтраку.

Стряхнувши с головы капли воды и разомкнув глаза, он увидел перед собой картину, что и в страшном сне присниться ему не могла: перед ним стоял гигант из соседнего племени людоедов, – гигант до зубов вооружённый его оружием. Этот явно лишь человекообразный тип, нарядившийся в его шорты, жилет и «скороходы», подцепивший к груди его драгоценный нож, со злобной усмешкой в вызывающей позе стоял перед ним.

Ситуация стала ещё критичней после того, как «обезьяна» выхватила нож из ножен и сделала им несколько «эфир нарезающих» взмахов.

Однако тяжёлый взгляд Зандора и горсть воды, молниеносно достигшая «морду лица» агрессора, оказались достаточно сильным аргументом, чтоб тот отступил и бросился наутёк.

Выскочив из воды и прихватив лишь полотенце, Командор бросился в погоню.

Зрелище вырисовывалось не для слабонервных: вор сразу сильно оторвался, но изрядно путался в электронной броне шорт, и это давало преследователю шанс.

Но и ему от случайных взглядов «соотечественников» всё время приходилось прикрываться полотенцем.

Такой бег часто дополнялся подобием вращения вокруг оси, что прибавляло ему зрелищности, но никак не скорость.

Всплески эмоций – невыразимы! Ставки – заоблачны!

Для беглеца сверхзадачей было перебежать равнину и скрыться в джунглях. Для Зандора – ни в коем случае этого не допустить и за своё вступить в бой до того, как след вора успеет простыть.

И казалось, это удастся. Ведь он уже наступал беглецу на пятки.

Но... не удалось. Ускользнул обнаглевший самец вместе с украденным скарбом – исчез, затерялся среди кустов и деревьев. Потерялся беглец. Уже его не догнать. Не настигнуть.

И снова: что это? Поражение? Нет? Но положение – отчаянное.

Правда, теперь можно лучше укутаться в полотенце. Теперь уже можно. Появилось для этого время. Теперь можно найти самую лучшую мину при столь неудачной игре. Но толку-то что?

И много ли проку с того, что, возбуждённо фыркая и трубя, подбегает Эндóр?

Поздно. Да, поздно. Эндóр возбуждённо и грозно рычит. Но путь открыт лишь к отступлению.

Долго... в тяжёлом раздумье Зандóр сидит на камне. Всё, что у него осталось, это браслет адмирала на левой руке. Нет. Это не вариант. Он справится сам. Надо только собраться, всё взвесить и принять правильное решение. Да и Э́нди свой рог неуклонно вверх тянет.

– Ты прав, дружище. Это не наше дело: нос вешать. Поедем лучше домой.

Произнося это, Зандóр взобрался на спину друга, и они не спеша отправились восвояси. По крайней мере, непобеждённые.

По пути несколько групп воинов выражают готовность атаковать неприятеля, но Зандóр успокаивает их и заверяет, что необходимости в этом нет.

По прибытии первым делом кидается он в прохладную воду бассейна, делает несколько энергичных заплывов и, внешне явно посвежев, отправляется в «трапезную».

Здесь я его и встречаю.

– Доброе утро, коллега. Не подумайте только, что опоздание ваше к столу осталось здесь незамеченным. Так с приобретением вас? Или...

– Потери ваши от того, что вовремя не спохватились догонять меня с вашим походным «киноарсеналом», вполне сопоставимы с «приобретением» моим. Сюжет какой потерял! С чем вас и поздравляю.

– Не беспокойтесь. Этот сюжет мы вместе после завтрака увидим по 16 программе.

– Вы что, меня совсем добить хотите?

– Нет. Полюбуйтесь лучше на обилие изысков, взывающих к вашему аппетиту.

– Да, при таком раскладе... очевидно, что потеряно не всё. Эндóр, иди сюда. Ну, выбирай!

Сам Зандóр перекусил лишь наспех и отправился в спортзал. Потом в бассейн. А после на террасу, где так же, как и я, уселся в кресло, взял пульт и вывел на экран 16 программу.

Наличку просмотрев, задумался и сделал вывод:

– Снять лучше невозможно. Где такому учат?

– В вашей непревзойдённой Академии Наук.

– Разве что лгать там учат столь блистательно и беспардонно.

– Лгать. А кстати, это не Ключевое слово всей цивилизации Разумных?

И если так... разве наука может отставать в столь грязном и неблагоприятном деле?

– Во всех делах подле моей ноги место науки. Под моим бдительным и строгим взором. Об этом я и думаю сейчас... Чтоб не отстать ни от неё, ни от моих придурков генералов. Да, именно: чтоб не отстать от них в этом безумно хитром и коварном деле, – деле «ключевом».

Сейчас как на ладони я у них и без кнута. Как бы не приборзели. Вот – это всё, что у меня осталось, – Зандóр глянул на браслет адмирала.

– Всё?.. Нет, не всё, – я возразил. И представил взору компаньона нам хорошо знакомое Меню – из «Вип-сарая» его славного «Конкорда».

Бережно... боковым зрением Зандóр его «коснулся». И тут же выражение его лица стало непроницаемо пустым и строгим. А я продолжил:

– Каннибал счёл Это себя недостойным. И при погоне сбросил как лишний балласт.

Командóр меня словно не слышит. Секунда... две... пять... И я ставлю «точку» в отклонении от темы:

– Надеюсь, возражений нет, если отныне... «непотеряемость шедевра» я возьму всецело на себя?

Зандóр приподнял бровь. Встал и отошёл несколько шагов в сторону... Я же, упрятав драгоценный «уникум» в складках накидки, повернулся к собеседнику с весьма загадочным и умиротворённым выражением лица... и улыбнулся.

Тот пуще прежнего напыжился и возгордился. Важно сел в кресло и слёту вышел на связь с адмиралом:

– Здесь Я! Ну... Что вы припали там к мониторам?! Что? Так весело по десять раз прокручивать один сюжет?!

– Но... мы в недоумении.

– Денис Петрович. Я кому «вставлял»?! – не удивляться ничему! Здесь всё по плану. А если что – немедленно дам знать. Что от Иван Иваныча?.. Ну ладно. Этим по возвращении займусь. А то, что мы пока отсняли, – так – баловство – цветочки. Настоящее кино ещё вам покажу. Устрою и представлю. Выдам... Вам понятно?

– Да. Только, если правильно вас понимаю...

– Снимаем! Да. Кино снимаем. Что не ясно? И без наводящих! Вы уменьшаете этим ценность сюрприза.

– Тогда вопросов нет.

– Ладно. Нос по ветру! А руку на пульс Страны! Аккуратно... А я своё не упущу.

Прервав связь, Зандор стиснул в кулаке стакан и саркастически произнёс:

– У них нет вопросов. У них вообще!.. ничего нет, кроме этих вопросов... Григорий! – так Командор назвал своего «адъютанта», – нам бы чайку.

И Григорий сразу же взялся за дело, а мы продолжили в том же духе:

– Отловить местного сучьего сына я должен как можно скорей. Не то от повстанцев на «яхте» в глазах рябит. Чего-чего, а мятежа я допустить не в праве.

– Если необходима помощь, не стесняйтесь.

– Что значит «не стесняйтесь»? Я барышня, что ли? Да мы сейчас задачку эту порешим.

Через минуту на экране над трибунами мы увидели наш остров с высоты птичьего полёта. Но особи в шортах Зандора там не было. Её мы обнаружили на соседнем острове среди своих.

– Вот он где – выродок... «гроза околотка». Что мелет он там? Сигео, прошу вас. Вы спец по языкам пещерных тварей.

– Простите, но ваш визави призывает к агрессии – к расправе над вами. Не в самых изысканных выражениях делает это. А вы как хотели? Съесть их вождя!.. Такое не часто с рук сходит. Вкус вашего мяса взывает к возвышенным чувствам ваших врагов, – к чувствам, увенчанным изощрённой и праведной мстью.

– Мерзавцы. Но почему гримасничают так? – выпячивают челюсти и зубы? – неистово водят руками поверх ртов собачьих?

– Они изображают, как будут рвать вас на куски ... и пожирать. Показывают с каким наслаждением будут это делать.

Зандор рассмеялся.

– А знаете, мне даже нравится это.

– Да, выглядит это забавно, но во что вылиться может...

Нам подали чай, и Зандор, отхлебнув глоток, продолжил разбор ситуации:

– Весь фокус в том, Сигео, что мои генералы сейчас делают в точности то же, что каннибалы здесь. С намерением абсолютно тем же. А каждый кадр, что спутники им доносят, с пристрастием анатомируют эксперты.

И как только там смекнут, что я блефую, сражаться мне придётся на два фронта. И уж что-что, а рукотворную «Геенну Огненную» – я здесь вам гарантировать могу. Так что... если до этого не унесёте ноги...

– Оставить вас в беде как-то не очень-то бы мне хотелось.

– Ой-ли! Так уж и не хотелось?.. Ладно. Чай пейте. По крайней мере до утра головоломку эту они вряд ли разгадают. А уж как разгадают! – возле кормила власти толчея такая различнётся! Много отдал бы за просмотр этих эпических кровавых сцен.

– Такое впечатление, что и довериться вам некому среди своих.

– Нет. Почему? Хотя... Не знаю. И подставлять никого неохота. Дорого им это может обойтись. Все под контролем... Под тотальным контролем. А уж мы с вами!

Единственное, что они не могут, так это слышать нас. Но видят гады – всё! Поэтому пойду-ка я теперь в спортзал. И отвлекусь немного. А заодно «пару поддам» в мозги экспертам.

Теперь важней всего отсрочить «Судный Час». А ночь – на то и ночь, чтоб принять меры.

И вот ещё что я скажу вам напоследок: сочувствия не заслужил я вашего, мой друг. Поэтому и настоятельно рекомендую: держитесь от меня подальше.

Вместо полит-убежища у людоедов

Тем не менее всё послеобеденное время я предпочёл держаться невдалеке. Меня интересовали результаты предпринятых Зандóром опытов над дикорями.

Подойдя к группе мужчин и их поприветствовав, я спросил, как им жилось здесь до нашего появления и как теперь. Мужчины приветливо улыбались и охотно были готовы поведать мне всё.

Так я узнал, что кровожадные завоеватели истребили часть их народа, заселили их земли, а самих повергли в рабство. На протяжении столетий к ним относились как к домашнему скоту – отбирали детей их и пожирали всех, кто был им неугоден или больше «по вкусу». За неповиновение безжалостно пытали. Так почти полностью были уничтожены их традиции и культура.

Нас они воспринимали как своих избавителей и доверяли нам. А то, что они узнали о нашей Планете и цивилизации, с трудом укладывалось в их сознании, но они хотели знать правду. Все выражали удовлетворение событиями последних дней и уверяли в том, что теперь их дух окреп настолько, что они готовы не только умирать, но и сражаться за свободу, невзирая на то, что убивать им не велит их природа, законы и человеческое достоинство. Нас благодарили за всё.

Всё большей симпатией я стал проникаться к этим людям. И, прощаясь, сказал им то, в чём был твёрдо уверен: что никогда они больше не будут рабами.

Вернувшись к обеду, я увидел, что Зандóр уже ждёт меня с нетерпением.

– Вы не знаете, Сигéо, где здесь самый крохотный и необжитый остров? Если ястребы мои решат пустить меня «в расход», они от здешней красоты и тени не оставят. И знаете... я думаю ещё о том, – Командóр усмехнулся, – чтоб испросить полит-убежища у людоедов. Что с них взять? А те, на ком нет никакой вины... никто не должен пострадать.

– Не должен. Только ястребы тут причём? Вы полагаете: они что-либо могут тут бомбить вопреки моей воли?

– Вы что сказать хотите?

– Скромнее надо быть, мой друг.

– Скромнее? Но... Вы предлагаете мне вашу «крышу»?

– Не вам. Нашему Делу.
– Какому?
– Но ведь сейчас... вы не на командной высоте вашей Державы.
– Да. Возможно. Но успех этого «Дела»... смею заверить вас – от моих шорт зависит. Шорт на моей задней части.
– Это шантаж?
– Что вы! Это у вас впереди. Пока лишь – так – проверка на лояльность. И на находчивость, конечно.

– Тогда... я полагаю: ваши шорты не настоль глупы, чтоб вскоре не найти дорогу к своему хозяину. То есть – к указанному вами месту.

После такого поворота дел Зандор весело и беспечно рассмеялся, сразу потерял интерес к этой серьёзной теме и немедля перевёл разговор к своей новой идее:

– Ох! Если так... мне кажется, Сигео, – пора нам приобщать Сандора к бане. Да. К бане! Ну что же он – дикарь какой? Сейчас ему это устроим. Вот отобедаем. А уж потом – держитесь!

Лишённый средств управления, «Бог Электроники» был вынужден пробежаться до бани, после чего можно было не сомневаться: оптимальный режим её эксплуатации был установлен и гарантирован.

За обедом Командор много шутил и ел ничуть не меньше обычного. Когда же я пересказал ему историю островитян, он помрачнел, задумался... и лишь подвёл черту под тему:

– Если хоть что-нибудь есть ценного, что этому народу вспомнить, – он вспомнит всё. Это одна из установок активированной мной программы, – программы отделения «зёрен от плевел».

И это далеко не всё. Только всё по порядку: не забывайте, что у Энди – день сегодня Банный. А это удовольствие сулит нам и не абы какое развлеченье. Пойдём скорей! Преподнесём сюрприз этому проходимцу.

И мы пошли. И нашим первым встречным оказался сам наш «подопечный». Он петлял кругами подле бани и недовольно фыркал. Видимо, пар, что пробивался из неё наружу, приводил зверя в недоумение. И наконец, до сути не дойдя, он даже попытался соорудить поддеть и опрокинуть.

– Я что-то всё же не пойму, – попытался и я уяснить замысел автора затеи. – Как вы намерены ввести животное в парную через эту крохотную дверь?

– А мне-то что, как он туда войдёт?! У меня своих дел мало? – весело парировал Зандóр и стал сзывать всех местных для участия в намеченном «спектакле».

Поначалу никто не решался, но постепенно смельчаки нашлись, что отведали и парную, и приняли участие в борьбе понарошку.

Эндóр вначале всё игнорировал и делал вид, что подобные дела ему глубоко безразличны. Но когда увидел, как весело они идут у других, стал буквально путаться у всех под ногами, требуя внимания только к себе.

Наконец, он попытался войти и в баню. Но даже до половины втиснуться в дверь ему не удавалось. Одна за другой повторялись попытки, но... ни одна так и не увенчалась успехом.

Людей прибывало всё больше. И общими усилиями компромисс был найден: Эндóра стали обливать горячей водой и лупить вениками. От чего он тут же кинулся спасаться бегством.

Потом, однако, передумал и вернулся. И, получив новую порцию адреналина, снова бросился наутёк, и снова вернулся – к немалому удовольствию остальных «игроков».

Наконец носорог осмелел настолько, что решил довериться коллективному порыву своих «фанов»: плюхнулся в траву и смело принял на себя поток «осатанелой любви» дюжины веников, тут же заплясавших по его «бархатному» телу.

Входя в новую роль, Энди усердно поворачивался с боку набок, сопел и пыхтел от удовольствия... и, наблюдая за этим, никто не мог удержаться от смеха: такой забавной картины никто в жизни своей не видел.

А когда Эндóр поднялся... и его окатили ещё несколькими вёдрами воды, – он выглядел восхитительно – белорозовочистым и очень самодовольным.

Ничуть не менее довольным выглядел и Зандóр. Откуда-то в его руках появилось полотенце, и он стал им вытирать своего любимца.

Но вдруг носорога словно подменили: в нескольких шагах от себя Энди увидел группу детей.

И всё! – весь остальной Мир существовать для него перестал: плавной и мягкой поступью он подошёл к этим ещё совсем беззащитным существам и очень осторожно и деликатно попытался с ними найти общий язык. Он смешно шевелил то одним ухом, то другим, подмигивал глазами,

вырисовывал остроумные фигурки хвостом... и добродушная улыбка его «лицо» не покидала.

Вскоре дети и в самом деле прониклись доверием к добродушному зверю и осмелели настолько, что один за другим оказались на его спине, и он бережно катал их на радость всем.

К тому времени когда начало смеркаться, прелесть русской бани отведали уже все здесь собравшиеся жители острова, и Зандор стал угощать их квасом, галетами, икрой... И за этим нехитрым, негосударственным делом сам словно перевоплощался: становился открытым, заботливым, доступным. А возможно... и просто счастливым.

Казалось, этот день закончится мирно и тихо. Но вышло не так. Сначала Энди, не смирившись со своими неудачами проникновения в баню, решил предпринять новую попытку.

Начал он с того, что кое-как протиснул в дверной проём свою заднюю часть. Избушка уже начала трещать по швам, но носорог не унимался и на уговоры не реагировал, – только упорно добивался желаемого результата. Налегал и налегал.

Зандор, стоявший неподалёку с кружкой кваса в руке, сначала лишь посмеивался, но внезапно его осенила некая шальная мысль, и – через открытое окошко – он плеснул содержимое кружки на раскалённые камни в парной.

Последствия были феерическими: парная и предбанник мигом наполнились горячим паром, а Эндор рванул вперёд столь стремительно и мощно, что банька вмиг развалилась как карточный домик, воспламенилась и, как огромный факел, осветила погружённую в густые сумерки округу.

Трагикомичность зрелища едва ли можно передать словами: все сразу отступили и замолкли – ужас их охватил от взрыва огненной стихии. Даже Зандор отпрянул и как вкопанный застыл перед бушующим огнём, – словно Нерон, перед подождённым им Римаом. Но... как только цел и невредим выбежал из огня неугомонный «шалунишка» и замотал не тронутым огнём хвостом, Командор сразу же беспечно рассмеялся, и веселье и радость вернулись к нему и ко всем.

Однако огонь от горящей избы был столь сильным и свирепствовал столь ярко и буйно, что пробуждал и иные чувства, и настроения.

Он Сердца заставлял биться сильнее и иллюзиями переполнял Мир Воображения.

И снова умолкли все. Замерли. И неподвижно стояли. Стояли перед огнём сотворённым чудом – в реальности, в сознании... в себе.

Жизнь, Красота и Огонь синонимы?

Но вдруг что-то воспламенилось и в небе. И! – рвануло! Ещё и ещё! Будто гром загредел и посыпались искры... Это – над нами взрывались ракеты. Сталкивались и взрывались... Много ракет, много искр, много шума.

Медленно Зандор подошёл ко мне.

– Это по мою душу. Хватились скорей, чем я думал... Красота какая!

Островитяне, уже несколько привыкшие к подобным вещам, беспокойства не проявляли. Лишь дети позволили себе выразить восторг, что-то воскликнув или захлопав в ладоши.

Не отрывая глаз от «спектакля» в небе, Зандор высказался ещё более определённо:

– А вы таки шельма, Сигео. Проходимцев вашего калибра я ещё не встречал. Как вам удаётся это? Какой фейерверк! Сейчас... Сейчас я им хвосты пооткручиваю.

Установив связь со штабом при помощи браслета, подчёркнуто спокойным голосом Командор произнёс:

– Здесь я. Вы что там – белены объелись?

– С днём рождения, Товарищ Маршал!

– Ах! А я уже подумал: память там у вас поотшибало?.. Ну, спасибо. Чья идея?

– Это секрет. Военная тайна. Правду сказать – не поворачивается язык.

– Тогда и всех благодарите там, кого попало. Видали, как мы отмечаем здесь?

– Ещё бы! Настоящий вызов тривиальности и скуке праздничной рутины.

– Есть творческие замыслы и на ближайшие деньки. Так что и вам скучать не дам. Быть начеку!

– Есть, командир.

– Спасибо, Денис. До завтра.

Отключив браслетное средство связи, Зандор посмотрел на меня, усмехнулся и добавил:

– Всем спасибо. Оказывается, мой день рождения сегодня.

– Не слабо. Мои поздравления! Принимайте.

– И почему только не соболезнования? По-вашему, не боевыми меня тут «поздравляли»? Притом без доказательств... без улик. Вот как живём! Не тужим.

– А ещё: с лёгким паром! На славу удался денёк. И теперь можем спокойно отправляться ко сну.

– Да. Только снаряды были боевые. Меня не проведёшь. Ах, как дал маху! Как прокололся лис!.. Как сыпану углей ему горячих на седло!

До убежища своего мы добрались без мрачных мыслей и происшествий. И только уже засыпая в своём гамаке, Командор сквозь сон произнёс:

– Да... мне уже нравится экспедиция эта.

Эндор в своём углу что-то буркнул в ответ, и друзья сразу уснули.

Мать Вселенной

Тишина. Сон-н-н-н... Чёрная лодка в густом тумане снова скользит над сонной рекой. Быстрая, острая, живая ладья... Куда несёт она Путника Вечного?

Крепко Зандóр держит весло в сильных руках. Но... Не знает куда грести. Не знает. И у кого спросить не знает – не у кого спросить. Жаль?

Похоже на то.

Но. Не один он – кругом всё живое! Всё! – лодка, весло, пространство, туман. Всё живое! Всё знает, чувствует, мыслит, мечтает, творит.

Как? Как же так? Почему понимание это приходит только сейчас? Только здесь. Знание это! – как чувство, прозрение, откровение.

Какое страшное прозрение! Мучительное! Боль...

Как можно было этого не знать? Как можно было жить, лишь смутно это ощущая? Как можно было быть таким циничным, грубым, примитивным, злым?

Непроглядным... чёрным становится туман – каплями едкого раствора падает на землю. Чёрными каплями течёт по лицу и рукам Зандóра.

Туман?

Нет. Это липкий густой чёрный дым, что валит из раструбов адских печей под килем ладьи, из безобразных конструкторов... топок, горнил, что поверхность Планеты собой заслонили, собой подменили.

Её убивают! –

Поверхность и недра Планеты Живой – трепетной... доброй.

Дым валит из адских печей, сжигающих кровь и тело Земли!

Для чего?

Для того, чтоб гигантские монстры, плодящие грязь, мусор, шум, деньги, – пили её. Превращали в различные виды энергий.

И – «жили». Так «жили» мерзкой жизнью своей – паразитов – существовали они. Монстры эти!

Зандóр задыхается от дыма, копоти, гари, угара... Где он? В каком тысячелетии?

В том, что сейчас, здесь, сегодня – на живом ещё теле Планеты.

Воспалённая сыпь покрывает тело его. Зудящие раны.

Язвы саднящие и гнойники.

Чёрт!!!

Невозможно вынести это!

Но почему всё это есть???

Потому, что от жажды наживы хищные твари от химической индустрии всё заражают, всё отравляют. И убивают.

Этот шум в голове... невыносимый! Вибрации электромагнитного поля!

Информационного поля Земли?

Нет! Не её это поле. Давно! Это информационное поле людей, – поле игры чудовищ, соревнующихся во Лжи.

Ах, сколько её сработано ими! – лжи себе, Планете, Вселенной! Лжи о своей подлинной сущности кровожадных убийц.

Такой «восхитительной» лжи! Как Правда.

А Правда где?

Руки Зандора отпускают весло. Они не могут его удержать – в них нет больше силы – жизни нет в них почти.

И падает ладья с небес под нефтяные вышки, шахты, рудники.

На землю падает она... И падает под Землю – уходит под чёрный её покров.

Во тьму. В леденящий холод. Мрак, ужас. Разграбленных, истерзанных – едва живых недр Голубой Планеты. Обескровленных, пустых её артерий. Изломанных «костей».

Измятых.

Зандор выходит из ладьи.

С трудом держится на ногах. Едва передвигается. Во тьме блуждает. И блуждает... И...

Падает он.

Падает в Злую Могильную Пропась.

Горит в ней. Сгорает. И умирает.

Нет! Не умирает!

Не может он умереть. Жить только он может. Бороться. Терпеть.

Сколько?!

Он – Вечный. Он уничтожит Юдоль страданий и мародёрства! Вотчину Смерти он истребит!

Болью своей. Жизнью и Правдой.

Он Вечный.

Идёт.

Последний Рубеж. Что Там? – за ним. За его вечным «Я».

Что? – последнее, что у него осталось. Что? Там – После него. После
Всего!

И...

Перед ним.

Понято Это быть может? Выражено... быть может?

Да! Может! И! Взрывает оно «Зазеркалье»:

– Ир-та-май!..

И меняется всё.

Словно в кошмарном сне идёт Зандор навстречу Силуэту, – Силуэту в
Чёрной Ледящей Тьме. Идёт.

Переступая. Преступая. Преодолевая Всё На Свете.

Он идёт.

Через Себя...

Мрак, холод, тишина. Смертельная тоска. Неодолимая усталость.

Вот! Она напротив. В Чёрном.

Женщина. С лицом, закрытым под вуалью.

Под скрытым чёрным саваном лицом?

Нет! Нет же!

Кто она?

МАТЬ.

Мать Она. Всего на Свете!

Что осознать возможно. И что невозможно осознать.

Мать.

Падает Зандор к её ногам.

И...

Она вуаль отводит... слабой, усталой, неверной рукой – истомлённой
рукой, дрожащей.

Красивое лицо её... всё язвами покрыто. Изъедено невыносимой
болью. Обезображено. Убито. А в глазах!

В печальных, гаснущих её глазах...

Неодолимая Вселенская Усталость.

– Вот, – она тихо молвит.

– Нет!.. Не ты. Это не ты! ЭТО... моя Вина! – Зандор едва из себя
вырывает.

– Нет. Лик Жизни Это. Образ Её. Это – Правда.

– Мы изменим Её. Всё изменим!

– Нет, – произносит женщина и падает во Тьму – в холодный Мрак и
Неизвестность.

И нет Её... Нет больше.

Но!

Если хоть что-нибудь ещё на Свете есть! Хоть что-нибудь!

Её найти возможно.

Можно!

И идёт Зандор...

Идёт к ней через всё на Свете.

Долго.

Идёт... грядёт... исходит...

И...

Не идёт уже...

Нет и его... Ничего нет на Свете.

Но.

Стучит... Что-то стучит!

Что? Где?!

Да? Нет? Да? Нет?

То Сердца? – Времени Шаги?

Идти!

Как? Кем?

Не важно.

Время...

Время он? Он Вечность?

Нет?

Не важно.

Идти!

Найти!

Она... Дальше и дальше.

Дальше...

Уже так далеко! И так давно...

Не важно.

Важно что?

То... что Она.

Была ведь... Была...

Была... Была.

Была ведь...

Была.

***

И... ОНА.

Перед ним.

Полулежит. Под Саваном. Чёрным... Уснула?

Да? Навсегда уснула?

– Нет! Нет же!!! – над ней кто-то кричит... Орёт!.. Стонет над ней...

Нет!!!

Кто-то саван отводит.

И видит:

Смерть перед ним.

И... МАТЬ.

Да.

Глаза Её закрыты. Навсегда.

Да...

Что? Открыты?.. Её глаза открыты?!. Тихий. Её. Голос:

– О, Зандор... Ты не даёшь мне и Мёртвой покоя.

– Не я... – Это Сердце моё.

– Я хочу так Покоя! Подари мне Покой...

– Но ты Жизнь мне подарила... Это её Шаги! Это Она тебя ищет повсюду.

И вечно будет искать.

– Пусть больше не ищет. Я очень... Очень прошу. Пусть больше не ищет! Прошу...

Зандор смотрит в глаза Иртамай. Это ЕЁ Воля. Просьба. Мольба.

И у неё почти нет лица! – что-то вместо лица у неё! – такого Милого, Родного... Самого красивого Лица на Свете!

И ОНА... поднимает руку.

И распадается её рука на нечто страшное – ужасное – полуживое, – что превращается в чудовищ!

Из нитей, сгустков плесени, тканей ползучих...

– Что Это?!

– ТОТ... Я хочу только Покоя... Всего-то.

Зандор смотрит в глаза Иртамай. Это ЕЁ Воля. ЕЁ Просьба. Мольба.

То, чего нет на Свете дороже!

И в руках его нож. И он Может Всё! Он. ЭТО подарит... Ей.

И ЭТО подарит...

Но.

Свет от ножа гасит Тьму. Гонит её. Отстраняет!

И нет больше Тьмы!.. Нет!

Есть Океан.

Девочка на берегу... Произносит:

– Мы будущее Земли.

И она... горсть песка подносит к щеке...

Выпадает нож из руки Зандора.

Он смотрит в глаза Иртамай... Это Её Воля. Просьба. Мольба.

То, чего нет дороже.

Не правда!!!

И! – Сердце его у него на ладони. И он отдаёт... подаёт... дарит его Иртамай.

Мёртвый? Живой? Не важно. Важно, что Сердце Это стучит.

Ближе... и ближе...

Чьё Сердце стучит?

Не важно?

Да.

И из последних сил берёт Зандор едва живую Женщину на руки.

И идёт. Идёт. Идёт...

Куда? Откуда?

Знает он? Не важно. Ведь прежде – Надо Быть. Надо Идти.

Через себя, через ничто и невозможно.

И лишь тогда... Сила откуда?!

Только это не сила. Это Любовь, – к Матери... к Женщине... к Жизни.

***

Нет, не идёт уже Зандор. Летит он... Он летит в космической дали!
Летит, прижимая к Сердцу живую Планету.

Которую вечно будет любить. Как Жизнь. Как мгновение, Вечность.

И как Её... быть которой не мог... даже когда всем Был на Свете... кем
Быть возможно.

***

Солнце. Венера. Марс. Юпитер. Как хорошо так лететь! В прошлое.

Внезапная смена координат пространства. И...

Зандор твёрдо стоит на земле – в добром здравии и при полном параде. На руках девочку держит. К невысокому камню подходит и позволяет ребёнку на него сойти.

Сам садится на камень, отмечая удивительную красоту Природы вокруг: море цветов, необычных растений, величавых деревьев, дарящих тень и прохладу.

А по горизонту! – снегом покрытые горы – соприкасаясь с синими, сизыми, пурпурными облаками вдали – обещают полёт урагана над всеми стихиями Жизни! – Стихиями, творящими гармонию и Совершенство Мира.

– Всё это... твоя Красота, Иртамай. Это ты. – Говорит Зандор девочке в простеньком сарафане. – Помнишь?

– Да, – та отвечает, касаясь рукой водопада, что льётся с камней над ними. – Прошлое это. Детство моё. Так далеко!

– Да. Но не только прошлое это, – это – Путь в будущее Твоё.

– Будущее? – задумчиво произносит девочка. – Не знаю. Мне кажется, Оно до Катастрофы, – до того как ТЕ разрушили меня. Я ничего почти не помню.

– Да. И я не помню. Тогда... ТЕ победили нас.

– А существа, что мимо нас проходят. Это не те, кто жгли меня, когда я матерью была их и женой?

– Это они – адельфофаги. Не самые отвратные и злые твари в Мире. И в твоём «Космическом Наряде» – они ещё тебя не тронут – не обидят.

– Пока не станут полумёртвыми людьми?

– Да. И не смекнут пока, что, лишь уродуя тебя и убивая... могут свой мерзкий нрав потешить, – нрав убийц, им накрепко привитый.

Глаза девочки наполнились слезами, и она с горечью произнесла:

– Лучше не жить, чем это повторится. И ведь я так всех любила! Так хотела спасти... Ах, как хотела!

Как жаль! Как жаль, что не смогла! И ведь во всех есть часть меня, и часть моей жизни.

И я сама – это они... И они тоже.

– Это не повторится. Но всё содеянное предстоит разрушить. И всё начать с начала.

– Всё с начала?

– Да.

Девочка глубоко вздохнула. Улыбнулась и произнесла мечтательно и нежно:

– Когда я стану взрослой, я стану такой красивой! Такой совершенной, что смогу подарить тебе целый Мир! Мир Новый. Прекрасный в себе.

– Да, Иртамáй. Я знаю – так будет. И этого буду ждать. Из дня в день. Из года в год. Из века в век. Всегда! Всегда буду Этого ждать. Вечно.

– Я верю тебе.

– Значит, Победа будет за нами. И теми, кто любят тебя.

– Я знаю, о ком ты. И так хочу к ним вернуться! Надеюсь, они помнят меня. Всё вспомнят, какой я была́.

– Да. Пойдём.

Зандóр снова взял девочку на руки. И пошёл сквозь потоки времён и пространств. К островам им открытым, заселённым, покинутым.

Он на одном из них. А Иртамáй бежит по белоснежному песку к берегу Океана.

Счастливая. Солнечная. Юная.

Возвращается.

– Это тоже Твоя Красота, Иртамáй. И не тысячи лет назад, а сегодня.

– Ах! Но мне нельзя быть здесь долго.

– Я знаю. Тебе придётся вернуться в ту страшную, ужасную нору – в Могилу, куда упрятал тебя человек – «венец творенья». Но оставайся здесь как можно дольше. Спешить отчаянно, немедленно ни минуты, буду я. Чтобы тебя вернуть скорее к Жизни.

– Сколько помню себя, только тебя и ждала... И снова – мы расстаёмся.

– Мне пора в путь здесь и сейчас, чтоб не расставаться с тобой никогда

– Там, где миллиарды лет мы неразлучны.

– Да.

– Иртамáй.

Зандóр держит девочку на руках. Прощается с ней. И они уже далеко друг от друга.

Далеко? Можно быть далеко от себя? Можно быть далеко от себя в самом родном? От того, что есть условие бытия Всего?

Во Всём. И в Части.

Это возможно понять?

***

И снова Зандор в ладье. Один. Возвращается из Реали, открытой ему Сигео.

С чего бы? Знать бы.

И знать бы: кто он? – Сигео.

Но. Эти его слова:

«Главное... что не знаешь, кто сам ты».

Да. До чего всё непросто!

Рассеивается, убывает туман. Как быстро!

И нет ничего. Только сон.

Последняя ночь Эпохи

Но мне не до сна было в эту пору. Я вышел в светлую лунную ночь. Взошёл на террасу. Потом спустился к костру.

Перед глазами в полную силу снова и снова разгоралось пламя его. А за ним другое. Далёкое. Горело в памяти горьким огнём. Пылало и жгло! Терзало. И жгло.

И так мне хотелось напиться огня из реки дней моих дальних! – минувших. Истёкших дней.

И с высохшими от жажды губами я вспоминал. Видел ясно над этим костром тех, кто всего мне дороже.

Они стояли в горящих углях. Босыми ногами.

Обе. Они.

И тогда... моё Сердце стало таким большим и ярким, как Звёзды... Таким горячим, как недра Небесных Светил.

И разрывалось от боли. Из груди вырывалось!

От Беспредельной Вселенской Тоски.

И упал я в угли горящие. В них лицо и Сердце запрятал. Чтоб они остудили меня – огнём, пламенем чтоб остудили. Чтоб помогли.

И... они помогли.

Я встал и куда-то побрёл. Не зная куда. Без цели. И вышел к реке. К воде.

– Ведь она холодней, чем огонь, – я подумал и кинулся в воду. И замер. И недвижно лежал. Лежал на спине реки полноводной... холодной. Лежал долго-долго.

И ничего больше не видел.

Только Луна глаза мне слепила. Перламутровый свет проливали на раны... Память исцеляла мою. И засыпала песком, – песком Пустыни моей, по которой бреду уже столько лет!

К Цели.

Иду между двух Океанов, шумящих по обе стороны моей заветной Стези.

Я слышу их шум? Гул непрерывный?.. Да, слышу. Но ведь тогда. Тогда надо идти. Спешить надо!

Плыву, выхожу из воды. Нет. Здесь не Пустыня. Но что? Это не важно. Идти, бежать надо. Скорей!

Что со мной? Чья боль пронизывает Сердце? Не успею? Спешу!

На помощь бегу. Пауком чёрным – гигантским. Прорываюсь сквозь дебри взбешённого леса. Леса, погружённого в ночь – тревожную... злую.

Охочусь!

И 32 хищника цепляю нитью своей. Обволакиваю цепкой слюной. Их ташу. И тяну... В логово своё волоку.

К паутине цепляю. Сотканной мной и для этой цели.

Ловко... высоко вешаю в ней обильный улов – ночной... свирепый, злобный. Злой.

И люблюсь. Горжусь им... Восхищаюсь работой своей. Искусной и филигранной.

А после в гамак свой ложусь. И засыпаю.

Пусть кто-нибудь попробует теперь узнать во мне Шалáбе – мадагаскарского «шелкопряда».

Сплю.

Лёд тронулся

Следующее утро начинается с исступлённого вопля Эндóра. Почуввав неладное, он выпрыгивает из «сети» и выбегает во «двор», где сталкивается с группой вооружённых мужчин.

Через секунду Зандóр на ногах и слёту берёт ситуацию в свои руки, но плохо понимает речь островитян. Прихожу ему на помощь и пересказываю суть событий ночи, что теперь и мне становятся известны:

Большая группа каннибалов этой ночью свершила вылазку на острова соседей и бесчинствовала как всегда: пытала, убивала, жгла, насиловала женщин. Убито и съедено было девять младенцев.

Примечательно, что вожаком приматов был бандит в одежде Командóра.

На территории подле «храма» собралось много людей, а отдельной группой стояли матери убитых детей. Зандóр подошёл к ним. Оглядел... и сказал сурово и твёрдо:

– Никогда! Такого больше не будет.

Потом попросил воинов без его ведома не предпринимать никаких действий. Но не успел он отдать распоряжение, как снова раздался рёв носорога из храма, и Зандóр поспешил к нему немедленно.

Оказалось, что на сей раз внимание Энди привлекли ворчащие, шевелящиеся «живые мешки» в паутине над ним.

Окинув взглядом пространство, Зандóр опешил: целая стая «обезьян» глазели на него из глаз-ячеек сети. И там же – среди них, увидел он предмет своих недавних «научных» пристрастий – гигантского паука Шалáбе.

Последний, правда, тут же ретировался, но о нём Командóр сразу забыл, как только увидел свои шорты, нож и жилет на одном из пленных.

В сопровождении нескольких воинов и женщин вошёл в помещение и я. Осмотрел его «поднебесную» часть и сказал, то что сказал:

– В нашем полку...

– Так пусть же убудет! – отрезал Зандóр. – Мне бы того – расфуфыренного. И чем поскорей.

– Но... вы уверены, что он – ваша добыча?

– Не моя? Но чья?

– Не знаете?

– Шалáбе?

Я разжал кулак и на моей ладони Зандóр снова увидел паучка – чёрного, мохнатого... размером с горошину. Через мгновение на тонкой паутинке он раскачивался перед его носом.

– Вы находите возможным шутить, Сигéо? Сейчас?

– Тем не менее – переговоры неизбежны.

– Просите всё, что пожелаете.

– Не знаю, как на это посмотрит Сандóр.

– Ну, хотя бы вы... не терзайте моё Сердце!

Сандóр подошёл и потянулся к паучку рогом. Тот прыгнул ему на нос, потом вскарабкался на кончик рога, и они оба, как заправские друзья, отправились подальше от наших непомерно сложных дел и любопытных взоров.

– Ваш питомец превосходный дипломат, Зандóр. Принимайте мои поздравления.

– Да. Забавно, – с горечью произнёс Зандóр. – Но теперь... уж не обессудьте, – я должен делать то, что должен.

После этих слов Командóр решительно подошёл к паутине, ухватился за неё обоими руками и тряхнул с такой силой, что приматы из неё сыпанули как бобы из лопнувших стручков.

Разбежаться они не могли, ибо руки и ноги у них были связаны, но встать на ноги и кое-как передвигаться им удавалось.

Первым делом Зандóр обезоружил и лишил доспехов вожака и приделся сам в своё «электронное платье», электронно и мгновенно очищенное от чужих молекул и вшей. Потом подозвал к себе воинов племени и попросил отконвоировать пленников на центральную площадь.

Сам же выхватил нож и на несколько секунд задержал взгляд на его полотне.

После, помрачнев ещё больше, стал словно каменный. Твёрдой поступью вышел на смотровую площадку, связался со штабом и отдал приказ адмиралу. Затем подозвал «адъютанта» и спросил:

– Как твоё имя?

– Вы мне дали его.

– Забудь. Какое имя дала тебе мать?

– Оинтай.

– Хорошее имя. Помогая мне, Оинтай, ты больше чем кто-либо помогаешь своему народу.

– Да.

– Назови мне имя его.

– Оамá-Аийó – Омáийо.

– Хорошо. Назови мне ещё имя племени, чьих представителей мы взяли в плен.

– Байдó.

– Сегодня день будет тяжёлым для Байдó. И для Омáийо. Для всех день этот будет непростым. Будь к этому готов. И пусть готовы будут все. Иди, Оинта́й, и передай Омáийо, чтоб собирались вместе здесь все.

Оставшись один, Зандóр сурово глянул в сторону, откуда должны были прилететь вертолётны. Повернулся и стал медленно спускаться по ступенькам к месту переломного события в своей жизни... и в истории человечества.

Он это знал.

В Аду как в Аду – скучно не бывает

Когда Зандор достиг центра площади, над ней уже кружили вертолёты. В считанные минуты на поле были сброшены какие-то странные установки, а в указанном месте, неподалёку от входа в «храм», была спущена большая металлическая коробка. Так же – на месте, где сгорела баня, появилась новая. Лишь после этого вертолёты исчезли вдали.

Постепенно трибуны и пространство под ними стали наполняться людьми. В середине площади, в окружении воинов, уже стояли 32 представителя племени Байдó. За ними строго по кругу – шпилями вверх – располагались только что «железной птицей» сброшенные странные «машины», – словно остроклювые птенцы. Птенцы, ждущие добычи. Жаждающие своего «кровавого полёта».

Дальше мужчины, женщины, дети. Сотни, тысячи. И их становилось всё больше и больше.

Зандор дал знак воинам, и они отступили за пределы условной окружности, которую формировали 32-е монстрообразных установки – злые пародии на доисторических кровожадных птиц. Так он остался один среди стаи чудовищ – злодеев, запутанных в паутине.

На громадных экранах по периметру арены можно было следить за тем, что теперь оказалось в центре внимания всех. Множество кинокамер из разных точек выводили на экраны оптимальную картину событий.

Зандор неспешно и задумчиво прошёлся между пленных дикарей. Те же – стали сбиваться в стаю и рычать. Командор усмехнулся и касанием рукояти ножа подключил микрофоны. Затем внимательным взглядом окинул трибуны и по-домашнему спокойно и обыденно начал своё обращение к здесь собравшимся людям:

– Любезный моему Сердцу народ Оамá-Аийó! Народ, платящий дань кровью племени бессердечных убийц.

Я пришёл к вам потому, что жаден, голоден, прожорлив, как никто на Свете. Потому пришёл, что я алкаю крови. Но! Лишь крови тех, кто пьют её из ран невинных жертв. Из чаши их страданий.

Блестящие повара Оамá-Аийó! Вы приготовили мне восхитительное блюдо из мяса вожака Байдó. И я съел его «вручную».

Но... этого мало. Да. И у меня свои рецепты для приготовления блюд. И «ем» я не только ртом. Я «ем» и Сердцем.

Мужайтесь! Здесь – на ваших глазах я «съем» всех Байдó. До единого.

Или за упырей заступиться хотите?

Не дожидаясь ответа, Командёр подошёл к защитникам племени и попросил их освободить людоедов от сковывающих их движения пут. Сам же снял жилет и отстегнул ремни, к которым крепилось оружие. Потом всё снаряжение передал Оинтай – воину Омáийо.

Лишившись «цепей» и увидев врага безоружным, людоеды сразу смекнули, что появился шанс отыграться – осмелели и кругами стали ходить подле Зандóра. Теперь в центре «манежа» оказался он – в окружении отнюдь не милосердным.

Но самоуверенный и спокойный, как перед рутинной церемонией вручения награды, Зандóр произнёс ещё лишь несколько слов:

– Я существую. Это значит: ни одна капля крови не останется неотомщённой. Ни здесь, ни «там». Ни сейчас, ни «тогда». Никогда! А у вас какие аргументы, «коллеги»? – это он уже обращался к своим новым «приятелям». – Всё недосуг было узнать: имеются ли у вас хвосты. Ну ничего. Это мы сейчас «проверим».

И тогда началось: все 32 примата, как по команде, сорвались с места и набросились на Командёра, – как чёрное облако Солнце – закрыли его от видящих глаз, – как чёрные капли дождя... пролились. И тогда... воцарилась гнетущая, дикая, – как стон предсмертный, тишина... Тишина ожидания.

Секунда. Две. Пять.

Но должно же было подфартить кому-то больше всех! И повезло кому-то – его рука оказалась в руке Зандóра и послужила аналогом рукояти дубины. А телом её – одним мощным взмахом – все «смельчаки» были отброшены в разные стороны. Кроме того... кому повезло больше всех.

Его Зандóр поднял над собой, раскрутил... и швырнул в «лицо» железному «монстру-птенцу», – прямо в «лицо» – вперёд неприкрытым задом.

И «птенец» потянулся навстречу добыче. Её ловко поймал. Поймал, погрузив клюв свой в её «дупло».

Отнюдь не с «парадного входа». Да. Отнюдь.

Что ж, и «железному едоку» жертва нужна – не железная – живая. Страждущая. Истекающая содержанием нутра.

Но не только это «железному» надо.

И начинает расти его клюв – удлиняться. И поднимает добычу... выше и выше! Пять метров. Семь. Десять. Тринадцать.

На этой памятной отметке – высоте – неспешно, медленно, неторопливо... «Птенец» будет злодея пожирать. Жрать изнутри злодея будет... Да, будет. Очень долго будет его пожирать.

Чтоб и стоналось ему долго, длинно, фривольно. В унисон с проклятиями его и мольбами.

Ох! оставим эту образцовую чету: «злодей-птенец». Они друг другу долго шли навстречу! И пришли. Теперь им есть о чём потолковать – о чём «пропеть» друг другу.

На высоте протяжной. Долгой. Длинной.

Проклятия летят в Зандóра. С новой силой «соискатели острого счастья» валятся на него. Новая жертва в руках Командóра. А остальные сбиты с ног, разбросаны по сторонам.

И... памятный бросок – фатальный – неизбежный – «задом вперёд» на высоту финальную в тринадцать метров.

Скучно? Нет, не скучно. Разве в Аду может быть скучно?

С Последней Сокровенной Высоты Байдó доносятся столь жалобные стоны, что скукой это и под пыткой вряд ли назовёшь.

Ах, эти раздирающие – исцеляющие душу стоны! Уже пятнадцать, девятнадцать, двадцать «баловней судьбы» нашли своё место в Аду.

Уже.

Изящно и легко Зандóр ломает кости людоедам. Ломает челюсти им, черепа... И его руки, торс, лицо залиты кровью.

Но. Кровью не его.

Там его кровь, где он готовился к схваткам подобным этой – безжалостным, кровопролитным. Там она, где ярко восходила его мрачная Звезда, – Звезда Чёрного Чемпиона!

Палача.

Да!

Или Артиста?

А может, публику развлекает Зандóр? Мастерство Мясника демонстрирует ей?

Мастерство калечить, пытать?

Его приёмы ведения боя становятся всё изощрённей. А из «поднебесья» всё жалобней, всё многочисленней стоны страдальцев.

На экранах они видят мученья свои, а под собой – Ад и его хозяина.

И тот народ. Что пытали они.

Да. В Аду как в Аду – скучно не бывает.

Часть пленников пытаются спастись – прорваться через цепи окружающих их воинов. Но те лишь копьями отталкивают их назад – в лапы их палача – в объятья рук его кровавых, – рук, незнающих к врагам пощады.

И, наконец! Доволен Командор – все сыты, – все «птенцы». Поют «любвеобильными» дивными голосами – прямо над ним... «поют» – жалобно стонут... Да. Страждут... Беспрецедентно страждут каннибалы. Истекая содержанием чёрным утроб.

– Пойте мерзавцы! Пойте. До вас ещё я доберусь. Ещё мы встретимся. Я обещаю.

Безмолвствуют, молчат только Омáйю – стоят, словно окаменевшие и внемлют воплям своих палачей. Тихо «приемлют» их страшную участь. «Приемлют» её – молча.

А Командор, – как упоенный шмель нектаром, – гуляет по багряному, залитому недоброй кровью, саду... Среди «цветов» ещё живых – «высоких»...

Он – один.

Но можно ли быть одиноким среди тысяч взоров?

И к тому же... пора и мне помост кровавый «покорять». Мой выход.

В средневековом восхитительном наряде!

И вот – неторопливо... нечисть певучую обзревая, – я подхожу к Зандору.

Как можно не узнать меня?! Но Командор... как бы не узнаёт... Немного погодя, однако, спрашивает:

– Вы, Сигео? Вас не узнать в этом убийственном наряде.

– Убийственном? И это вы... Вы мне! О Моём праздничном наряде? О моём убранстве!

– Моя работа... знаете, – не для нарядов. Но вижу, вы имеете сказать мне нечто поважней.

– Сказать имею!.. – запальчиво и гордо отвечаю. – Но. Сперва пусть выскажутся те, кто в очереди первые стояли.

– Вы о ком?

– Семь. Шесть. Пять... Дальше сами будете считать?

– Что?!

Однако уже взрываются в небе ракеты. Много ракет. Молнии... Раскаты «грома»! Фейерверки искр. Не перебор ли это? Не каждый же день – День Рождения.

– Боевыми, – констатирует Зандор. – Это война. Нет... Денис подлец. Но не безумец.

– Я не в курсе. Но вы заметили, откуда «поздравления» летят?

– Чёрт! Так ведь «презенты»... коврижки-то из-за Бугра! Мать-перемать.

– Возможно... Но... что конкретно вы имеете в виду?

– Как что? Разве не ясно? – ведь всё как на ладони, – смеётся весело Зандор. Однако браслет на его руке уже подаёт сигнал, и он выходит на связь со штабом.

– Что скажете, Денис Петрович?

– Это война?

– Ну почему так мрачно? Что плохого в том, что янки подбирают то, что у нас «день вчерашний»? Тем более – вашу идею поздравлять Верховного снаряд-торжественно и дурь-помпезно.

– Так своего. А тут... И боевыми.

– Боевыми?

– Ну что вы! Я толк в этом знаю.

– А как докажете? Ни разрушений, ни улик. А по их времени мой день рождения сегодня.

– Да. Верно. Но у нас расчёты... куда должны были ракеты лечь. Не к дню рождения это, конечно, но по прямой на вашу голову, мой командир.

– Даже не допускаю мысли, что не радуется вам факт, что не легли они по назначению. Но теперь... когда наш стратегический потенциал заявлен... какой смысл Штатам щуриться на нас своим «крылатым ломом» из Европы?

– Да. Это козырь на переговорах в Вене.

– Ну, наконец! Стратегией займитесь. Аналитиков «в ружьё». Пусть репу чешут. А по моему фронту – и вам скучать не дам.

Прервав связь, Зандор потёр ладони и самодовольно рассмеялся.

– Ну. Как вам мой спич? Теперь уж вам слово, Сигео.

– Здесь кто-то вчера называл меня проходимцем, а сегодня за мой счёт решает свои и мировые проблемы. Интересно: с каких это пор вы сверх-прицельно управляете ракетами врага?

– Но факт налицо. И если это делаем не мы...

– Понятно. А вы уверены, что ваше «шоу» понравилось Омáйю?

Но тогда. Вдруг... что-то пошло не так:

Вопрос мой словно завис в пространстве... – изменилось, дрогнуло что-то в нас и в окружающей нас среде.

Как лютый зверь, набросился на нас холодный сильный ветер... Густые сумерки нависли над политой кровью землёй.

Усилились вопли страдальцев. Новой и мощной волной они пронеслись...

И только тогда... Зандóр мне ответил. Медленно. И очень серьёзно:

– Нет! И это то, что более всего меня тревожит. Ведь Это не шоу! Не бой гладиаторов. Это – Императив Вселенской Справедливости – абсолютно неизбежная, предельно напряжённая Фаза Пробуждения Духа Освобождённого Народа.

Слышите его Тишину? Здесь не за тем Омáйю, чтоб утопить себя в трясине безрассудства и дешёвой мести. А за тем... чтобы, переломав себя через колено, – начинать снова Постигать и Созидать. Меняться вместе с Жизнью.

Пойдём к ним.

Путь в Мир Оамá-Аийó

Мы подошли к воинам. И они расступились. Но дальше нам путь был закрыт: Омáийо стояли друг от друга на одинаковом расстоянии и держались за руки. Их лица были спокойны и сосредоточены. Как перед экзаменом. Как перед принятием самого важного решения в жизни.

Мы остановились. Войны побросали оружие и тоже влились в сплочённые ряды племени. Теперь все Омáийо держались за руки напротив нас. Кроме одного война – Оинтай, держащего в руках оружие Зандóра. После передачи его владельцу, Оинтай тоже присоединился к остальным.

Зандóр «пристегнул» нож к окровавленной груди и отступил. Но в этот момент руки женщины, что стояла напротив, цепь разомкнули, и она протянула их нам.

Когда мы подошли к ней, женщина негромко произнесла:

– Путь в Мир Оамá-Аийó для вас открыт.

Мы подошли ближе. Сравнялись с первым рядом Омáийо. Повернулись и заняли места по обе стороны представительницы народа, подав одну руку ей, а другую тому, кто оказался рядом.

И цепь снова сомкнулась.

Ни нарочитой торжественности, ни внешнего блеска в этом скромном ритуале единства не было. Но было в нём непостижимое тепло, – тепло жизни целого народа. Их Мира. И Мира Всего.

Словно электричество в цепи сомкнуло на себе это единство и зажгло свет в Сердце каждого его «звена». И этим светом были искры озарения и постиженья Смысла, – глубинного Смысла Жизни Всего во Всём.

И это – перед той страшной реальностью, что открывалась взору каждого участника события, – реальностью, что они творили жизнью своей.

Что переживали. И принимали.

Принимали как страшную неизбежность, дающую им шанс увести Мир от подобного повторения ошибок. И расплаты за них.

Время словно остановилось. И участники «живой цепи» словно прожили вечность... пока Недра Вселенной наполняли их духом Жизни в Едином. Для всех. И для всего.

А потом... наши руки разомкнулись. И мы стали каждый собой. Со своими целями и задачами.

Но. Все знали, что сделана лишь половина дела. И «Белый Бог» должен его завершить, – своё Чёрное Дело во имя Света.

И Зандóр знал, что делать. А остальные знали, что могут ему доверять и на него положиться в этот неподъёмно тяжёлый час.

Мы снова отделились от племени и вышли в центр арены. Там, немедля, Зандóр отдал приказ адмиралу приступить к следующему этапу «действия» и, скрывая с трудом волнение, вновь обратился к островитянам:

– Часть пути мы прошли. Но лишь часть. Поэтому здесь оставайтесь. Так вы поможете мне переправить вас на «другой берег».

В ответ все Омáйю одновременно приложили правую руку к Сердцу, а я снова услышал голос Зандóра, обращённый только ко мне:

– Сигéо, это невообразимо трудно признать! Но дикари – это мы, а не те, кого за них принимали. Этот народ – осколок древнейшей цивилизации, до которой нам ещё расти и расти! Но кто, кроме варвара, сможет спасти их? Поможет ожить им?

Я смогу. Я сделаю это!

– Что ж... если что, можете рассчитывать и на меня.

– Спасибо. Невозмутимостью своей вы уже мне оказываете неоценимую помощь.

Мои враги окрестят это геноцидом

Несколько секунд молчания. И Зандор снова твёрд, самоуверен и несокрушим: поднимает с травы жилет, надевает его и активирует программу, что мигом «смахивает» всё, что неуместно на его экипировке и на нём.

А в небе раздаётся грохот вертолётов.

По очереди они подлетали к инсталляциям с ещё живыми полуобезьянами на шпильях, захватывали их стальными лапами и улетали. Уносились вдаль с многочисленными длинными «хвостами» позади. С хвостами ещё живыми.

Но исчезнув в небе, винтокрылы продолжали оставаться на экранах. И летели, пока не оказались над одним из захваченных Байдó островов.

Над площадью на нём они остановились, сбросили «хвосты» и улетели.

А тридцать два пленника теперь оказались среди своих собратьев – раскачивались на многометровой высоте над ними. Стыли. Умирали.

Тысячи Байдó их мигом окружили. И становилось их всё больше, больше... Они рычали и кричали, махали оружием, закатывали глаза и выставляли на обозрение зубы, в транс впадали и рвали на себе волосы и одежды.

Во вспышке злобы этих существ как в капле воды отражалась их настоящая суть. Лютой ненавистью была реакция на поправленную их привилегию на «жесть». Теперь они были наказаны не менее жестоко. И в ответ были готовы уничтожить Всё.

Ради сакрального их «права» быть Богами.

– Интересно, к чему призывают эти господа? – любопытствовал Зандор.

– К справедливости.

– Антропоморфного разлива?

– Божественного. Хотят той справедливости, что вкупе с приношениями жертв веками вкладывали в пасти своих Демиургов. Теперь в обмен они хотят так много мяса, как не ели никогда, – за раз хотят сожрать народ Омáийо и его вождя.

– Не слабо.

– Смотрите, до чего обильно отделение у них слюны. Сколь выразительны их чавканье и зубной скрежет. Ах, как же может вам не

поздоровиться, мой друг! Уже сегодня. Сейчас они разделятся на группы и пойдут на наши острова.

– Да неужели?

– Да. На вашем месте на гуманное их отношение к себе – я бы рассчитывал не очень.

Зандор не спеша вынул из ножен нож и произнёс:

– Что ж, тогда самое время «ракеты» в их мозгах перенаправить.

Затем он поднял нож на уровень глаз и, как бы просматривая его на просвет, сделал какие-то новые настройки в сонме его уникальных программ.

По мере того как он это делал, на экране начиналось нечто невообразимое: вдруг людоеды всю свою ненависть начали обращать на себя и себе подобных, – начали впиваться зубами в свои собственные тела. Выгрызать из себя куски мяса. Вырывать себе глаза и пожирать их вместе с пальцами рук...

Рты свои раздирая, впиваясь зубами в плоть соплеменников, – жадно их пожирали, – плоть их заглатывали, пропихивали в пасти свои – чёрные, кровавые логова смерти.

Без устали работали их челюсти и зубы – неустанно – без пауз, без остановок.

И зрелище, что они Миру являли, было ужасным, мерзким и жутким. И поучительным.

Да.

Абсолютной противоположностью было то, что происходило вокруг нас – в стане народа Омáйю. Ни единого звука не произнёс никто. Даже дети. Никто не шелохнулся. С прижатой к Сердцу правой рукой они стояли и смотрели на экран, не выдавая ни чувств своих, ни эмоций.

Тем временем оргия каннибализма на экране продолжалась – становилась всё более жестокой и страшной: полуобглоданные твари нападали друг на друга и цеплялись зубами за всё, что съедобно: за тело, за кости своих самых близких. И пожирали их даже тогда, когда собственные животы были распороты и оттуда, как из котла, ели другие – одержимые ненавистью, жадностью, голодом. Голодом мести за поправленные права их быть самими собой, – быть самыми мерзкими отбросами человечества.

– Вам приходилось видеть что-либо подобное, Сигео?

– Нет. Но не это удивляет меня – с природой Гóмо я знаком не понаслышке. А вот Омáййо... Любому кошмару, в какой бы не облекалась реальность, они противопоставляют свою Светлую Суть и Единство... – верность Смыслу Подлинной, а не суррогатной Жизни. Как трогательно это! Мудро и неотразимо.

– Да. Но сейчас о другом: давайте посмотрим, где наши ракеты взрываются, когда их никто не сбивает с курса.

Зандóр коснулся рукоятки ножа, и почти сразу же мы увидели на экране результат этого «акта»: ракеты с эсминца стали пролетать над нами и все – одна за другой – взрывались в толпе обезумевших людоедов – тварей, ни на миг не прекращающих главного дела их жизни. В жизни. И на экране.

Однако истекло их время: вскоре они были перемешаны с землёй и уничтожены. Но ракеты и далее продолжали ложиться на их гнусный «могильник». И продолжали взрываться до тех пор, пока все «едоки» не были загнаны в подземелье. Захоронены. Запрятаны там, где ничьи глаза не могли их больше увидеть – ни в жизни, ни на экране.

И воцарилась тишина. И только перепаханное поле на экране указывало на то место, где было время для безумия и торжества самого низменного в человеке: того, что гнало его принять облик зверя.

Тишина... Ни души на экране... Ни души на островах Байдó.

– Мои враги окрестят это геноцидом, – сказал без сожаления Зандóр.

Я подал ему руку и ответил:

– Разумеется. Только не это важно. Важно, что меняется Мир. И всё становится на свои места. Посмотрим, как воспримет это цивилизованный сегмент Планеты.

– Посмотрим.

Погасли экраны, и воцарилась глубокая тишина ожидания. Теперь нарушить тишину был в праве только один человек.

Внимательным взглядом Зандóр окинул всё племя Омáййо и произнёс:

– Я свершил то, что Космос вменяет мне! Я смёл с вашей дороги тварей, столетия державших вас в плену, – в плену своих изуверских понятий о Смысле, Истине, Правде.

Но. Наступил момент прозрения и для Байдó.

И никого из них в живых здесь не осталось. И снова – ваша земля только ваша! Продолжайте по ней Путь Свой, Оамá-Аийó! По которому шли всегда.

Для вас – все мнимые «сокровища» моего в пропасть летящего Мира. Но что из этого имеет ценность для вас, решайте сами.

Сами решайте Всё!

И я не вождь ваш. Я – друг.

У меня много власти. Но власть – зло, которое губит мой Мир. Мой Народ. И видимо... их погубит. Ибо из избранных рук власть всегда ускользает в руки преступные, жадные, злые. И там остаётся.

Зандóр слегка запрокинул голову, устремил взор в небо и спросил у тех, чьи спецслужбы ни на секунду не позволяли ему исчезнуть из поля их зрения:

– Что? Не согласны? Хищная власть – это то, с чего начинается падение личность, цивилизация, Мир!

Вот мои руки. Смотрите! Ими Власть задушу я. Ну. Трепещите! Всех задушу презревших Законы Жизни!

Себя убьёте. Себе подобных. Но не меня. Ха-ха-ха-ха.

Пугающим... зловещим был смех Зандóра. Но, после того как он затих, голос его снова зазвучал добродушно и мирно:

– Оамá-Аийó власть не нужна. Они идут иным путём. И если даже это не единственный путь в будущее человечества, то нет других. Не найдены пока. И пусть известно будет всем: я не позволю никому преграды строить на пути этого уникального народа.

Эй вы! – владыки Мира! Где ракеты? Ну! Может, ещё раз мне покажете морды свои? Беззубые рты ваши.

Не хотите?

Я хочу! Хочу за горло взять вас. И у меня свой золотой «убойный миллиард», чьей кровью «жажду утолю». Как утолил её кровью Байдó.

Вы видели. Я к вам иду! Ха-ха-ха-ха, – ещё более зловеще прозвучал смех Зандóра в немой тишине.

В Тишине Убийственной. Страшной. Долгой.

А потом... последнее... мирное и душевное обращение Хозяина жуткого Метафизического Ужаса к освобождённому народу:

– Возвращайтесь к себе подлинным, Оамá-Аийó! Своё будущее создайте! И да будет достойным оно Будущего Земли.

«Шах» нынешним хозяевам Мира

После этих слов Зандóр приложил правую руку к Сердцу, так постоял с минуту лицом к лицу с островитянами... Потом руку опустил и уверенно направился к своей «резиденции».

Но Омáййо долго ещё не расходились. Долго. Им было необходимо время, чтоб всем вместе, как реке, влиться в своё «новое» и «древнее» русло. Русло Вечное.

Постепенно, словно проснувшись от кошмарного сна, они начинали вести себя так, как им велело их Сердце – в духе древних, проверенных веками традиций, в качестве свободных людей, не испытывающих на горле своём давления щупалец тиранов.

Только что пережитый шок – именно он – их вывел из оцепенения духа.

Наконец, это случилось! Произошло. Но сколько времени понадобится ещё им, чтоб вернуть всё упущенное?

На экранах парили живописные уголки их прекрасного острова. И тех островов, что к ним вернулись.

Мы с Зандóром взошли на террасу. День близился к концу. Очень тяжёлый день. И была решена одна очень серьёзная проблема. Но сколько вместе с ней прибыло новых!

Рассчитал ли свои силы Зандóр, чтоб бросить вызов всем тёмным силам Планеты? И мог ли он этого не сделать?

– Кто б мог подумать, что так всё обернётся? Но мне не в чём себя упрекнуть. Расслабляться только теперь нельзя, – сказал он задумчиво.

– Расслабьтесь, дружище. Поверьте, здесь самое подходящее место для осуществления вашего плана.

– На первое время у меня есть чем ответить «коллегам». А дальше...

– Посмотрим?

Зандóр улыбнулся и с разбегу кинулся в бассейн. Недолго раздумывая, и я бросился вслед за ним. Благо мой праздничный наряд по моему желанию мог словно испариться и не участвовать в купанье.

А остаток вечера мы провели, беседуя за чашкой чая, где главной нашей темой был народ Омáййо. Зандóр был потрясён и делился со мной пережитым охотно и искренне:

– Потрясающе! Всё моё знание в сравнении с опытом, что передал мне этот народ во время встречи в «Едином» – стоит не много. И удивительно то, что открытия, сделанные мной благодаря «Научной Картине Мира», –

достояние людей, живущих в джунглях. А то, что я могу достичь при помощи сложнейших технологий, Омáйю в состоянии достичь движением мысли и воли.

Да, не сегодня. Но это вопрос ближайших дней! Я уверен: они полностью вернут себе свой потрясающий потенциал! Знания. И утраченную Умопомрачительную Высоту!

Теперь, когда я это знаю, их безопасность – важнейшая задача для меня. Ведь только здесь – на стыке путей развития, возможно, мы только и сможем найти решение самой важной проблемы.

– Какой?

– Проблемы Человека. Его Смысла... как существа.

– Да, но поиск уже наполняет жизнь Смыслом.

– Верно. Поиск. А не подмена его императивом Порчи в Себе. Нет, поиск Смысла не для «элит» Гóмо. Сами они – бессмыслицы порождение. И исказить Истину – главное дело их жизни.

Потугами их Правда уже искажена настолько, что не отличить её и от абсурда. И останавливаться на достигнутом «старатели» не станут.

Я готов идти ва-банк. Но реакция паразитов может смести с лица Земли всё. В том числе и Омáйю.

– Если Гóмо узнают о них то, что известно нам, в бесчеловечности превзойдут и Байдó.

– Ещё как превзойдут! А кстати, Гóмо и Байдó – не одно и то же? Вернее... вид Гóмо Сáпиенс – не потомки предков племён Байдó и Омáйю?

– Тогда и здесь мы имели бы дело с потомством Байдó и Омáйю.

– За тысячелетия эволюции генетический код Омáйю мог измениться настолько, что ко времени, когда их обособленную ветвь здесь взяли в оборот такие же отбившиеся от магистрального потока селекции Байдó... – по части генерации потомства им уже «говорить» было не о чём.

– Возможно.

– Но почему Омáйю не стали защищать себя? Ведь могли.

– И защитили – не став разновидностью Байдó. То есть Гóмо.

– То есть, строго творя, Омáйю не Люди.

– Ни ментально, ни духовно, ни физически, ни генетически – они не Люди.

– Не «Венцы Творенья».

– Природа и время им в этом отчаянно помогли. Конечно, они могли защитить себя и физически, но тогда разрушили бы себя как Омáийо. Разрушили бы в себе ту хрупкую сверхтончённую связь с «духовной» основой Вселенной, которая только им открыта.

– При условии табу на «жесть».

– Да, но к этому дело шло. Мужчины взяли в руки оружие и готовы были пойти на разрушение себя во имя жизни народа... Нет. Это вряд ли. Может быть, часть из них готовы были себя принести в жертву? Но...

– Нет. Это мои, как вы говорите, «эксперименты». Не сбрасывайте их со счетов. Но вы сказали: с Духовной Основой Вселенной. Не это ли они называют «Омáийо»? Так же, как и себя. Нет... этого знать мы ещё не можем. Я смутно понимаю это. Но уверен: завязаны мы на одном. Только с разных сторон это видим.

– И у нас иной опыт.

– Но поверьте: теперь, после того как я нашёл этот народ, я словно нашёл себя. Или своё новое измерение... грань. Не знаю. Но я стал другим.

– По всем формальным признакам, мой друг... – вы типичный представитель меркнувшей «элиты» Гóмо.

– Верно. Но ведь мы говорим о сути. И разве не в целях отражена она, что преследуем мы?

– Суть наша отражена не столько в целях, что преследуем мы, сколько в том, как мы их достигаем.

– Я становился «элитой», чтоб сломать ей хребет. Но заодно с ней стал уродом. А здесь... всё становится на свои места.

– И похоже, вам уже нечего скрывать от Мира.

– Уже нечего скрывать и от вас. Всё тайное здесь становится явным. Меняется всё. Скажите: я, хотя бы внешне, ещё тот же? Я не могу понять.

– Поиск новой модели Мира и себя – другого – спутники познания. Вы не исключение в этом, Зандóр.

Всё время и все силы мы расходуем на это.

Но только найдена искомая модель... как вспыхивает «Новая Звезда» на небосклоне. И «найденное» заново – по-новому – приходится искать. Снова и снова. Вечно... Разве для этого не стоит жить?

Зандóр улыбнулся – светло и задумчиво, – как ещё никогда. Но ответил уверенно и твёрдо. Как обычно:

– Стóит.

А мне сдержать улыбку попросту не удалось. И я спешно перевёл разговор на другое:

– А кстати, ваше обращение к человечеству. Вы уверены, что оно до него дойдёт?

– До части и отчасти. Притом в таком урезанном и искажённом виде, с таким подтекстом, что никто и не узнает, что на самом деле было.

– А наш документальный кино-арсенал? Мои видеосъёмки. В них искажений нет. И нет купюр. Там всё с начала нашей встречи в аэропорту, до вашей судьбоносной речи час назад. И дальше.

– Ну... А вы-таки проходимец!

– Мои гарантии качеству сериала. И переводу его на все языки Разумных. А также показ его по всем телеканалам Мира. Что? Не отчитаться ли нам, наконец, о результатах нашей экспедиции перед поборниками Самозваного Прогресса?

– Ха! Ха-ха-ха-ха. Это грандиозная идея! Можно сейчас?

– Можно. Подключайте ваше видео-устройство.

Зандор нажал кнопку на пульте и перед нами на экране замелькали телепрограммы всех стран Планеты – каждая в своём квадрате экрана.

И вдруг трансляция всей телепродукции одновременно прекратилась. А затем – все каналы стали транслировать одно и то же: документально-художественный фильм с тем же сюжетом, что эта книга, – словно она сценарий для фильма.

Съёмки были сделаны по недоступным землянам технологиям и с недостижимым качеством изображения. Поэтому впечатление от них было потрясающим. Можно было не сомневаться, что все, кто начали смотреть этот фильм, до его конца оторваться от экрана не смогут. Точно так же, как мы с Зандором.

Когда фильм кончился и на экране снова раздалась обычная трескотня по всевозможным поводам, мы от души посмеялись над своим «приёмом» по части «пиара», однако затем разговор продолжили на полном серьёзе:

– Это «Шах» нынешним хозяевам Мира, – дал оценку нашему манёвру Зандор. – Но, если теперь отдадим информационное поле им на откуп, очень скоро ловкачи очухаются и нанесут контрудар.

– Вы знаете какой?

– Мне ли не знать? Таким «коктейлем» подлого вранья опоят! «Окропят» неискушённые мозги землян... – не вышибешь кувалдой. Ни психотронной, ни обычной.

– Что предлагаете?

– Первое: не дать им отыграться. А второе:

Человечество увидело мою расправу над Байдó. Пусть же увидит тех, с кем счёты я ещё не свёл.

– Тайны разведки обнародовать хотите?

– Моей личной разведки. Это не досье на врагов государства. Это «личное дело Гóмо». Всё о его подлинной природе извращённого убийцы. О его вечных и кровавых подношениях своим ничтожным божествам через войну, религию, политику, идеологию – через тотальную Ложь. Честно и без купюр.

– Не всякая психика выдержит это.

– Зато как «элиту» потешит! И вдохновит.

– Да. Но главное: чтоб никто не перепутал это с зверством.

– Или, чего доброго, со скотством. Животные чисты и невинны в сравнении с людьми.

– Даже хищники.

– Увы, не все в состоянии это понять. Поэтому легко становятся как жертвами, так и «хозяевами» своего ложного – Искусственного Естества.

– Почти все.

– Если никто не желает от себя – такого – отречься...

– Не желает?

– Вот и узнаем. Узнаем, кто есть кто.

– Как говорить: «Все мы Люди».

– Как говорить: «Да, но Нет».

– Ладно. Подавайте ваш материал.

Зандóр сделал необходимые настройки в программах своих баз данных и стал наблюдать за происходящим на экране.

Снова трансляция всех телеканалов Мира была прекращена. А через минуту по ним начался показ того, что не в состоянии было совершить ни одно существо на Свете, кроме Человека.

Это была Страшная Правда о той вакханалии изуверств, что творил Гóмо Сáпиенс спокон веков на Земле. Под прикрытием своего статуса «Венца Творенья».

– Должно быть, после такой инъекции Правды, многим жить станет неважно, – дал я свой комментарий к мелькающим на экране сценам насилия.

– А кому-то – именно такая Жизнь и покажется Раем.

– Знать бы, всякий ли Сáпиенс в состоянии опуститься столь низко? – на самое Дно.

– Необходимым для того комплектом генов заражён любой Разумный. Только «зелёный свет» к развитию в себе этих программ даёт не каждый. И это – чаще всего – не так-то просто.

– Не просто.

Смотреть до конца криминальное досье необходимости у нас не было – мы и так всё знали. Зандóр выключил телеэкран, немного помолчал и задумчиво произнёс:

– Апокалипсис – это Прозрение. Неужели дожили?

– Если так, это хорошая новость.

– Да, лучшая из новостей. Но дальше что?

– Посмотрим?

– Посмотрим, – Зандóр сказал с грустью.

И тем не менее мы отправились ко сну весело шутя.

– После такого дня, кошмары не замучат? – я спросил Командóра.

– Нет. Скорей я их, – тот ответил почти отрешённо. И вскоре мы уже крепко спали.

«Железный Птенец» Блейка

Только доспать до утра не всем довелось. Когда было уже далеко за полночь, Зандóра разбудил сигнал из штаба. Он тихо поднялся, вышел на освещённую лунным светом платформу и спросил «тьму» перед собой:

– Что-то серьёзное, Денис?

– Американцы высаживаются на острове Тайó-Танаó. Пока задействовано 20 вертолётов. Технику выгружают. На подходе десант. Загружаются с базы «Блек Борн». Думаю, человек триста вылетают. Командует группой генерал Блейк.

– Хорошо. Я с ними разберусь. Как вчерашнее «шоу»?

– Это сенсация века. Весь Мир на ушах. Смотрите, как занервничали янки. Тут запахло не только военным конфликтом, но и объединением держав против нас. Как бы чего...

– Серьёзных столкновений не допустим, а рога кое-кому... Давно ждал случая, Денис. До связи.

Освещённый светом полной Луны Зандóр повременил немного, потом медленно вынул нож из ножен и вставил его в специальный порт телеэкрана. На экране сразу же появилось изображение прилегающей к островам Омáйио местности, включая Тайó-Танаó.

Средств для атаки у Зандóра было достаточно, но он выбрал то, что счёл наиболее показательным и зрелищным для проводимой «пиар компании».

Ударив пальцами по клавиатуре пульта, Командóр активировал программу сканирования отрезка суши через джунгли до Тайó-Танаó. Следовало отыскать путь в тропиках, что одолеть могла бы техника, что была на подхвате.

По здравому рассуждению такого пути быть не могло. Но именно такой путь был найден и с точностью до сантиметра просчитан.

Зандóр вернул нож в ножны и отправился к металлическому контейнеру, что вчера был доставлен сюда по воздуху. По сигналу дверь ящика открылась и из неё тихо выехала и остановилась боевая машина, напоминающая танк. Люк сверху тоже открылся и Зандóр, вспрыгнув на корпус машины, через него проник в салон.

Ведомый компьютером, танк немедленно двинул с места и, ловко маневрируя, направился к цели.

Теперь, удобно расположившись в кресле, Командóр имел достаточно времени, чтоб более основательно изучить ситуацию.

На мониторе он мог наблюдать за всем, что происходило на острове Тайó-Танаó. Военных там было уже более трёх сот, и они готовились к наступлению. Для этого в их распоряжении было двадцать единиц боевой техники, аналогичной вездеходу Зандóра.

На занятом под базу плацдарме парковалось несколько вертолётów и возводились сооружения для обслуживания военных действий.

При поддержке контакта с архивом данных в штабе, мощный компьютер Зандóра выводил на экран всю необходимую информацию. Дошло дело и до личного состава.

Личное дело каждого боевика, участника операции, было получено предельно полным, – ведь тотальной слежкой спецслужбами России были охвачены не только все военные, но и все мирные граждане всех государств. Таким образом почти мгновенно Зандóр получил на экране компа весьма однообразную картину: досье на 300 так называемых десантников, а на самом деле – маниакальных убийц, на которых клейма негде ставить, и на 30 членов обслуживающего персонала – обычных граждан из различных стран, только часть из которых были военные. Их командир – генерал Блейк – ветеран войны во Вьетнаме – известный головорез с большим послужным списком преступлений против человечности.

– Ну вот. И этот зверь внял прихоти ловца, – не без удовольствия отметил Зандóр и приступил к тщательной проверке всех компьютерных программ, ответственных за успешное выполнение замысла.

Когда танк остановился в двухстах метрах от лагеря противника, не только боевая машина и Командóр стали неуязвимы, но и тридцать человек из команды Блейка и сам генерал.

Объяснялось это многократно продублированным эффектом сцепления гравитационных «Чёрных Нор». Но сейчас не об этом.

Открыв люк, Зандóр с пультом в руке вылез из танка и осмотрелся. Лагерь противника оказался на небольшой возвышенности, но просматривался хорошо. Из громкоговорителей доносилась задорная музыка, и боевики тщательно готовились к операции.

Над лагерем на высокой мачте развивался флаг США.

Зандóр нажал клавишу на пульте и прогремел выстрел. Музыка перестала играть, и вместо неё в тех же динамиках раздался спокойный голос стрелка:

– Доброе утро, генерал Блейк. Как спалось? Не мучали кошмары?

На несколько минут воцарилась гробовая тишина. И, не дождавшись ответа, Командёр добавил:

– А-то ведь это... я могу устроить наяву.

Ещё через минуту зазвучал и голос генерала:

– Доброе утро, Зандёр. Что делаете вы в столь ранний час в зоне особых интересов США?

– Так, мимо проезжал. На древко флага этих «интересов» помочиться захотелось.

– Смельчак! Здесь это не прокатит, – здесь порядок устанавливаю я.

– Это не важно, генерал. И тем не менее, – надеюсь на содействие и всестороннюю поддержку.

– А шпиль штандарта... вас не вдохновляет? Не напоминает ничего из нам известного до боли сериала. Я посажу вас на него! На радость и потеху всем – всему цивилизованному Миру!

– Ах, как знакомо. Речь всё о том же сорте варварства, что вы уже явили Миру во Вьетнаме?

– Нет. Что вы! Тут дело будет веселей. Готовьте зад! Ха-ха-ха-ха. С смирением готовьте. И с мыслью, что я превосходно своё дело знаю.

В ответ Зандёр недобро усмехнулся, но интонацию не изменил:

– А вы храбрец за спинами трёх сот головорезов. Притом мечтаете о встрече тет-а-тет. Ну хорошо... Для пущей храбрости даю вам фору: Чёртову Дюжину ваших вонючих прокажённых прилипал... Слышите, Блейк? – ваших ублюдков – убогих и слюнявых При-Ли-Пал. Так слышите вы, или нет?! – ваших Ша-Ка-Лов... Ну! По хищному всё. Соглашайтесь!

– Одного одолейте.

– Что? Вы шутите? Смеётесь? Гниль Пентагона выродила тварь?! Мышь? Скунса? Что осмелится мне посмотреть в глаза? Скорей сюда! – мне на съеденье.

– Даю. Не поперхнитесь.

От лагеря на сотню с лишним метров сразу же отъехал до ужаса нелепый катафалк, и из него с бравадной наглостью был сброшен чёрный гроб, что с грохотом и треском развалился. А из динамиков раздался дикий хохот и гнусавый голос генерала:

– Это ко дню рождения вам от меня, Зандёр – подарок... Ну, не стесняйтесь же. Не скромничайте. Примеряйте! В комплекте крест тротильный, кусок дерьма, секрет вонючий скунса. Там кол осиновый для

вас и задняя часть мумии Рамсеса. Немного леденцов... Вам счастье будет! Будет при свечах... Всё будет. Хе-хе-хе-хе-хе-хе.

Лениво подкатил бронетранспортёр и из него был грубо вытолкнут чёрный американец.

Зандóр сразу определил, что чернокожий – Ален Кин, военный врач, – в качестве призёра в профессиональном спорте не замечен.

Первым долгом Кин послал проклятие отъехавшим бойцам и крикнул Зандóру:

– Не верьте им! Они сейчас нас расстреляют!

– Не принимайте это слишком близко к Сердцу, Кин. Пускай стреляют. А мы поговорим. Что там случилось?

– Часть персонала отказалась выполнять приказ – участвовать в этой гнусной облаве. Мы верим вам, Зандóр!

И тут весело залаял пулемёт. Чихать вприпрыжку стали миномёты. Прицельный огонь вёлся по трём целям: Зандóру, танку и африканцу. Но все пули, только долетев до них, тут же исчезали из реального пространства – то ли в небытие, то ли еще куда-то... И даже снаряды колоссальной разрушительной силы, что запускались из спец-установок, не могли нанести малейшего ущерба врагу.

Немного понаблюдав за этим, Зандóр предложил Кину занять место в танке. Тот, решив, что терять так и так нечего, предложение принял и последовал за Командóром в его «средство передвижения».

Усевшись рядом с африканцем, Зандóр подмигнул ему и весело запел:

– Русский ум изобретёт зависть всей Европы:

Спирт рекою потечёт – прямо в рот из...

На последнем слове куплета танк рванул с места и из доброй дюжины стволов стал «поливать» позиции противника. Всю работу по его уничтожению делал точно запрограммированный «мозг» боевой машины, а хозяин её управлял лишь передвижением и продолжал свой напев:

– И тогда мужик наш русский преотлично заживёт:

Все сортиры перестроит в винокуренный завод.

Когда танк выехал на центральную площадь лагеря, где был установлен флаг США, вся бронетехника агрессора была превращена в груды металла. Не пострадали лишь шесть припаркованных поодаль вертолётá.

Люк танка открылся и первым из него вылез африканец. Затем Командёр. Он отошёл в сторону и из-под развалин командного пункта вытащил за шиворот генерала – живого и невредимого.

И вот – под американским флагом Зандёр, Кин и Блейк.

– Прошу прощения, джентльмены, – вежливо произнёс Зандёр и, отлучившись к мачте с государственным стягом Америки, справил на неё малую нужду... После чего, застегнув все пуговицы на шортах и заметно повеселев, обратился к генералу:

– Ах! Забыл отдать команду «смирно!» вам, мой генерал. А вы... мне честь отдать случайно не забыли? Тоже забыли? Не хорошо... Ну, не убивайтесь так! Всё поправимо. А кстати... вы не передумали меня «вздёрнуть» на эту жердь?

– Я проиграл, Зандёр. Вы вправе меня расстрелять.

– Да неужели? Как любезно с вашей стороны. Только не жирно ли вам будет? А за Вьетнам платить кто будет? Пакистан, Афганистан... За всё, откуда тянется сюда ваш след кровавый. Может быть, Зандёр? Вы что, и впредь хотите все «грешки» свои валить с больного зада на здоровый?

– Я проиграл. Стреляйте!

– Рад бы. Однако убивали вы не как солдат, «приятель». Вы убивали как трусливый негодяй и извращенец. Как вам эти кадры?

Зандёр вынул из кармана жилета пластиковую карту с экраном, и на нём начали мелькать то кадры одной дикой оргии расправы над пленными, то другой, третьей... четвёртой... В одной горячей точке Мира, другой, третьей...

– Хватит! Не вы мне судья.

– Да? С чего вы взяли? Я ваш судья, милейший. Судья ваш здесь и «там», куда спешите ускользнуть от ужаса перед расплатой. Но. Пока не «отработаете» каждую слезу... я сдохнуть вам не дам нигде.

– Вы столько на себя берёте! Столько! Дайте же и мне уйти из жизни как солдату!

– Нет.

И не завидуйте тем отморожкам, что лишь на время от меня ушли под те обломки. Многих из них ждёт то же, что и вас. Всех отыщу. И усажу на то, что вам, надеюсь, хорошо известно.

– Очнитесь! Вам атомная бомба на ваш Кремль нужна?! Война?! Америка вас похоронит! Сотрёт с лица Земли!!!

– Как мелко мыслите вы, генерал, когда заходит речь о принципах.
Прикиньте:

Разве не стоит принести им в жертву то небольшое, о чём вы так печётесь?

– Вы сумасшедший!

– На Человечности Алтарь мы с почестями вознесём Ваш Зад. Возрадуйтесь, герой. И все сомнения отбросьте.

– Урод вы! Вы урод! Трижды урод! Америка вам...

– Вы ещё не всё сказали?

– Америка вам не простит!

– Так можете вы, или нет, свой зад с Америкой не путать? По-вашему, Кин и те люди, что подходят к нам, не Штаты?

– Что же вы мочитесь на флаг их?

– Глаза протрите. Это Знамя тех, кто нужду зверя усладить под ним сюда явились, – нужду не малую, не терпящую отлагательств.

Но. Истекло их время.

Прошло и ваше время, зверь! – маньяк с собачей кличкой Блейк.

На площади уже собрались все оставшиеся в живых американцы, и над ними развивался флаг, о котором шла речь. Все были растеряны и не знали, как быть. Наконец, старший из них, майор, взял слово:

– Мы здесь находимся в очень двусмысленном положении. Вопреки воли своей. И здесь я вижу лишь тех, кто, узнав о цели операции, отказались участвовать в ней.

Мы военные люди и подчиняемся приказу, но наша совесть и разум с вами, Зандор. Все мы вчера смотрели фильм о вашей экспедиции в джунгли, и я уверен: все здравомыслящие люди – с вами. Для них выступить против вас – это замахнуться на последнюю надежду спасти наш безумный Мир.

В знак одобрения все несколько раз ударили в ладоши, кроме генерала, разразившегося бешеным воплем:

– Вы нарушили присягу и сдохнете от позора, Стронг!

– Пророчества подонка сдохнут вместе с ним, – отрезал майор и отвернулся.

Вступил в перепалку и Зандор:

– Вы слишком разборчивы в выражениях, Стронг. Наш генерал – подонок особого сорта – половой извращенец, прикрывающий похоть свою знаменем вашей страны.

Но сегодня!.. Сегодня он...

На глазах жертв своих и перед всей Планетой... предстанет в иной – заслуженно «достойной» и пикантной роли.

Ну? Будем отгадывать в какой, убийца?

– А вы! Вы не убийца?! Не палач? Где мне до вас!!! Вы Сатана! Вы Деспот! Самодур! Вы! Сатрап Геноцида! Будьте прокляты Вы! Вы! – «не-убий-ца-а-а»!!!

Зандор нажал на клавишу на пульте, и боковая дверца танка отворилась. И – из неё «выскочил» знакомый всем по вчерашнему фильму «птенец», – «железный птенец смерти».

– Я выполнял только прика-а-а-аз!!! Только прика-а-а-аз!!! – орал генерал что есть мочи.

– Весьма сожалею, мой друг. Так будьте же рассудительны и хладнокровны. Ну. Улыбнитесь, – сочувственно подбодрил Зандор Блейка, легко вскинул его над собой, раскрутил и бросил на кол.

Тот жадно поймал заднюю часть генерала и медленно стал поднимать её вверх под дикие вопли и стоны страдальца. Выше и выше... под звёздно-полосатый флаг. На высоту – тринадцать метров.

Американцы были шокированы, но протестовать никто не стал. Только Кин тихо сказал:

– Лишь полчаса назад он «расстрелял» меня руками своих «псов» только за то, что я о Совесть ему напомнил.

Остальные молчали. Неистово стонал и орал лишь генерал, осыпая всех сверху проклятиями и мольбами добить его поскорей.

– Проверьте ваши вертолёты. Они не должны были пострадать. Если так, можете отправляться назад, – предложил американцам Зандор.

Но снова в небе стали сталкиваться ракеты – снаряды, посланные из военной базы «Блек Борн». Американцы недоумённо смотрели в небо и лишь разводили руками – их расстреливали свои.

– Ох! А час-то от часу не легче. Ну хорошо... раз уж вы оказались под огнём ваших «коллег», друзья... может быть, хоть президент ваш возьмёт вас под своё крыло? – сказал иронично Зандор и набрал код на пульте.

– Исполняющий обязанности президента России Зандор.

– Президент США Айзенхайм.

– Ваши военные расстреливают своих на острове Тайо-Танао. Вам это не кажется странным?

В этот момент несколько ракет столкнулись и взорвались совсем рядом.

– Да, но вы уверены... что вам не показалось? Ведь если пострадавших нет...

– Стрелять могут и холостыми. Вы меня видите, Джон?

– Да.

– Вам не мерещится?

– (...)

– Тогда... хотел бы я вам показать что-то ещё.

– Но... я догадываюсь что.

– Ах. Как приятно иметь дело с догадливым человеком! Хорошо, тогда я покажу вам другое.

Зандор забрался на танк, сделал стойку на голове и раскрутился вокруг своей оси, как заправский хипхопер. При этом, продолжая беседовать с президентом:

– Как видимость? И как вам зрелище, мой друг?

– Вы собираетесь поставить с ног на голову весь Мир?

– Зачем? Он и так вверх ногами. Притом без головы.

– Что вы сказать этим хотите?

– Ну, во-первых, что удержаться не могу от искренней заботы о ваших стрелках, – в сокрестии прицелов... хочу, чтоб видели они повеселей картинку.

– Да, это не скучно: задняя часть ваших шорт уже заняла три четверти и моего экрана. А это – внушительная часть Мироздания. Так и чего для Счастья полного ещё вам не хватает? Что во-вторых?

– А во-вторых, Джон, я предлагаю вам задуматься над тем, что раз уж вам до задней части моей не добраться, то мыслимо ли вам добраться до моей бесценной головы?

– Притом, что Мир без головы?

– Мир. Но не с ним же говорю я. С вами. И это разные вещи. Не так ли? И со мной тридцать вменяемых американцев. Вот и подумайте: не отказаться ли вам от услуг ястребов ваших? А?

– Да. Но вам не кажется, что с Блейком вы перегнули палку?

– У меня в «компе» сработанный им план по устранению И. О. президента России. Может, ваши военные вышли из-под кнута?.. Укротить их могу вам помочь. А пока... уж будьте любезны забрать ваш «наступательный потенциал» с Тайó-Танáo. Иначе... ведь и заставить могу.

На этом Зандор прекратил связь, встал с головы на ноги, и забрался в танк.

Заработал двигатель, и машина резко рванула в направлении островов Омáйю.

Оамá-Аийó

Ко времени, когда Командóр подъезжал к своей «резиденции», я уже наслаждался свежестью утра на террасе, а Эндóр жизнерадостно барахтался в бассейне.

Предоставив танку парковаться самому, Зандóр быстро поднялся к нам и, окинув взглядом, спросил:

– Я вам не помешал?

– Ничуть. Здесь кое-кто даже сокрушался по поводу вашего внезапного отъезда. Правда, Эндóр?

В знак согласия носорог подал голос из водоёма и подплыл ближе к другу.

– Умница, Энди. Мне бы твои заботы. Но как без меня ты себе раду даёшь? Ну... ладно, ладно. Потом пошалим. Сигéо! Надеюсь, и вы сложа руки тут не сидели?

– Как вам сказать? Кино посмотреть хотите?

– Я хочу, чтоб его посмотрел весь Мир.

– До завтрака?

– Прямо сейчас. Ох, задал я им жару!

И битый час мы вместе со всем человечеством смотрим самые свежие новости Планеты.

По их завершении Зандóр встал, задумался и сказал:

– А все ли поймут меня верно?.. Но Кин и те американцы... Ведь их удалось убедить? Ладно. А не анонсировал ли здесь кто-то завтрак? Или мне показалось?

– Не показалось. Однако, чтоб этот «экзамен» сдать, от вас потребуется весь ваш опыт дипломата, дар аналитика, а главное – хорошие манеры.

– Вы шутите.

– Пойдём. Сейчас увидите всё сами.

И я повёл Зандóра к живописной поляне – немного в стороне от нашего жилья.

Там для нас был накрыт стол. Но мы и не заметили его – наше внимание сразу было приковано к двум группам незнакомых нам людей. В одной из них были женщины, в другой мужчины.

Только нас приметив, они стали к нам приближаться. Но, не доходя до нас, остановились.

– Невероятно! – произнёс Зандóр изумлённо.

И в самом деле – было чему удивляться: перед нами были невероятно красивые люди. В скромной, но очень красивой одежде.

– Кто они? – тихо спросил Зандóр.

– Посланцы народа, которому вы вернули свободу.

– Я сам пока точно не знаю, что им вернул. Но это Омáийо! – произнёс он взволнованно, а островитяне одновременно приложили свои руки к Сердцу. И мы с Зандóром им ответили тем же.

И замерли.

Замерли, для того чтоб встретиться глазами и Сердцами с этими людьми. И не людьми... И передать им то же, что они передавали нам.

И мы не знали точно, что это? И знали.

Этот диалог без слов кончился столь же внезапно, как и начался, но атмосфера душевной теплоты осталась.

Неописуемо красивая девушка с утончёнными милыми чертами лица обратилась к нам:

– Я Энэй. Мы посланцы Оамá-Аийó и так много хотим сказать вам. Но лишь после завтрака. А теперь вас просим к столу.

После этих слов Энэй сделала шаг назад. Все Омáийо последовали её примеру и тотчас же отошли в сторону и скрылись с наших глаз среди цветущих деревьев.

– Вы в порядке, Зандóр?

– Нет. И у меня нет аппетита.

– Надеюсь, это не смертельно. А подкрепиться всё-таки придётся.

– Скорей бы. Разбредутся ведь. Где соберёшь потом их?

– Не знаю. Но полагайтесь на меня. Я Конца Света здесь не допущу.

– Ну хорошо. Вы меня убедили. Но...

Но мне и самому скорей хотелось оказаться в компании островитян, поэтому призыв «скорей!» проигнорирован и мной определённо не был.

И мы за столом, для нас накрытом этими милыми и добрыми «людьми». Но теперь на нём совсем другие блюда: ни грамма мяса – только то, что можно приготовить из орехов, мёда, овощей и фруктов. Особенного ничего. Но, как обычно, вкусно.

– Я ожидал чего-то в этом роде, – удивлялся Зандóр, – но не перемен столь фантастических. У меня просто нет слов.

– И это только начало. Вы были правы: мы оказались под лучами гаснущей Звезды иной цивилизации – иной культуры, опыта и знаний. А

творцы этого уникального Шедевра – эти «люди», будем так их называть, открыты нам и всему Миру.

– Уверен: мы в преддверии неизречимой Тайны! Тайны, что наш Мир изменит и спасёт. Скорей узнать бы, что хотят поведать нам эти иные люди.

И вот мы идём к цветущим деревьям, среди которых нас ждут наши друзья. Они снова разделились на группы и, сидя в траве и на невысоких камнях, о чём-то беседуют, не перебивая друг друга.

К тому же расположились они не в случайном порядке, а как бы создав композицию из элементов, которыми были сами.

Только увидев нас, все встали и пришли в движение, которое – в начале состоящее из произвольных элементов – вдруг стало удивительно синхронным. И внезапно – на широком взмахе рук – резко оборвалось.

Несколько секунд полного оцепенения. Потом – все Омáйю к нам подбегают. И отходят. Таким образом – увлекая нас за собой в тень деревьев. Не произнося ни слова.

Занимаем приготовленные для нас места на невысоких камнях и внимательно следим за тем, чтоб не нарушить гармонию общения с этими тончёнными и фантастически красивыми людьми.

Почти одновременно они обращают свои взоры на Зандóра: вне сомнений, начать разговор должен он.

Никогда не видел я лицо Зандóра столь одухотворённым, и чтоб озаряла его столь сердечная и добрая улыбка. И он произносит:

– Мне никогда не доводилось быть так сильно и приятно удивлённым, как сейчас, – при встрече с вами, Омáйю. И я с нетерпением жду, что вы поведаете нам: о том, кто вы, в чём ваши цели, тревоги, чаяния, мечты. Не сомневаюсь: и вы, Сигéо, разделяете чувства мои и ожидания.

– О, да. Безусловно. И прежде всего, друзья, нам узнать бы хотелось, как в одну ночь могли произойти с вами столь удивительные перемены?

На этот раз слово взяла женщина очень похожая на Энэй, только немного старше:

– Я Энесí. Прежде чем начать рассказ о себе, мы должны обратить ваше внимание на различия наших менталитетов: значительная часть понятий, что лежат в основе нашего восприятия Мира, отсутствует в языке людей. Вы же – пользуетесь множеством понятий, которых не содержит наш язык. Тем не менее мы постараемся донести наши мысли до вас в доступной вам форме, – на языке вам знакомом и понятном. Это будет непросто, и поэтому будьте

готовы к тому, что наше взаимопонимание будет лишь приблизительным – не полным.

А теперь ответу на ваш вопрос:

Чтоб выжить здесь нам приходилось во всём походить на Байдó. Пришлось маскироваться под них внешне и внутренне. Прятать под волосы лица, носить как у них одежду, говорить на их языке, есть то, что они предписывали, поклоняться богам, что они придумывали. Но мы все свои силы направляли на то, чтоб не потерять свою сущность Омáийо.

Видимо, это нам не во всём удалось. Ведь вначале мы вас, Зандóр, готовы были принять за Бога. Хотя в Богов, как в высшую реальность, не верим. Лишь принимаем их как произвольные творения ума людей, идущих иным путём развития, и в силу этого нуждающихся в том, чтоб как-то отразить различные грани творческой Основы Мира – Аийó. Но мы принимаем Богов и как элементы иного сознания, что способны до неузнаваемости исказить ясное, непредвзятое и честное понимание сути вещей.

Не более того.

Увидев сколь сильное впечатление произвели её слова на нас, женщина свой рассказ приостановила, а Зандóр взволнованно произнёс:

– Энесí, печальная участь вашего народа вызывает искреннее сочувствие, но мудрость его поражает. Вы говорите о чрезвычайно важных вещах, в иных координатах сознания. Но, наконец, я слышу суждения о высшем плане Бытия, не противоречащие ни Здравому Смыслу, ни интуитивной его основе.

– Простите, Зандóр, – я разыграл недоумение, – но, похоже, происходит нечто странное с вашими антропоморфными Замерами Реальностей и их координат.

– В них ценности не много, – кратко парировал Зандóр и вдумчиво продолжил: – Когда вчера подали мы друг другу руки, Энесí, ваши координаты мировосприятия стали во многом и моими, – с той созидательной Мощью Вселенной, с той её Жизненной Силой в центре, что для вас сосредоточены в понятии Аийó. Я правильно вас понимаю?

– Да, так можно сказать. Только слова могут не содержать понимания. Но я вижу, что вы понимаете и чувствуете Эту Силу в своей воле и стремлении, осознаёте, что Она пронизывает Мир. И она не только в Основе

Сознания. Но и «Бытия». Она пробуждает к созиданию его в Себе, – как в Единственном, – Что Живёт.

– Потрясающе! – воскликнул Зандор, ещё более удивлённый.

– Мы осознаём ценность нашего постижения Мира. Но не будь его, мы не смогли бы оценить и ваши успехи: они нас не только вдохновляют, радуют и удивляют, – они нам помогают обрести себя и смотреть в будущее с радостью и светлой надеждой.

Дополнил Энеси́ один из юношей:

– Я Эзар. Вы, Зандор, открыли новый, неведомый нам способ связи и взаимодействия с тем, что можно назвать Геологической Формой Жизни. С той её гранью, что ближе к «материи». И мы в состоянии оценить это. Как и бескорыстие ваше и опыт, которым вы делитесь с нами на нашей, набирающей силу волне.

– Да, я с радостью делюсь с вами всем, что имею, ибо так поступаете вы в силу вашей высокой морали.

А от людей – открытия свои я прячу. Чтоб они не употребили их себе во вред. Печально это. Но... продолжайте Эзар.

– Целое побуждает к созиданию всего во всём, безотносительно к нашим оценкам. И из пластического совершенства Целого мы создаем и себя и Путь нашего становления в Целостном Мире. И по нему идём, творя всё нужное для связей и общения со всем, что к этому открыто.

Когда понятие Аийо́ в основе понимания, когда пути к нему у ипостасей его полностью открыты, всё гармонично во Вселенной. И тогда – Мир движется всеми и всем лишь к Одному: к Гармонии и Красоте во всём – в части и в целом. И исключительно к Добру.

И вот. Мы снова на этом Пути!

К сказанному присоединился ещё один островитянин:

– Я Эрон. Однако восприятие Жизни людьми технической цивилизации иное и, на наш взгляд, искажено невероятно – свойством ряда глубоких, но смоделированных, вопреки Здравому Смыслу, искусственных понятий. Таких как Бог, Технический Прогресс, Религия, Научная Картина Мира...

К тому же, ваши научные и религиозные доктрины базируются на очень странном качестве менталитета – Вере. Вере в то, чего Определённо Нет. И быть не может – в качестве Знания, Опыта, Понимания.

С религиозным аспектом Веры (слепой) мы лучше знакомы. Этот инструмент порабощения Байдó к нам применяли несколько столетий.

Но для самих Байдо́ религия была не более чем развлечением – хищной игрой-глумлением по правилам, придуманным для жертв – кровавым шоу, подстёгивающим самые отвратные и грубые инстинкты.

У цивилизованных людей всё это тщательно замаскировано и скрыто, увязано с научными аспектами «фантома». Но моральная и поведенческая суть всё та же: Лги, Убивай и Властвуй – для тех, кто у Власти. И – Верь и Подчиняйся – для тех, кто Рабы. Я ошибаюсь?

– Нет. Вы справедливы и на удивление точны, Эрón. И я могу лишь удивляться, что под внешней карнавальной мишурой, что здесь обрушилась на вас с киноэкранов, от вас не ускользнула подлинная суть явлений. Прошу вас, продолжайте.

– Сколько-нибудь приемлем для нас лишь один аспект Веры людей – Вера понарошку – в сказки, мифы, образы героев. Но... их специфический ресурс безвреден только до поры. Как сказка для ребёнка... которая тут же теряет Смысл, как только навсегда уходит детство и начинается серьёзная и напряжённая Пора – Работа с Образами всего Мира и Себя.

Образами – достойными воплощения в Реальную Жизнь.

Эрón сделал небольшую паузу. Потом взглянул на юношу, ещё не принимавшему участие в беседе, и тот продолжил мысль соплеменника:

– Я Эсйд. Ничто не может исказить и подменить оптимально выверенных нравственно и эстетически программ, материализующихся в реалии Мира, если нет Сознательного Обмана, нет Лжи. И нет носителей их, прикрывающихся какой-либо лживой глобальной идеей.

Если их нет, нет деградации и стремления побудить к ней весь Мир.

Но. Это есть. Всё это есть в Мире. И в людях.

И для многих людей не секрет, что этот страшный изъян в них самих. Но избавиться от него никто не стремится. Почти никто! Все полагаются на Бога или на Науку.

Мы же – полагаемся лишь на себя и свой Реальный Опыт.

Ни теоретически, ни ментально феномен нашего сознания – Аийó – непознаваем. Но и словами мы всегда можем о нём сказать и нечто новое, и верное. И сейчас я хочу сказать, что Аийó, это Чистый Творческий Потенциал Жизни – то, что До Всех Вещей и Понятий – то, из чего всё и что для всего – Первооснова и Первоначало. Что всё объединяет. Оно – до Содержания СЕБЯ в Виртуале... и Формы в Реале. И Оно – осязаемо Всем – как Высшая Реальность – ЖИЗНЬ.

– Жизнь, а не человеческое, практически мёртвое, Бытие, – уточнил Зандор.

– Да. «Мёртвое Бытие», где Подобие Жизни себе и некоторым «избранным» формам Реала, на своё усмотрение и под свои интересы, дарит Разумный Хищник – человек.

– Именно так. И это я слышу в джунглях! От людей, которых считал примитивными дикарями! Которых вознамерился воспитать. А они – взяли, да и расставили всё по местам в моей голове.

– Ещё, друзья, – подключился я к разговору, – нам очень важно знать, как вы восприняли наше вторжение в ваше сознание, – воздействие на ваш интеллект.

– Я Найён, – представилась одна из женщин и рассказала нам следующее: – Вне воздействия на наше сознание ваших программ, всё то, что вы сейчас от нас слышите, самостоятельно вспомнить мы не смогли бы ещё очень долго. Спасибо вам. Огромное спасибо. Вы помогли нам вернуться к Себе из страшного и разрушительного плена – как в себе, так и извне. И вот – мы оживаем.

А то, что мы узнали о современном Мире, нас потрясло. И нам предстоит всё не раз ещё осмыслить и переосмыслить.

Но не всё для нас было новым и неожиданным. Ведь наши предки знали, что происходит на нашей Планете и в пределах цивилизации, творимой людьми. Многие знания наша память хранит. Но саму способность знать всё о Мире, мы потеряли после того, как Байдó повергли нас в рабство. Внутренне – они нас сильно разрушили.

Но мы уже восстанавливаем себя, потому что вы вернули нам память, свободу и дали новое знание. За это – от всего моего народа я выражаю вам глубокую и искреннюю благодарность.

– Как жаль, что не смогли мы это сделать раньше! – сказал Зандор. – Но какие задачи для вас главные теперь – первоочередные? Что более всего тревожит вас?

К беседе подключился ещё один островитянин:

– Я Атón. Байдó, хотя физически устранены, но и теперь стоят меж Космосом и нами. И они – стоят меж нами и Омáийю, что на островах, что здесь неподалёку. Более трёх сотен лет мы не имеем связи с ними. Знаем лишь то, что они есть.

Одна из девушек продолжила:

– Я Илэй. Мы с интересом смотрим всё, что вы показываете нам на экранах. Там люди – как мы, но делают то, что делать мы никогда бы не стали. Это нас очень тревожит... Но есть и то, что радует нас. Иногда мы встречаемся с этим в вашем искусстве: живописи, музыке, танце.

Ещё одна девушка вступила в беседу:

– Я Танай. Нам трудно понять, почему люди создают себе искусственную среду для жизни, когда есть естественная среда – живая. Мы так никогда не могли бы. Скажите, Зандор: эти люди, что так поступают с Природой – добрые?

Зандор задумался. Потом ответил:

– Добро и зло в них перемешано. Совсем не так, как между вами и Байдó. Поэтому вершить суд над людьми крайне непросто. Но зло всё больше их одолевает. Я так надеюсь, что когда они о вас узнают, то поймут свои ошибки и начнут сознательно себя менять! Но. Пока это в моей власти, я никого сюда не допущу. Ну... разве что изменится всё кардинально. И люди станут совсем другими.

– Вы хотите сказать, что цивилизация ваша пришла к той черте, когда крушение её неотвратимо?

– Да. Скорее всего, это так.

– Наши предки знали, что вы идёте неверным путём, поэтому избегали встреч.

– Нам только остаётся удивляться, насколько дальновидны они были и мудры.

– Но вы же не позволите уйти из жизни тем, кто справедливы и добры?! Они же не должны страдать из-за злодеев.

– Для этого я сделаю всё то, что в моей власти, – всё, что смогу и не смогу. Но дальше что? Вы знаете, куда идёте и зачем. Другие люди этого не знают. Они идут из тупика в тупик – на поводу у ложных представлений обо всём на Свете.

– Но почему идти нашим путём они не могут?

– А вам известно, что такое жадность, зависть, ревность, ненасытность, лень?

– Нет. Не известно.

– О-о-о. Вы не можете себе даже представить, какая это «ценность»! Без этих качеств человек словно вне жизни – не одушевлён. Без них он мёртв. Речь, разумеется, не обо всех. Но очень-очень многих.

Но вот в разговор вступила самая юная представительница Омáййо – девочка лет двенадцати:

– Я Айшét. Вы, Сигéо, хотите помочь Зандóру спасти вашу цивилизацию?

– Я? Нет. С чего вы взяли? У меня не такое большое и доброе Сердце.

Большие народы и гигантские цивилизации – не мой профиль. Это – амплуа Зандóра. Мне ближе судьбы таких маленьких, скромных, благородных и красивых народов как вы – Омáййо.

– Значит, вы не покинете нас?

– Время от времени, Айшét, мы должны будем вас покидать. Но как только ваши и наши потоки сознания станут прозрачны, мы навсегда останемся вместе – в одной цепи, – как вчера, когда держались вместе за руки.

Спокойно... медленно девочка встала... и очень грациозно подошла к нам с Зандóром. И мы встали. Просто не могли не встать... Почему?

И ведь ничего особенного не произошло. Ничего! Но. Айшét так на нас посмотрела, что нам показалось, что не только она смотрит на нас. Нам показалось, что на нас смотрит весь её народ. Его «душа».

И более того.

На много-много более того: глазами девочки нам заглянула в «душу» вся Вселенная. Вся! И «душа» её – Аийó.

Потом девочка отвела от нас глаза. И так же красиво и плавно вернулась на своё место.

Мы не сразу пришли в себя, не сразу нашли, что сказать... что ответить. И только снова и снова проникались красотой пережитого. А Омáййо, судя по их вдохновенному выражению лиц, нам сопереживали.

Наконец, я пришёл в себя и выразил то, что мог:

– Неужели вся красота Мира может быть собрана в одном только взгляде? Во взгляде девочки Омáййо... Может у вас, Зандóр, найдутся вещие слова, чтоб оттенить ими ту Высоту и Красоту Чувства, что из своих родниковых глаз в наши Сердца влила Айшét?

– Нет. Не в моих силах выразить это. Но возможно ли большее счастье, чем Радость и Смысл черпать из Родника этого Вечно? Надеюсь, Сигéо, если той Красоты, той Свежести и Высоты досталось мне больше, чем вам...

– Нет-нет, так не бывает! Поровну всё, – воскликнула Айшét и улыбнулась своей милой детской улыбкой, что нас ещё больше сплотила.

Хотелось, чтоб дольше длились эти минуты, но вот – наши чувства, словно дуновением ветра, были приподняты над сознанием и стали проводниками наших мыслей.

Но не само собой это случилось, а в результате сочетания внутреннего порыва и плавного, выразительного жеста Омáйю, выполненного удивительно синхронно.

Всего лишь... Но благодаря этому появилось чувство, что Мир становится гармоничней и совершенней. При нашем участии. И в нас.

И снова все заняли свои места, и мы продолжили нашу беседу.

– Я Тэйён, – произнёс ещё один юноша, – Мы уже коснулись важнейших вопросов, от которых взаимопонимание наше зависит. Но что ещё вам интересно узнать? Мы рады будем ответить.

– Спасибо, Тэйён, – сказал Зандóр. – Мне хотелось бы знать точнее: почему вы не давали физического отпора Байдó?

– Оттеснить Байдó на соседние острова и снизить их агрессию нам удавалось и не применяя силу. Воздействуя на их умы, мы им внушали, что не отличаемся ничем: похожи внешне, поклоняемся тем же богам, носим такую же одежду, говорим на том же языке. И это нас спасало.

Но часто... и не спасало. И многие становились жертвами Байдó: подвергались чудовищным истязаниям, пыткам... Они сжигались... убивались... пожирались.

Но. Чтоб себя сохранить, мы не должны были уподобляться врагам. И никого не убили. Поэтому потоки нашего сознания по-прежнему открыты только лучшему, что во Вселенной есть. И это – в миллионы раз ценней, чем наша жизнь теперь и здесь.

Но то, что этому придёт конец, мы твёрдо знали. Не знали лишь, когда и как. Теперь – и это знаем.

– И мы вас ждали, – добавила Энэй. – Ждали очень давно и очень долго. Пока не потеряли память.

– Вы ждали нас? – удивился Зандóр.

– Да, ведь вы приходили всегда. Приходили, когда было трудней всего.

– Да, но... – предельное напряжение отразилось на лице Зандóра, и он приложил руку ко лбу, словно пытаясь что-то понять, осознать, осмыслить...

– Но почему я не могу... Почти не могу это вспомнить?

– Достаточно того, что могу вспомнить я, – я резко оборвал Зандóра. Но... Это его и успокоило. И тема на этом была закрыта.

– Я Миней, – представилась ещё одна женщина. – Нам бы очень хотелось, чтоб и вы о себе рассказали. Ведь это загадка: почему мы, почти вас не зная, считаем такими, как мы? Невзирая на то, что пришли вы из Мира Кошмара и истребляете Зло. Чего позволить себе – мы не можем.

– Да, Миней, – согласился Зандор, – это загадка. Разгадать которую, сможем лишь вместе. Не думаю, что это будет легко, но Знание наше и Наша Судьба – всё в наших руках.

– И вы так считаете, Сигео? – спросила Миней.

– Да. Но очевидно и то, что у каждого из нас своя задача – миссия своя. Скажите нам, Миней: что ещё более всего тревожит вас?

– Сейчас... так далеки мы от Природы! – от Земли, Воды, Огня, Деревьев, Птиц, Зверей, Камней... И мы к ним так хотим вернуться! – как самые разумные и добрые создания на Свете... Только тогда, когда мы снова станем Одним Целым, – мы будем счастливы. И лишь тогда жизнь обретёт для всех новую Силу, Красоту и Смысл. Но...

– Что стоит ещё преградой на вашем пути?

– Тени Байдó. И гигантские потоки негатива... той цивилизации, что всё живое убивает. Ну, ничего. Мы выдержим и это.

– Да, Миней. Вместе мы выдержим всё. Выстоим вместе. Всё переживём и изменим, – сказал задумчиво, но очень твёрдо Зандор. – Как хорошо, что цели наши совпадают!

– Как хорошо! – задумчиво, нежно и мечтательно ответила Миней.

Так закончилась наша беседа.

На минуту воцарилась полная тишина. Потом все островитяне со своих мест поднялись, попрощались с нами взглядами... и разошлись – затерялись среди цветущих деревьев.

Словно слились с Природой. В ней растворились.

И мы остались одни. Одиноки. И медленно побрели к себе.

Где одиноко. Грустно. И тяжело.

Глаза Ночи, жаждущей Правды и Света

И мы молчали. И нам становилось всё больше не по себе... пока не вышли на террасу, где нас уже ждал Оинтай – приветливый, улыбчивый... словно луч Солнца среди хмурого дня. В традиционной одежде с открытым лицом. Мы даже не сразу его узнали.

– Я здесь чтоб помочь вам, и чтоб у вас была связь с Омáйю. Сейчас чем-нибудь могу быть полезен?

– Да. Конечно, да, Оинтай! – радостно воскликнул Зандóр. – Сейчас мы выпьем вместе чаю. Только заваривать его на сей раз буду я. Пойдём, дружище.

Усадив нас в кресла, Зандóр с удовольствием принялся за растопку самовара и заварку чая, заодно поддерживая разговор на все темы, что возникали сами собой – по ходу дела.

Рассказал он и о себе, о своих родителях, о детстве в Сибирской деревушке и о своей любви к знаниям и спорту. О времени, когда был школьником, студентом, аспирантом...

Потом, уже за чашкой чая, многое из того что рассказал, Зандóр показал нам и на экране. Было интересно. И мы не часто его прерывали, зная, что впервые в жизни он может позволить себе быть таким: естественным, доверчивым и откровенным.

И мы знали, что это и его ответ Минéй на её просьбу рассказать побольше о себе: ещё слабое, лишь формирующееся наше общее информационное поле с Омáйю, нам уже позволяло быть более открытыми для них.

Но неожиданно тему разговора изменило замечание Оинтай:

– Чтоб видеть Мир как на экране, предкам моим экран был не нужен. Жаль, что теперь мы этого не можем. Так изменили нас годы неволи.

– Наша цивилизация, Оинтай, тоже в неволе. Только неволя эта под гнётом варварских идей и диких предпочтений плоти. Столько тысячелетий!.. Освободимся ли мы от врагов в себе – не знаем. Но это – наша сверхзадача.

– Должно быть, наши ценности для вас – такими не являются. Иначе шли бы вы иным путём.

– Трудно сказать. Но опыт ваш сыграть может решающую роль для тех из нас, кто изменить себя в корне готовы. Как вы считаете, Сигéо?

– Для этого, боюсь, времени не осталось. А заплатить за преступления, свершённые на гибнущей Планете, её «разумным» палачам придётся.

– Да. Похоже, человечество само что-либо сделать для спасения себя уже не сможет.

– Мой народ никогда не терял единства. И не терял способность действовать сообща. Но если бы не вы, Зандор, – нас рано или поздно истребили бы Байдó.

– Увы, Оинтай. В Мире столько «Байдó»... что в сотни раз опасней тех, кого загнали мы под землю. И если не удастся мне их всех поставить с головы на ноги...

Неожиданно на террасу взбежал носорог Энди и помчался к Зандору. Тот, решив, что отделается несколькими кусочками сахара, тут же скормил их сладкоежке. Но не тут-то было: Эндóр стал требовать к себе столько внимания, что разговор продолжить нам не удавалось. И пришлось пойти на хитрость:

Заявив, что Энди уже достиг кое-какой зрелости и ему не дурно бы поразмышлять о выборе «невесты», Зандор вывел на экран передачу о всех имеющихся на Планете носорогах в Африке, Индии и Индонезии.

И это подействовало: Энди тут же стал «шёлковым» и с большим интересом стал просматривать материал за материалом. В завершении чего, весьма озадаченный, удалился.

Мы же, таким образом, обрели возможность обсудить ещё несколько важных и интересных вопросов, после чего, вместе с последними лучами Солнца, расстались с Оинтай.

Когда мы остались наедине, Зандор некоторое время задумчиво всматривался в багряное небо заката. Потом повернулся ко мне и спросил:

– Неужели концы с концами сошлись?.. Неужели цепь замкнула?

– Похоже на то.

– Чтоб это случилось, пришлось стать звеном в другой цепи. Потрясающе! Но, – Командор отошёл на несколько шагов в сторону. Потом, не поворачиваясь ко мне, продолжил: – я знаю, о чём вы хотите меня спросить.

– Вы не можете этого знать.

– А вы не можете не знать, что я это знаю.

– Ладно. Тогда о чём я хочу вас спросить?

– Нашёл ли я свой Идеал.

– Правильно. И что?

– А вы не знаете?

– Что?

– То, что вам удалось передать свои мысли.

– Мне передать? А не вам их прочесть?

– Не знаю.

– Ха-ха-ха-ха, – наконец не выдержал я, – давайте считать это нашим общим успехом.

– Нашим успехом в деле освоения информационного поля Омáийо?

– Да. Но теперь уже не только их информационного поля, но и нашего с вами.

И тут... мой собеседник повернулся ко мне лицом и неуверенно, как бы обдумывая свою догадку, произнёс:

– Но это не только поле... И это не столько поле... Это... Видите?

– Да.

– Невообразимо! Но...

Покачиваясь от эмоционального потрясения, вызванного догадкой, Зандóр подошёл к своему креслу и буквально рухнул в него.

А вместе с тем погрузился в крошечную тьму – в тропическую ночь без зарева заката.

– Вы в порядке, дружище?

– Молитвами тех, кто рядом. Вот только... с разгоном частиц в нейронах... не всё так, как должно бы. Сейчас... – и в руках Именитого Учёного сверкнул нож и засветился под его напряжённым взглядом – засиял опасный клинок, освещая бледным холодным светом лицо хозяина.

И время пошло... Ночное. Чёрное. Страшное. Опасное время – с светящимися в ночи глазами Зандóра. словно с жаждущими глазами Ночи самой. Ночи, жаждущей Правды и Света.

И наконец!

Эти глаза закрылись, и лезвие ножа погасло. И воцарилась долгая тишина.

Тишина с восхитительным восходом Луны... Вернувшим Земному Миру его реальные формы и Красоту... Красоту Ночи.

– Это не Информационное Поле, – из последних сил устало и почти отрешённо вымолвил Зандóр. – Это мощный инструмент Познания и Творческого Созидания Миров. Это – Цивилизация Омáийо! Понимаете?! –

Цивилизация!!! Целый Мир уникальных возможностей в координатах Сознания, что никому кроме них не доступны.

Нам приоткрыта лишь часть их уникального Мира. Та часть, что почти разрушена.

Мы должны! Должны оживить этот восхитительный Мир и дать ему Новую Жизнь. Мы должны довести его до Совершенства! Мы! И Омáийо.

Слышите?!!

Увы! Цивилизация Гóмо являет собой антипод этого потрясающего орудия Подлинного Прогресса.

– И тем не менее – мы тщимся Гóмо оправдать.

Тем, что не сам он выбрал Путь. Не сам Гены свои комплектовал. Не сам Чудовище создал: себя и своё техногенное «хозяйство» для издевательства над всем живым.

– Так уж сложилось. И часть людей – жертвы того же издевательства над ними. В трясине изуверской лжи. Где им не место.

Разве и я не вправе счесть себя такой же жертвой? Но. Вы не знаете откуда... Откуда у меня – эта ужасная... неодолимая усталость?

– Нет.

– Но... всё-таки.

– Что?

– Если б вы знали, Сигéо... с каким нетерпением жду я утра! Эх... Скорей бы уснуть! Уснуть... чтоб скорей проснуться. Я что? Я не сплю?

– Нет. И вы не ответили на мой вопрос.

– Не ответил?

– Если это столь затруднительно для вас...

– Нет, но разве вопрос этот... не содержал в себе ответа?

– Нет.

– Ну хорошо. Тогда извольте:

Каким-то образом, Сигéо, мы с вами неизменно движемся к цели в одной ладье. Теперь... она «рванула» до невообразимого масштаба! – Биологической... Нет... – Космической Цивилизации Омáийо. И мы в ней не одни.

Не одни, Сигéо! Так что, «боюсь», и наши с вами Идеалы... если не идентичны, то и различаются не очень.

– Ну хорошо.

– Да, хорошо. И ещё... как говорится: утро вечера...

– Мудрёней.

– Нет... – мудреней. Да. И скорей бы.

У меня возражений не было, и мы отправились ко сну.

На них звери не нападают – только люди

На следующее утро я встал раньше всех и пошёл к реке. Внутреннее чувство мне говорило: скоро в дорогу. Я отыскал нашу лодку и переправился на другой берег, который давно манил меня обилием невиданных растений. Там я и задержался, наслаждаясь их красотой.

Совсем иначе сложилось утро у Зандóра. Когда после купания он вернулся под своды нашей обители, там приветливо встретили его несколько женщин, что накрывали нам стол. Зандóр их поблагодарил.

Но вдруг они подбежали к нему и мгновенно замерли в некоем пластическом жесте, выражающем теплоту их чувств.

И это произошло столь стремительно, и было так красиво, что Сердце Зандóра не вынесло это: дрогнуло, наполнилось острой необъяснимой болью... и полностью сбилось с ритма.

Он побледнел... прижал руки к Сердцу... и, теряя сознание, падал. Падал на землю. Немыслимо! Он падал. Сражённый Красотой.

Но также, держась за Сердце от боли, вдруг стали терять равновесие и опускаться на землю все юные островитянки.

Боль и страдание отразили их лица. И казалось: сейчас произойдёт самое страшное и нелепое, что только может случиться, – что отбросит всех за черту, где Сердце уже не бьётся.

И тогда – как за соломинку – ухватился Зандóр за рукоять ножа. И! – исчез из Реального Мира. Туда же исчез, куда исчезали копья воинов Байдó, некогда кинутые в него. А также пули и снаряды американских солдат.

Но, как оттуда вернуться, не знал он.

Знал я. И я вернул его. Через несколько минут. Когда опасность миновала.

Все встали... Но зная, что это сейчас же повториться, Зандóр ладонью прикрыл глаза и тихо произнёс:

– Спасибо вам. Спасибо! Только себя берегите. – И побежал к выходу.

Куда глаза глядят бежал. Прочь! От чего?

От того, к чему больше всего стремился всем своим существом! Бежал, спасая не столько Сердце своё, сколько тех, ради кого оно билось в его груди.

Бежал.

Подбежал к реке и прыгнул в неё. Выхватил нож. Вонзил его в глаз напавшего крокодила. Рассёк ножом сплетение из стеблей кувшинок, что путь преградили, и поплыл на другой берег.

Где – в нескольких шагах от воды – стоял я... и разглядывал дивный наряд невероятно красивой бабочки, присевшей отдохнуть на моём запястье.

Взойдя на берег, неуверенно держась ещё на ногах, Зандор прямо на меня и вышел... растерянный, растрёпанный, не свой.

– Сигео?!. Какими судьбами?

– Одной и той же.

– Какой?

– Нам пора.

– А они? Я должен оградить их от нашествия культурных каннибалов!

– Не здесь. Вы не сможете даже вернуться. Всё намного сложнее. На много сложнее, Зандор, чем нам казалось. И у нас только одна дорога – по течению реки.

– Я не могу их покинуть. Я должен...

– Но вы даже не представляете, как это сложно.

– Я сделаю это!

– Как?

– Вы скажете мне. Я знаю: вы знаете, как это сделать.

– Знаю. Пойдём.

И вот мы в лодке. Отплываем. Но на противоположенный берег выбегают несколько молодых женщин. Это испытание для Зандора. Вновь разрывается его Сердце от боли. Снова ладонью он прикрывает глаза.

Я делаю несколько взмахов веслом, и наша лодка уже рядом с провожающими нас «дикарками». Говорю им:

– Мы не можем здесь дольше остаться. Будьте мысленно с нами. Так вы очень поможете нам.

– Мы всегда ждали. И всегда будем вас ждать. Только когда?.. – тихо спросила одна из девушек.

– Скоро... – ответил я и взмахнул веслом.

Зандор, с закрытыми ладонями глазами, всё это время молчавший, вдруг поднялся на ноги и глаза открыл. И увидел, как пять женщин кидаются в воду и плывут вслед за нами. Предвидя реакцию попутчика, я пояснил:

– Они другие. На них звери не нападают. Только люди.

Зандор тяжело вздохнул и приложил правую руку к Сердцу. Лишь после этого женщины повернулись и поплыли назад.

Каузальный Спрут

Час. Другой. Мы не произнесли ещё ни слова. Наконец, Зандор молчание нарушил:

– Красота какая! – зачерпнул ладонью хладную речную воду и брызнул ею в меня. И улыбнулся. Это был хороший знак. Улыбнулся и я.

И снова предо мной был прежний Зандор – самоуверенный, полный сил и отваги. Теперь, как никогда, это было кстати.

– Не удивляйтесь, Сигео, – я просто собрал себя заново – по кусочкам. И так прочно, что никакая сила теперь мне не страшна. Никакая сила! Куда путь держим?

– Уже у цели. К сражению готовы?

– Как обычно. Но теперь, как никогда, в себе уверен.

– Тогда пойдём.

– Пойдём.

Мы вышли из лодки и пошли вглубь острова.

Поначалу здесь всё радовало и восхищало. Но вдруг всё резко изменилось: рытвины, воронки... А дальше – нашему взору открылось огромное, перепаханное взрывами снарядов поле. И по нему поползла серая дымка тумана. И она стала заполнять всё пространство вокруг. Холодно от неё становилось. Жутко. И в ней стали появляться тени. Невнятные... Серые.

– Что это? Где мы?

– Внимательней присмотритесь, Зандор. Узнаёте?

В центре поля перед нами стала проявляться ужасающая картина: тридцать два железных «клюва» словно проткнули землю и стали поднимать ввысь тридцать два проткнутых ими людоеда. И они начали оживать. Стонать.

Тени Байдó оживали.

И наяву стало происходить то, что совсем недавно ещё видели мы на экране.

И это! – уже были не тени. Это были реальные звери в облике человеческом – люди, охваченные страстью одной: сожрать всё на свете. И себя в том числе.

И вот – друг друга они пожирают. Выедают всё из себя и из тех, кого могут достать... разодрать, разорвать на части... разъять.

Кровь хлыщет рекой из артерий. Окатывает. Землю окрашивает и заливают.

Живая плоть, живые органы в лицо летят нам. Кости.

Но. Никто не замечает нас.

Не видят?

Однако же – Реальность перед нами – до самых незначительных штрихов, деталей.

Блуждаем мы среди убитых... убиенных нами... И оживших.

В бойне – в месиве из плоти их грядём. С кем здесь бороться?

Нас не видят.

Насилие. Всё изощрённей.

Но это лишь начало – прелюдия к чревоугодия триумфу! – к апофеозу торжества разнузданного и раскрепощённого каннибализма.

Взрываются кругом снаряды! Искры. Грохот.

Рушится. Проваливается земля под нами.

И вместе с тысячами каннибалов мы падаем в недра Земли. Глубже и глубже.

И та-м-м-м.

Байдó нас узнают. Интерес к нам проявляют! – лишь людоедам известного свойства.

И тысячи их – матёрых – валятся скопом на нас!

А вместе с ними – свора солдат.

Они впиваются, вгрызаются в наши тела. Зубами рвут нас на куски! На части.

Их окровавленные пасти алчно пожирают нас.

Снова и снова – плоть нашу они разрывают... Кости ломают.

И объедают.

Топят в крови нас.

А мы... противиться им не можем... Боль только терпим... Молчим.

Не умираем. Нет. Не умираем!

Живём.

Жизнью Своей.

Если она – такая.

Поэтому – плоть наша возвращается к нам неизменно. Снова и снова. Чтобы насытиться ею могли все едоки. Могли насытятся плотью и болью нашей.

Генерал Блейк. И ему досталось.

Но вот – под его руководством несут десантники огромный кол железный.

Байдó разгадывают замысел вояк. Кликами дикими их ободряют. И рычат.

Свирепо...

А генерал в ударе и кричит:

– Сначала мою рану, чистоплюй, залижешь! А уж потом! Потом повеселимся вместе. Ха-ха-ха-ха. С размахом! Что? Ты, может быть, не рад, Зандóр?

Все отступают.

И остаётся Командóр один перед своей зловещей перспективой. Жуткой... страшной. Воплощаемой жертвой его.

Ржёт генерал:

– Желание загадывай, герой! Последнее. Только такое, чтоб с моим не шло в разрез.

Ответить сил нет у Зандóра. Но он ищет их в себе и во Вселенной. И, кажется, находит.

Смеётся:

– Ха-ха-ха. Без церемоний. Без лишних слов и промедления, друзья! Ну же! Валяйте!

Но. Тогда перед его глазами остров, что над ним. И тот народ, что полюбил его. Айшёт... Её глаза.

Что в них? Что возвращает ему этот взгляд?

Его былую Силу?! Столько силы! Айшёт...

Это сила её народа.

Срывается с места Зандóр! Бежит к стержню стальному. Его над собой взметаёт!.. Раскручивает!.. С силой такой, что прочь всех отметаёт! Всех с ног сбивает.

И! – кол летит в сторону Блейка и его алчных «псов».

И... не летит.

Нет! Не летит он... Никого не настигает... Не ранит.

А возвращается... Назад летит прямо в Зандóра!

Под хохот, угрозы, всплеск яркой радости гибридной своры.

А он... Не успев увернуться. Ловит Железо. И снова раскручивает его над собой. И! – видит:

Видит того, кто вернул ему Стержень Смерти. Кто им кинул в него.

Видит – Себя.

Себя?

Какая мощь! Разве с таким сразишься? Как понять, осмыслить ЭТО??!

Над головой раскрученный металл звенит, сверкает! Давит!.. И в землю загоняет.

А «двойник» бросается в атаку. С силой и мощью Командóра. С украденной Силой его.

Нет же!!! Зандóр взглядом впивается в бельма «врага». Нет! – не только! – он впивается в Тело его Глазами!!! И! – видит:

Видит, что тело чудовища полупустое. И состоит только из органов, что поглощают еду и отходы её хранят – клетки мерзкого Паразита.

И bestия эта хватает Зандóра за торс... поднимает его над собой... И раскручивает его под взлетевшим над ним стержнем для пытки.

Так близко к смерти Зандóр ещё не был. И «он» знает, когда и как швырнёт «себя» оземь, чтоб Жизни лишить.

«Себя» – здесь? Или там – над «собой»?

Молнии озарения настигают гибридную сущность. И делят, – делят её на Себя и Каузального Спрута... у которого нет своей Жизни вне Жизни Зандóра, – Жизни Зандóра в его формате Человека – коварном порождении – конструкторе Паразита.

И! – в ослепительной вспышке прозрения! – решает Зандóр.

Решает убить Человека в себе! Решает в последний момент, перед тем как отдать жизнь свою Спруту... и быть им – «убитым»... и присвоенным навсегда.

Мгновение! – и не Спрут над собой раскручивает жертву, а Зандóр вращает над собой то, что «им» было, удерживающим его в координатах Гóмо – чудовища с «командной высотой» в кишечнике и в органах, что подле. И подле.

Закручивается на кол несостоявшийся Гомункул – урод, мразь, чертовщина... и! – с невероятной силой летит в сторону Блейка и его «команды».

Настигает их... калечит... давит... мнёт. И... умирает. Он...

И лишь тогда.

Только тогда... Гремит! Грохочет гром!.. Грозно и долго.

Нет. То не гром. Смех это! Страшный... жуткий...

Но кто смеётся так? Так, что холодеет кровь. А жизнь уходит в пятки.

От чьего смеха Жизнь бежит?
Повергнуты все. На коленях. Все трепещут. Ждут.
От ужаса все умирают. Все. Кроме Зандóра.
Лишь он твёрдо стоит. Ничего не теряя. Ни Лица, ни хладнокровия, ни
твёрдости, ни духа.

Он лишь.

И снова смех гремит. Гремит, словно раскаты грома. Рядом.

И поворачивается Зандóр, чтобы увидеть: кто смеётся голосом хозяина
Ада? И... его видит.

– Сигéо?!

Но тот – лишь указывает взглядом на покорённых – в пучинах страха
гибнущих и тлеющих в немыслимых страданиях.

Земля уходит из-под ног их... образуя чёрные глубокие колодцы. Она...
заглатывает свору своих хищных паразитов.

И! – пред Зандóром – лишь чёрные, злые... пустые глазницы Страданий
– бездонные Норы Ада.

И – ни души.

Только ночь с окровавленной пастью Боли и Страха... И ни души.

Но снова смех из глубин ближайшей «норы». И слышится как бы
знакомый голос:

– Прыгай! Доверши Дело Своё!

И прыгнул Зандóр. Прыгнул в кровавую, ядовитую тьму колодца. Чтоб
довершить Своё Дело. И падал... Медленно... Долго.

Но из подземелья навстречу ему летели люди. Они поднимались. Так
же медленно поднимались, как падал он. И он не мог разглядеть их. Только
чувствовал, что это ему близкие добрые существа. И они поднимались.

А он – падал.

Наконец, твёрдая почва содрогнулась под его стопами. И снова – вокруг
никого. Ни души. Только новые чёрные «норы» глазниц пустых Страха
пялятся из-под земли.

Стал вглядываться Зандóр в эти «глаза». Всё пристальней... Всё
властней... И тогда – он стал видеть, – видеть то, чего знать не мог. То, о чём
лишь догадывался смутно:

Предельно сжато во времени перед его глазами замелькали картины
дальнейшей судьбы сущностей, им почти уничтоженных... оживали жуткие
картины их невероятных мук и страданий...

А после, словно железо, они плавиться стали, – отливаться стали в геометрию Форм... Трёхмерные... плоские... Распадались они. Рассыпались на линии, формулы, символы, цифры...

Так, видимо, окончательно разлагается Жизнь, – Жизнь Существ. Там. В этих колодцах Смерти.

Но вдруг они захлопнулись все. Все. А из холодного мрака напротив – стал приближаться силуэт – чёрный – знакомый – в изысканном костюме восемнадцатого века... с бриллиантовой кочергой в руке.

И тогда. От неё... Лишь на одно мгновение! – Царство Тьмы наполнилось таким белым и чистым Светом, что Зандор едва устоял на ногах от изумления и силы чувства, что его пронзило.

Как тогда – перед бегством от Красоты женщин Омáийо.

И он резко прижал к Сердцу ладонь в страхе за тех, кого любил.

Но... ничего не случилось. И Сердце его продолжало биться Ровно. Спокойно. Сильно.

Значит, всё-таки что-то случилось. Произошло.

– Теперь их песня спета, – произнёс Сигео. – До конца. Им не вернуться. Нам пора.

Уже и пошутить нельзя

И два чёрных силуэта стали подниматься. Из «Ада». Медленно. Но. Вот над ними проём в «потолке» «Нижнего Мира». И вылетают они из него на поверхность другого.

А колодцы под ними, словно чёрные раны, с жалобным стоном затягиваются – «заживают».

В этом Мире немного светлей. И в нём теперь все те люди, что поднимались навстречу тому, кто давеча падал. Их много. Но невозможно их разглядеть – слишком темно.

– Здесь те Омáийо, чью жизнь прервали Байдó, – объясняет Сигéо. – Хочешь поднять их на Поверхность?

– Да. Что я должен для этого сделать?

– Поднять одного. А потом...

– Что?

– Потом вернуться и занять их место.

– Хорошо.

– Выбирай кого хочешь.

Омáийо обступили Зандóра. И он смотрел на них... Хотел лучше их разглядеть, – хотел глаза их увидеть. Но... не мог. И ничего кроме неясных силуэтов он не видел.

Но тогда к Зандóру подошла «тень», держащая на руках ребёнка. Застыла. И протянула ребёнка ему.

Он взял его и прижал к груди. И сразу же все стали подниматься. Выше... Выше... Пока не оказались на поверхности Земли.

От света слепнут глаза. Но все видят друг друга. Вокруг тысячи измученных и красивых лиц. И столько добрых и благодарных глаз!

На руках у Зандóра девочка. Ей лет семь. Она обняла его за шею, и он не спешит с ней расстаться. Ни с кем он не спешит расстаться.

– Как твоё имя? – спрашивает девочку Зандóр.

– Айшét.

– Я так и подумал. Никогда тебя не забуду... Хорошо... Тебе пора, Айшét. И мне пора.

Произнося эти слова, Зандóр передал девочку матери и взглянул на Сигéо.

– Так вот в чём ваш замысел, Друг. Не слабо.

Все воронки с поверхности земли исчезли. Кроме одной – перед Зандóром. Он вздохнул. Оглядел всех... И приложил правую руку к Сердцу. Все Омáййо сделали то же. Только Сигéо... этого не сделал.

Тишина... И тогда Айшёт подбегает к Зандóру и просит взять её на руки. А мать девочки говорит за всех:

– Мы все вернёмся назад.

– Вернётся только один, – с холодным металлическим отливом в голосе распоряжается Сигéо.

– Тогда это буду я, – сказала мать Айшёт и подбежала к колодцу. Но Зандóр успел её остановить и отвёл назад, поднял её дочь и подал ей... Потом посмотрел спокойно в глаза Сигéо и спросил:

– Вы хоть позаботитесь о них?

– Да, – тот ответил.

– Тогда прощайте.

В одно мгновение ока подбежал Зандóр к краю «колодца» и кинулся в него. А за ним – в него стали кидаться все Омáййо, – все, кто только что из него вышли.

Но... никого не приняла Земля. Она отвергла всех. Сомкнулась перед всеми.

И некуда было уже бросаться, падать: все падали только на землю. Рядом с Зандóром.

А он, опешив, повернул голову и увидел пред собой Сигéо – властного, невозмутимого Хозяина Тьмы.

– Сами позаботитесь о них, – тот холодно произнёс и протянул Зандóру руку.

И улыбнулся.

Подавая правую руку, Зандóр встал и левой изо всей силы ударил Сигéо в корпус.

Тот не повёл и бровью. Но оба рассмеялись. Обменялись ещё несколькими ударами и стали осматриваться.

Из небытия вернувшиеся люди всё поняли и лица их светились. Мать Айшёт взяла на себя ответственность выразить чувства и мысли своих соплеменников:

– Наши Сердца переполнены радостью и благодарностью вам, наши необычные избавители. Но как нам быть? Мы не узнаём наш остров. Где мы?

– Вы на своей земле, украденной у вас Байдó. Их нет уже. И, наконец, вы можете вернуться к тем, кто ждут вас так давно! Идите вдоль реки против течения, и очень скоро – вы снова будете все вместе.

– Почти поверить невозможно. Но вы... Вы разве с нами не пойдёте?

– Не сомневайтесь: вы на своей земле, которая вас ждёт и любит. А мы скоро вернёмся. Зандóр, вы подтвердить слова мои готовы?

– Мы обязательно вернёмся. Если не станем жертвами нашего невероятного коварства.

– Ну... Уже и пошутить нельзя.

Я взглядом охватил островитян, приложил руку к Сердцу и продолжил:

– Возвращайтесь к Жизни, Омáйю. Мы скоро увидимся.

И теперь уже все приложили руку к Сердцу в знак понимания, и как прощальный жест. И мы разошлись в разные стороны.

Смертельно уставший Камень

Мы с Зандóром пошли к реке. Шли молча. Но только вышли на луг перед ней, как спутник мой остановился, упал в траву и застыл... Как камень, слетевший с вершины горы.

Но. Неразбитый. Уцелевший. Целый.

Камень? Возможно. Только смертельно уставший.

Забылся он... Отрешился... Уснул... Как гора, уставшая от тяжести своей.

А впереди была длинная ночь. И она уже подступала вместе с уходом Солнца.

Я присел на траву. Но не до сна было мне. А на душе было тихо и мирно, как в окружающей нас Природе, что просыпалась для жизни ночной.

И я словно проснулся для этой жизни, когда увидел, как в последних лучах заката, на вершине холма, появился до боли знакомый мне зверь: волк огромный. Он что-то держал в зубах... Тащил за собой. Быстро ко мне приближался.

Рядом уже. Напротив. На меня смотрит своими большими, то отражающими, то поглощающими свет глазами.

Они иногда светятся у него изнутри.

У кого угодно от этого взгляда похолодеет душа. Но не у меня. Может у нас с волком она одна? Одна на двоих... Кто знает?

– Рэй... Мы не виделись так давно!

Волк подходит ближе, и я его обнимаю. Рэй не очень-то сентиментален – в сторону отпрыгивает и ложится на траву.

– И что притащил ты? Медвежью шкуру? Да. Она кстати. До чего же ты добр, лютый зверь!

Глаза волка смеются. А я расстилаю шкуру. Поднимаю Зандóра и ложу его на неё. Снимаю с себя драгоценный сюртук и подкладываю под голову Командóра.

– Вот... так-то лучше, – говорю Рэю. – Ты ведь знаешь, какое испытание выдержал сегодня твой брат.

Волк поднялся, подошёл к Зандóру и лизнул его лицо.

Засветились первые Звёзды. Свет Луны наполнил до краёв всё пространство. Стало тихо... Светло... Тепло.

Но на спину сонного холма «восходит» ещё одно действующее лицо – носорог Энди. Он бежит к нам легко, бесшумно, не подавая голос.

И вот – в свете полной Луны – мы втроём стоим возле спящего Зандóра. Потом Э́нди и Рэ́й ложатся возле него, а я сажусь рядом на камень. И так, освещённые и опьянённые лунным светом, мы словно летим среди Звёзд.

Долго-долго.

Как хорошо так летать! Вместе.

Но. Память!

Такая же лунная ночь. В Пустыне. В Пустыне, где страстью объаты... влечением сладким пылают кристаллы звонких песчинок вокруг!.. Где Звёзд Мириады в Небе горят. Все Звёзды мерцают в сладком забвении... И содрогаются... Ждут... Живут в полную силу в себе и во всём на Свете!

Две Огненные Саламандры горят, полыхают в животворящем огне... Нет – уже не саламандры. Нет! Я с ума не хочу сойти!!!

– Сандóр, Рэ́й! Оставайтесь. Я должен в себе Это Сжечь! И сберечь. Эту Жажду я должен выпить! Вместе с Рекой.

Рекой стать я должен!

Бегу к ней. В неё кидаюсь. И... как всегда.

Она спасает меня... В который раз меня спасает! – холодная, студёная Река.

Вода. Она. Тоже Она.

***

Уже за полночь далеко.

Небо. Луна. Звёзды. Река... Лежу в ней – холодной, зимней.

Тихо. Покойно.

На берегу резвятся два зверя ночных. Неслышно носятся по полю. Ладно бегут. Вот прыгает Рэ́й через спину Сándи. Ещё раз... ещё... Он на спине Сандóра. Пытается подольше на ней удержаться. А носорог бежит быстро по кругу и хочет сбросить волка с плеч. Хочет рогом его достать. Подбросить.

Как хорошо им! И оказывается – у Рэ́я нрав не столь уж и суров. И кажется, я снова засыпаю. Кажется, с улыбкой на устах. В реке. И сплю до самого утра. До первых солнечных лучей, скользнувших по лицу.

И просыпаюсь. К берегу плыву.

Свежо. Ясно. Спокойно... От Рэ́я и от Э́нди – только их следы. А Командóр всё ещё смотрит сны... Нет. Просыпается. В небо глядит – в синюю высь.

Быстро встаёт. Уже стоит напротив.

- Доброе утро, Зандор. Как спалось?
- Доброе утро. Мне кажется: я спал целую вечность.
- Значит, – столько же и не ели. Но мне нечего вам предложить.
- Да, но там что? Река? Простите.

И Зандор бежит и кидается в реку. Долго плавает в ней, ныряет. И наконец, выходит на берег. Однозначно проснувшись. Самодоволен. Бодр.

– Я доставил вам кучу хлопот своим «вне игры», Сигео. Вы уж простите. Впредь буду вести себя благопристойней. Но откуда здесь медвежья шкура?

– Это к ночлегу вам. От Энди и его друга.

– Шалáбе? Но... Я вижу, как шкуру тащит волк.

– Значит волк.

– Фантастика! Как только это всё здесь происходит?

– Фантастика – это реальность. А та искусственная клетка, в которую упрятал себя человек, к реальности лишь косвенное отношение имеет.

– Да... Только не каждый сам себя туда упрятал. И не каждый может вырваться из этого капкана.

– Здесь дольше оставаться нет у нас причин. Что, двинем по течению?

– Двинем. Но... те Омáйю, что вчера подняли мы из Подземелья.

– Что те Омáйю?

– Они у цели?

– У вас со зрением проблемы?

– Нет, но... Я вижу их... Их вижу! Что это? Мираж? Я не сошёл с ума?

Скажите!

– Пойдём. Мне всё-таки грести. А вы хотя бы интеллект свой напрягите.

С мыслями соберитесь. Сообразуйтесь с собственным умом.

И снова мы в ладье. Плывём. Зандор молчит... Я спрашиваю его, наконец:

– Светлы ли мысли те, что посещают вас, мой друг?

– Светлее некуда. Ведь из того, что я о вас узнал, – вы, собственно, и есть то самое исчадьё Ада, от которого следует ноги уносить.

– Нет. Что вы. Просто вы... не с той ноги сегодня встали.

– Ну... не знаю. Но, как ни странно. Да, как ни странно...

– Да, разумеется, ничего странного в этом нет.

– Но... куда теперь мы держим путь?

- Точно сказать не смогу. Но помните, что нам сказал Атón о его соплеменниках на островах неподалёку?
- Раз так, то в будущее едем.
- Из прошлого.
- Как стыдно!
- Вам незачем стыдиться.
- Я часть цивилизации, что гибнет.
- Вы не погибнете. Вы часть иной – Вечной Цивилизации Омáйю.
- Речь разве обо мне? Но... Значит всё, что здесь как сон кошмарный подминает под себя Реальность, правда?
- Такая же как то, что крокодилы вам уже не докучают. Когда, кстати, последний раз купались вы в реке?
- Да. Но как о такой опасности я мог забыть?
- Просто... теперь для вас её не существует. Вы другой. Те, кому надо... вас уже съели. Вчера под вечер.
- Значит, под вечер... И цинизма же в вас!
- Не понимаю, о чём вы.
- Не понимаете?
- Нет. Оцените лучше то, что отгоняющая комаров и прочих насекомых электроника – вам тоже не нужна. У вас «пакт о ненападении» со всеми существами... Кроме одного вида.
- Да. Мастер вы по части «озадачить».
- Жизнь такова, мой друг. Вам много чего скоро не понадобится из того, к чему за жизнь так прикипели.
- Зандóр взглянул на свой нож, а я продолжил:
- Я не сказал, что вам не понадобится ничего. Впрочем, сами увидите. Кстати, если у вас есть необходимость связаться со штабом, поторопитесь. Скоро вы не сможете этого сделать: мы окажемся вне досягаемости техническими «чудесами» вашего Прогресса.
- Хорошо. Но ими пока и воспользуемся.
- Через пару секунд Зандóр наладил связь и произнёс:
- Чем порадуете, Денис Петрович?
- С вчерашнего дня не удавалось выйти с вами на связь. Были крайне встревожены. Всё ли в порядке?
- Да, всё в наилучшем порядке. Как вы? Что нового в Мире?

– У нас полный штиль. А Мир лихорадит от известного нам сериала. В качестве «жеста»... понесли янки «зонт» из Европы... И «чемодан».

– Для начала неплохо. Не будем мешать. Посмотрим, на что ещё им прыти хватит. Скоро снова буду вне досягаемости, Денис. Так что без паники там. Лады?

– Хорошо, Аристарх Прохорович. Удачи.

– И вам.

Воздух стал прохладней и поднялся небольшой ветер.

– Похоже, приближаемся к Океану.

– Похоже.

Айшёт

Вскоре речка вынесла нас в Океан – вода до горизонта с одной стороны, а с другой, уже совсем близко, неприступные скалы и горные цепи другого острова.

Вдоль берега плывём. Долго... Наконец, на нём появляются небольшие плато с богатым растительным миром.

Уже можно сойти на берег. Но перед нами устье реки. По ней проникаем вглубь острова. Красота сказочная: торжественная, величественная, неприступная:

Из голубых теней гор словно рвутся ввысь, освобождаются цвета тропических лесов, цветов, искрящихся на Солнце водопадов. Воздух живой и свежий «опьяняет» нас и «отрезвляет», предчувствием переполняет, что вот-вот соприкоснёмся с тайной.

Течение реки могучее. Но вдруг, после очередного поворота, лодка словно ожила, и сама поплыла против него. А нашему взору открылась картина ещё более величественная: из глубин реки поднимались ввысь гигантские гранитные «столбы» – чёрные, серые, красные. Их формы – округлые, колотые, гладкие – поражали необычностью своей, монументальной ясностью и красотой.

Отдельные камни, словно диски небесных светил, вырывались порой из ажурных переплетений растений, огромных деревьев и кустов.

Несокрушимые граниты, базальты, нефриты, как благородной формы клинки, вырывались из недр и вонзались в прозрачную высь. А по горизонту! – горы и скалы в голубых и синих нарядах в тени... в потоке долгом и длинном... из облаков полупрозрачных, светлых, воздушных... А также – тяжёлых, грозных и мрачных, словно налитых чёрным и синим дождём.

Лодка несла нас к огромному плоскому камню, немного выступающему над поверхностью реки. И там, на этом почти до блеска отшлифованном диске, нас встречали наши другие Омáийо – из «будущего».

Всё лучше могли мы их разглядеть. Они стояли на плоских платформах из цельных камней на берегах... на различной высоте и расстоянии друг от друга.

На минуту поднялся ветер и свежестью нас обдал. И обнял. Словно объединил. А наша лодка коснулась окружности «причала» и застыла.

И вот – мы на гранитной тверди. Напротив обитателей этого фантастического Мира – красивых, сильных и одухотворённых.

На них – только набедренные лёгкие повязки, а украшений – абсолютно никаких. Даже у женщин нет их на груди, что неприкрыта.

У всех лихие «гривы», слетающие гордо с плеч. И лишь у некоторых юношей обриты головы, что поражают совершенством формы.

Идём навстречу им.

Какие мощные порывы ветра! Они нас словно обнимают. Поднимают. И мы вдыхаем свежесть их и силу. А вместе с тем – мирную жизнь этого удивительного края.

Навстречу девочка. Ей лет тринадцать. Останавливается... и произносит:

– Я Айшёт. Вы, Сигео, хотите помочь Зандору спасти вашу цивилизацию?

Какие знакомые слова!

И Айшёт подходит и смотрит в глаза нам таким Знакомым Взглядом! – словно Вселенная... Смотрит...

Как трогательно это! И красиво.

– Нет, нет – всё поровну, – серьёзно говорит она – такая милая!.. похожая на соплеменницу, что нам открыла своё Сердце ещё там – под кронами деревьев, цветущих... в другой части этого изумительного островного края.

Нам на встречу делает несколько шагов юноша, и мы снова слышим то, что уже слышали однажды:

– Я Атон. Байдó, хотя физически устранены, но и теперь стоят меж Космосом и нами. И они стоят меж нами и Омáйю, что на островах, что здесь неподалёку. Более трёх сотен лет мы не имеем связи с ними. Знаем лишь то, что они есть.

Мы понимаем, что нам хотят сказать наши друзья и прикладываем руки к Сердцу. И все Омáйю нам отвечают тем же.

После недолгой паузы, Атон продолжает:

– Вы прибыли к нам с той части Планеты, что так не похожа на нашу, но мы хотим, чтоб вы здесь чувствовали себя как среди самых близких друзей. У нас не было, и, видимо, не будет гостей дороже вас, и нам известно, какое значение вы придаёте информации о нашем Мира. Поэтому будим открыты.

Общение с вами для нас всех огромная радость. Но, наверное, никто лучше Айшёт не сможет до вас донести наши чувства и мысли. Так пусть она будет вам гидом по нашей земле.

– Прекрасно, – сказал Зандор. – Мы действительно стремимся как можно лучше узнать вас. И нам следует обсудить очень много вопросов.

Айшёт быстро подбежала к нам. Остановилась. Потом повернулась к «соотечественникам» и произнесла:

– Я оправдаю ваше доверие.

После чего приложила руку к Сердцу.

Её народ ответил ей тем же. А через минуту ни на берегах, ни на горных склонах никого не осталось. С нами остались лишь те, кто встретил нас здесь – посредине реки – на этом необычном чёрном камне.

Айшёт отошла от нас на несколько шагов, улыбнулась и с озорными искорками в глазах сказала:

– Поплывём к берегу! Прошу всех следовать за мной, – и взволнованно, как в другой Мир, вошла в реку.

Все приглашённые сделали то же. И неспешно поплыли.

Вода была ледяной, и поднялся ветер, а река, как живая, сама несла к берегу нас. И так было отратно видеть рядом с собой смуглые, воодушевлённые водной стихией, лица Омáйю!

Какая благодать – это могучее течение реки! Эти свежие эфирные потоки!

Мы у цели. На берегу.

Мой наряд, а также «броня» Зандора высыхают мгновенно. Но остальные пловцы только рады каждой капле воды, задержавшейся на их крепких обветренных телах.

Айшёт поднимает руку. Это значит, что никому слова она не даёт. Просит принести гостям завтрак и одежду. Потом подбегает к нам и тихо объясняет:

– Я и сама принесла бы, но так будет торжественней. Почти как на сценах ваших театров.

Потом она просит мужчин стать там, где ей кажется, что это будет лучше.

Оценивающе смотрит на них. Меняет местами. А те подчиняются столь охотно и добродушно, что сцена эта обретает необычную теплоту и обаяние.

Несколько оставшихся вне поля зрения Айшёт женщин тоже с нетерпением ждут «своей участи». Но уже возвращаются те, которым было отдано поручение.

У одной из девушек в руках «ваза» с фруктами, у другой «одежда» для меня и Зандора.

Айшёт делает едва заметный жест той, что держит фрукты. И она, приветливо глянув на нас, объясняет:

– Я Итанай. Не удивляйтесь, что еды мало. Я ручаюсь за то, что вам и одного плода хватит, чтоб неделю о еде не вспоминать. Такие фрукты есть только здесь, потому что лишь здесь есть мы – те, кто с такой нежностью, заботой и любовью относятся к деревьям, на которых они растут.

И девушка ставит вазу на плоский камень, что служит столом, а поскольку «позволено» вступить в разговор и другой, та, улыбнувшись, нам говорит:

– Я Энэй. Похоже, вы слишком консервативны, Сигео, чтоб без уговоров облечься в эту одежду, столь непривычную для вас. Но вы, Зандор, как созданы для этого «наряда». Хотелось бы скорей вас в нём увидеть.

Энэй подаёт нам одежду. Но ответить ей мы уже не можем – «не позволяет» Айшёт:

– А теперь, для трапезы и переодеваний, гости остаются. Остальных прошу всех следовать за мной.

И по-детски непосредственно и игриво девочка отбегает в сторону, а её «подчинённые» беспрекословно следуют за ней.

Меня и в самом деле съели

Оставшись одни, садимся на камни возле «стола». Молчим... Впечатлений столько, что не до обмена ими. Молчим.

Наконец, не выдерживает Зандор:

– Ведь это ж додуматься надо: чтоб народом правили дети!

– Да. Только дети Омáийо... не совсем дети.

– Хм-м.

– И в сущности, не правит никто. Народ живёт просто и мудро – по своим законам. Посмотрим: чем ещё они нас удивят. А пока... может, всё-таки отведаем этих удивительных даров природы?

– Да... Аромат какой! А вкус! Вкус... умопомрачительный.

– Однако до чего приятно, что и мы здесь не с пустыми... ру-ка-вами.

И нам тоже есть чем удивить друзей.

– Что вы имеете в виду?

– Это, – я с гордостью произношу и достаю из рукава в два сложенный лист упаковочной бумаги с корявой надписью «Меню» на титульной странице. – Когда-нибудь вы... ели что-то в Этом Роде?

Зандор приподнял бровь. Задумался. Но отвечать не стал. И только протянул мне руку, чтоб забрать злосчастный раритет. Я же – взглядом его остановил и «документ» вернул на место – меж складок моего убранства.

Компаньон, оставшись с ничем, лишь с наслаждением закончил трапезу и повторил:

– Ах, аромат какой! А вкус... Вкус. У меня нет слов. Когда-нибудь вы ели что-то в Этом Роде?

– Нет. Но вы должны быть зверски голодны, Зандор.

– С чего вы взяли?

– Вы где-нибудь столовались в моё отсутствие вчера или сегодня?

– Что за вздор!

– Тогда отказываюсь узнавать вас, – вас без аппетита. Второй уж день подряд.

– Не понимаю. Ничего не понимаю. Но...

Сигео! Вы уверены, что я... что это я? – Я перед вами. Какой там аппетит?! Это не мои руки. Вы смеётесь? Это... не моё тело! Ну, объясните же вы мне!

И, не дождавшись ответа, Зандор бежит к реке. На своё отражение смотрит в воде. Кидается в реку.

Наконец, из воды выходит. Идёт. Медленно возвращается. Подходит... Садится на камень рядом.

– Всё так и есть: меня и в самом деле съели.

– Что нравится мне в вас, Зандёр... так это то, что вы трагедии не делаете из вещей подобных.

– А уж как восхищаюсь вами я за равнодушие к вещам, что с вами наотрез не происходят!

– Ну раз так... то ещё одно «нравитесь» вы честно заслужили. Ввиду того, что в результате этих перемен, ничуть не подурнели. И как бы вам сказать поделикатней... Ладно, сами увидите по отношению местных красавиц. Переодевайтесь, наконец. Сдались вам эти шорты.

Уговаривать Зандёра не пришлось. Мигом он переоделся, приосанился и предо мной предстал совсем другим – не узнаваемым до мелочей... едва ли «человеком».

Это был уже не мощный борец, а сильный и статный атлет с восхитительными пропорциями тела и, словно точёными, красивыми и ясными чертами лица. Особенно бросалась в глаза совершенная форма его обритой головы.

Но Зандёр изменился и внутренне: стал намного более чутким, простым, деликатным и добродушным. Это было видно по его непостижимо живым – и в то же время удивительно спокойным – ясным и чистым тёмно-синим глазам.

И вдруг он срывается с места, разбегается и делает мощный прыжок: переворачивается через себя и становится на ноги! Ещё несколько сальто. Целый каскад невероятных прыжков. И снова стоит предо мной.

– Я и мечтать раньше не мог об этом!

– Тем не менее в движениях ваших куда больше силы, чем красоты. Над пластикой придётся отчаянно работать.

– Да. Хоть сейчас. Вы научите меня?

– Не я. Здесь есть учителя получше.

– Я должен научиться.

И Зандёр снова выбегает на поляну, делает какие-то сложные акробатические трюки, танцевальные фигуры. Бежит снова к реке, окунается.

Выходит из реки свежий, холодный как лёд... счастливый. А навстречу ему Айшёт и её соплеменники.

– Как вы себя ведёте, Зандор?! Разве можно так сотрясать землю и воду? Так их тревожить. Ведь они живые! Сейчас же дайте мне слово, что этого не повторится.

В растерянности Зандор.

– Простите, Айшёт. Я... Я даю слово.

– Вы не сердитесь на меня, что я делаю вам замечания?

– Нет. Я вами люблюсь.

– Тогда я хочу, чтоб и вам наши женщины сказали комплименты.

Но они только смущённо отводят глаза.

– Айшёт, я только хочу знать: похож ли я на остальных мужчин Омáийо?

– Очень похожи. Только чуть выше ростом и немного мощней. Вам нравится мой комплимент?

– Очень. Но мне только и хочется, что говорить всем комплименты.

– Желание ваше радует нас. Но его и вполне достаточно. Спасибо, Зандор.

– А мне недостаточно, – вклиниваюсь я в разговор, – так что такого – комплиментарного – вы хотели сказать в мой адрес, мой друг?

– У вас превосходный вкус, Сигео.

– Да.

– Но тот костюм, что вам преподнесла Энёй, вам подошёл бы лучше – к вашей «разобранной» причёске и босым ногам. Пообещайте нам, что мы вас в нём увидим.

– Нет, не просите. Мне вполне комфортно...

– Но, Сигео! – восклицает Айшёт.

– Ну хорошо. Только потом. Не сейчас.

– Какой вы милый!

– Где бы я мог подумать.

– Да-да. Но теперь я извиняюсь за то, что здесь наговорила, и всех прошу занять места для обстоятельного разговора.

Ты душа мною сказанного

Произнося это, Айшёт прогнала улыбку с лица и напустила на себя столько важности, что присутствующие едва сдержали себя, чтоб... хотя бы не разулыбаться самим.

Однако с удовольствием все места заняли – кто на траве, кто на камне. Присели и мы с Зандóром. А Атóн, переглянувшись с Айшёт, сказал уже серьёзно:

– Друзья наши, Сигéо и Зандóр, для нас большая радость первыми говорить с вами от имени Омáийо.

Теперь, когда благодаря вашим решительным действиям мы снова едины, скажите: чем можем мы вам помочь? Ведь у нас, в сущности, нет ничего, кроме нашей земли и наших не самых безупречных знаний о Мире.

К тому же поверхностное толкование отдельных сторон нашей жизни – не более, чем заблужденье. А понять нашу систему ценностей в целом и слёту – неподъёмная задача. Нам нужны были тысячи лет, чтобы её создать. И не только нашему уму было необходимо это время, но и психике. А также, и это очень важно знать, – нашему телу.

Не найдя верного рецепта, как людям помочь, мы не имеем права и навредить им, предлагая свои координаты понятий и ориентиры.

Согласны вы с такой постановкой вопроса?

– Спасибо, Атóн. Ваша позиция хорошо выверена, разумна и гуманна, – ответил Зандóр, – но в том то и дело, что с рецептами у нас не густо. А с гарантиями – и подавно. У нас почти нет шансов избежать катастрофы уже потому, что даже самое надёжное лекарство наш «пациент» принимать добровольно не станет.

Таким образом, вырисовывается лишь возможность рискнуть и заставить его глотать наши «пилюли» насильно. Возможно, только это и могло бы дать шанс на выздоровление.

А ваш путь... Вы правы: он уникален, и взять его под копирку не удастся никому. Тем не менее мы бы хотели знать более конкретно: какие мировоззренческие идеи для вас являются основными, а какие вы считаете ложными. Мы хотели бы знать это прежде, чем примем решение. Ведь, возможно, исходя из вашего опыта и философских основ, хотя бы отдельные наши народы, отдельные люди сумеют сделать для себя верные выводы и найти свой путь в будущее.

– Я Герóм, – вступил в разговор один из мужчин. – Как старший, возьму на себя самое сложное: оценку наших цивилизаций в целом. То, какими они представляются нам в сопоставлении, – в контексте различий наших мировоззренческих и философских начал.

Поверьте, нам крайне трудно говорить нелицеприятные вещи. Но это наш долг: Омáййо никогда не лжёт, не убивает, не крадёт, не стремится жить в удовольствии за счёт других, применяя силу и принуждение. И живы, и счастливы мы лишь потому, что никогда не нарушаем этих норм.

Ваша цивилизация доказала, что может жить за счёт убитых, обездоленных, загнанных в трясины лжи. Да, некоторое время жить так можно. Но.

Вы, возможно, не совсем всерьёз восприняли просьбу Айшét обращать бережно с Землёй, Водой, Рекой. Но представьте себе, сколь деликатно наше отношение к Природе, если мы не имеем никаких орудий. Ведь их смысл в том, чтоб нарушать, убивать, калечить всё живое – нашу Живую Планету.

Люди вашей цивилизации выкачивают «кровь» её и сжигают, опустошают её «артерии», водоёмы, недра. Уничтожают и загрязняют биосферу, издеваются над животными, превращая их в скот. Модифицируют гены. Своим грубым инструментарием разрушают филигранную работу такой тонкой структуры Земли, как её Сознание. И всё – лишь ради того, чтоб жить примитивно и непристойно.

И вот – вы разрушили почти всё на этой Планете. И возможно, наконец, начинаете понимать, что вместе с тем – разрушили и себя. Но можете ли вы прожить хотя бы день, себя не разрушая? Уже не можете. Чтоб выжить, чтоб продержаться ещё хоть немного, вы непременно должны что-нибудь истребить... уничтожить: лес, реку, невероятное количество других живых существ.

Продержаться любой ценой – вот ваша цель. Простите меня, Зандóр и Сигéо, – речь не о вас и тех, кто такие как вы. Речь о тех, кто совсем ослеп и оглох от жадности.

А как не ослепнуть, не оглохнуть и не потерять ясность рассудка, когда тысячелетия вас держат в Смертельной Трясине Лжи те, у кого Власть и Деньги? – основные ценности вашего Мира.

Но! В цене до тех пор они, пока украдена Правда, – Правда о том, что есть Мир, Человек, Реальность.

Речь о Реальности в Форме, что знаем мы как высший – Воплощённый Мир, – Мир материальный – в очень узком диапазоне волн.

Здесь. Где с Целым можем связаны быть оптимально. И где быть оторваны от него можем предельно.

Ома́йю – на Пути Единства. Человечество – идёт Путём Разрыва Связей и Эгоцентризма.

Мы совершенствуем и расширяем наши связи. Вы их сужаете. И так теряете Реальность – ЖИВУЮ Почву под ногами. Тем подменяете её, в чём вы живёте.

Это жилища ваши, города и грязь Эфира.

Убийственная Грязь.

Она, как мощная броня, вас отделяет от тонких вибраций остального Мира – Жизни Подлинной... в Реальности Цельной и Наивысшей.

То есть – наша Реальность и ваша – очень различны. И совпадают во всё более узком спектре волн:

Лишь когда вы вне вашей брони – конуры из убитой, изувеченной, преобразованной Живой Плоти Планеты. Когда соприкасаетесь с её Живыми Очагами.

На заре человечества наши племена разошлись: вы уверовали в силу «Мёртвых Орудий» и Бога, мы – положились на творческий потенциал Живой Вселенной, что присутствует в нас, как в её суть отражающих и хранящих гранях.

Так сохранили мы Истину, что вместе с Вселенной творим... И собой и ею становимся – всё совершенствуя. Всё... Но не столько руками, сколько Сердцем своим и умом. В этом наше призвание.

И природа идёт нам навстречу, и нам подчиняется, когда узнаёт в нас своих творцов, – любящих и заботливых. А не своих палачей, с позволения Бога.

Природа расцветает, совершенствуется вместе с нами. А вместе с вами – умирает.

Скажите, Зандор, вам нравится наш Мир?

– Очень нравится, Герóм. Пожалуйста, продолжайте.

– Ваша истина в том, что жить следует за счёт того, что сотворено Мирозданием как дом вашей «души» и тела. Я имею в виду нашу Планету.

И вот – вы на руинах волшебного замка, который могли украсить. Но который «сожгли». И вас миллиарды. И скоро у вас не будет ни крова, ни

пищи, ни чистого воздуха, ни воды. Ни здоровья. И что же тогда станете вы истреблять?

Печальная участь Байдó должна бы людей навести на обобщения: зло преходяще. А доброе Сердце...

На нас не нападают ни звери, ни микробы, ни вирусы. Ибо всё здоровое в Мире стремится к добру. И мы никогда не боеем. Так наша Природа о нас проявляет заботу. О нас – её творцах на уровне созидания Новых Законов и Новых Форм Жизни.

Как только часть Разумных поверила в «истину» силы орудий, лжи и жестокости – основная часть мозга их стала излишней. И отмирала. Ведь выживать стало невероятно просто: всё уродуя, калеча, убивая... Этим довольствуясь и насыщаясь.

В угоду самым низким и надуманным запросам.

Таким образом:

Не орудие труда «сделало» из обезьяны человека, а наоборот: орудие это – превратило человека в столь примитивную тварь, что он потерял всё самое ценное в себе: Совесть, Восприимчивость, Разум, Истинный Смысл Своей Жизни.

Итак, на примере и опыте моего народа я обосновал два, идущих в разрез с вашей наукой и философией, тезиса:

Первый: не Фантомный Бог и не Материя создали Живую Природу и «человека», а всё, нам известное как «Бытие», воплощено в различные формы Бесконечным Потенциалом ЖИЗНИ в Себе. В Себе из Себя, а не в результате деятельности божественных субъектов извне или теоретических феноменов в мёртвой «Материи Объектов».

Да, речь снова о неуловимом разумом феномене Аийó, но я сейчас хочу сделать акцент на том, что «человек» – участник творческого акта Зарождения Вселенной – и До, и После Акта Воплощения Идеи Личной Ипостаси – «Я».

С начала «Бытия в Себе» – он Созидатель. Он Творец. Родитель.

А в качестве земного существа здесь пребывает только как одна из множества форм бытия своей Монады Жизни.

И потому – точнее и правдивей – будет ему себя увидеть не как крохотной беспомощной пылинке, а как творцу Всего и всей Природы.

А вместе с тем – взять на себя ответственность за Всё.

В противном случае – редукция Монады человека неизбежна – до состояния низших приматов... И всё ниже... ниже.

Если сумеем мы когда-нибудь взглянуть на вещи шире, то, конечно, увидим и границы наших истин и воззрений, но сейчас – отталкиваемся мы именно от них – и в нашем восприятии Вещей, Мышления и Знаний.

И второе: Орудия Труда для покорения Природы... вкупе с нелегитимным знанием и опытом... что с кровью были вырваны людьми из Плоти Матери-Земли... убили в их Сердцах Любовь и Творческий Огонь.

И привели их к техногенному цивилизованному варварству и краху.

Так. А не наоборот.

Герóm подумал. Как бы взвесил: стоит ли сказанное усложнять. И всё-таки продолжил:

– Но есть и третье:

Множество языков, что людям служит инструментом передачи мысли.

Они не результат прогресса. А следствие Падения Разумных в Омут Хаоса Понятий, где передача мысли с уровня вибраций, исключаяющих подмену Правды, – спускается на уровень, где Ложь возможна.

И это тот сегмент Реала, где Существа Низшего Плана – могут себе присвоить то, что вопреки здравому Смыслу, «поднимает» их на уровень Самых Высоких.

Посредством Слов! – в которые Возможно Верить.

Кто ТЕ, кому это Падение Людей было необходимо? – вопрос не из простых.

Но вывод очевиден:

Потеря Гóмо Сáпиенс способности жить в Океане Высочайших Эманаций Мира, где Ложь в принципе невозможна – это Падение – Регресс.

И это – та страшная Катастрофа, которую пережили Предки Человека.

После той, которую Омáйю пережили с ними вместе.

А весь дальнейший путь «развития» людей – это борьба одних за то, чтоб вырваться из Мрака Лжи, других, – чтоб всех втянуть в него как можно глубже.

У вас опыт иной, иной теоретический фундамент. Но, похоже, наши точки зрения сближаются. Не так ли, Зандóр? Я имею в виду вашу Личную Методологию.

Уверен, что если мы сопоставим и соединим наши воззрения, то обретём новое знание и гармонию в наших умах и Сердцах.

– Как точно и кратко вы всё изложили, Герóм! – воскликнула Айшét, подбежав к соплеменнику, – Я так не смогла бы. Но почему тогда мне доверили приём наших гостей?

Герóм едва коснулся ладонью головы девочки и с необычной теплотой в голосе сказал:

– Я, Айшét, лишь облёк в слова то, что нам хорошо известно. А ты – Душа мною сказанного – Доказательство Высоты, Красоты и Силы Полёта Мысли Омáийо.

– Потрясающе! – воскликнул Зандóр. – Ведь и Айшét абсолютно права...

– И Герóм абсолютно прав. Прежде всего, в том, что касается роли Айшét, – добавил я.

– Но тогда и вы правы, Сигéо! Правы, как ещё никогда.

– Если это правда... что вы здесь обо мне говорите, – начала девочка задумчиво, – тогда... продолжим нашу беседу.

У лезвия ножа тоже две стороны

Переглянувшись с Айшét и заручившись её одобрением, Зандóр начал своё выступление:

– Друзья! Точность ваших оценок и информированность происходящим в Мире – существенно упрощают мою задачу. А именно: расставить акценты на том, что нам поможет определиться со стратегией и тактикой достижения наших целей.

Начну с важнейших констатаций:

Первое: Мир вступил в новую фазу развития и это необратимо.

Второе: я располагаю мощными средствами воздействия на события в Мире и сознание людей. Однако на данный момент у меня нет ни ясного представления о цели, ни чёткой программы для её воплощения.

Третье: всё в Мире меняется столь стремительно, что решения приходится принимать на ходу. Всё чаще по наитию – по зову Сердца.

Четвёртое: в решающий, переломный момент – внезапно в игру вступаете вы – Омáйю. Невольно. Но это факт, способный повлиять на ситуацию кардинально: весь Мир узнал о вас и увидел «закат» Байдó – племени, осквернившего высокоую миссию разумных существ на этой Планете.

Но. Я бы очень хотел, чтоб все люди увидели и восход, – восход человечества с моей подачи и на вашей земле.

Пятое: если на ваши земли не ступала нога завоевателя и миссионера, то лишь потому, что до сих пор они о вас не знали. И потому, что они не видели ещё той красоты и тех богатств природы, что по праву принадлежат только вам. Вы не хуже меня знаете, что произойдёт, если они узнают об этих богатствах и сюда ворвутся.

Исходя из вышесказанного, важнейшей нашей задачей считаю: исключить проникновение сюда даже песчинки из внешнего Мира. Таким образом, если мы не сумеем поправить наши дела, то и вам не навредим.

Было бы идеально: дать людям полную информацию о вас и гарантии того, что никто не посягнёт на ваш Мир. Но мы не знаем, как это сделать: как оставить вас вне поля зрения «конкистадоров». Речь о тех островах, что остаются вне защиты и куда никто больше не должен проникнуть. Этого допустить мы не можем.

А теперь отвечу на предложение Герóма дать дополнительную точку зрения на наш цивилизованный Мир. Но поскольку вам известно каждое

слово, сказанное мной Омáийо на островах неподалёку, – повторяться не стану, а продолжу:

Увидеть цивилизацию Гóмо в качестве Полюса Зла изнутри – не так просто. Даже почти невозможно. Мы рождаемся и живём в трясине столь изошрённой лжи, какая и в страшном сне не всякому снится.

Но есть и другая сторона дела: если кому удаётся из этого омута вылезть... Вы думаете это под силу всякому, кто пожелает того? Нет. Почти никому.

Сколько помню себя, я всегда стремился лишь к силе. К силе ума и тела. И где бы ещё я обрёл её столько, если не там – в той жертвами лжи переполненной яме? – яме, из которой я выбирался, вгрызаясь зубами во что только мог: в знания, силу, власть, свет. Свет в себе. И за горизонтом.

И я вылез из этого «Ада»!

Но кем?

Сам не знаю. Но. Возможно, все жертвы, что брошены в топку цивилизации нашей, не напрасны уже потому, что она породила меня.

Монстра?! Не знаю. Но знаю: для всех. И на века.

Да. Я это знаю уже – осознаю всё более полно и ясно.

Я Зло чувствую Сердцем. Его не боюсь. И Право имею вершить суд над ним.

И если я ухвачусь за его горло! А я за него ухвачусь. Мир ужаснётся. И с головы встанет на ноги. Даже и против воли своей.

Для этого бьётся Сердце моё. И бьётся оно для тех, кого любит Земля. И Вселенная. Прежде всего – ОНА!

Зандóр умолк и стало вокруг тихо-тихо. И всё замерло от этой тишины, став неподвижным, как стрелки на остановившихся часах.

Лишь не остановилось время. Оно текло, как река... полноводная... и нас уносило куда-то.

Поднялся ветер. И словно поднял нас от тяжёлых камней. И мы молча стояли. А ветер трепал наши волосы и одежды... Сильно.

Потом утих. Умолк. Отхлынул.

Айшёт сделала несколько шагов в сторону и повернулась к соплеменникам. Посмотрела каждому в глаза. Немного подумала.

Потом подошла к Зандóру и сказала:

– Дайте мне ваше оружие.

Зандóр не ожидал этого. Но не спеша подошёл к камню, на котором оставил своё снаряжение, взял его и протянул девочке.

– Только нож, – попросила она. И Зандóр вынул его из ножен и подал ей.

– Какой тяжёлый! – она произнесла и, держа нож обоими руками, подняла его над собой и стала всматриваться в его клинок своими тёмными живыми глазами.

И вдруг полотно ножа засветилось. И засветились глаза девочки. Мгновение. Другое. И свет погас, а Айшét опустила нож на уровень груди и тихо сказала:

– У лезвия ножа тоже две стороны. Как у медали. Теперь они нашли одна другую и соединились. Пока мы будем вместе, это оружие будет служить справедливости, Миру и нам.

С этими словами девочка вернула нож Зандóру. Тот медленно взял его. Поднял на уровень глаз и отпрянул.

– Что?! Это возможно?! Нет... Это же нереально! Айшét! Как Это вам удалось?!

– Внимательней быть надо, – сказала девочка и улыбнулась.

– Я знаю... знаю, кому обязан за этот бесценный подарок. Спасибо! Спасибо вам всем. Всем Омáйю. Но вы же сами решили вашу проблему! Теперь есть у нас всё! Всё, чтоб защитить не только ваши острова.

– Чтоб уточнить природу средств нашей защиты, время ещё будет, – сказал Герóм, – но применить эти средства, боюсь, время уже настало.

– Мне так хотелось бы убрать тот хлам и мусор, что привёз на ваши земли! Час времени вы мне даёте?

– Семь эсминцев идут в направлении нашего архипелага. Вы видите их. Чтоб такую военную мощь бросить против одного человека! Не безумие ли это? – спросил Герóм.

– Безумцами от власти движет страх, а не рассудок. Они хотят втянуть весь Мир в войну, чтоб отсидеться под шумок в своих крысиных норах. Только не выйдет! Теперь я выкурю их и оттуда. Посмотрим, кто они без власти и когда их разорю. А относительно технического хлама... давайте спросим у Сигéо. Возможно, риск и впрямь здесь неуместен.

Все повернулись ко мне в ожидании ответа.

– Вы не принимаете в расчёт опасность, что вам грозит и от «друзей», Зандóр.

– Денис?

– Добавьте к злосчастной семёрке эсминцев ваш, и вы получите тот «контингент», что охоту на вас уже начал. И не только на вас. Вот... смотрите: Тайó-Танаó. Американский флаг. А рядом российский. Ваши десантники готовятся к вторжению вглубь джунглей. А вот и «ваши» вертолётны на подходе. Вы всё ещё нуждаетесь в моём совете?

– Спасибо, – медленно проговорил Зандóр и посмотрел на Айшét. Та кивнула головой, после чего Зандóр уверенно поднял нож над собой и произвёл только ему известные настройки – те, в результате которых Планета обновила несколько своих координат, способных скрыть от Мира людей все острова Омáийо.

И снова поднялся ветер. И все Омáийо подали друг другу руки, а Айшét подбежала к Зандóру, взяла из его рук нож и прижала к своему Сердцу. Потом вернула его владельцу и, взяв его и меня за руки, подвела нас к соплеменникам.

И круг поданных рук замкнулся. Он замкнулся и в сознании каждого, охватив весь народ и все острова Омáийо. И он стал той ипостасью единства, которая питала Сердце каждого заботой и любовью ко всему, что в этом Мире тянется к Добру и Красоте, и позволяет обрести себя в качестве единого живого – земного и космического тела – помимо тела своего. И в нём.

Как многолик и богат этот Мир, когда мы идём тайнам его навстречу! Сколько граней своих он открывает нам, когда мы хотим их увидеть! И в них – увидеть себя.

Разве не стоит ради этого жить? Жить, созидая Жизнь и её Красоту.

Когда ветер утих и наши руки разомкнулись, мы не сразу, а постепенно обретали себя – как частицы нашего общего Целого. Отделялись. Отдалялись друг от друга.

Возвращались.

И так – мы создаем Вечность

И снова мы стали собой. И нахлынуло бескрайнее желание делиться мыслями и чувствами. И творить во имя Жизни и Вечности вместе.

Взглядом Айшёт дала понять, что теперь слово она предоставляет мне.

Отмечая про себя красоту и глубину переживаемого всеми поворотного момента в их судьбах, а также изящество внешнего его воплощения в образе и поведении каждого, я негромко, но ясно и просто сделал краткое обобщение происходящего на наших глазах:

– То ли время ускорило бег, то ли поток событий стал столь стремительным, что мы едва за ним поспеваем. И всё-таки – поспеваем. Самое неотложное и важное нами сделано: исторический ход событий на нашей Планете направлен в новое русло. И лишь потому, что, взявшись за руки, мы объединились – те, кто творят добро и красоту и её олицетворяют, и те, чей смысл жизни не мыслим вне борьбы с препятствиями, что встают на путях столь прекрасных и блистательных, как ваш Путь, неповторимый и удивительный Народ Оамá-Аийó.

Герóм посмотрел на Айшёт, и та одобрительно кивнула головой. После чего он сказал:

– Тысячелетия мы живём в Мире, где зло присвоило себе право быть лицевой частью сущности человеческой жизни. Тысячи лет в сознании людей ходит фальшивая монета, где Зло позиционировало себя в качестве обратной стороны Добра. И эта беспрецедентная ложь так въелась в сознание землян, что стала непререкаемой истиной.

Мы не так самонадеянны, чтоб представлять Миру Истину, но мы можем показать Путь к ней. Наш Путь. Путь, на котором не чеканят фальшивую монету, а изымают её из обращения везде, где только можно. Путь, где обратную сторону Добра представляют не злодеяния... с прилагающимся к ним безумием в муках, а предельные усилия воли и интеллекта, что Мироздание творят.

В бесконечной радости соединяется Добро с её истинной ипостасью. В радости Творчества, у которой так много граней, что их не перечесть.

И так – мы создаем Вечность.

Но повседневный напряжённый труд, конечно, далеко не столь наряден, как последние мои слова. И это – нам напоминание о том, что и сейчас пора с Небес на Землю возвращаться. Пора о всей Земле подумать,

где далеко не всё так гармонично и благополучно, как на нашем крохотном её сегменте.

Чем больше я узнавал Омáйю, тем больше удивлялся их мудрости и красоте поведения. Никто никогда не старался выделиться, отделиться от других. Пока кто-то говорил о серьёзном, никто даже шелохнуться не смел. И позы, в которых они застывали, были столь монументальны, что не любоваться ими было невозможно – каждым в отдельности и той композицией, в которую искусно они себя вписывали, как в целое.

Кто бы ни взял слово, было впечатление, что это говорят все, хотя остальные своим вниманием лишь помогали выступающему точнее формулировать мысль.

Когда говорил я, и у меня появилось это удивительное чувство, что все мне помогают высказаться точнее, и это не только мои мысли. Видимо, я начинал принимать те «правила игры» Омáйю, что расширяли и моё сознание. И это нравилось мне.

Но нравилась мне и способность этого сверх продвинутого народа внезапно отделяться от общего и становиться в высшей степени независимыми личностями.

С мыслью, что так много узнал нового за столь короткий срок, я взглянул на Герóма.

Он понимающе кивнул. А Айшét в это время произнесла:

– Более точную оценку происходящего на Большой Земле мы хотели бы услышать от вас, Зандóр.

– Спасибо. Но начну с того, что полностью соглашусь с тем, что здесь только что было сказано Сигéо.

А теперь о ситуации в остальном Мире:

Увидеть её благодаря возможностям, которые теперь имею, сложности для меня не представляет: наконец, толстосумы всех стран объединились и взяли ситуацию в свои руки. То есть – всё остальное человечество ставиться под ружьё для защиты их шкурного интереса.

Самих «хозяев» немного, но у них много прикормленных слуг – их верных «псов», что «землю грызть» будут за свою нишу в иерархии рабства. И сражаться они будут отчаянно.

Военная мощь всех стран уже подчинены «мешкам с деньгами». Даже в России, которую имею честь здесь представлять. То есть перевороты где надо совершились, и дело пошло.

Но не это меня беспокоит – военная машина Мира и дня не устоит против нас. Меня беспокоит тот хаос, что наступит как результат крушения государств.

Допустить это, и то, чтобы снова выжили хищники за счёт остальных, мы не имеем права. Поэтому должны исключить подобный исход.

Не могу не сказать о рвении всех разведок найти нас в пределах Земли и даже Солнечной Системы. Но не до этого нам. Наша забота – достойный сочувствия и помощи «сегмент» человечества.

Айшёт снова предложила высказаться Герóму и тот сказал:

– За тысячелетия Мир Омáийо накопил мощный потенциал. И теперь это работает уже не только на решение задач локальных, но и на решение проблем глобальных.

К сожалению... а, может быть, к счастью – принятие решений мы должны вверить вам, друзья, – как стороне, лучше знающей нюансы психологии людей. Но ответственность за всё – мы с вами разделим.

Наше участие вы сможете оценить и по тем уникальным возможностям, что будем вам предоставлять по мере того, как получим их из источников вам неизвестных – в качестве более полных и точных настроек для наших новейших программ. Они отразятся на дисплее вашего ножа, Зандóр.

Пока и мы не можем сформулировать нашу цель, но мы с вами одинаково чувствуем её интуитивно. И это ровно столько, сколько необходимо в данный момент, чтоб двигаться уверенно вперёд.

– Спасибо, Герóм, – сказала Айшёт. – Я не сомневаюсь, что каждое ваше слово услышано, взвешено и оценено по достоинству. Поэтому настаиваю на своём праве объявить небольшой перерыв. После чего продолжим.

Что эти чары такое?

И кто бы мог распоряжаться здесь разумней и милей чем Айшёт?

– Как вам моё предложение, Зандор?

– Прежде, Айшёт, позвольте мне поблагодарить Герома за его содержательное выступление. Спасибо вам, Гером. Всё сказанное вами крайне важно, и это невозможно переоценить.

А ваше предложение, Айшёт... Оно как нельзя кстати. Мы ему очень рады. Особенно Сигео. Он ведь чуть было не уснул, пока я «наряжался» здесь в свои долгоиграющие речи.

– Не наговаривайте на меня, Зандор. Я только восхищался красноречием вашим и эрудицией. Не более того.

– Нашли чем восхищаться. В кругу таких очаровательных и милых женщин. К тому же – едва ли равнодушных к вашей экзотической харизме.

На этот раз их оставляю всех на ваше попечение. А сам... пойду поговорю с парнями. Айшёт, если вы разрешите.

– Ну ладно. Только ненадолго. Сигео! Тогда мы к вам присаживаемся поближе. И сейчас! на вас такую мощную лавину чар и обаяния обрушим! Что вы не усидите. И упадёте с камня.

Девушек уговаривать не пришлось. Они тут же подбежали и сели напротив меня полукругом.

– Нам бы только понять: что эти чары такое? Вы расскажите нам? – спросила Синтай.

– Не хотелось бы лишать возможности блеснуть познаниями у Айшёт.

– Ах! Как вы можете, Сигео! Ну, откуда же мне знать? Мы всегда себя ведём естественно и просто, считая, что это и есть подлинная красота общения, что в радость всем. А что такое шарм, чары и обаяние нам понять очень трудно. Это искусство? То, что искусственно? То есть – фальшиво?

– Паденье с камня, Айшёт, как вам, предположительно, известно, в мои планы не входит. Но от такой постановки вопроса – не так-то просто и удержаться на нём.

– Если что, мы поможем. Но знать о чарах и шарме нам отчаянно необходимо!

– Ну раз так, то отчасти вы сами ответили на ваш вопрос. Искусственное давно уже стало основой нашей культуры и жизни: среда, продукты питания, мы... и, конечно же, поведение наше, где всякая фальшь – дело обычное и ни у кого удивления не вызывает.

Что до чар женских... это особая форма обмана мужчин, когда, корысти ради, пускают женщины в ход свою красоту, обаяние, хитрость, ложь, магию, колдовство.

И у вас это как-нибудь называется?

Женщины переглянулись. Наконец, решила ответить Энёй:

– Для большинства этих понятий у нас эквивалентов нет. К тому же нам трудно понять, как совмещать это: ложь, обаяние, хитрость. Не лишнее это? – если с любовью, с восторгом – искренне стремиться к Красоте? – к Гармонии в целостном Мире. И зачем обманывать мужчин? Но продолжайте, Сигео, – мы постараемся понять.

– Без сочетания в себе «несовместимых» качеств, выжить в искусственной среде не так-то просто. Так же, как без обмана. А чтоб Обман не так в глаза бросался, он маскируется под «безобидную», «невинную», «наивную», «очаровательную» Хитрость. А цель её редко иной бывает, нежели завладение богатством состоятельной материально жертвы. Ну, разумеется, – мужчины.

– Ах, бедное богатство! Бедные мужчины.

– А женщины? Посредством чар они себя торгуют в жёны. А также в матери детей обманутых мужей. Многим ли это лучше рабства?

– Сигео! Похоже, мы запутались в суждениях столь необычной версии Альтернативной Красоты.

– В пределах ложного понятия о Красоте иначе быть не может. Путаница здесь, и по возможности везде, должна быть несусветной. Иначе, доброго чего, Правда взять верх над Ложью сможет.

А что до Хитростей Невинных... Это отнюдь не примитивное враньё. А Ложь продвинутая и замаскированная тщательно под Правду, украшенная непорочной чистотой понятия «невинность».

Что ж, такова природа Лжи: присваивать себе красивые, изысканные формы. Но... к чему нам эти тонкости, если мы к главному вплотную подошли:

Вся содержательная часть Чар Женских: ложь женщины мужчине. Как в сфере её чувств и качеств, так и намерений на перспективу. Не ради удовольствия. А ради денег.

– Сигео! – воскликнула Синтай, и мы встретились глазами. Потом она тихо продолжила: – Мне становиться не по себе. Это ужасно!

– Да, Синта́й. Но в Мире, где всё подчинено деньгам, ценно лишь то, что стоит больших денег: престижные вещи, драгоценности, роскошь, власть.

– Но как странно, что это вообще имеет ценность!

– Да, странно. И странно то, что к этому стремятся все. Но чтобы женщине этими «ценностями» завладеть, принадлежащими мужчине, есть у неё свои – особые приёмы. Чары – самый распространённый.

– Но... кроме лживых слов, обман...

– Это искусство женщины: её умение себя преподнести. Так, чтобы сыграть на тех струнах «души» мужчины, что звучат как примитивные инстинкты пола. А потом... следует «венец» священнодействия: ТОРГ!

– Торг? – переспросила Миней. И в глазах её я прочёл ужас и сострадание – то доброе и искреннее чувство, что испытывали к «нам», «людям» с Большой Земли, все мои собеседницы.

– Может быть, не стоило нам начинать беседу на эту деликатную и непростую тему? – спросил я.

– Нет, стоило! – в беседу вступила Айшёт. – Теперь, когда мы в «одной лодке», у нас не должно быть закрытых тем. Иначе – не выплыть. Продолжайте, Сигео.

– Внешнее оформление, или аксессуары этой «лже-красоты», создают художники, дизайнеры, модельеры, артисты. Конечно, если они слуги Мамоны, и продают талант свой «денежным мешкам».

Вы очень точно подметили, Айшёт: в Мире цивилизованном – искусство – это, чаще всего, искусственная «красота», «искусно» и искусственно воспитанного человека. Воспитанного в ненасытном царстве лжи и потребления.

– Наверно, только в отрыве от Природы и можно обрести столь странные понятия о Красоте и её Смысле? – предположила Айшёт.

– Верно. Но не только слуги Мамоны обладают умом и талантом. Среди художников немало тех, кто искренне стремятся к Красоте. И её создают. Прежде всего, в сознании своём: в мечтах, образах, идеалах... В Мире Искусственного это – Высокое Искусство! – нацеленное на крушение Царства Обмана. И торжество Подлинной Красоты.

– То есть, – обобщила Миней, – можно сказать, что на пути к Истине – людей вдохновляет одно. А на пути Лжи – очаровывает другое.

– Да, так можно сказать, Миней. Вы верно поняли меня.

– Нам иногда близко то, что происходит на сценах ваших театров, в концертных залах, на выставках, – сказала Илэй, – но почему в реальной жизни у вас всё столь неприглядно и грубо?

– Чтоб этого не замечать, придумано много приёмов. От воспитания в школе, до наркотиков и целого арсенала опять-таки «невинных» средств для пробуждения низменных чувств. А в результате: вместо личности, цивилизация «воспитывает» обезумевшую обезьяну. А вместо Природы – создаёт свалку её творческого изуверства.

– Но как же этого не понимают люди... с образованием элитным?

– Так называется оно. А в самом деле – ничуть не ближе к истине того, что для плебеев: для рабовладельцев – одно, для рабов – другое. Но оба служат капиталу.

Истине никто не служит. Ни один институт. И Истина так же страшна холопу, как и господину. Ведь видеть себя в зеркале «скотом» никто не возжелает. А чтоб этого не случилось, можно и маску надеть. И...

– Прикинуться добрым, добродетельным, честным?

– Красивым и просвещённым. Но облик зверя – зверю не так уж и страшен. Правда страшна. Облик зверя пугает мало кого. Страшней столкнуться с «человеком» внутренне другим. То есть... страшней столкнуться с другим существом – внешне похожим, но – с Истиной Другой.

– Это значит, что человечество неоднородно? Что оно делится на различных существ?

– Или их виды. А вы – Омáййо – иные в квадрате. К счастью, это уже невозможно, но вы можете себе представить, во что превратились бы ваши земли и что стало бы с вами, если к вам вторглись бы ваши «разумные братья».

– Мы бы погибли. Вместе с нашей природой. Ведь она развивалась и раскрывалась вместе с нами, и стала совсем другой. Без нас – и она погибнет. Но и для нас – оказаться в вашем Мире – почти то же, что на поверхности Луны. Мы бы там задохнулись: не можем мы отрываться ни друг от друга, ни от нашей земли. Мы – Одно Целое.

Но как удивительно то, что вас смогли мы принять! И ничто не воспротивилось, не возмутилось в нас. Почему?

– Я и Зандóр – иные существа. А наша с вами совместимость – пока загадка и для нас. Но у меня сомнений нет, что в общем устремлении к вершинам Истины и Красоты, сумеем мы друг друга и понять, и очень

основательно дополнить. Хотя легко это не будет. И случится далеко не сразу.

Знаю, ваш коллективный разум в поиске решений, что, несомненно, устранил противоречия меж нами. И это очень радует меня.

Но не бездействуем и мы. Вот... посмотрите на Зандóра – с каким желанием он обучается всему у вас: осваивает пластику ваших движений, их тайный смысл... то, как отражены в них ваши чувства, мысли, Идеалы.

Все женщины тут же повернули свои милые головки в сторону мужчин, что беседовали с Зандóром и обменивались смысловыми «па» пластического свойства.

Те сразу почувствовали это, повернулись к нам и на несколько секунд остались неподвижны. Девушки встали, повернулись к ним и застыли. Всего на несколько секунд. И это стало украшением нашей беседы. Потом они снова заняли свои места, и мы продолжили разговор:

– Мы, Сигéо, считаем, – произнесла Энесí, – что цивилизованные люди, отделив себя от Природы, отделили себя и друг от друга. Их так мало что связывает! Даже простейшую информацию они могут передать только посредством слов. Почему они заглушили в себе способность передавать мысли на расстояние? Ведь это так просто! Почему, Сигéо?

– Между вами нет недоверия. Вам нечего скрывать. И страх неведом вам – ни перед Космосом, ни перед соплеменниками, ни Природой. Цивилизованный же человек – живёт в гнетущей атмосфере страха. И прячется от всех. И так только и может выжить: всё более закрытым становясь и одиноким... и несчастным.

За тысячи лет подсознание Хищника «Разумного» обогатилось таким запасом устрашающих образов и ужасающих зверств... что для того, чтоб они его не разрушили, приходится прятаться и от себя. И снова – во лжи, – становясь всё более грубым, примитивным и неприступным.

На этой стадии «развития», путь к истине лежит через преодоление жуткого страха – перед религией, идеологией, непониманием и отторжением людьми. Перед чудовищами, что наполнило сознание Искусство Лжи.

– Но есть ли из тупика этого выход?

– На это ответа нет. Но если не нам... кому же его искать? Некому больше. Куда проще было с Байдó. С их гибелью не потерял Мир даже искры благодати. Как развести добро и зло в остальном Мире? – сложнейшая задача.

Приговор

Со стороны усыпанной цветами поляны к нам подошла группа мужчин, и на небольшом расстоянии от нас все остановились. Зандóр от Омáййо отделяться не стал. Айшét посмотрела на него и спросила:

– Вы покидаете Сигéо?

– Нет. Скорее приглашаю присоединиться. Правда, лишь после неизбежной процедуры переодевания.

Все улыбнулись, а я ответил:

– Хотя бы небольшое внешнее различие, друзья, я думаю, что в нашем случае всё же уместно. А в остальном и в главном – я, конечно, с вами.

– Тогда пусть здравый смысл и время всё расставит по своим местам, – сказала Айшét и взглянула на Зандóра. И он ответил:

– Мне кажется, что, наконец, я там, где должен был родиться. И теперь скорее должен наверстать всё то, что упустил за свою жизнь, – жизнь там, где оказался неизвестно по какой причине... Благодарю всех учителей моих Омáййо – за их щедрость и невозмутимое терпенье.

Зандóр и в самом деле превосходно вписывался в эту новую и необычную среду, если чем и выделяясь среди остальных, то лишь более высоким ростом и мощным телосложением. Так мог бы выглядеть их вождь, но вековая мудрость племени не наделяла властью никого.

Зато мне это дало повод прояснить одну «пикантную» деталь:

– Предпочтения ваши, Зандóр, большого удивления не вызывают, но скажите: как вы теперь без упоительного «бремя» власти? Оно давало вам так много преимуществ! Сейчас власть на Большой Земле из ваших рук неумолимо ускользает. И более нигде – не прибывает.

– Ох, наконец! Чтоб так оно и было. Мой новый статус в миллион раз мне милей.

– Однако статус – одно дело. А ответственность...

Зандóр с минуту молчал. Потом взглянул на учителей своих и с сожалением сказал:

– Только это и может меня разлучить с вами.

Затем он медленно отошёл от мужчин Омáййо, подошёл ко мне и занял своё прежнее место рядом.

– Но ведь теперь – это уже не такая большая дистанция. Не правда ли, Зандóр? – спросила Айшét.

– Да. И это так важно! Спасибо вам всем.

– Спасибо и вам, Зандор. А теперь слово Герому.

– Хорошо, Айшет. Мы сильно отвлеклись от нашей Сверхзадачи. Но пора вернуться к ней.

Сейчас всё зависит от того, насколько мы способны быть Едины – с Космосом, нашей Планетой и источником нашей силы – Аийо.

Но. И «цивилизованный» сегмент Планеты на чеку – не дремлет. Объединяются все против нас.

А решаем мы только в той мере, в какой Планета доверяет нам.

Это отражено в новых возможностях наших, друзья. Так нам Земля передаёт средства для изменения её структуры и взаимосвязей.

И если наши цели отражают Зов Сердца Планеты, она нам позволяет изменить себя и обновить. Нам, а не тем, кто довели её до катастрофы.

И вам, Зандор, пора взглянуть на информационную панель вашего уникального Орудия Прогресса.

– Если цели наши созвучны Зову Сердца Земли. И наша Совесть и Разум Волю её отражают...

Не закончив фразу, Зандор выбрал нож из ножен и на просвет стал просматривать засветившееся лезвие его.

Минуту. Другую. Третью.

Наконец, свет в лезвии погас и Зандор вставил нож в ножны. И словно окаменел... Замер в глубоком раздумье... Потом тяжело вздохнул и произнёс:

– Всё не так. Совсем не так, как нам казалось ещё несколько минут назад.

Наша Планета гибнет. Она так изувечена... Страдает так невероятно! Что разрушение её – вопрос нескольких дней.

Всё!

Моя цивилизация вступает в ядерный конфликт. Градус агрессии людской таков, что раздирает всё пространство, – всю живую плоть Земли.

Поэтому... шансов на выживание у человечества нет больше.

Их просто нет!

И это Приговор.

Вот! – такова реальность.

Лишь вы – Омийо – жили заботой о нашем общем Источнике Жизни. И теперь только с вами Земля связывает своё возрождение.

Но... той энергии, которой мы располагаем, нам недостаточно для противостояния всем мародёрам Мира. И недостаточно её, чтобы восстановить силу Земли.

Достаточно её лишь во Вселенной, куда доступа у нас больше нет. Космос вменяет нам самим решить нашу проблему.

Как тест на право быть.

Значит: ресурс для этого у нас быть должен. Только в чём он? Где?

Мне кажется... кто-то из нас это знает.

Вы, Сигео?

– Видимо, лишь на грани жизни и смерти Планета могла на это решиться. Когда её выбор: погибнуть самой, или восторжествует страшная как миллиарды человеческих смертей Правда и Справедливость. А вместе с тем – прольётся море крови... И всем воздастся по заслугам.

При таком раскладе – шанс уцелеть есть не у всех.

Знаю ли я где взять ту Жизненную Силу, что оживит Планету?.. Знаю. И для того я с вами – здесь.

Но взять её из ничего я не могу. Могу только извлечь её из генетического месива людей, что жизнь Земли присвоили. Украли для себя и своей техно-мегаполисной брони.

Речь о жизни миллиардов – как ныне живущих, так и ожидающих своего воплощения людей... такими, какими не нужны они более никому на Свете.

И они – тот ресурс, из которого могу «извлечь» я Жизнь, необходимую Планете – известную вам как Силу Аийб... Силу, что зверь в облике человека украл у Природы и человека. И посредством которой он сотворил своё «Чудо»: Чудовище Технического Прогресса – Безумия и Изуверства.

Вне Здравого Смысла ничто не живёт вечно. А смысл жизни Планеты – в её совместном развитии с теми, кто любят её. Любят, как свою мать и ребёнка.

Так любите её только вы – Омáийо. Отдавая себя ей. И ей отдавая свою Творческую Силу.

И вот – Планета сделала свой выбор. И он справедлив.

Не дрогнем и мы с Зандóром, когда справедливость будет вершить судьбы людей и Миров нашими руками.

– У нас двадцать часов для согласования всех вопросов и принятия решений. Но я уверен, что уже сейчас могу сделать все установки для

активации Программы Земли. Вопрос лишь в том, для чего нам дано время до завтра?

Серьёзно и грустно Айшёт произнесла:

– Мы иначе чувствуем, чем люди. И не боимся смерти. Поэтому нам трудно их понять. Значит, не можем быть и справедливы. Но подскажите, как мы можем облегчить их участь? Чем можем им помочь?

– Откройтесь людям и откройте им свой Мир. Так тем поможете из них, кому помощь нужна. Тем, кто не нуждаются в ней, никто уже не поможет, – я ответил.

– Сигео, мы готовы. Только скажите, как нам это сделать?

– Всё наше путешествие снимается как высочайшей пробы киносериал. И люди могут его видеть дома на телеэкранах. Если ваш Мир таким они увидят, как только вы и можете его представить, то поймут к чему стремиться в Жизни Новой. Той Жизни, что настанет и для них... если как Солнца Тёплые Лучи – они к ней устремятся. Так, как вы – Омáйю.

– Да, Сигео! Мы хотим для всех быть тёплыми лучами Света. Хотим, чтобы людей согрела наша искренность и откровенность. Пойдём! И пусть все у своих телеэкранов следуют за нами.

Отбежав несколько шагов в сторону и «взлетев» на высокий камень, Айшёт обратила своё милое личико к далёкому, дремлющему за грядой заснеженных гор горизонту, и произнесла:

– Люди! Мы не встретились и не встретимся на вашем пути. Но мы можем встретиться на нашем. Смотрите! Смотрите, какой он – наш Путь!

Воодушевлённая своей миссией Айшёт к нам подбежала, словно свежестью океанского бриза обняла взглядом, и увлекла за собой – вглубь её таинственного островного бытия.

Танец Жизни Омáййо

Только следовать за Омáййо не значило идти вместе с ними – то, как они передвигались, это было настоящим чудом – воплощением пластических возможностей их красивых и совершенных тел.

Преимущественно это воспринималось как мягкое, плавное и грациозное скольжение над поверхностью земли. Но неожиданно оно могло быть дополнено элементами танца или гимнастики, и это уже походило на импровизированное театральное шоу.

При этом всплески энергии Омáййо могли достигать поразительной силы. И они были вписаны в состояния природы – в порывы ветра, в движения скользящих по земле теней облаков – в яркие, тёплые и жаркие лучи Солнца. Они перекликались с пением птиц, сочетались с полётом бабочек и мотыльков. И дополняли всё, что вокруг Жило.

Это был красивый, трогательный обмен импульсами жизни и гаммой чувств Всех со Всеми и Всем, – вдохновенный обмен мерцанием граней всех участников этой уникальной Формы Единства.

Лишь здесь возможной.

И всё же... самым восхитительным элементом этого пылкого, страстного, тёплого и нежного Полёта Жизни было то... что отражали глаза и лица Омáййо. То, что они выражали... Дарили.

Чем поражали. Переполюняли.

Нет. Лучше не говорить об этом. Для этого не придумано слов!..

Между тем легко и воздушно – то группами, то поодионочке – к нам подбегали островитяне и рассказывали что-то новое о себе, своих чувствах и мыслях.

А сила их потоков Жизни была столь сильна, что казалась неограниченной ничем. И они не напрягались, а жили вместе с природой в едином и мощном потоке, сила которого принадлежала всем. И всем её хватало с избытком.

На всё.

Вдоволь насладится пластикой Омáййо было невозможно. А окружающая их природа дышала свежестью и чистотой. И поражала своей бурной красотой и силой.

Она нетронутой казалась, но нельзя было назвать её и дикой: ни зарослей, ни беспорядка не было в ней. Но и искусственного – не было в ней ничего.

Нас окружали композиции из множества дивных растений, что гармонично сочетались с формами камней – скоплениями их, сцеплениями – странными, причудливыми, необычными нагромождениями. Подле ручьёв, красочных полян, лесов, равнин, скал, гор и рек.

Часто встречались звери и птицы. И они нас не боялись. Лишь по-своему – трогательно и мило участвовали в наших фантастических всплесках Чувств.

Идти только передвиженья ради для Омáийо было расточительностью непомерной. Ведь арсенал их движений был столь богат, что монотонности ходьбы в нём попросту не оставалось места.

Бесконечно можно было восхищаться их виртуозным владением телом. Их безупречному вкусу сочетать движения.

Но вот, словно дополняя мысли непосвящённых участников действия, к ним подбегает очаровательная дева. В плавном, изумительной красоты движении к себе притягивает взгляды всех и произносит:

– Я Синта́й. В красоте и совершенстве движений суть и стиль нашей жизни.

И как бы в доказательство делает лёгкое, но очень сильное круговое движение... несколько быстрых шагов в сторону и – взлетает на рельефную грань огромного камня!

Прижимается к нему спиной и замирает.

А камень... словно прижимает её к себе – держит... Бережно... надёжно.

Принимая правила игры, свои движения и мы изяществом и благородством наполняем. И снова мы подле Синта́й.

Она же – почти сливается с отвесной гранью монолита... по нему мягко скользит... И продолжает начатую фразу:

– Пластика тела – форма жизни наших эмоций, мыслей и чувств в Проявленном Мире. А сила, нежность и красота – то, к чему мы вечно и неизменно стремимся!

Только даётся это непросто.

В потоках неудач и горечи мы обретаем лёгкость, что восхищает нас и вас – она – итог преодолённой бесконечной тяжести и напряжений. И это то, что мы должны преодолеть – как сотворение основы, на которой держится, искрится и течёт вода ручья нашей неукротимой Жажды Жизни.

После этих слов Синта́й повернулась. Прижалась к камню ещё сильнее. Прильнула к нему смуглой щекой. И затихла. Умолкла. Застыла.

Как описать красоту этой сцены?

Минуту. Две. Девушка не отрывалась от камня. Потом повернулась к нам и с грустью сказала:

– Земле очень больно. И очень давно. Мы помогаем. Но нас так мало!

Через камни мы слышим голос Планеты и Мира... Через них Земля нам дарит тепло... На камнях мы летим мимо Звёзд и Галактик.

Тихо, медленно, отрешённо произносила каждое слово Синта́й. Так, словно сознание её было далеко-далеко. И видела она иные Миры... Далёкие. И над ними парила, как птица. Как драгоценная былинка Космоса – земная... и неземная Искра Жизни.

Нас незаметно окружили все Омáййо, и мы неподвижно стояли, не отрывая взгляда от девушки. От её земной и неземной Красоты.

Но вот к камню подошёл Эро́н, прикоснулся к нему рукой и произнёс:
– Синта́й!

И она словно проснулась. Словно слетела с камня, едва коснувшись поданной ей руки юноши. И они закружились в танце.

И снова, и снова, как заколдованные, мы любуемся красотой пластики этих совершенных созданий – тому, как из нежных, едва уловимых движений и прикосновений их танец перерастает в бурю! – в ураган эмоциональных всплесков – извержение необузданных чувств!

В такие моменты поднимался могучий, свежий и тёплый ветер. И казалось – вместе с Синта́й и Эро́ном – танцует... летит вся Природа на Крыльях Любви!

Летит!.. Наша Планета.

ОНА.

А вместе с ней – мы все закружились в танце. В начале медленном и плавном... приближаясь друг к другу и обмениваясь импульсами новых чувств.

Потом – всё сильнее, точнее, порывистей становились наши движения. Казалось – они опережают наши мысли.

И... Мы уже летим в потоке мощного порыва ветра!

Лети-и-и-и-м!!!

Словно это не мы!.. – а Единое Целое... Наше...

Молнии! Гром!

Во все стороны разбрасывает нас неведомая сила!

И, поверженные...

Мы лежим.

Прижатые к земле потоками дождя и шквальными порывами воздушных масс.

Лежим.

В себя приходим понемногу... вдыхая сочный аромат травы, земли и полевых цветов.

И поднимаемся. Все вместе. Дышим глубоко... От новых всплесков чувств себя оберегаем...

Но... тишиной Природа обнимает нас... своим Покоем и лучами Солнца... запахом цветов.

И возвращает нас к себе.

К себе летим,

Не отрываясь от себя во Всём!

Полнее Мир переживая, постигая, наполняя...

Так...

Обновлённых себя обретаем.

В радости. В полёте.

В благодарности к всему на Свете. За счастье вечное жить.

Жить во Вселенной.

И на Земле.

Я буду такой же красивой как ты?

Не самым обычным делом для Омáийо была беседа в пути. Если они хотели обсудить что-то важное, то собирались вместе, располагались друг подле друга так, чтоб, создав единую композицию с окружающей их Природой, вовлечь и её в разговор.

Минуту-другую молча проникались они общим для всех смыслом жизни. И лишь потом начинали беседу, не перебивая друг друга.

Наше новое место для такой беседы – на склоне горы, под боком высокой скалы, с которой стекают ручьи. Их ледяная вода собирается в большой, глубокой, тёмной ложбине среди камней. И в ней отражаются небо и облака. А вдали – по одну сторону – высокие, обожжённые Солнцем скалы и синие горы, по другую – на ступенях высоких плато – леса, поля, вековые деревья, гигантские камни.

И – Океан. До горизонта!

Мы располагаемся на камнях подле воды и наслаждаемся тем, что мы есть, и есть этот прекрасный Мир, что разговаривает с нами на самом ясном и понятном языке на Свете, – на языке Гармонии, Красоты и Любви.

Айшét мне улыбается, но ничего не говорит: хочет, чтоб высказались остальные. И слово берёт ещё не вступавший в беседу Рэмóн:

– Мне хотелось бы, чтоб люди осознали, что путь Омáийо не путь где-то поблизости от пути людей на большой Земле. Наш путь – это путь в диаметрально противоположном направлении. Это путь вместе с Природой, а не против неё.

Мы живём, помогая жить и развиваться Земле, помогая развитию её растений, животных, минералов, а не за счёт всего, что можно себе подчинить, эксплуатируя и истребляя.

Мы не обрабатываем землю, не рубим лес, не строим города, фабрики, заводы, школы, больницы, дороги, мосты... Не добываем нефть, газ, металлы. Не производим никаких транспортных средств. Не имеем ни научных лабораторий, ни обсерваторий для исследования природы. Нам ничего этого не надо, чтоб быть здоровыми, счастливыми и высокоразвитыми существами.

И всё имущество наше... то, что при нас: немного ткани, что служит одеждой. И та – не соткана нами, а крохотными паучками, что живут рядом и делают наш Мир и нас прекрасней.

И сами живём мы ради того, чтоб совершенствовать все формы жизни, что нас окружают – посредством заботы, совместного творчества и любви.

И мы не строим счастье на страдании других – тех, кто слабей. Жизнь ни у кого не отбираем. Лишь делимся ею – с кем только можем.

Мне хотелось бы, чтоб люди поняли... что ценности их, приносящие радость лишь им, – это Убитая Плоть – Живая Плоть нашей Планеты... и её хрупкой, так легко уязвимой Природы.

Но. Ничего легко не даётся и нам. Да, не работаем мы на ненужных нам производствах. Но выносливость, сила и гибкость – необходимы нам для того, чтоб быть в творчестве – надёжными партнёрами для всех. Чтоб точно и легко передавать им свою нежность и тепло... через прикосновение, пластику, жест.

А красота... Она нам для того необходима, чтоб быть достойными той красоты, что окружает нас. Чтоб красотой своей её дополнить.

Правда, работаем и мы. Но в основном духовно, – используя сознание своё, мышление и волю. Так мы работаем в различных планах бытия – их созидая, совершенствуя и направляя.

Но только в этом ли Смысл Нашей Жизни?

В этом. Но и в счастье тех, кого так любим, как можем только их любить.

Так мы, мужчины, любим наших женщин. В блистательных их качествах – видя всю Красоту нашего маленького Мира. И Мироздания! – одновременно.

Но и они вам скажут, что живут ради нашей любви к ним. И в её совершенстве – Смысл Их Жизни.

Рэмón сделал паузу, чтоб желающие могли его дополнить.

– Я Илэй, – охотно вступила в разговор ещё одна наша очаровательная спутница. – Хочу сказать, что мужественность для Омáййо – совсем не то, что у людей. Ни резкость, ни воинственность, ни вспыльчивость нашим мужчинам не присущи. Мы за чувствительность их любим. И за чуткость. Заботливость и доброту. И лишь потом – за силу, и за смелость. Без этих качеств Красоту Мира Омáййо – они бы на плечах своих не удержали.

Всё мною сказанное значит лишь одно: своих мужчин мы любим за их Красоту, как её понимаем мы – женщины Омáййо.

Нельзя сказать, что эти слова никого не смутили. Тем не менее – Рэмón с благодарностью ответил девушке:

– Спасибо, Илёй. От твоих слов замирает Сердце и душа стремится ввысь. Спасибо.

Но я продолжу:

Если люди Большой Земли сочтут возможным пойти нашим путём, они должны знать, что даже царапина на теле Земли болит ей.

А любая забота о ней – целительна и благотворна. Но сколько в Мире наточено пил, ножей, топоров... чтобы пытаться и калечить!

У Омáийо нет ни одного инструмента для причинения боли... для нанесения ран.

А для Природы приемлем лишь тот путь развития, что выбирает любящее Сердце. Надо только её убедить, что это Сердце ваше.

С этого мы начинали. С этого – начните и вы свой Путь. Не завтра – сегодня! Сейчас.

Веками Земля балансирует между стремлением истребить своих палачей и желанием их спасти. Но тщетно она их спасает: всё деградирует, погибает. И дети, и те, на ком нет вины. И сама Планета.

Рэмóн снова сделал паузу, и в разговор вступила Инíт:

– Мы очень любим наших детей, но не мы решаем, рождаться ли им. Это решает Земля. Ей лучше знать, сколько должно быть нас, чтоб жили мы счастливо и ни в чём не нуждались.

А люди... своё потомство рожают тайком от Природы. И потому несчастны. И за возможность выжить – лишают жизни других.

Мы же, Природой управляя, во многом полагаемся и на неё. Для этого открыты и для тех её вмешательств, что позволяют нашим детям приходить в наш Мир как самым редким, совершенным и желанным ценностям Земли. Для блага общего сейчас. И счастья тех, кто нам придут на смену.

– Кто вам придут на смену, – я медленно повторил слова Инíт и спросил: – Но как свой Мир Омáийо покидают?

Ответил Герóм:

– Омáийо связаны с Землёй и Космосом отдельным чувством. Земля, которую воспринимаем мы как мать и как ребёнка, – частица Разума Вселенной. Она нам сообщает очень много из того, что для нас крайне важно. И от неё мы узнаём, когда готовы мы уйти из этой жизни в жизнь иную.

Не так-то просто отличить, кому из нас лет тридцать, а кому всех сто. Но дольше не живём мы. Не потому, что жить не можем, а потому, что наступает время совершенствовать себя в других Мирах.

Тогда... взволнованно... с ясным и светлым чувством – не без тоски и грусти, но без человеческого страха и тревоги, прощаемся мы с соплеменниками и идём к горе Рейши́-Аийо́.

У самого подножия её бьёт ключ, в воде которого сгорает всё без дыма и остатка. Там же и озеро из этой удивительной воды. Омáийо в него входит... его переплывает... И восходит на вершину горы.

С неё все острова наши видны. И там... лежит как Солнце красный камень. И там прощаемся мы с этим Миром. Потом на Солнечный – последний Камень свой ложимся... и улетаем.

Здесь остаётся только наше тело. И не соплеменники к нему огонь подносят. А сама Земля. И мы сгораем. Без дыма и остатка.

Из земной жизни мы уходим зрело. Светло. Красиво и легко.

Тяжело рождаются, живут и умирают те, кто живут вне Любви Планеты, – кто её потеряли... От неё отреклись.

После небольшой паузы Герóм продолжил:

– Одной из самых странных выдумок людей нам представляется семья. Ведь она делит их. Несправедливость умножает. И разрушает Целое – Народ: когда часть его может заявить о своих вредоносных и надуманных правах.

На что угодно.

И разрастается как опухоль перечень этих прав и привилегий. И норовит всё заразить собой и подменить.

Много носителей таких «раковых клеток» на Планете – семей рвачей и богачей. Но там больше всего их, где прибежище находит власть. И там – они самые жадные, циничные и злые.

Из семей «простых» они рабов имеют и ресурс для своих эксклюзивных нужд.

Школа даёт рабам то «знание», что их с «судьбой» их примиряет. «Культура» – прививает страсть к бессмыслице и безрассудному времяпрепровождению.

Поэтому чаще всего не то разумно, что делает «разумный» человек, а то к чему он не прикладывает рук. И не живёт семья его – страдает, мучается, гибнет. Как всё, что лживо и фальшиво.

Так остаётся человек один – слаб, беззащитен и несчастен.

У Омáийо есть только одна «семья»: всё, что открыто Свету, Любви и Красоте в Природе, на Земле, в Космосе и в нём самом.

– Мы бы хотели, чтоб всё на Планете жило по законам Жизни и Любви, – добавила Илэй, – но люди её захватили и уничтожили почти!.. Они не ведали, чем Зло откликнется в их собственной судьбе?

– Жестокость давно стала вторым «Я» человека, Илэй, – ответил Зандор, – но и потому это стало возможным, что остановить Колесо Лжи давным-давно никто не в силах.

Традиция мыслить критически, самостоятельно – забыта – изгнана из обмелевшего сознания людей.

Себе люди не верят! – не верят Сердцу своему. Ибо с рождения раздавлены Авторитетами – лжецами, «знающими» всё на Свете.

Это учёные, политики, учителя... Все те, кто кормятся, прислуживая власти. И о Реальной Жизни – ничего почти не знают.

Всех смолоду они жить учат так, как жить нельзя. И учат верить в то, что выбор «наш» единственный и верный: вместе с техническим прогрессом – искать всё новые приёмы деградации Земли и формы рабства.

– Но как же можно чувства обмануть?

– Когда их нет... их и обманывать не надо, – ответил я Илэй. – Отрёкшись от себя, «разумный» человек утратил чувственную связь с Вселенной – а вместе с тем – лишился импульсов, что пробуждают к Истине и Жизни в ней.

Когда чувствительность «убита», Ложь может смело делать своё дело, подменяя Истину повсюду.

– Семья, школа, работа, разброд технических пристрастий – эта безумная романтика регресса, умирания и рабства!.. отрывают ещё больше человека от Себя, от Истины и Жизни, – Зандор меня дополнил. – И так – «Венец Творенья» погибает.

– Как это грустно! – продолжила Илэй. – У нас ни школ нет, ни учителей. И нет профессий, а детей мы обучаем вместе, подавая им пример во всём.

Но дети быстро обретают навык подключаться к Информационному Полю Вселенной. И тогда! – с невыразимой радостью становятся Творцами, – Вдохновенными Творцами Жизни Всего Мира.

В общем потоке стремления к любви и совершенству – мы все участвуем во всём. И нет у нас запретов, потому что нет запросов на их нарушение.

Всё Самому Высокому подчинено. Поэтому жизнь наша в Здравом Смысле обретает форму. И прекрасна одинаково для всех.

– Но и о том надо сказать, – добавила Синта́й, – что в Мире наших чувств ничто не обретает форм, что нам хотелось бы скрывать от соплеменников или детей. И нет у нас ни извращений, ни зазорных интересов, ибо мы с детства прибываем в атмосфере подлинной Любви и Красоты.

Но... лучшее, что есть у нас – танцы любви «Татó-Аийó», вы не увидите. Они принадлежат только Омáйю. И это самая блистательная форма жизни всей Планеты. И восхитительной её Природы.

Кому нежная, мечтательная Синта́й говорит эти слова?

По её отрешённой и немного грустной улыбке можно понять: она говорит их своей любви, – любви к каждой былинке, к каждому милому ей существу этого хрупкого и прекрасного Мира.

– Синта́й, – наконец, вступила в беседу Айшét.

– Что, Айшét? – откликнулась девушка и повернулась к ней.

– Когда я стану взрослой, я буду такой же красивой как ты?

– О, Айшét! Ты просто не осознаёшь, сколь прекрасна и обаятельна в свои годы. Но то, что с каждым днём ты расцветаешь и становишься всё красивей, тебе скажет здесь каждый. Только ты многому должна ещё учиться. Хочешь, я научу тебя летать, как бабочка Инцзы́?

– Очень хочу.

– А быть такой же быстрой и проворной, как маленькая игуанка Мэй, ты тоже хочешь?

– О, Синта́й!

– Тогда тебе надо учиться у Инта́й, Илэй, Армín, Эне́й, Инси́... У всех-всех наших женщин.

– Через пять лет я буду взрослой. И ещё так много должна успеть!

– Ты многому уже научилась. И всё успеешь. Кто б сомневался.

И как могли мы этого не знать?

Мечтательным и задумчивым стало детское личико Айшёт. Но она тут же спохватилась:

– Мне, право, совестно, что я нарушила ход беседы. Прошу всех: продолжайте! Так интересно и значимо всё, о чём мы говорим!

По-отечески заботливо и снисходительно взглянув на девочку, Герóm сказал:

– Я думаю, Айшёт, что к уже сказанному, следует добавить описание повседневной жизни Омáййо. Я начну:

Поскольку мы полностью лишены необходимости заботиться о вещах нам ненужных, тех, что составляют собственность цивилизованных людей, мы совершенно свободны в выборе повседневных занятий. И мы выбираем Познание и Созидание Действительности, в которой живём.

Можно сказать, что это и есть наша единственная «профессия». И, если и есть в ней специализация, то обусловлена она нашим естественным делением на женщин и мужчин. Не более того.

А это значит, что и Истина всегда меж нами – на грани эмоционального слияния в Гармониях Любви.

Наглядный пример того, к чему приводят истины групп обособленных мужчин, – те войны, разрушения, несправедливость, что составляют вечную основу одичания целых народов.

Я несколько отклоняюсь от темы, но не сказать об этом не могу:

Настоящее Творчество – это вдохновенное созидание новых и самых высоких на Свете Форм Жизни. Вдыхание в них своей силы мысли, жизни и духа. Передача им импульса развития, добра и любви.

Всё это – наша работа в тех сферах и планах, что нам открыты, – нам, но не людям. Ибо сосредоточены они лишь на внешнем – самом доступном. И на том, как, насильно деформируя это, – подчинить своим абсурдным интересам.

Результат налицо.

Но есть и у нас понятия о соответствии среды нашим запросам. И мы идём к своей цели неторопливо, ответственно и деликатно, не подвергая и малейшему насилию живое, а в диалоге с ним и изменяясь сами.

И вот, в награду за свою любовь и доброту, – мы полны сил, счастливы, выносливы, никогда не болеем, а силу восстанавливаем – лишь на несколько часов уснув на камне, на траве, в реке, приникнув к дереву или цветку.

Мы никогда не мёрзнем. Любовь Земля нам возвращает, согревая нас в лютую стужу. Она всегда готова нас согреть и остудить ровно настолько, чтоб закалялись мы в разлив сил для Вечной Жажды Жизни.

Днём и ночью мы путешествуем по нашим островам – восхитительным, щедрым и разным.

И путешествуем мы с того дня, как только можем отправиться в путь – навстречу своей земле, соплеменникам, Миру. И тогда мы делаем главные открытия наши: узнаём кто мы и как много у нас друзей. Сколь щедры они к нам. И как любит нас наша Природа.

Путь Омáийо – с первых шагов – путь к творчеству и совершенству. Путь, на котором нет искусственных преград цивилизаций, а есть лишь трудности, что все преодолимы.

С воодушевлением Илэй дополнила Герóма:

– Прежде чем Мир наш покинуть, стремимся мы успеть насладиться каждым его уголком: каждым деревом, камнем, цветком... хотим испытать все тонкие прикосновения Природы – ветра, льда, снега, дождя... Течений реки, лучей Солнца, света Луны... ирреальных мурашек Звёзд... Нежных прикосновений ночи.

Но красота этих чувств в нашем единстве с Миром. В здоровье нашем и силе. В утончённости, филигранности, полноте восприятия.

Как зачарованные, застываем мы в танце под ливнем – с частой и звучной капелью дождя... с танцем её на наших телах... на земле, на листве, на траве... на воде, на цветах...

Со снежинками мы танцуем!

Засыпаем под снежным покровом. В реке студёной плывём, – радуясь щедрым её разливам. Её силе течений, всплескам воды... прикосновениям рыб и подводных растений.

А после – лежим на горящих камнях. Танцуем на них. Летим! Не это ли счастье?

– Это, Илэй! – взволнованно произнёс Зандóр. – И как могли мы этого не знать? Там – в техногенных джунглях. Целую вечность!

Мне очень грустно сравнивать ваш Мир с итогом моего, но...

Что «успехи» наши в философии, науке, спорте, искусстве... Если всё это – прибежище обмана? – агрессии, жестокости, коварства... Если это – эксплуатация самых талантливых, красивых и сильных.

Для оглушения всех остальных! – всех, вовлечённых в эту жуткую, умалишённую, бесстыдную игру. В которую входим Не Зная Кем. А из неё выходим Горемычными Рабами. Рабами диких, мелких, сумасбродных удовольствий.

Что есть безумие? Если не это.

– Должно быть, ваш вопрос ко мне, Зандор? – спросил я.

– Пожалуй. Как к стороне хотя бы относительно нейтральной.

– Ладно. Только понравится ли вам ответ?

Мне помнится: ещё совсем недавно, посредством шоу и зрелищ, вы внедряли здесь понятия и ценности цивилизованного Мира. Теперь безумием вам это представляется. Не так ли?

– Да. Именно. После того, как знание моё о Мире изменилось. Точнее, я и ранее предполагал, что часть того о чём узнал здесь – Правда. Но у меня не было доказательств, не хватало знаний, опыта... Уверенности не хватало. И главное: не было Идеала. Решив убить всё зло на Свете, я не знал – что вместо?

Всё начинать сначала? Повторять весь прежний путь, где ложь на лжи, на силе сила?

Нет! Главного тогда не знал я: не знал, куда идти.

А знал лишь то, как снова раскрутить старую ржавую спираль в тот же тупик.

Но. Изменилось всё. Всё изменилось! Теперь не только у меня, но и у всех есть доказательства возможности идти иным Путём, – Путём Омáийо.

Только теперь.

– То есть – прожив безумцем... покинуть умницей сей Мир – итог не столь уж и печальный?

– У меня доказательств снова нет, но не сказать об этом не могу: для тех, кто примет истину Омáийо, откроется и Путь Омáийо в Жизнь иную.

– Да. Косвенно и я могу удостоверить это.

– И я могу, – тихо сказала Айшét и задумалась. Словно забылась... Потом, как из недостижимой космической дали, произнесла:

– Спокойно, без страха они лягут на красные камни... Нет. Не на красные... Это не важно на какие. И улетят... Как улетаем мы, когда приходит время... А их тела останутся. Сгорят без дыма и остатка... Как в своё время – сгорают наши тела.

И так же, как мы, – вернуться они. Как возвращаемся мы. В своё время.

Не знаю, знание это или проекция фрагмента новой Вселенской Программы, но я это вижу.

– И я вижу, – сказал Герóm.

– И я, – подтвердила Синта́й.

– И я, – добавила Илэй и все остальные. Все Омáйю.

– И я, – последним сказал Зандóр.

После этих слов все надолго умолкли. И поднялся ветер. Трепал листву дерев над нами. Поднимал из водоёма брызги. Окроплял каплями наши лица.

И что-то протяжно, длинно шептал... Шептал на своём свежем, трепетном языке... Языке лихой, необузданной стихии.

Что видел он? Что подтверждал? Что отрицал?

Этого... он не сказал.

Разве?

Единый поток

Долго никто не решался прервать молчание. Наконец, мы услышали негромкий голос Герóма:

– Свои лучшие чувства люди прячут. Дробят и прячут от себя и друг от друга. Так охраняя их и сохраняя. Но происходит это потому, что, познавая, они всё расщепляют – рвут на части. А после – силой взятые осколки «знаний» – пытаются соединить.

Такое «Знание» искусственно. Искажено невероятно.

И это самый грубый и ущербный путь что-то узнать, – путь, оставляющий после себя лишь «реки крови»... В сфере чувств «познающих» – в том числе... где формируется нелегитимная и ложная система предпочтений, путь открывающая разрушениям, несправедливости, конфликтам.

Величайшей ценностью Оамá-Аийó является их равенство – незыблемое... абсолютное – с рождения и до исхода. Поэтому и в спектре наших чувств отсутствуют все те, что делят нас и их искусственно на части, – насильно делят.

Даже понятия, что отмечают родственную связь, для Самоосознания нам не нужны. Понятие Аийó универсально – в себе содержит всю Полноту Жизни и легко обходится без усложняющих структуру целого делений – тех, что ложным содержанием и смыслом наполняют всё. В том числе – чувства.

Наши чувства – переживаемое Мирозданием и всеми нами, – словно Единый и Вечный Поток, – словно не преграждённое плотинами течение реки.

И это то, что не доступно людям.

Поправив россыпь косичек на своей изумительно красивой головке, живо и охотно дополнила мысль Герóма Энэй:

– Ваши женщины детей рожают для себя, о других не заботясь. И ради счастья своих чад, себя приносят в жертву. Ведь все у вас хотят жить лучше, чем другие. Хотят, чтоб дети их были счастливее других.

Нам никогда этого не понять.

Мы детей своих рожаем для Земли и всего Мира. Это иначе. Это другие чувства. И ответственность другая перед Всем на Свете!

И ещё: приходя в этот мир и его покидая, – мы совершенствуемся. Переход сам по себе – не столь уж важен. То важно, сколько любви в себе

мы несём... и сколь сильно наше стремление вместе, а не поодиночке, переживать всю Полноту Жизни Вселенной!

И мы не умеем любить кого-то больше, а кого-то меньше. И предпочтения наши – скорей лишь временное направление мыслей и чувств. Их остановка на том или ином аспекте.

Мы – женщины Омáийо – в каждом мужчине любим всех наших мужчин, никому предпочтения не отдавая. Но всех любим по-разному. И искренне.

И потому счастливы, что вместе открываем новые блистательные грани Жизни и Любви.

– Спасибо, Энёй, что ты нашла слова для объяснения столь деликатной стороны жизни Омáийо, – сказала Айшёт, – но мне пора о времени напомнить. Как бы здесь не было уютно – вблизи искрящегося водопада – пора нам с ним расстаться.

Ведь нас заждался – Океан!

О, Миней!

Эти слова девочки отражали общее стремление Омáйю успеть как можно больше нам и всем людям поведать о себе и своём Мире. Они тут же встали, на несколько мгновений застыли, обратив свои взгляды к искрящейся воде водопада... и повернулись к нам с Зандóром. В их глазах и тихих улыбках витал вопрос.

Угадав, что его мысль на лету поймана, Зандóр тоже улыбнулся и сказал:

– Я лишь хотел вас попросить: забыть на время, что мы ваши гости и вести себя столь же естественно, как если бы и мы были Омáйю.

– Ах! Но это невозможно, – с сожалением сказала Интáй.

– Ведь вы должны нас понимать. Хотя бы относительно, – добавила Илэй.

– И тем не менее – это императив Жизни и сегодняшнего дня, – более решительно высказалась Инс́и. – И ведь когда-то следует начать нам поиск Формы, что станет отражением наших единых целей и надежд.

– Начать поиск... – задумчиво сказала Айшét. – Хорошо. Но я хочу знать, нет ли у кого возражений.

– Нет. Нет, конечно, – за всех, добродушно ответил Герóм. – Ведь только это и поможет нам стать ближе.

– Тогда в путь... – тихо и вкрадчиво сказала Айшét, быстро и энергично подбежала к Герóму и, в лёгком прыжке как птица взлетела от одного лишь касания сильных рук атлета – несколько оборотов – и мягкое приземление. Герóм поймал и опустил девочку на землю столь молниеносным и точным движением, что казалось – этого и не было.

Эней стремительно подбежала к Айшét, и они встретились глазами и застыли... Потом стали очень медленно и плавно кружить одна подле другой, словно беседуя жестами, позами, выражением лиц и глаз.

Иногда их движения выражали холод... иногда едва уловимую теплоту и нежность, иногда страсть и гнев.

В девушках зарождались порывы новой – неведомой гаммы чувств. Словно в недрах Планет или Звёзд. И эти импульсы передавались всем.

Наконец «Звёзды» «взорвались» и разбежались!

А потом – в изумительном танце, в атмосфере творческой и живой, они вливались то в один, то в другой эпицентр уже не только ими зажжённых чувств. И это было восхитительным представлением.

Но это не было представлением.

Тогда чем это было?

Видимо тем, что и должно было последовать после лаконичного призыва Айшёт: «Тогда в путь...».

Минуту. Пять. Так, со стороны, можно было наблюдать за Омáийю. Но не больше.

Усилим воли я исчез на мгновение и вернулся в одежде, что преподнесла мне Энэй. С силой урагана во мне нарастало желание принять участие в происходящем. И мгновенно последовал отклик: словно молния обжёг меня взгляд Минэй.

Не нарушая общего потока событий, она подбежала ко мне, и снова мы встретились глазами. Но! – в глазах её мерцала столь бурная жизненная сила, что от неожиданности у меня перехватило дух.

Пластичский замысел Минэй я прочёл на определённой волне сознания, когда она уже почти слилась с Синта́й в меланхоличном обмене прикосновениями.

Всё медленней становится движения партнёрш... Замирают они... застывают... оцепеневают.

И словно взрывается Минэй! Взлетает! – касается плеча моего своей восхитительной... утончённой... прелестной ножкой... Ещё выше летит! И – головокружительное... очень медленное... сальто назад, – сальто умопомрачительного блеска её ослепительных форм!.. Женских... И – в упоительной красоте движения – она снова Летит!..

Словно Звезда... Галактика...

Летит!

Как абсолютная и безусловная. Совершенная, и вдохновенная Вселенская... Восторженная Женственность!

Летит!

И приближается ко мне.

Минэй... О, Минэй!

Ещё доля секунды – и я не успел бы подать ей руку.

Но вот – она предо мной... её Глаза! – два омута, что растворить в себе меня хотят...

Только не могут.

И мы кружимся в танце. Минэй...

Она надо мной. На животе лежит на моей ладони... Взлетает!..

Медленно падает!

Меня... – мой торс ногами обвивает и в глаза смотрит мне.

Отстраняется... назад прогибается... и возвращается... Снова смотрит в глаза мне.

В два омота словно лечу!!!

И не могу упасть в них. Пропасть в них не могу.

Как об лёд ударяюсь! Как о прозрачную стену.

Боль моя – её отражение – в тёмных глазах Миней...

Глаза её болью налиты. Слезами.

Дрожат губы её. Чистое, милое... всё её существо страданьем объято.

Но.

Мы танцуем. Под горькую, грустную музыку... наших незрелых чувств.

Чувств незрелых...

И слышатся в музыке этой слова Интай: «Ах, едва ли это возможно».

«Спасибо, Миней. За боль твою, нежность и страсть...», – я мысленно девушке говорю. И она мысленно мне отвечает:

«Всё лучшее – всегда впереди, Сигео».

Сделав несколько шагов в сторону, Миней падает на землю, быстро катится по ней, и поднимается мгновенно. Убегает.

Вновь взлетает!

И поддерживают её Энеси и Атон.

Миней снова летит над всеми. И то ловят её, то поддерживают – Тэмйр, Арэй, Эрон, Зандор, Гером...

Как высоко, как упоённо летит Красота Миней!

Но.

К потоку реальных событий в сознании зримо – подключены иные планы. И меняется Мир: в и так едва ли понятное действие вторгаются камни, деревья, цветы, водопады... ветер, огонь...

И – Время.

Куда-то уносит оно нас в мощном потоке. В нём мы бежим. Летим среди элементов восторженной «пластики» Жизни. Переживая реальность, как никогда.

Ведь это – импровизация на «струнах души» Омайю.

Среди деревьев, камней, цветов, под струями водопадов... в ярких Солнца лучах и среди облаков мрачных и грозных –

Летят, парят, падают вместе со мной все Омáийю!

Ещё несколько раз я разбиваюсь о прозрачную стену в омутах мне недоступных. От боли страдаю. Отражаюсь в глазах милых доверчивых женщин.

Мне доверяющих тайну свою. Что не в силах постичь я.

От боли жгучей и горькой томлюсь. Так же, как и Зандóр. На этом... общем для нас отрезке пути.

И наконец – падаем мы с высокой крутой скалы!

Все тянемся друг к другу.

Падаем!

И только до Айшét могу я дотянуться – до девочки, в глазах которой ещё не ожили те сладкие омуты счастья... о поверхность которых могло разбиться любое Сердце.

И лишь до меня дотянуться может Айшét. К себе её прижимаю.

Стремительно падаем вниз...

Сейón

Упали.

Стоим на берегу Океана в последних лучах скользящей за горизонт Звезды, – пылающей, яркой. Среди свежих и сильных порывов ветра стоим и слышим, как набегает океанская волна и разбивается о камни.

Айшёт уже нет рядом: она стоит среди остальных женщин лицом к мужчинам Омáийо. И к нам.

Почему так стоим мы? Почему неподвижны? Почему словно Океан Горечи влит в нас?

Почему он разделяет мужчин и женщин Омáийо?

Но ведь что-то должно их разделять. Должно ведь! И разделяет их горечь и боль... когда разделяет.

Когда сама Суть их – их разделяет.

И не соединил нас Океан Любви.

Но Океан иной стелился пред нами буйной, кипящей волной... Бризом прибрежным нас освежал. Им трепал наши одежды. И говорил с нами понятным, простым языком. От которого боль умолкала. И просыпалась надежда.

Так свежее дыхание природы восстанавливало равновесие в себе – в своих взволнованных частях. И постепенно напряжение спадало. И боль отхлынула, как океанская тяжёлая волна.

И тогда все вдруг повернулись лицом к Океану. Океану с пылающим Солнцем над горизонтом. Солнцем, среди густых верениц облаков. Из которых словно вышел и, перепрыгивая с камня на камень, шёл нам на встречу ловкий и быстрый мальчонка – стройный, словно побег бамбука, и крепкий, как закалённая Солнцем и ветром скала.

Последних несколько шагов он пробежал и в мощном прыжке словно взлетел на огромный плоский валун. Оглядел нас и приложил правую руку к Сердцу.

Мы ответили ему тем же.

После небольшой паузы мальчик неспешно и внятно произнёс:

– Я Сейón. Как весь наш народ, очень рад видеть наших гостей, но то, что я здесь – не более чем случайность. Тем не менее я не свободен от чувства, что чем-то могу быть полезен. Право, не знаю чем. Но и задерживать ваше внимание на себе не смею. В любом случае благодарю судьбу за встречу с вами.

От женщин отделилась Айшét и одним духом – быстро взбежала на камень к мальчишке, подошла к нему и спросила:

– Как твоё путешествие, Сейóн? Мы все тоже рады встрече с тобой и рады будем помочь тебе в достижении твоей цели.

– Спасибо, Айшét. Но цель у нас всех одна, только пути к ней разные. Твой день сегодня. В тебе отражены все наши чувства и мысли. Я рад за тебя.

– Спасибо, Сейóн. Однако сейчас я должна попросить сказать несколько слов наших гостей.

Это было именно то, что ожидал услышать Зандóр, и он тут же сделал предложение, которое все восприняли с интересом:

– Это действительно удача, что на нашем пути оказался Сейóн. И на самом деле – он может оказать нам неоценимую помощь. Вместе с Айшét. Ведь людям Большой Земли ничуть не менее интересно узнать, как ведут себя и о чём говорят дети Омáййо в отличие от взрослых.

Сейóн, Айшét! Теперь на вас смотрит весь цивилизованный Мир. Преподнесите ему беспрецедентный подарок! – представьтесь в продолжении вашей встречи такими, какие вы есть. И дополните её тем, что для вас естественно и обычно.

– Как в театре? – уточнила Айшét.

– Лишь в том смысле, что здесь – вы как бы на сцене. А зрители ваши – все люди Земли. Но забудьте об этом. И импровизируйте в соответствии с тем, что естественно для вас и обычно.

– Но это само по себе необычно. Что скажешь, Сейóн? Ты не против?

– Нет, Айшét. Я и так хотел поговорить с тобой с глазу на глаз. И что необычного в этом?

– Ах! Ну посмотрим. Я только хочу попросить «зрителей» подойти ближе к «сцене» и занять места поудобней.

Когда все расположились на высоких, отшлифованных прибоем камнях, «сцена» оказалась ниже их уровня глаз, а фоном для действия стала безбрежная даль Океана.

Даль... с приближающимся закатом, – закатом Огненным Светила в лоно хладное бушующего Океана. Приподнятого. Оживлённого. Растрёпанного быстрой, таинственно сверкающей волной.

Волной блестящей. Чёрной.

Убедившись, что все расположились удобно и с интересом наблюдают за происходящим на «сцене», Айшét шагнула назад... Словно забылась.

Повернулась к закату. Сделала несколько плавных движений. Ещё... И словно слилась с Небесным Светилом – закружилась с ним в танце.

С ним – с Солнцем!

Остановилась. И подошла к мальчишке.

– Сейón! Ты что-то хотел рассказать необычное мне?

– Да.

– Что? Расскажи!

– Я встретил тебя, Айшёт.

– Ты не только меня встретил.

– Но лишь с тобой смогу я долететь до каждого отзывчивого Сердца на Планете. Сердца, что моему стремлению открыто.

– Ты этого на самом деле хочешь?

– Да.

– Мне нравится, Сейón, что ты хочешь летать со мной. И направление ты выбрал метко.

– К тому же – и с попутчицей мне повезло.

– Да? Почему?

– Ты милая. И очень красивая, Айшёт, – нежно и просто сказал мальчик. Задумался, сделал несколько шагов в сторону. Потом снова повернулся к собеседнице и продолжил: – Как все Омáййо, я с первых шагов путешествую по нашей земле и не перестаю поражаться её красоте.

Айшёт! Ведь вся наша Планета могла бы стать такой же, как наши восхитительные острова!

– О, да. Если б ты только знал, Сейón, какое важное значение имеет в жизни Красота!

– Боюсь, Айшёт, – я всё-таки об этом – кое-какое представление уже имею. Мне десять лет.

– Правда? Я думала, что больше. Мы одинакового роста. Догадываюсь, что ты очень любишь плавать, бегать, танцевать.

– Да. Но я всё люблю. Всё, что делаю и чем живу. Ведь это для всех – чтоб жизнь всех становилась прекрасней и лучше.

– А мне тринадцать лет. И через пять я буду взрослой. Тебе хочется скорей стать взрослым, Сейón?

– Да. Только не в возрасте дело, а в соответствии ему. То есть – в зрелости дело. Но, если не идти через трудности к ней, – она может и не насупить. Не так ли?

– Как здорово ты рассуждаешь! Давай присядем. Камни ещё тепло Солнца хранят. А ветер становится прохладней.

Дети сели рядом на небольшом расстоянии друг от друга и продолжили разговор, – разговор, едва нарушающий шум Океана, – разговор живых силуэтов, – силуэтов, в последних лучах заката – в глубоких, почти непрозрачных тенях.

Разговор силуэтов:

– Если б ты знала, Айшёт, как я люблю Океан! И эти солнечные закаты – яркие, многоцветные, Тревожные! С порывами ветра, разгоном облаков. Со всплесками быстрой, бегущей волны.

С ночью тёплой и нежной. После чарующего падения Солнца за черту. С светом Луны. Светом таинственным, лёгким, живым.

– Сейón.

– Да, Айшёт.

– Ты мне правду сказал?

– О чём?

– Что я красивая.

– Я никогда не лгу. И восхищаюсь тобой. Только не умею выразить это. Так выразить, как бы хотел. Но для того ведь – должно прийти время.

– Да, Сейón. А со мной потанцевать ты хочешь?

– Ты ещё спрашиваешь?! Очень хочу.

Несколько минут, как два нежных ночных мотылька, дети кружатся в танце – плавно, воздушно... И снова рядом сидят. Говорят:

– Тебе не кажется, Сейón, что мы самые счастливые на свете?

– Да. Так и есть, Айшёт. Только когда ты уйдёшь... почему-то... Когда расстанемся мы, – Сердце моё будет болеть... А глаза наполнятся слезами. Почему, Айшёт?

– Мы никогда не расставались. И не расстанемся, Сейón. Как только ты это поймёшь, – отступит боль и горечь. И тишина тебя обнимет, и покой... И океанская волна. Ты в Океане спал минувшей ночью?

– Да. И он притих, умолк и затаился... чтоб сон мой не нарушить. Океан добрый, сильный, щедрый и мудрый. Наш Океан... Вернее, наша его часть. Жаль, что не может весь он быть таким.

– Я знаю, Сейón, что это вопрос только времени. И это необратимо – Планета идёт нам навстречу и не отступит. Она хочет вся быть такой, как здесь. И мы ей поможем.

– Сколько столетий Омáийо могли лишь мечтать об этом! И, наконец... Но впереди столько работы!

– Ты хочешь овладеть искусством запуска космических программ?

– Да, Айшét. И я усердно работаю над этим. Как, впрочем, и ты. И все мы.

– Не трудно было это угадать. Но какой аспект жизни тебя больше всего волнует?

– Сейчас всё происходит так быстро! Но почти вся природа Планеты – дикая. Люди, растения, животный мир существуют по недопустимым принципам и законам: когда многие виды живут только за счёт других.

– У нас этого почти уже нет. А в будущем вовсе не будет.

– Но сколько тысяч лет понадобилось нам, чтоб этого достичь! Теперь такие темпы более нас не устроят. Ведь опыт наш и новые возможности дать могут невообразимый результат. Наша задача: исцелить Планету и её украсить. И это всё – нам по плечу.

– Мне кажется, Сейón: с тобой не только танцевать приятно, но и работать.

– Спасибо, Айшét. Слова твои обязывают, но я рад. Ведь требовательность к себе – залог успеха.

– Придумать не могу, на что бы возразить тебе.

– И не пытайся – я типичный Омáийо. Как все. И это здесь никого не смущает.

– Типичность, в смысле многоплановости личности и устремлённости к Самой Высокой в Мире Цели, должна кого-нибудь смущать?

– Нет. Не должна. Но я хотел бы знать, Айшét: как смотришь ты на Мир как девочка, а не мальчишка? Что главное в нём для тебя? Что более всего волнует?

Айшét засмеялась и ответила:

– Какой ты любопытный, Сейón! Но нечего скрывать мне: я, как и ты, стремлюсь участвовать во всём со всеми наравне.

Однако для женщин... самое ценное: сознавать, что в них Смысл Жизни мужчин. Когда искренне они нам говорят об этом, мы от счастья сходим с ума!

Так уж и быть – скажу тебе по секрету: мы, женщины, словно помешаны на этом – быть источником счастья для тех, на чьих плечах вся тяжесть и благополучие нашего Мира.

И в этой роли – Источника Вдохновения для них – смысл нашей жизни. То есть в Красоте, – в Красоте нашей и нашего Мира.

Видишь, Сейón, какие мы разные?!

– Да.

– И, как все девочки, я жду того дня... когда Земля вольёт в меня всю полноту моей жизни... И мои формы станут такими красивыми и совершенными как у Энэй, Синта́й, Минэй... И в глазах моих оживут те тихие, нежные, мягкие, тёмные омуты блаженства, волшебства и страсти... Как у Энэй, Инси, Синта́й, Минэй... Как у всех женщин Омáйю. Разве есть в Мире что-то прекрасней?

– Я знаю, о чём ты говоришь, Айшét. Ничего нет в Мире прекрасней! Поэтому, в этом – смысл и его Жизни. И через нас – осознаёт Мир Это.

– Через нас, Сейón. Но мы – это и наши дети. И когда-нибудь во мне зародится жизнь. И я смогу подарить её нашему племени... И всему Миру... Разве я сказала тебе что-то новое? То, чего ты раньше не знал?

– Да. Ведь это сказала ты. И важно то, как ты это сказала... Здесь. И сейчас.

– Смотри, Сейón, – Солнце касается горизонта.

– Так Звёзды прикасаются к своим Планетам... В сознании тех, кто могут это понять.

– И восхищаться не только формой, но и глубиной смысла явлений. Как Солнечным затмением, когда Солнце касается Луны.

– И Лунным затмением, когда Земля тенью касается спутницы.

– Тенью... Я хочу, чтоб ты прикоснулся тенью ко мне, Сейón. Ах! Какие тёмные, длинные теперь наши тени! Ты чувствуешь меня своей тенью?

– Да. Но Солнце так быстро скользит за горизонт!

– Я хочу, чтоб ты никогда не забыл этих мгновений. Ты мне обещаешь?

– Да. Только бы ты не забыла.

– Нет. Не забуду.

Ещё с минуту дети стоят и молча смотрят, как прячется за черту последний сегмент Солнца. И, когда лишь яркая полоса света на горизонте напоминает о его присутствии за ним, Айшét произносит:

– И Океан с Солнцем соединяются на горизонте. Это иллюзия? Или правда?

– Иллюзия всегда начало правды – «подводная» её часть... Основа реальности. Поэтому так важно, чтоб наши иллюзии были красивыми, добрыми и совершенными. Тогда такой будет и наша жизнь... Разве я говорю тебе что-то новое, чего ты раньше не знала, Айшёт?

– Да. Ведь я не знала тебя. А теперь знаю. Знаю, как ты мыслишь и чувствуешь. Чем живёшь. И ты ко мне прикоснулся, Сейон... Как никто раньше... И на этой «сцене». О которой я совсем забыла. Пора возвращаться. Но мы ведь продолжим наш разговор, правда?

– Да, Айшёт. Спасибо тебе. Возвращайся. Мы никогда не расставались и не расстанемся.

Девочка подошла к Сейону. Заглянула в его глаза. Нежно прикоснулась кончиками пальцев к его губам. И отступила. Потом быстро сбежала со «сцены» и присоединилась к группе женщин.

Сейон стоял неподвижно на камне. На фоне меркнувшего неумолимо заката... – в первых лучах лунного хладного света. Потом... одновременно со всеми приложил руку к Сердцу.

Мгновение – другое.

Повернулся и пошёл. Пошёл к Океану. Ловко перепрыгивая с камня на камень. Шёл... Бежал... К горизонту. К Солнцу.

За строгой чертой.

Лишь под утро, после долгих, увлекательных странствий, он уснёт в океанской волне. Под заботливым взглядом Луны. В объятиях тёплых и нежных иллюзий, что станут продолжением Красоты Айшёт.

Её милых, проникновенных слов... и восхитительного танца... в последних лучах заката.

***

Далеко не всегда прибегали Омáийо к словам при общении. Для этого у них было достаточно и иных средств. Теперь нам следовало вернуться к реке. И средство для этого было избрано то ли спонтанно, то ли в согласии с общим настроением всех: реально мы двигались в соответствии с замыслом некой пластической композиции, состоящей из различных элементов, напоминающих танец из множества гимнастических фигур, но на другом плане сознания мы летели над собой двумя группами. Мы – гости – в группе мужчин Омáийо. И нас объединяло стремление создать изящную пластическую композицию в полёте и в танце на земле одновременно. Молниеносно обмениваясь краткими программами индивидуальных

действий, мы создавали единый замысел и воплощали его, как только он соответствовал заданному критерию.

Понятно, что критерий был эстетическим, и всё действие было ничем иным, как увлекательной игрой, где можно было рисковать, ошибаться, шутить, – чтоб немного отвлечься и отойти от серьёзных проблем реальной жизни.

Наконец мы собрались, выполнили замысел наш идеально и «спустились на землю». От которой, собственно, и не отрывались, но сочетание определённых координат объёмного восприятия Мира – нам эту возможность давало.

И вот снова мы на том же месте, откуда начали путешествие к Океану. Но теперь – под звёздным покровом ночи, в щедром и полном свете Луны – оно совсем другое.

Совсем другие знакомые нам деревья, камни, ландшафт.

И мы другие. А чуть ниже – река течёт полноводная, сильная, холодная...
Добрая Река.

Мы спускаемся к ней и в неё входим... медленно... бережно...

Плывём. Плывём к огромному камню – к началу нашего пути в Мир Омáийо.

Течение сильное. Словно пронизывает. Стремится увлечь за собой, но... Река медленно сама несёт нас к цели.

И ещё... она соединяет нас. Как ветер, как общая цель. Как тень.

Танец Инсі

Какая студёная, морозная, зимняя вода в этой реке! Какая свежая!

Но... мы уже на чёрной спине камня-гиганта. Бежим по ней. И вдруг – падают все Омáййо, ложатся на камень. Льнут к нему. Никнут... О чём-то с ним говорят. И он отвечает им – потрескивает. Гудит.

И просыпается камень. Становится тёплым, горячим... Огонь вспыхивает на некоторых его участках. Гаснет... Снова вспыхивает и скользит по всей поверхности растревоженного монстра быстрой реки.

Но не обжигает этот огонь. Он согревает и освещает нас живым подвижным светом – то тёплым, то холодным, то сильным, то сходящим на нет.

И в этой необычной атмосфере, при этом дивном освещении – в новом свете предстают перед нами Омáййо: их трогательную собранность, внимательность и серьёзность друг к другу днём, вдруг сменяет такая непосредственность и шутовская фривольность, что не удивиться невозможно.

Ничуть не смущаясь, они перебивают друг друга, цепляют и даже толкают. Правда, как-то уж очень красиво и элегантно, а вместе с тем добродушно, мило и нежно... Удивительно!

Не всегда поймёшь, о чём говорят Омáййо, в чём их юмор, но это связано с их уникальной формой жизни. Иным восприятием вещей.

Наверно нет у них ни отрицательных чувств, ни эмоций. Поэтому живут они в согласии со всем. Всему радуясь и восхищаясь... Без усталости. И без конца.

Незаметно отхожу в сторону и отмечаю, что Зандóр ведёт себя как беспечный юноша, – забывший обо всём на свете... И лишь черпает Радость Жизни из текущего момента – всю до дна.

Мудро ли это? – так забываться! Так предаваться радости и восторгу, когда завтрашний день сулит столько тревог?!

Да. Возможно.

С восторгом Зандóр принимает бесцеремонное к себе отношение: розыгрыши, шутки. Вот он отвечает Герóму:

– Как только стану заправским Омáййо, тут же и поспорим – и о ценностях наших и приоритетах.

– Нет спору – поспорим: публично, келейно, на ухо. На ушко?

– А выбор. Ваш просвещённый выбор! И эрудиция на что?

– Эх, знать бы!

– Ну, неужели только для того, чтоб мне в колёса вечно палки ставить?!

Подбадривает Командóра юная Инсй:

– Вы так стремительно, Зандóр, идёте к цели, что уже на полпути.

Герóм, однако, «непреклонен»:

– Помилуйте, Инсй! и поясните мне значение вашего «полуоборота речи»: «на полпути»! Это когда никто не помнит его мальчуганом?

– А значит это то, – смеясь парирует Инсй, – что, обучившись у детей Омáййо... он поучать будет и скептиков наших, и мудрецов!

– Не поручусь за результат, но «простодушная извилистость» столь необычного пути – доверие у одного из «скептиков» уже внушает, – не удаётся сдержать смех и Герóму.

– Вам извиваться придётся, Зандóр. К «хореографии» этого «дела» вы точно готовы? – интригует Инсй.

– Если с условием, то безусловно.

– С условием? О! – это стильно! – Разумно, щедро, меркантильно! Уточните с каким?

– Вы... сие неотложное «дело»... нам представите в деле – явите в танце его.

– Ах, даже так! Это идея... Но только тогда... на ногах крепче держитесь! – заводится Инсй.

Жестом руки она просит всех отступить и так недостижимо красиво исполняет небольшой пластический этюд, напоминающий скольжение змеи, что все от удивленья умолкают.

А Инсй – на землю плавно опускается во всём невыразимом блеске своих утончённых форм... и! – в молниеносном прыжке обвивает телом Зандóра!

И замирает.

Его отпускает... И отступает несколько шагов назад.

Все взволнованы. Многозначительно молчат... Ответ за Зандóром. И он отвечает:

– Вы, Инсй, скорей меня с ума сведёте, чем я взойду на уровень вами заявленного совершенства. Увы, сегодня не смогу ответить вам достойно. Но что смогу безотлагательно и даже без условий... так это поражение своё признать.

Такой ответ зрители «шоу» сочли необычным, но искренним. И однозначно приняли его. Только Инсі растерялась и поспешила объяснить:

- Я не хотела побеждать вас. Ну... разве что понарошку.
- Да, Инсі. Спасибо. Но серьёзность намерений своих я докажу.

Летим!

Для кого эти вечерние часы раскрепощения были подлинным счастьем, так это для Айшёт. Мило и обаятельно она запросто – никому не давала покоя. Особенно доставалось мужчинам.

Стоило им только сосредоточиться на чём-то своём, как девочка уже «взлетала» к кому-то из них на плечо. И её подхватывали, над собой вращали... Выше бросали... Ловили... Бережно опускали на землю. И она убегала с тем, чтоб затеять новую шалость.

Вот – с Энэй они бегут навстречу Оинтай. Над ним взлетают! И тот едва успеваает поймать одну из них правой рукой, другую левой. А они лишь пристально и жадно всматриваются в глаза друг дружке... Потом – высвобождаются из рук Оинтай и убегают.

Взволнованы они. Всем весело от их игры. Но ясен ли нам её смысл?

Ни с того ни с сего Айшёт хватает Герóма за руку. Тянет назад. Пытается закрутить его в некую пластически абсолютно бессмысленную «фигуру». И чем абсурднее действия шалуньи, тем с большим удовольствием и отеческой любовью они заставляют смеяться Герóма и придумывать что-то новое, чтобы её развлечь.

Но вдруг Айшёт замечает меня. Бежит, летит... кружится и надо мной... Скатывается мне на руки и шёпотом сообщает:

– Мы полетим сейчас, Сигео! Только вы не знаете об Этом. И если бы я не сказала вам...

Сделав нечто похожее на реверанс, Айшёт уже бежит к Зандóру. Ясно: и его здесь врасплох ничто не застанет.

И тут – неожиданно стала меняться нас окружающая атмосфера: становилась плотней... монолитней, а из недр камня до нас доносился всё более сильный треск – словно что-то в нём накалялось и оживало.

Отдельные очаги огня время от времени затухали. И тогда – мы погружались во мрак.

А камень словно давил на нас сверху. Открывал в нашем сознании нечто неведомое, потаённое.

С подобными явлениями мы уже встречались и принимали с благодарностью от Мира этого все новые моменты своего сознательного бытия. Но прежде это было нечто невесомое – подобное лёгкому дуновенью ветра.

Теперь было иначе: нас медленно захватывал поток тяжёлой «атмосферной лавы» – густой – извергнувшейся из живого Сердца камня.

Я попытался сделать шаг, но был отброшен тяжестью волны, здесь захватившей время и пространство.

«Не приветствуется это здесь», – с трудом подумал.

Да, думать стало тяжелей.

Но понимать... Или воспринимать...

Мысли для этого только мешали. Пониманием перестал «управлять» ум. Знание приходило через новое качество пространства – сквозь атмосферу, что окутывала нас всё плотней. Пронизывала чем-то схожим на ток.

В нас.

И потоки Космоса словно сомкнулись с Землёй через нас. И через нас стали едины.

Накалялась поверхность камня. Становилась всё горячей. Светлей. Словно горела в переливах богатой гаммы цветов и оттенков: от жёлто-оранжевого, до пурпурного. До синевы.

И мы теряли какие-то качества тела, но обретали иные.

Я всех увидел насквозь. А тело моё могло быть твёрдым как камень или неосязаемым вовсе.

Едва ощутимый толчок... и гранитная твердь под нами взмывает в звёздное небо!

Летим!!!

Под ногами лишь тёплый огонь и поверхность гигантского камня, прозрачного, словно воздух в горах.

Над Планетой летим – над городом, утопающим в мириадах огней. Это Манила. Да. И она – дитя варварской цивилизации. Жаль?

Да, жаль.

В освещённую часть Планеты влетаем: Индия, Африка, Мадагаскар...

Небольшое усилие воли – и я на берегу Нила. Мои перемещения столь же легки, как полёт мысли.

Теперь быть в молнии над Амазонкой или в облаках над Калахари – так же обычно, как гулять по улицам Парижа, торговым рядам Туниса, Дакара, Дели. В качестве существа-невидимки там, но абсолютно реального здесь – на поверхности камня.

И теперь перемещаться по ней столь же легко, как обычно.

Мои спутники идут мне навстречу. Они улыбочивы. Спокойны. Всё как обычно. Только слова теперь нам не нужны – они становятся помехой. Ведь знание наше теперь – всем открыто – подчинено воле нашей – с возможностью концентрации на любом аспекте.

И здесь важнее Знания – его оценки. Более тонкими средствами, нежели закованная в форму слова мысль.

И это – для цели куда более важной, чем обмен опытом там – на «Поверхности Жизни».

Тем не менее общение на привычном языке здесь тоже сложности не представляет, и открывшуюся нам контактную среду мы вольны принимать и вне её уникального потенциала.

– Ночные путешествия сюда для нас обычны, – говорит Айшёт. – Но не только познавательны они. Здесь наши «творческие джунгли», – здесь мы программы будущего создаем.

– Внешняя форма и порядок вещей на островах Омáийо во многом смоделированы здесь, где партнёры наши – Космос и наша Планета, – дополняет Айшёт Энесí.

– Иногда в шутку мы сравниваем эту, в высшей степени ответственную, работу с деятельностью ваших парламентов, где всё происходит с точностью наоборот. Где достойное будущее человечества и Планеты разрушается сознательно – по преступному сговору худших представителей рода. Разве не так? – спросила Инсí.

– Да. Но, к счастью, это уже в прошлом, – вздохнув, ответил Зандóр.

– Тем не менее наши возможности воздействовать на ход событий за пределами нашей «Страны» – равны нулю. Это преодолеть мы не в силах.

– Вы сомневаетесь в успехе решения поставленных задач? – интересуюсь.

Герóм смеётся.

– Всему своё время. К тому же требования Космоса к нашим проектам невероятно высоки. Но таковы и наши требования к себе и к всему Миру. Ведь мы вместе его творим. И видеть хотим идеальным.

А обнадёживает то, что наши представления об Идеале с вашими, Сигéо и Зандóр, во многом совпадают.

– Да. Это так.

– Однако есть вещи, через которые мы переступить не можем. Даже не мы, а Природа в нас – вся суть Мироздания в себе... и лишь потом – в нас.

Но! Тогда появляетесь вы. И всё начинает получаться. То ли у вас, то ли у нас.

– Должно быть, есть воля Вселенская на то, чтоб шли мы к цели вместе. И мы идём. Хотя ранее не встречались. И не обсуждали эти сложные вопросы. Разве что...

– Надеялись. И мечтали встретиться когда-нибудь.

– Да. А теперь просто идём.

– Вместе. Всё понимая. Без лишних слов.

– Это только у разума всегда не достаёт аргументов и доказательств. А вместе с тем и слов. То, что в нас выше и просвещённой, нам открывает истинный Путь: Космос, Доверие, Интуиция, Опыт, Природа.

– Да, – вместо Герóма мне отвечает Айшét. Берёт меня за руку и продолжает: – я приглашаю вас, Сигéо, и всех остальных – на нашу Творческую Высоту!

Прикоснись ко мне хотя бы тенью!

После этих слов девочки наш каменный диск стал быстро отдаляться от Земли. И вскоре – наша Планета предстала пред нами во всей своей небесной красоте:

Земля! – Самое Редкое, Самое Прекрасное Сокровище Зияющих Космических Глубин.

Теперь мы были в её тени, недосыгаемы для солнечных лучей. И вдруг к нам стали подлетать сотни, тысячи таких же светящихся каменных дисков как наш. Многие из них были значительно меньше, но на всех были «люди» – Омáийо.

По одному и по несколько они стояли на своих пылающих камнях, прижав правую руку к Сердцу. Мы так же приветствовали их, медленно пролетая мимо, – то поднимаясь над всеми, то опускаясь.

Иногда мы подлетали к какому-нибудь камню так близко, что казалось: при желании можно было бы перейти на него. Но это была иллюзия. Мы могли лишь лететь рядом и общаться на расстоянии. Таков был закон. Едва ли совершенный.

Но вдруг к нашему камню-гиганту подлетает совсем небольшой плоский камушек с одинокой и очень знакомой фигуркой на ней – это Сейóн. Айшét бежит ему навстречу. К самому краю камня бежит. Останавливается и в шутку говорит:

– Прости, Сейóн, – не достаточно я времени тебе дала, чтоб ты соскучился по мне.

– Нет, Айшét, я скучал. И ты знаешь – это о грустном. Но сколько радости сейчас меня переполняет! Айшét, мы снова вместе!

– О, Сейóн, если бы здесь мы могли продолжить тот танец, что начали у Океана! В лучах Солнечного заката.

– Я не могу подлететь ближе, не могу одолеть эту пропасть. Течение меня уносит... Спасибо, Айшét, что ты есть!

Но Айшét становится на самый край летящей геометрии камня, протягивает руку Сейóну и просит:

– Всё равно – прикоснись ко мне хотя бы тенью!

Но здесь нет теней. И!.. Сейóн ступает в никуда... Идёт... И его камень послушно следует за ним. Его каменный диск соединяется с нашим! – послушно скользит в нём под ногами мальчишки.

А рука Сейóна достигает руки Айшét. Он её руку держит в своей.

Но! Это то, чего произойти не могло. Это чудо. Или... что-то ещё.
И здесь ничего нельзя скрыть. Здесь всё прозрачно. Понятно без слов.
Держась за руки, Айшёт и Сейон бегут прямо ко мне. Останавливаются.
Тяжело дышат. В их глазах настойчивый вопрос. Обычно Омáййо так себя не ведут. Значит...

– Это сделали вы, Сигео! – восклицает Айшёт.

– Я только немного помог вам.

– Это «немного» нам не покоряется сотни лет, – сообщает Сейон.

– Невероятно! Но это значит, что и другие камни тоже могут соединяться с нашим, – вслух размышляет Айшёт.

– Айшёт, это уже происходит! – радостно констатирует Сейон.

Один за другим к нашему камню присоединяются все остальные. Их тысячи. И я знаю: это страстная и древняя мечта Омáййо: парить всем вместе в Космосе – на одном огненном гигантском камне.

И это случилось. Конечно, это шок. Но даже дети внешне стараются не проявлять эмоций. Лишь их счастливые глаза и улыбки выдают их отношение к тому, что здесь свершилось. И волна благодарности, что меня настигает.

Мысленно я прошу всех рассредоточиться и не обращать на нас столько внимания. Это находит отклик и все лишь с радостью принимают происходящее: делятся впечатлениями о свершившемся у них на глазах «чуде». Потом... как сговорившись, присаживаются на светящуюся поверхность камня. Остаёмся стоять лишь мы – гости, Сейон и те, кто постоянно с нами.

И теперь мы видим, сколь огромна наша летящая основа. И как много нас. И какой мощный, тёплый, уютный и сверхсознательный Мир – все мы. Все вместе.

На несколько минут гаснут огни, и в Лунном свете всё становится загадочным и полным тайн.

И снова Свет!

– Герóm, прошу вас, у меня просто нет слов, – обращается Айшёт к тому, кого заставить врасплох невозможно. И Герóm с радостью принимает предложение.

– Как замечательно, что эту новую блистательную форму единства нам дарите вы, Сигео! Столько времени мы трудились над тем, чтоб стало реальностью то, что на наших глазах происходит в эти минуты!

Разве возможно не восторгаться тем, что нас окружающий Мир становится богаче, совершенней? Что он нам открывает свои грани и секреты. Так – совершенствуя и нас.

Какое блестящее решение проблемы! Какая совершенная формула! Она у меня перед глазами. Это невероятно. Мы безгранично вам благодарны, Сигео.

Все Омáийо поднялись – так выражая и свою благодарность. И я им ответил:

– Друзья мои! Ваша признательность радостью переполняет моё Сердце. Но не будем преувеличивать моих заслуг. Они – только последнее звено в цепи ваших долгих усилий, чаяний, трудов.

Значит, преодоление того вида дискретности, что нам дало этот чудесный результат, прежде всего – ваша победа. Прекрасная победа. И я вас поздравляю.

Но! Вы знаете, сколь трудную победу одержать нам ещё предстоит. И в этом нам поможет каждое мгновение, что мы переживаем вместе. В том числе и память о танце Айшét и Сейóна, если они нам его подарят.

Возможно, именно от нашего стремления увидеть его здесь – и, наконец, сложилась формула, что нас теперь объединяет – на этой фантастической платформе.

– О, Сигео! – воскликнула Айшét. – Если бы я умела танцевать как Минéй или другие женщины!

Но уверенной поступью к ней уже подходит Сейóн.

– Танец Айшét свеж и чист, восхитителен и неповторим, как дуновение ветра. Как поток горного ручья. Как запах подснежника, – он произносит.

И таким этот танец становится на наших глазах. И таким его запомнит вечность: то ли танец двух влюблённых детей, то ли танец скалы с нежным горным цветком.

Была в нём и сила, и нежность. Точность молнии, и блеск. И надёжность горной гряды. На опасных склонах которой цвела Красота, – Красота Айшét.

Как поле цветов. Как живые искры мгновений в потоке Вечном.

Тысячи горящих камней снова взлетели в небо, – вырвались из общего стана. И тысячи Омáийо с различной высоты полёта смогли видеть и сопереживать этот восхитительный космический танец.

Но. Велению времени здесь всё подчинено: последний раз руку Айшét держит в своей руке Сейóн. И отпускает.

Её руку. И её.

И отлетает. Улетает на своём прибрежном раскалённом камне. Вдаль. В которой тают, исчезают тысячи таких же «каменных» огней, – живых огней Омáийо.

Жаль.

Трудней всего с собою совладать Айшét. Быстро Герóм подходит к ней, берёт её на руки. К Сердцу прижимает.

И забывается Айшét. С реальностью теряет связь.

Засыпает.

И сон её не менее прекрасен, чем её Реальность. Её Танец... Он во всём. Как и она. И верная её «Скала» – надёжная опора. Здесь – в этой Жизни – в её Мире Родном.

Все обступили Герóма и Айшét. И тоже забылись – словно слились с разливом чувств соплеменницы.

Её ли только чувств?

В потоке Сильном. Едином. Вечном.

Минута. Две. Три. Нет, не больше. Проснулась Айшét. Стоит напротив. И на лице её улыбка.

– Простите. Я так вам благодарна. Это мой самый счастливый день. Как я вам всем благодарна! Но у нас до утра ещё так много дел! Успеть бы.

Значит, снова в полёт! Теперь мы летим к Истокам Красоты нашего Мира.

Зандóр, вы так органично вписались в нашу среду, что я перестала вас замечать. Это ваша идея? Таков замысел ваш?

– Да. Быть среди вас незаметным – лучшее, что может быть на свете. Ох! Если бы...

– Зандóр! Не надо слов – я слышу ваше Сердце!

Но вас, Сигéо, не смогу освободить от действий на переднем плане. Даже если Армагеддон случится, – этого сделать не смогу.

– Участи лучшей для себя и сам не смог бы я придумать. Всегда к вашим услугам, милая Айшét.

– Милая? Это не слишком церемонно?

– Нет. Это всего лишь просто и любезно.

– Ну, если просто, тогда возражений нет. Смотрите! Мы уже у цели – на необходимой для работы высоте. Ах! Здесь тридцать платформ сегодня. И они могут слиться в одну. Смотрите! – три уже вместе. Фантастика!

Творческие джунгли Омáйю

Через минуту-другую все платформы соединились в одну и на ней оказалось около трёх сот Омáйю. Преимущественно это были женщины. Но были и дети, и молодёжь, и несколько взрослых мужчин.

Между нами сразу установилась тёплая и радостная атмосфера. Понимали мы друг друга без слов, и такое общение всем доставляло подлинную радость. Однако Айшét решила иначе.

– Друзья, нас сейчас видят и пытаются понять миллиарды людей на Планете. Поэтому мы не можем отказаться от понятного им языка. Ох! Но я не чувствую, чтоб кто-то здесь был настроен на работу. Сигóр, прошу вас: объясните, что здесь происходит?

– С радостью, Айшét. День нынешний для нас важнее столетий. Немыслимо при этом сохранять обычную повестку дня. Момент, когда рушится занавес между Мирами, переживаем мы не только радостно, но и с чувством вовлечённой полноты.

– Прошу вас, продолжайте, Сигóр.

– Мы не знаем, что будет завтра, но сегодня мы делаем всё, чтоб продолжалась Жизнь.

И теперь я с радостью приветствую всех людей Планеты с того уровня бытия, на котором мы, Омáйю, придаём внешнюю форму себе, нашей земле и её природе. Я говорю о наших островах и о внешних параметрах всего, что конструируем мы или изменяем.

Над глубинной сутью форм работаем мы тоже. Только не здесь – в иных сферах. Их тоже сможете вы посетить.

Но сегмент бытия, где находимся мы теперь, даёт нам возможность, предельно точно сравнивая, видоизменять различные планы Реальности, – Реальности Виртуальной и Материальной.

То есть здесь наши иллюзии, мечты и представления столь осязаемы, пластичны и явно зримы, что лучшего их сочетания с Реалью Воплощённой – представить себе очень трудно.

Все расступились, и в высвободившемся пространстве возник иллюзорный макет нашей Планеты. Потом от него отделились все острова Омáйю.

– Пока это лишь очень точные «макеты» наших островов. Их тысяча семьсот семьдесят два. А доступны нам лишь те, что небыли захвачены Байдó – тысяча триста двадцать.

А теперь представим, что мы на острове Дезёр.

Перед нами остался «макет» только этого острова. И тут же исчез. А мы оказались «в нём» среди ночи, на берегу Океана.

Нас освещает Луна. Волна набегаёт. Она омывает часть суши. И нас.

Черпаю ладонью холодную воду. Как же её отличить от реальной?

– Это иллюзия. Но какая! У вас есть сомнения в качестве воды?

– Нет.

– В любом случае у вас есть возможность изменять её химический состав, температуру, плотность. Только не произвольно. А исходя из наивысшей целесообразности для всей экосистемы. Не иначе.

Всё это, друзья, – точнейшая копия реальности в нашем сознании, – продолжает Сигёр. – Пойдём.

Из воды мы выходим на каменистый берег, где только крутые скалы по побережью. И ничего больше.

– Если ландшафт вам кажется здесь унылым, вы можете убрать часть горного хребта. Тогда здесь может быть примерно так:

И исчезает часть прибрежных скал, а в лунном свете – перед нами каменистое поле с оазисами деревьев, кустарников, цветов. И мы стоим под водопадом.

Я представляю, что вдали из мрака выплывает дремлющий вулкан с заснеженной вершиной. И меняется пейзаж в полном соответствии с тем, как я себе его представил.

– Смотрите: теперь почти всё, что мы видим, – иллюзия. И к ней каждый может что-то добавить или из неё что-то убрать. И если мы создадим наш проект совершенным, он дополнит собой Реальность. Как уже многое здесь.

Возвращаемся в «открытый космос» – на каменную плиту.

– Однако если только моим голосом говорить здесь будет Правда, – продолжает Сигёр, – не перебор ли это будет, Айшёт?

– Спасибо, Сигёр. Вы правы. Наийá, вы прокомментируете нам сказанное Сигёром?

– Только дополню его: путешествия в иллюзиях столь увлекательны, что мы порой отрываемся от реальности очень сильно. Но ведь мечтать свойственно всем людям. И в этом – одно из их предназначений. Ведь так мы творим Миры. И будущее наше.

Однако воплотить иллюзию невероятно сложно. На это дать должны согласие Земля и Космос. И это: творчество и напряжённая борьба, – борьба с несовершенством.

Много лет мы работаем над проектом для наших потерянных островов. Однако туда нет доступа нам даже в того плана иллюзиях, что мы вам показали. Определённые потоки сознания у нас для этого закрыты. Поэтому можем вам показать лишь макет этого проекта и некоторые пространственные проекции его частей. Вот! – это всё перед вами.

И мы увидели несколько сот островов, парящих над уровнем Океана. И каждый мог выбрать свой остров, увеличить до необходимого масштаба и изменять его динамично и наглядно, воздействуя на объект посредством концентрации сознания и воли.

Таким образом, Омáийо могли работать с ландшафтом своих островов как искусные архитекторы и художники. И они с удовольствием нам демонстрировали своё мастерство.

Цветы Нейсі

В различных проекциях их сказочную страну мы могли увидеть с высоты птичьего полёта и с уровня Океана. И всё в ней казалось столь изысканным, и красивым! Но ничего там не было, кроме совершенства самой Природы – Совершенства Земли.

– Вы можете нам показать остров, с которого мы начали путешествие к вам? – спросил Зандёр.

– Да. Вот этот остров.

И перед нами его проекция с небольшой высоты.

– Наш лагерь. Стадион. Российский флаг. Какое варварство! Я не успел...

– Это не столь существенно, Зандёр. Если Земля примет наш план, её ничто не остановит. Ничто не помешает ей. И всё станет таким, как в замысле. Никак иначе.

– Но каким это станет?

– Станет таким.

И ЭТО – увидели мы.

Сказать, что это нас ошеломило? Нет, это – ничего не сказать.

Ничего!

И это повергло нас в то, чего никогда мы не знали.

Или... Именно, знали!

Только очень-очень Давно.

Так давно!

И там... В смутной иллюзии мы оказались. Совсем другими внутренне и внешне.

Такими, какими очень, – очень хотели быть!

Там.

Но. Были другими... Здесь.

И остаться там не могли. Ведь в реальности – Этого не было.

Почему?

Почему не было? Нет...

И мы вернулись.

Нет! – нами увиденное даже близко не напоминало нам знакомые места: лишь речка оставалась там же. А где располагался наш лагерь, на высоте ошеломительной, среди отвесных скал и сказочных растений – должна была залечь овальная плита из цельного гранита.

А вид с неё!

На Фантастическую Красоту Природы вокруг!

Неужели такой можно было её создать? Сотворить?!

Или вспомнить?

Нет.

На это не было ответа.

И на это нельзя было дольше смотреть. На Красоту эту!

И Она!

Переполюняла наши Сердца такой немислимой Тоской! Такой невыносимой и глубокой Скорбью и Печалью!..

Что мы невольнo отвели глаза.

И лишь потом... себя собрав по крупицам... неохотно возвращались назад.

Неожиданной для Омáийо была наша реакция, и они умолкли и застыли.

Долго молчали.

Наконец, Зандóр тихо сказал:

– Такой Реальность должна быть. И если Этого не будет... Нет же! Исключено! Всё Это – Будет! Но, – Зандóр взглянул на Сигóра спокойно и твёрдо, – что ещё препятствует реализации этой идеи?

– Отсутствие сил у Планеты.

– Она получит их. И проект ваш будет воплощён!

– Сложней задач ещё мы не решали. Но. Всё в наших руках.

– Да. Главное, что всё в наших руках, – повторил Зандóр. Огляделся...

И неожиданно подошёл к самой юной художнице, лет десяти. И спросил:

– Как твоё имя?

– Нейс́и, – ответила девочка.

– Нейс́и, скажи мне: ты тоже принимаешь участие в работе над этой программой?

– Да. Я придумала несколько новых видов цветов. И разместила их на крутых склонах гор и на лесных полянах. Их не каждый сможет найти. Но если найдёт, удивится. И меня в них увидит.

– Ох!.. Я должен найти эти цветы. Это так важно!.. Но какие они?

– Я вам их покажу в проекции, но не скажу, где конкретно их можно будет найти. Согласны?

– Согласен.

– Тогда летим!

Высоко. Океан. Ветер. Скалы. И там – среди холодных монументальных форм мира камней – в редких изломах гранита – притаились островки холодных белоснежных цветов.

– Вот. Они такие. И ещё такие.

Летим над террасами, где цветущие кусты и фруктовые деревья дополняют друг друга обилием форм и богатством цветов. И среди них тоже островки цветов Нейс́и. Только эти цветы другие – тёплые, жаркие, яркие.

– Спасибо тебе за цветы, Нейс́и, и Красоту, что в тебе и во всём, что создаёшь. Я так это ценю! И твои цветы найду непременно. Правда, не знаю когда.

– Спасибо. Только вы должны быть осторожны. Снежные цветы растут в очень опасных местах. Но если вы их найдёте, я буду об этом знать. Надеюсь, это случится скоро.

– Да, Нейс́и, – я тоже надеюсь, – Зандóр улыбнулся собеседнице и отошёл.

Не самый простой вопрос

– Сигео, – спросила меня Айшёт, – подскажите нам, что ещё было бы интересно узнать людям о нашем Мире?

– Думаю, им было бы кстати узнать, как вы решаете вашу продовольственную проблему.

– О, это не самый простой вопрос. Мы постоянно работаем над этим. Но лучше всего об этом рассказать сможет Сигор. Он работает на всех уровнях созидания программ и самый опытный из нас и компетентный.

– Позволю себе усомниться в справедливости финального утверждения Айшёт, но по существу вопроса с удовольствием отвечу:

Эту проблему мы решаем с незапамятных времён. Но если бы мы вовремя не осознали, что задача эта цивилизационного масштаба, мы ничего бы не достигли и очень скоро оказались в тупике.

В отличие от Гóмо Сáпиенс, свою цивилизацию мы строим на иных началах. Герóm об этом уже говорил. Я лишь добавлю: «покорение природы» другие люди начали, усиливая и удовлетворяя свой непомерный аппетит. Ум и орудия труда открыли им эту возможность.

Мы же «покоряем Природу» только любовью, свой аппетит по возможности убавляя. Ведь наша цель: чтоб ради своего личного блага никто в Мире не смел и помыслить кого-либо жизни лишить – ни животное, растение, ни минерал.

Чтоб удержать себя в материи, высокоразвитому существу еды необходимо очень мало. И это не пища людей. Это не блюда из термически убитой плоти, что отравляет всё живое в организме. А в основном лишь ягоды и фрукты.

Айшёт права: наше питание – вопрос более чем непростой. Однако вопрос:

Зачем людям за жизнь съесть такое несусветное количество Живых Существ и строить организм свой из убитой ими и Поруганной Жестоко Плоты, отнюдь не проще.

Но. Чтоб соответствовать своему Идеалу, мы интенсивно себя изучаем: свой организм, сознание, взаимосвязи с Миром. Совсем не так, как это делает ваша наука, а скорей, как ваши йоги.

Еда и сон для нас отнюдь не главные источники энергии для жизни. Для Жизни, строго говоря, еда и вовсе не нужна. Она нужна для удержания Монады Жизни в «Материальном Мире».

Но и для этого, целенаправленно и постепенно себя изменяя, мы всё полнее открываемся для энергетических потоков всей Вселенной, а тело своё изменили и развили уже так, что, в сущности, давно уже не те, кем были.

Суть в том, что наши клетки, в том числе и клетки мозга, развиты чрезвычайно, и их выносливость неимоверна. Но это не предел.

Жизненные циклы на Земле и в Космосе при минимуме пищи – вот наша цель. И это, в частности, вопрос гармонии между Мирами – сознательным и материальным.

И вот, когда движение к цели тысячелетиями неизменно, – «несокрушимая» Глобальная Проблема превращается в решаемый вопрос, – вопрос эстетики и этики высокого «стандарта».

Понятно, что за это время мы сумели вырастить деревья, чьи плоды крайне для нас полезны. Они цветут и плодоносят круглый год, пахнут волшебным, и их в тысячи раз больше здесь, чем нам для «выживания» необходимо.

А кроме этих удивительных плодов, мы не питаемся ничем. Разве что воду пьём с источников, что повсеместны.

Так что проблемы продовольственной у нас как бы и нет. И тем не менее работаем мы и над ней, ибо хотим избавиться даже от той зависимости от еды, что всё ещё имеем.

– Благодарю вас, Сигóр, за ваше замечательное выступление, – подвела черту под тему Айшét, – и благодарю всех за участие. Но теперь наши гости должны продолжить знакомство с миром наших творческих возможностей в сопровождении лишь тех, кто к этому готов.

«Цветок Жизни» Омáййо

Все отступили на несколько шагов, а к нам с Зандóром подошли лишь Сигóр, Герóм и Гуардó.

– Мы будем ждать вас здесь. Не задерживайтесь, – сказала Айшét и сразу же, на отделившемся от нашей общей платформы плоском сегменте, мы взмыли ввысь.

Несколько минут полёта под звёздным небом. И мы подлетаем к огромному пылающему диску, – такому же, как наш горящий камень, только на много больше. Соединяемся с ним и идём навстречу нескольким десяткам мужчин Омáййо. Они рады нашему визиту, и один из них, видимо старший, произносит слова приветствия. Потом продолжает:

– Мы принимаем с радостью, друзья, те правила «игры», что нам велят общаться с вами на обычном языке менталитета. Притом на русском. Что, конечно, тоже примечательно для нас и необычно.

И сразу же над нами словно кто-то чертит несколько прямоугольников. И в них, как на телеэкранах, мы видим себя здесь в реальном времени и окружении.

Точки для съёмки плавно движутся в пространстве, одна другую заменяют, дополняют. И вместе с тем единая картина на экранах становится всё более понятной и реалистичной.

– Так видят нас земляне. И это результат сознательных усилий. Ваших, Сигéо. Поверьте, мы в состоянии всему дать надлежащую оценку и проявить восторг везде, где он уместен.

Ах, простите, я не представился. Имя моё Демийáр. Для оптимизации транслируемых для землян картин, я предлагаю дополнять нашу беседу показом вариантов организации наших рабочих мест, а также объектов, что мы исследуем и изменяем.

Сразу пространство стало наполняться макетами различных элементов природы: её клеток, атомов, молекул... Для наглядности они увеличивались до необходимых пределов, расслаивались, комбинировались, расщеплялись – в сопровождении формул, графиков, уравнений пред нами и на экранах для зрителей.

Здесь были скелеты животных и людей, их органы, образцы тканей тела... Всё из какой-то текучей, ясной, податливой материи – послушной и пластичной.

Всё это появлялось, демонстрировалось и исчезало по некой встречной программе для нашей видеосъёмки, – программе, что дополняла мою.

Пришлось улыбнуться.

Улыбнулся и Демийár, о границах осведомлённости которого я мог лишь догадываться. Так же как он – о возможностях моих.

И это нас определённо веселило.

Внезапно на всех экранах появилось изображение длинной и сложной математической формулы.

– Это то, что здесь сегодня рвануло с силой вашего термоядера, – сообщил Демийár. – Сколько себя помню, столько бился над открытием этого чуда. И безуспешно. Поэтому мой вопрос вам предельно прост и наивен: как вам, Сигео... это удалось?

– Что именно?

Демийár любезно указал на экран.

– Но... Я впервые это вижу.

Несколько секунд молчания и... О, ужас! – никому из Омáийо не удаётся удержать смех. Смеётся и Демийár.

– Вы ставите меня в неловкое положение, – наконец говорит он мне без капли упрёка.

– Но вы только этого и ждёте. А ответ мой не так уж и удивляет вас. Вы просто хотите услышать то, что знаете не хуже сами.

Демийár лукаво прищурил глаза и коротко и ясно сформулировал свою мысль:

– Если это – вас не затруднит.

– То, что формулы отражают, чаще всего, лишь транскрипция наших устремлений к сотворению Новых Реалий Мира. То есть... эта формула, прежде всего, результат наших совместных устремлений к цели. И дело не столько в ней, сколько в сложении всех наших усилий... жажды постичь, сотворить, достигнуть.

И эта формула, и реализация её – свидетельство достаточности наших сил для достижения целей воистину глобальных.

Да, это прорыв – блестящая реализация Потенциала нашего и всего Мира, – реализация, врозь осуществить которую мы никогда бы не смогли.

– Увы, на грани краха столь продвинутых цивилизаций.

– Краха одной из них. Иначе ничего бы не имело Смысла.

– Не имело бы Смысла, – задумчиво за мной повторил Демийár и повернулся к остальным Омáййо. – Мне известно, что вы хотите дополнить сказанное нами. Гуардó, прошу вас.

– Да. Но поскольку ни для кого не секрет, чем именно я хочу сказанное дополнить... и, так как это может быть выражено лишь в нескольких фразах, давайте вместе их и сочиним. Если нет возражений, начну:

Любое событие – это «Фраза» Вселенной всем своим ипостасям. И все они – различные «Фразы» или Формы Жизни Разумной. Сегодня Мироздание выбрало нас, чтоб мы стали свидетелями и соучастниками Эволюции Его Самого.

– В формуле, которой мы восхищаемся сегодня как элементом новых Реалий Жизни, – она отражена наглядно – как величественное Вселенское движение к Совершенству, – добавил Сигóр.

– Когда Мир, меняя свои Константы, – манифестирует Волю Свою. И так подаёт Добрый Знак тем, кто её осуществляют, – всеобщую мысль завершил я.

На минуту воцарилась тишина. Потом снова взял слово Демийár:

– Свои самые сокровенные мысли Вселенной мы посылаем на языке символов. Символом уходящего Техногенного Мира была Пирамида.

Мы не знаем аксиом вашего Мира, Сигéо и Зандóр. Но разве Это! – не символично?

Демийár поднял руку. И пред нами – почти неотличимая от реальности иллюзия: в общей цепи поданных рук мы с Зандóром стоим среди Омáййо. Стоим перед тем, что совершили с Байдó.

Жутко. Печально. Но мы снова там. Там...

Возвращаемся. И Демийár продолжает:

– Символ Мира Омáййо похож на светоносный, полыхающий по краям Подсолнух. Где мы – те, кто сейчас здесь, – на самом его краю. Потому что мы – самые спелые «зёрна». Готовые в любой момент и просветить, и защитить, и покинуть наш драгоценный «Цветок». Готовы сгореть. Как только появится нам замена из тех, кто к нам ближе всего. А после – из тех, кто ближе к центру. И лишь набираются опыта жизни и сил.

Но! Когда речь идёт о Земле, нашей Галактике и Вселенной, там – в самом центре Цветка Нашей Жизни, – в центре нашего внимания и забот – неизменно оказываются они – как дети наши. И наши родители.

Сегодня Мир совершенствует свои Константы. Сегодня становятся полней и совершенней Символы Его и Наши.

Дальше слова были излишни. И мы расступились, чтоб, подав руки друг другу, образовать круг. И, когда «звенья» его сомкнулись, символическое значение его добавило новую грань Смысла «Цветку Жизни» Омáййо.

Её олицетворяли мы – их союзники. И летящий под нами в Космосе, пылающий и обновлённый нашим общим стремлением к совершенству в единстве, Каменный Диск – «Подсолнух».

И только в центре его всё оставалось по-прежнему: Земля, Планеты, Солнце, Звёзды. Весь Мир. Айшét, Сейóн, Нейсá...

Её цветы. Нежные, хладные, снежные. И жаркие, яркие, полевые.

Таково было наше послание Миру и всем формам Жизни – нам известным и неизвестным.

Но. Время. И мы снова в суровой и опасной близости к проблемам дня текущего. Где не остаётся места ни пафосу, ни торжеству.

И Демийáр говорит лишь о самом насущном для осмысления и решения нашей ближайшей задачи:

– Непосредственно мы, Омáййо, процессом не управляем. Лишь полноценно участвуем в нём, защищая для нас самое дорогое. Но разве о нашей уязвимости не говорит факт, что примитивное, злобное племя Байдó четыре столетия нас беспрепятственно истребляло, а мы – не могли ничего с этим поделать?

– Да. Но именно так вы себя сберегли. Для будущего. Не только Земли. И теперь знаете лучше в чём ваша задача.

– Вы эту задачу решили в два счёта. С такой варварской непосредственностью, что не содрогнулись разве что врата Ада. Скажите вы мне, Зандóр: у вас действительно есть Сердце?

– Вот оно, – ответил Зандóр.

И перед нами в воздухе зависло живое бьющееся Сердце, – Сердце Зандóра. Вернее – точная его копия. Копия из той же совершенной материи, что здесь могла принять любую форму, соответствующую реальности.

Демийáра это ничуть не смутило. А немного помедлив, он сказал:

– Всё зависящее от нас сделаем мы для того, чтоб оно билось вечно, – затем взглянул на Зандóра более пристально и добавил: – Ведь это Сердце Омáййо?

Зандор вздрогнул. Побледнел. Подошёл к Демийару и обнял его... Как сын своего отца. И тот прижал его к груди... Как сына.

Отклик Земли

Когда Зандор отступил, его бьющееся Сердце перед нами уже окутывала полупрозрачная дымка, образуя рельефную сферу, в которой мы сразу же узнали модель нашей Планеты.

Она расширялась, медленно вращаясь вокруг своей оси, и, при более пристальном взгляде на ту или иную её точку, – словно приближалась и захватывала зрителя. Влекла его за собой, демонстрируя то место, что он выбрал во всей полноте. С различных точек зрения. С различной высоты.

И тогда... Мы снова пережили то, что пережить едва возможно:

Это была совсем другая Планета!

Живая!

Да.

Весь ужас был в том, что такой она была!!!

Когда-то уже была.

Боль.

Как жить, осознавая ЭТО?!

Как с тем смириться, что этого нет?

Нет Планеты. Такой...

Жить дальше как?

Как быть живым вне Жизни Земли?!

Вне Красоты её рельефа в обрамлении Рек, Морей, Океанов!

Невообразимого... Невыразимого Великолепия Растительного Мира!

Это захватывало. Поражало. Восхищало. Увлекало.

Уносило нас. В такую Даль!

И горечью в нас оживало. Болью.

Так оживало.

Жило.

Сил не было на Красоту эту смотреть. Смотреть без исцеляющей, испепеляющей Космической Тоски. Без восхищения и ужаса пред тем, что Память нам вот-вот могла открыть.

И не могла.

Она... великодушно нас щадила...

– Это часть Программы Планеты. Если события пойдут в желательном для неё направлении, это станет реальностью. И началом новой эры в Жизни Земли, – пояснил Демийар.

– Как далеко сумели заглянуть вперёд вы! Как конкретно! Это – достойно восхищения. Что скажете вы, Зандор? – спросил я.

– Мне так хотелось бы уметь не только восхищаться... но и творить эту немыслимую Красоту! И всем располагать необходимым для воплощения её в Реали Мира. Вот... знать бы только: как соотносятся наши силы с масштабом наших самых важных и безотлагательных задач?

Ответил Гуардо:

– Тысячи лет всё двигалось вперёд едва заметно. Но теперь... что-то случилось. Словно подорвало всю статичность Мира! Находятся решения самых сложных задач, находятся для этого воля и сила. Высокие Творцы здесь находят друг друга, чтоб посвятить себя Общей Великой Цели. Это и обнадеживает, и оптимизм внушает.

– Да. Но давайте посмотрим и на то, что представляет наша Планета сейчас, – сказал я.

Макет вероятного будущего Земли мгновенно преобразовался в её иллюзорно-конкретное настоящее – в то, что для примитивных форм жизни миллиардов полу-разумных существ становилось отчаянно непригодным.

– Здесь всё налицо, – я продолжил, – но заглянем в недра... Что здесь объяснять? Умирает Планета от боли... От нанесённых ей ран.

А теперь внимание перенесём на то, что происходит под вашими островами. Теми, что от вас были отрезаны Байдó.

– Да. Это, определённо... нечто примечательное. Это вибрации нарастающей жизненной силы. Они концентрируются. Это совсем не та стихийная сила, что инициирует извержения вулканов... Это Тонкие Творческие Вибрации Созидания, – Вибрации Сознания и Жизненной Силы Земли!

Отвечал Демийар, с трудом скрывая волнение. Наконец, немного отвлёкшись от уникального процесса в коре Земли, попросил меня продолжить.

– Как ни странно... или как ни прискорбно, но синтезировать эти вибрации мы можем только так, как можем. Только тем варварским способом, что никого не приводит в восторг. Но. У нас выбора нет. И не случайно. Речь о важнейшем космическом принципе – Справедливости.

Космос никому ничего не прощает. За всё надо держать ответ. И мы – ваши друзья – в этой «игре» в качестве том, которое необходимо Вселенной.

Я хочу сказать, что реализация ваших идей начнётся с тех островов, что сейчас на макете пред нами. И очень скоро. Но пока... мой оптимизм лишь на словах.

– Сила вибраций неуклонно растёт... Нет... это уже не слова. Это дело. Поражаюсь невозмутимости вашей. Ведь мы в преддверии Нового Мира!

– Это так.

– Но у вас был иной план.

– Да. Верно. Зандор подошёл вплотную к тому, чтоб отделить «зёрна от плевел» и истребить зло в геноме людей. Один, своим умом и своими руками он был готов это сделать, не считаясь ни с кем и ни с чем. Но. Осуществить этот проект ему не удалось.

Мы вместе пережили его крах и стали творцами другого – ещё более глобального проекта. Вместе с Землёй и Омáийо. И теперь – это нас всех вдохновляет и объединяет. Вы хотите мне возразить, Зандор?

– Да. Меня это вдохновляет больше, чем вас.

– Ну хорошо. Ведь проблем это не добавляет.

– К тому же – позволяет принимать это как Добрый Знак, – добродушно улыбнувшись, подытожил Гуардо.

Демийár

– Я отметил, что благодаря той видеопрограмме, Демийár, которой вы дополнили мою, телезрители на Земле смогли очень подробно ознакомиться с вашей работой здесь. Однако полагаю: к уже предоставленной информации – вам есть ещё что добавить.

– Да, если терпение моих слушателей не иссякло, позволю себе добавить к уже сказанному ещё несколько мыслей вслух. А именно:

Исчерпывающий ответ на вопрос «Что есть Человечество и почему оно разошлось на путях эволюции?», ещё отнюдь не найден. Ум – это то, что людей объединяет. Но варианты и цели его применения – это то, что нас разъединило.

Ум – инструмент превосходный. Но он лишь помогает Понимать нам: Что делать? Как и Зачем? – когда цель ему ставим, исходя из Глубинных Основ Сущности Своей – из восприятия Жизни как Величайшей Ценности Абсолютно Всего.

Развитый ум облегчает решение любой задачи. Но должен ли был стать он доминантной компонентой сущности людей?

(!) При его невероятной эффективности в деле изничтожения чего угодно. В том числе – Земли.

Или ум должен был дополнить те средства влияния на Мир, которыми уже располагали люди? Дополнить их... а не подменить!

Когда с помощью ума мы делим, изучаем, обобщаем – это одно. Когда же с помощью его мы расчлняем плоть реально – это другое.

Ум тонкий инструмент. Во многом мы обязаны ему развитием в нас Чувства Красоты. Но... часть человечества, столь уникальным инструментом завладев, утратила элементарный Здравый Смысл. И стала конструировать весь Мир и ценности его под совершенно дикие запросы, – под лекала абстрактных, бессмысленных схем и структур... знание о причинах, возникновения которых – для людей остаётся под строжайшим табу и поныне.

В этих – только логически безупречных конструктах – люди и похоронили Правду. Правду о себе, о миссии своей и своей подлинной природе.

И тогда – падение их началось. Началась вакханалия смерти – неудержимая экспансия с целью захвата, членения и покорения всего на свете: Природы, Народов, Космоса, Земли...

(!) Под Эгидой Техногенной Формы Жизни.

Мало кому из людей известно, какую судьбу Планете и «простым смертным» готовила их «элита». Но... это в прошлом.

А результат – перед нами.

То есть проще всего «умному» существу было стать самым опасным и жестоким зверем. И по этому пути пошла значительная часть «разумных», создав свой страшный арсенал порабощенья, – от ножа до водородной бомбы.

Но. При помощи ума было возможно становиться и Другими Существами. По этому пути пошли Омáййо.

Мы стали развивать все планы нашего сознания одновременно, гармонично. И от природы отделять себя не стали. Тем более – не стали себя ей противопоставлять.

И вот – нам не нужны микроскопы, чтоб изучать микромир. Нам не нужны телескопы, чтоб изучать Звёзды. Электроника нам не нужна, чтоб хранить и передавать информацию. Чтоб путешествовать, мы не нуждаемся в машинах и космических зондах.

И чтоб жить так, как считаем это достойным, – мы не нуждаемся ни в каких инструментах. Ни в каких технических приборах и устройствах.

Те планы сознания, что мы не разрушили, а развивали, дают нам теперь эту уникальную возможность. И бездну возможностей иных. Самая прекрасная, восхитительная и блистательная из которых – для Космоса творить программы. Программы его Эволюции. И Эволюции своей.

В этих программах есть место и для людей – тех, кто готовы идти Путём Вечным. И мне известно, что с ними, когда время настанет, – мы окажемся вместе.

А то, что случится должно... не чья-то преступная воля, а справедливый итог. Результат ошибки при выборе Пути частью Разумных.

Когда посредством Лжи – Любовь к Вселенной и Природе – была перенаправлена на Бога.

А заодно на то и ТЕХ, кто всё Живое ненавидит, мучит и уничтожает.

И всё-таки – всех, кто себя сохранили... кто не потеряли свою Подлинную Суть, – ждёт новая и светлая Дорога. Я в этом твёрдо убеждён.

Завершив речь, Демийáр повернулся ко мне и сделал неопределённой жест рукой. Я понял его и без слов, но ответил:

– Присоединяюсь к последним вашим словам, Демийár, и хочу сказать, что разделяю вашу точку зрения о путях эволюции человечества. Жаль только, что обсудить всё основательней пока не удастся – мне стало известно, что я должен куда-то лететь, не зная куда. Вы приготовили сюрприз мне, друзья?

Добродушно улыбается Демийár.

– Не только мы. Но, определённо, – только ваши друзья. К сожалению, больше ничего сообщить не сможем. Возвращайтесь в добром здравии и юморе, конечно.

Будем ждать.

Странное «божество»

Первые минуты полёта я ещё мог любоваться красотой звёздных космических далей и силуэтом отдаляющейся Планеты. Но вскоре всё стало погружаться во мрак и исчезать. Казалось: Мир опустел, спрятался от меня, укутавшись в непроницаемую мглу. И только красный огненный камень под ногами стал ярче. И освещал меня мягким пурпурным светом.

Казалось, всё тьма в себя впитала: материю, пространство, время... Разницу. Точки отсчёта.

И вдруг! – всё хлынуло назад, – как вспышка молнии, – мгновенно всё пространство налилось светом столь интенсивной белизны, что дух перехватило. И свет погас. Мгновенно. Иначе – казалось – он мог растворить в себе всё, что им не являлось.

Но. Этого не случилось. Произошло другое: из чёрных глубин до меня донёлся знакомый голос:

– Ибраги-и-и-и-м!!!!!!!!!!

Когда пре-кра-тишь ты меня за яйца по Миру води-и-и-ть?

По щеке моей бежит слеза, но... я стараюсь сохранять спокойствие и бодро отвечаю:

– Когда вы поведёте за собой всё человечество, мой друг, – от искушений пропасти, греха трясины.

И тогда я слышу смех совсем рядом, и предо мной на дешёвеньком троне вырисовывается необычайно странное «божество». Мало того, что в его облике больше лукавства, чем святости, а характер – просто невыносим, – ни на мгновение не покидает чувство, что это жизнерадостное существо в любой момент такое может учудить! – что Мир перевернётся.

И станет весело... безумно.

– Учитель! Вы совсем не изменились, – взволнованно произношу.

Но лицо старца тут же мрачнеет, и он негодует сердито и театрально:

– Не изменился я? Чтобы изречь такую глупость, была необходимость улетать под небеса? Не лишь себя – я Мир меняю! Где мои розги? Знаю! Я знаю, что напишут они на спине, что от воздействий целебных отвыкла.

– Но я хотел сказать... Сказать лишь, что воспоминания... те, что при встрече дарят радость, – живы!.. неизменны!

– Воспоминания?.. Значит они... Значит тебе не изменяет память. Ну... это всё меняет. И ты меня растрогал... Подходи.

И я подхожу к старцу. Обнимаю его. И он меня обнимает. Тот... с кем пройдено столько дорог! Далёких... Пыльных дорог... Не забываемых и незабытых. В памяти вечной. Как тепло единства во Всём.

И снова наставник сидит мой в скромном кресле своём. В длинной грубой рубаше, с нимбом «святого» над головой. Спокоен... Задумчив... Только не то ли спокойствие это, что перед взрывом вулкана?

Нет. Похоже, бедствие на этот раз минует. Взглянув на меня сверху вниз, собеседник мой говорит:

– Омáийо... Сокровенная Тайна Земли.

– Только Земли?

– Суть нашу хранящая Тайна.

– И только теперь Земля нам её открыла.

– Да. Время.

– Дрогнули. Качнулись, наконец, чаши весов.

– Казалось, мы самодостаточны. Но вот ведь как всё обернулось!

– Да.

– Мальчишка набрал столько силы! Но...

– Сердце его.

– Да. Наш ритм и Омáийо.

– Учитель.

– Да.

– Благословите их.

– Ну что ты! Бог я, что ли?

– К чёрту богов. Мы должны выдержать Всё!

***

Послышался топот коней по мостовой. Утих.

Я голову повернул.

И увидел... Увидел, как бесшумно и плавно мимо нас летела карета... Чёрная. Роскошная... Запряжённая шестёркой вороных коней.

Карета.

Чернее Ночи. Безумия черней! Черней падения души! Она... остановилась перед нами.

И словно страх и ужас всё сковал на свете.

Лишь занавеска за окном кареты колебалась. И... Из-за неё.

Лицо явилось.

Появилось.

Выплыло. Возникло.

Лунное... Светлое... Чистое.

Лицо-о-о.

Лимонно-жёлтым светом засветились ясные глаза неумолимо узнаваемого существа в карете.

Глаза!

Нет... уже не лимонного цвета... Они голубей бирюзы!.. Уже – словно Луной освещённая отмель.

Солнца закат!

И! вместе с Ним – с Солнцем! В Пустыне я снова! В Пустыне своей.

Среди кристаллов песка.

Кристаллов... мерцающих в ярких лучах заката... Кристаллов... в свете холодном Луны.

Столько лет!

Снова с ними.

Снова иду... И иду... Иду я по ним... По Пустыне.

Но.

Жажда!.. Эта Неистребимая Неумолимая Неодолимая Жажда!.. Родная... Моя.

– Учитель! Где Мудрость ваша? Последняя! Где та Река? Ваша. Я не мог выпить её до дна – до последней капли!

Где последняя Капля? Ваша. Моя.

Она.

– В Реке неутолимой Жажды Жизни.

Есть Сердце у этой Пустыни?

Падаю в Океан Песка!

В Сердце Пустыни.

Но.

Белой рукой задёрнута занавеска. И экипаж следует дальше.

И исчезает.

Люцифер...

Сколько чести!

Но.

– Мы выдержать должны! – я повторяю.

– Ну хорошо. В конце концов, вреда от этого не будет.

Старец протянул руку с растопыренной пятернёй над бездной, вздохнул и произнёс:

– Благословляю.

И словно всё прояснилось вокруг. И мы продолжили наш разговор.

– Я не очень хорошо себе представляю, где мы, учитель.

– Не очень хорошо? Но это более чем идеально. Как я завидую тебе, мой друг! Какое понимание! Какой великий дар! Счастье какое!

Я так и вовсе ничего не понимаю. И ничего. Не жалуясь и не в обиде. Здесь царство Хаоса – путь к состоянию Земного Мира, куда в обход могилы – никто ещё не проникал.

К слову, и этот Мир открыт лишь самым знатным проходимцам. Таким как мы с тобой. Ха- ха-ха-ха. И Люцифер.

– Он?

– Здесь расставляет «сети» он свои и загоняет в них всякую нечисть.

– Ту, что преумножала зло под маской славного «венца творенья»?

– Вот именно – под маской. Но теперь...

– Вы что? – работаете с ним на пару?

– Хаос на то и хаос. Метод абсурда, случайностей и совпадений здесь чрезвычайно действенен и эффективен. Ну не скучать же мне на самом деле! Скучать мне недосуг.

И тут в правой руке учителя появились не шутейного размера чётки, которыми он размахивать стал, которые стал раскручивать над головой. А в левой руке его закачалось кадило, и из него повалил густой дым.

Ладаном запахло. Дебошем.

И учитель в своём кресле стал выписывать вокруг меня такие траектории полёта!.. Такие!.. до которых вознестись умом вменяемому существу – до чрезвычайности непросто.

Я то и дело шарахался то в одну сторону, то в другую, чтоб не быть сбитым с ног. Но всё, что только ещё смог к действию добавить, – было моё искреннее и безграничное восхищение:

– Божественно. Воистину божественно, учитель! Я поражён! Я очарован! Покорён.

Последовало ещё несколько сногсшибательных сальто. И мастер космической хореографии снова предо мной в своём удобном кресле, – собой доволен и готов к новым воплощениям своих неиссякаемых идей.

– Как видишь, дел невпроворот. Ох! Тут такого задаём мы жару!

- Но. Здесь нет никого.
- Это лишь здесь – над Миром Омáийо. Здесь ни зла, ни чудовищ.
- Это чудовищно?
- Я не хочу шутить на эту тему. Это слишком серьёзно. Только Омáийо преодолевают легко этот Мир – Мир «Безумия». И через него возвращаются с новым потенциалом для своей вечной созидательной работы.
- Это славное путешествие – и есть для них Смерть.
- Поэтому к бессмертию земному стремиться им нет никакого смысла?
- Никакого. Они его жизнью своей творят. И смерть земная – их союзник в этом.
- Вы полагаете: они нас превзошли?
- Они – ростки цивилизации, которая и в самом деле может стать неуязвимой, вечной и непобедимой! И лишь мы – Вечные Пилигримы – помочь им в этом можем. И должны.
- Вечные Пилигримы.
- Да.
- Но и наша Звезда на восходе.
- Да, Ибрагим!
- Да, учитель.
- Эх!.. эти странствия по Земле... Восходы. Закаты. Босые ноги. Рубахи до пят... Проповеди мои.
- Морозные ночи. Палящее Солнце. Костры.
- Свинья на вертеле, вина бочонок, танец с бубном.
- И ваши памятные речи. Танцевальные «шедевры» на углях. Восторг всеобщий... восхищенье.
- А сколько женщин!!!
- Женщин?.. Здесь? Нет... ну... Нет... мне нравится ход вашей мысли, но... подумайте, прикиньте сами – я ж не волшебник. И что за срочность? Ну, на самом деле!
- Эх, Ибрагим, Ибрагим... Ну хорошо. На этот раз я готов войти в твоё положение.
- Спасибо, учитель. Как я вам благодарен! Сдержанность эта... Невероятно! Должно быть, на пользу вам жизнь на небесах.
- По твоей милости здесь я. Но не в накладе – ведь не скучаю. К тому же, – в руке старца рукоять сабли. И он её лишь на миг – на самую малость вытягивает из ножен. И тогда! – снова весь Мир залит невыразимо тёплым

Белым Светом! На миг! Лишь на одно мгновение. – Дела здесь у меня и поважнее есть.

– Да. Но у нас нет больше времени для разговора. Я улетаю. Учитель!

– Да, Ибрагим. Не сори впустую словами. Спрашивай!

– Скажите, учитель: и в мире Хаоса ангелы есть?

– Они здесь без масок. Это черти, мой друг.

– И они тоже поют?

– Как же! Поют хором гады.

– И есть у них запевала?

– Он всё ещё перед тобой.

– Счастье какое! Не откажите мне, мой друг! Прошу вас – что-нибудь из прошлого репертуара! Форте-фортиссимо. Прошу!

– За этим дело никогда не станет!

А-а-а-а-а-а-а-а-!!!!!!!

По мере того как мы отдалялись, голос учителя лишь набирал силу и тембр его становился всё благородней и ярче. Наконец «солист» и вовсе выпрыгнул из кресла и пустился в пляс... и мне показалось, что в голосе его зазвучала музыка. Музыка Хачатуряна. Да, «Танец с саблями».

Ах! Ах! Этот танец учителя – шедевр невероятного... то ли «кощунства», то ли «совершенства». Толи...

Уже далеко он... Да. Но словно молнии режут пространство! Наполняют его Живым Белым Светом.

Светом сабли самого странного божества.

Ки-о-гай

Лечу один снова в немом ночном пространстве – без координат, без ориентиров... Из него вылетаю... Возвращаюсь.

Стою на каменном диске с Омáййо.

Они улыбаются мне – свидетели встречи моей с существом столь необычным.

Но что понять они смогли?

– Главное, – уверяет меня Демийáр. – И очень скоро вы убедитесь в этом.

Но с ним не согласен Зандóр:

– Однако от меня скрываете вы что-то. И не уверен я, что сам сумею тайну разгадать.

– Нет тайн без срока. Всё до поры, Зандóр. А ныне...

– Нам пора. Пора к Омáййо, что нас заждались.

– Пора. Увы. Как вы на это смотрите, друзья?

– Как ни печально, – вздохнул Демийáр, – мы вынуждены согласиться.

В направлении Земли наша платформа летит с ошеломляющей скоростью, постоянно меняя наклон и траекторию. Головокружительные виражи захватывают дух, но некая неведомая сила удерживает нас надёжно на плоскости горящей камня. И вскоре мы соединяемся с таким же камнем – что ближе от Земли.

Воссоединяемся с ждущими нас Омáййо. И полёт продолжаем. Но уже в ином режиме. Наша единая платформа не летит – плывёт в потоках упоительных мелодий Космоса, – мелодий столь прекрасных и таинственных, как зарождение Звёзд, как сама Жизнь.

– И Смерть, – неожиданно я слышу совсем рядом голос Айшét.

Это звучит диссонансом, и я поворачиваюсь, и с удивлением смотрю ей в глаза. И... вижу... Вижу совсем другую Айшét.

Нет – не Айшét. Нет! Это Она! – Мать –

Мать Вселенной...

Как узнал я её?.. И как мог не узнать? Как?.. В юной девочке. Но...

Это она смотрит на меня своими усталыми заботливыми материнскими глазами.

Но почему она смотрит на меня глазами Айшét?

Девочка знает. Я – нет. Но я должен ответить ей. Должен! И я отвечаю:

– Да. Прекрасных, как Смерть. Если Смерть...

– Что? – спрашивает она и прикладывает ладонь к моим губам. – Не отвечайте! Вы не можете знать. Знать Всей Глубины. Всей Полноты.

– Вы не можете знать, – словно произносят и все остальные женщины Омáййо. И не произносят они ничего. Только смотрят. Смотрят усталыми материнскими глазами... И знают.

Почему они знают? Только они.

Нас сопровождают ослепительной красоты миражи и мелодии, столь волнующие и захватывающие, что кажется – звучат все струны Души Вселенной.

– Души? – снова спрашивает Айшét. – Она Реальность? То, что мы можем постичь?

И я снова смотрю ей в глаза. И они у неё почти ещё детские. Милые.

– Не знаю, – я произношу задумчиво и серьёзно. А она отвечает мне мгновенно и радостно:

– А я знаю. Знаю, что вы ответили мне честно. А это значит: мы на Верном Пути.

– Мы? – не без удивления спрашиваю и тут же сожалею об этом, но Айшét только добродушно улыбается и убегает.

«Какой милый, непосредственный ребёнок», – я подумал с любовью и восхищением. – «Ей определённо известно нечто, о чём я лишь смутно догадываюсь».

Но внезапно наш каменный диск разлетелся на три части. И воцарилась тишина. Засверкали Звёзды в ночи и под нами мы снова увидели нашу Планету.

А вместе с тем пришло время проститься с Омáййо, летящими на платформах рядом. С одной из них нам навстречу сделал шаг Демийár и приложил руку к Сердцу.

Его примеру последовали все.

А через несколько секунд мы уже летели над Землёй в нашем привычном составе – с чувством щемящей тоски, грусти и благодарности к тем, с кем простились.

Как мало нас осталось! Почти безотчётно мы сделали несколько шагов навстречу друг другу и застыли в безмолвии и тишине. Словно влетели в царство горечи, одиночества, скорби. И тьмы.

Меркнул и остывал рубиновый свет под ногами. И наконец мы погрузились в полную тьму, – тьму абсолютную – без Звёзд, без нашей Планеты, даже без её очертаний.

И только твёрдая чёрная «почва» под нами напоминала о том, где мы и кто... Чёрная твёрдая Почва – Последняя Реальность. И первая... Единственная.

– Единственная... – шёпотом произнёс нежный девичий голос рядом. Голос Айшёт. Но это не было утверждение. Скорей размышление. Скорее вопрос.

И тогда... под ногами девочки словно взошла Луна – Полная Яркая Тёплая. Она взошла на поверхность камня... Из каменных недр – твёрдых, несокрушимых.

И девочка побежала по Поверхности Недр Сущего – по Реальности. Единственной. Несокрушимой. Неведомой, необъяснимой и неуловимой. По Поверхности её.

Как вольно, легко она бежит! По ней – по белому яркому диску, что от неё не отстаёт. Как быстро она приближается к краю единственной твёрдой почвы, что содержит Пространство!

Что будет с ней, если она потеряет её под ногами?

Но... на самом краю «пропасти» Айшёт останавливается и что-то тихо произносит в бездну, зияющую перед ней. Ещё... Словно зовёт:

– Ки-о-тáй!

Складывает руки перед собой и наклоняется. И... из Зияния Тьмы в её ладони прыгает рыбка. Серебристая. Не больше её ладони.

Сверкая и переливаясь, она кувыркается, подпрыгивает и танцует в заботливых руках Айшёт. А она быстро бежит к нам. И мы бежим к ней, чтоб увидеть её сокровище ночное.

И вот оно перед нами – в раскрытых ладонях девочки нас очаровывает и из оцепенения выводит. И «говорит», «напоминает», что пора ей.

Что представление не может длиться дольше.

– Это Ки-о-тáй – моя подружка. Возьмите её в руки, Зандóр. Я хочу, чтоб она их запомнила. И вас.

Лишь несколько секунд Зандóр держит в ладони спутницу космической реки. Затем она перепрыгивает в руки Айшёт. И девочка снова бежит к краю камня, за которым обитель её утешительницы... Прощаясь поднимает рыбку

к лицу... Что-то ей ещё говорит. И отпускает. Потом возвращается к нам – вышедшим из оцепенения.

Под ногами Айшёт конечно не Луна. Но что?

Внезапно белый огненный шар выскользывает из-под её ног и летит ввысь. Или... Столь же стремительно мы падаем вниз!

Это не важно – мы уже там, откуда начали путешествие: мы на спине гигантского речного валуна идеальной геометрической формы – в реке, несущей свои холодные воды мимо нас к Океану.

А тот белый огненный диск, что освещает нас с высоты, – конечно Луна.

Теперь – Луна.

– Уже глубокая ночь. Время сна... Глубокого... Полного, – произносит Айшёт и подходит ко мне... садится на камень – на его тёплую, добрую, заботливую «спину». И мы все следуем её примеру. И кажется, – засыпаем.

– Сон – это реальность, Сигео?.. Нет, не отвечайте... Лучше скажите то, что вы подумали, когда я сказала, что мы на Верном Пути.

– Какой милый, непосредственный ребёнок, – я отвечаю сквозь сон.

– Ей определённно известно то, о чём я лишь смутно догадываюсь, – добавляет Айшёт и касается головой моего плеча. – Как хорошо быть ребёнком, Сигео!

– Да, Айшёт. Припоминаю. Ты устала. Очень устала. Спи.

Спим. Нет?

Глаза с трудом приоткрываю.

ЧТО ЭТО???

Сад каменных скульптур передо мной?

Живых Уснувших Каменных Скульптур?!

В Живом... Заботливом... И Неусыпно Бдящем Сердце Камня?

Красиво как! Как Совершенно! Абсолютно...

Композиция какая!

О, Сердце Камня!!! О, Оамá-Аийó!

Но... сон в их Мире совсем не то, к чему привыкли мы. Это почти сознательное погружение в Поток всеобщего энергетического обновления, баланса. Это непродолжительное время до рассвета, когда каждая клетка тела обновляется, благодаря слиянию всего здорового во Вселенной – в Единый Жизненный Поток.

Этот Поток был самой замечательной реализацией творческой высоты Омáийо.

После такого «сна» все словно заново рождались.

Во всей Природе восстанавливалось Всё. Всё возрождалось. И этот сон мог исцелить любую рану и болезнь.

Но. Ничего такого здесь попросту не случилось. Очень давно.

Давным-давно.

Сейчас – или никогда!

Проснулись мы одновременно – в том состоянии, когда Реальный Мир воспринимается предельно ясно. Когда всё существо к нему стремится и не препятствует ему в этом ничто.

Но... тогда наше внимание тотчас пленила новая и очень сильная вибрации по всему спектру чувств. Вначале Омáийо приняли её с недоумением, с тревогой. Но затем – все повернулись в сторону, где находиться должен был источник беспокойства.

И тогда... поплыл мираж пред нами.

– Это не мираж, Сигéо, – произносит взволнованно Айшét. – Это то, что происходит на островах, откуда вы прибыли к нам вчера. Видите?! – вся земля в трещинах и из её глубин вздымаются огромные гранитные массивы... каменные плиты... У некоторых строгая геометрическая форма... О! Как в нашем проекте!

Слёзы текут по щекам Айшét. Они текут по щекам всех Омáийо. Но никто из них шелохнуться не смеет. Если бы это случилось под вечер или ночью, они вели бы себя иначе.

Но теперь – время предельной собранности, отстранённости, индивидуальности. Время общения на ином языке, – языке жеста, покоя, утончённых движений, мыслей, чувств. Но... этот ритм жизни нарушен. И нами тоже.

– Прошу вас. Поймите... – сквозь слёзы говорит Айшét. – Мы сейчас соберёмся. И у нас времени мало! Да, очень мало. Простите.

И Айшét бежит к краю камня, и бросается в воду. К берегу быстро плывёт... Река выносит её на берег. И она бежит к месту, где вчера располагался наш лагерь.

Уже бежит назад и снова кидается в воду. Плывёт... Живо поднимается на поверхность камня и подбегает к Зандóру. В её руках его нож. И... медленно и торжественно она вручает его хозяину.

Никто не в силах недооценить того, что неизбежно, неминуемо последует за этим.

Сейчас.

– Сейчас, Зандóр. Или... – спокойно и серьёзно произносит девочка.

– Сейчас, Айшét. И навсегда, – столь же спокойно и серьёзно отвечает ей Зандóр. Поднимает нож на уровень глаз и изменяет лишь ему известные

параметры Жизни Земли. Таким образом их изменяет, что меняется Всё – Безвозвратно.

Несколько напряжённых минут – и наступают перемены не только в сознании всех присутствующих и тех, кто у телеэкранов, – они в качестве атмосферы Планеты.

Земля откликается мгновенно, и её вибрации достигают подсознания всех существ. Наполняют их содержанием, оценить которое... не дано никому.

Кроме тех, на ком вся ответственность.

В их числе Демийár – «верховный жрец» этого уникального народа. Но где он? Разве можно его найти среди тысяч Омáийо, уже собравшихся на берегах реки. Как вчера. В минуты нашего приезда.

Неужели здесь они, чтоб попрощаться с нами? Неужели время пришло? Это жестоко.

Я вижу с каким трудом удаётся быть внешне спокойным Зандóру.

Но нам не нужны слова, чтоб понимать каждого и всех. Поэтому мы все молчим. Минута за минутой.

И наконец, нам всё известно, и мы готовы ко всему. Но... неподвижны.

И только у Айшét есть право действовать.

Какой удивительный Закон! Какой Красивый! И потому – никто не в силах его преступить. Ведь он объединяет всех.

Как хорошо, что есть такой закон! Он позволяет ветру налететь на нас в потоках свежих и прохладных, трепать нашу одежду... завывать протяжно, глухо... поднимать волну и окроплять нас каплями хладной воды. Мы всё равно не шелохнёмся. Ни за что! Но.

Айшét уже бежит к Зандóру. Летит... Она у него на руках... Его обнимает... Щекой касается его лица... А через минуту – она на моих руках... меня обнимает. Чувствую свежесть её дыхания, вижу её глаза... лицом касаюсь её щеки.

И тогда! – осязаю как нечто невыразимо нежное и тёплое, не имеющее никакого определения в Айшét... касается того же во мне в области Сердца.

И существует... Мгновение? Вечность?

Пока соприкасается с Подобным Себе.

Я с этим встречался. Но Зандóр... Он потрясён.

Айшét от меня отбегает на несколько шагов и произносит:

– Никто не знает, что ЭТО. Только не перепутать бы это с душой. Прощайте, Сигео! Прощайте, Зандор! Это на тот случай, если не увидимся мы. Но с этой секунды мы ждём вас, – ждём вашего возвращения.

Мы так много вместе должны совершить! Но... уже ваша лодка ждёт вас. Увы.

Да, наша лодка уже нас ждала. Мы медленно к ней подошли. И в неё вошли. Немного отплыв от гранитного валуна, она остановилась – застыла. Застыли и мы.

В этот момент Айшёт сделала шаг нам навстречу и приложила руку к Сердцу.

Все Омáийо и мы последовали её примеру. И тогда – лодку подхватило течение, и мы быстро стали удаляться от наших друзей. Очень быстро. И очень скоро, за изгибом реки, мы их потеряли из виду.

Но как я стал этой тварью?

И теперь лишь красота окружающей природы и ясная, как это восхитительное утро, память нас соединяли с Омáййо.

– Не только это, – задумчиво произнёс Зандóр.

– Не только. Ведь и среди нас по меньшей мере один Омáййо.

– Если бы так.

– Половину пути вы прошли.

– А вы? – не отрывая грустного, мечтательного взгляда от той части острова, где остался столь милый его Сердцу народ, спросил Зандóр.

Я промолчал. И мой спутник ещё долго и неподвижно стоял молча, пока мы не выплыли в открытый Океан и лодку не стали раскачивать волны. Тогда он присел и произнёс:

– Давно хочу сказать вам, Сигéо... что, не в пример вам, я от вас ничего не скрываю.

– И что удивительного в этом? Вам нечего скрывать.

– То есть у меня нет козырей.

– Вас это беспокоит?

Наконец, Зандóр улыбнулся.

– Нет. Ведь с некоторых пор я стал вам доверять – Сердцем скорее, чем умом. И мне ни разу не пришлось жалеть об этом.

– И это значит, что вы окончательно расстались с мыслью скормить меня крокодилам?

– Да. Вы сомневаетесь?

Тут я не выдержал и рассмеялся: слишком разительным был контраст между тем, кем Зандóр был теперь, и тем, что вынужден был говорить.

И он снова улыбнулся. Невесело. Скорей грустно, – как улыбнуться мог только Омáййо, – Герóм, Демийáр, Сигóр, Гуардó... И глаза Зандóра излучали такую тёплую и мягкую, совсем нечеловеческую доброту и свет, что не верить ему было невозможно.

Но я продолжал в том же духе:

– Тем не менее коварство всё ещё не самый бесполезный инструмент для достижения цели.

– Какой?

– Той самой, что вскружила голову «Адаму». После того как он охотно приложился к Мясу.

– К мясу?.. Пожалуй. Только притча эта словно смеётся над нами. Претендуя на более значительную глубину.

– На Истину? Но она даже не Ключ к ней. Она отмычка.

– Инструмент взломщика и вора.

– Человека.

– Да... Теперь даже представить себе трудно: как столь продвинутое существо – столько тысячелетий! – могло довольствоваться столь абсурдной целью: идти на поводу у неразумной плоти.

– Слышать от вас, Зандор, это особенно приятно, – дня три назад охотно отобедавшего трупом гоминида.

– Но вы и не подумали меня остановить!

– Чтоб вы решили, что хочу отнять у вас добычу? Чтоб на меня набросились с ножом?

К сожалению, или нет, но такие вещи Зандор уже не мог воспринимать столь облегчённо как я, и на лице его отразилось страдание. Поэтому я счёл за благо эту тему закрыть.

Но неожиданно собеседник коснулся её с другой стороны:

– А между тем и на «себя» пришлось напасть мне с целью уж никак не менее «гуманной». И результат вам хорошо известен.

– Вы о Каузальном Спруте? Да... но это дело прошлое. Зато теперь! Вы просто в зеркале ещё не видели себя. Поверьте мне: увидите когда... шокированы будете чудовищно приятно!

– Но эта тварь! Этот урод Каузальный. Кто он?

– Ну, во-первых, не «кто», а «что». Хотя... Так скажем: Технология. Идея. Чертовски вредоносная программа – смертельная инфекция. И самый совершенный паразит на Свете – вор, робот и рецидивист в одном лице, если хотите. И главное, – что в лице Человека – гибридной сущности, чьи гены Спрут меняет на свои паскудные и мерзкие программы.

– Что?! Человек – это гибрид? Тандем жертвы и паразита?

– Именно. Тандем, а не самостоятельная сущность. Тандем, возможный лишь на время. На время, для внедрения в Монаду Жизни механической заразы.

– Как трудно!.. До чего же трудно это осознать!.. не выходя из Переходного Формата Гóмо.

– Вы вышли из него. И за себя и тех, чья участь ныне – в ваших руках... не знающих пощады.

– В моих руках? А они сами? Мир, Земля, Омáйю, вы.

– Много всего на Свете... Не это важно. Важно: что, не спасая Всё, – что Весь Мир не спасая, – и себя спасти невозможно.

– Столько тысячелетий Земля людей спасала! Кто будет их спасать теперь?

– Мы. Вселенная и Справедливость.

– Да. Но на моих руках уже столько крови!

– Пусть хотя бы это вас не беспокоит. Не милосердие – Справедливость уравнивает Мир. Нашими руками.

– Но как я стал? Как стал той тварью?

– Человеком? Просто – захотели и стали.

– Но я не мог!

– Могли. Не себя ради.

Зандóра словно подменили. Он отвернулся и устремил взор вдаль. Потом... собрав волю в кулак, повернулся ко мне и очень внимательно... очень серьёзно посмотрел мне в глаза.

И Это... я произнёс:

– Иртамáй.

Вздрогнул Зандóр. Побледнел. Весь стал не свой... И медленно отвёл глаза. А я продолжил:

– Ради Земли. И тех, кто, вопреки воли своей, стали людьми.

С минуту компаньон молчал. Потом произнёс тихо:

– Я... по доброй воле выпил «яд».

– Да. И теперь он – и оружие ваше, и «противоядие» против заразы.

– Оружие?.. Ну, хорошо – пусть так. Тем более, что вы всегда оказываетесь правы.

– В вопросе этом... непомерно щекотливом – перечить вам не стану.

Зандóр вздохнул, снова устремил взгляд вдаль и произнёс с грустью:

– И до чего стремительно всё тайное становится здесь явным!

– Давно ли сетовали вы на то, что этого не происходит? Ну хорошо... расслабьтесь – мы переходим к разговору о Омáйю.

Мир для Счастья слишком велик

Напряжение с лица Зандóра тут же исчезло. И он снова улыбнулся. Как Оинтай... Эрón... Атón.

Потом задумчиво отметил:

– Какой недолгой была наша встреча с ними! И всё было так значимо и необычно!.. Их покидать невероятно трудно. А понять... когда столько осталось «за кадром»!

– Много. И почти до конца там оставался тот, кто играл главную роль в жизни народа.

– Демийár.

– Те принципы, что лежат в основе понимания Мира Омáийо, столь благородны, что нет для самых достойных из них подходящее места, чем в основе их бытия. И в то же время «за кадром» – на окраине. На периферии.

– Где самые спелые зёрна «Подсолнуха».

– Где полыхает Пламя Жизни Вечной.

– Но вы сравнили Демийáра с верховным жрецом.

– Лучше бы сравнил я его с любящим, мудрым отцом. Но суть в том, что, решая за всех, зная, что вся ответственность на нём, ему важно быть незаметным, в тени, где нет ни преимуществ, ни власти над теми, ради кого он себя «сжигает».

– И никто не может с ним разделить эту тяжесть?

– Может, но только мозг одного Омáийо участвует в «диалоге» с Космосом на том высочайшем уровне связей, на котором принимаются законы.

– Для Гóмо тот, в чьих руках оказалось бы столько власти, был бы немедленно провозглашён Богом.

– С прилагающимся безумием почестей и привилегий.

– С беспрецедентной щедростью материального содержания и абсолютной презумпцией невиновности за всё, что бы он ни содеял.

– Да. Но кто-то должен был взять на себя ответственность за разрушение Мира Абсурда. И его разрушить.

– Это Демийár взять на себя не мог.

– Это наша задача. И теперь и в этом смысле мы с вами «в одной ладье».

Убедиться в этом не сложно.

– И вы всё ещё не можете поверить, что я раскачивать её не стану?

– Почему не могу? Времени у вас хватало, чтоб убедиться в том, что гастрономического интереса крокодилы ко мне не питают.

– Необычная манера у вас говорить о серьёзном, Сигео. Ну хорошо. А вы заметили, на каком языке говорили с нами Омáийо? Даже дети.

– Я заметил и то, что между собой они говорили по-русски. Притом, без вашего программногo обеспечения.

– И какие революционные выводы вы готовы сделать из этого факта?

– Если бы знать, что это единственный известный Омáийо язык, можно бы замахнуться на откровения, весьма полезные для вашей идеологической «машины».

– Которой уже нет?

– Ну хорошо. В сущности, – для Омáийо не важно в какой язык конвертировать мысли. Лишь бы этот «язык» был у вас, и вы на нём исправно говорили. Правда, без точных эквивалентов понятий, такой язык особо содержательным быть не может. Но... в нашем случае были задействованы и иные средства. И проблем практически не возникало.

– Даже когда вы беседовали о нравах с женской половиной островитян?

– Но я не уверен, что такое понятие как «нравственность» у них вообще в ходу.

– Почему?

– В обиходе нет понятия, что выражает противоположность.

– Но им приходится иметь дело с реальностью всего Мира, а не только с тем, что на их дивных островах.

– Так же, как нет у них необходимости свой Мир уничтожать событиями из тех реалий, так же нет и необходимости язык свой засорять никчёмными понятиями и словами.

А вот услышать подлинный язык Омáийо, нам всё-таки не довелось.

– Да, знание их языка нам помогло бы их лучше понять, чем знание нашего ими.

– Тех Омáийо, что покинули позавчера, скоро увидим. Только будет ли у нас для разговора время? К тому же несколько столетий им пришлось общаться на «Байдó». Как «государственном» – более «высоком», прогрессивном и престижном.

– У меня сомнений нет, что всё самое ценное их память им уже вернула. Да и не так уж много своего Байдó смогли им навязать.

– Пожалуй. Однако интерес академический можно бы проявить и к составляющим «Байдó»: как понятийный аппарат, перлы лингвистики, фонетический шансон.

После такого поворота Зандóр счёл за благо несколько сократить время общения со мной и устремил взгляд к цели нашего путешествия. Но... наконец, всё-таки беседу продолжил:

– Когда все вокруг счастливы, понятие Счастье тоже теряет смысл?

– Мир для Счастья слишком велик.

– Я уверен: если бы Омáйю узнал, что он хоть самую малость счастливей других, неприятие этого стало бы для него страданием. И перечеркнуло бы «преимущество» это. И это не моральный императив каких-то ментальных надстроек. Это глубинная суть народа. И возможно, всего человечества, что сохранило Истинную Природу.

– Это предположение. Но в пользу его говорит и то, что свои родственные связи с людьми Омáйю считают залогом успешной трансформации всех Разумных.

– Да. Ведь если шелуху «отклонений» отбросить...

– Каких «отклонений»? Вы о Каузальном Спруте?

– Хм...

– Да. Не так-то просто шелуху эту хотя бы осознать. А уж отбросить...

– Непросто. Спору нет. Но это и Земле необходимо. Разве не ради жертв Спрута тысячелетия она страдала? Не ради них спасала от «Чумы» Омáйю?

– Да, да. Припоминаю...

– Что?

– Да так.

– Адельфофаги.

– Вы о реалиях что «за спиной»? «Что действительно отсутствуют в пригодном качестве для обстоятельного разговора»?

– Уже не за спиной. Уже повсюду. Только понять бы!

– Всеу приходит час.

– Да. Но те мутанты! Реакторы генного яда! – деструктивного компонента сущности человека. Эти... Подручные Спрута!

– Только мы говорим не о них. И не о людях.

– «Я любой из посредников между человеком и Правдой. Только не Совесть».

– Да.

- Выходит – вождь врал?
- Нет. Слегка лукавил.
- А если б не лукавил?
- Совесть – понятие для координат сознания Адельфофагов. А после – для всех видов Сáпиенсов Гóмо... Для Омáийо Совесть – синоним. Тусклый, искажённый и никчёмный синоним к понятию Оамá-Аийó... И у Омáийо – посредников меж Истиной и ими нет. Вождь это знал.
- И это то, что я хотел от вас услышать.
- «Если трудности какие... препятствия, неожиданности... Я помочь всегда рад. Всегда к вашим услугам».
- Да ладно вам.
- Ну что вы.

Не перепутать бы это с душой

После небольшой паузы Зандор разговор возобновил:

– Омáййо... Но что, кроме достойной модели развития, они ещё могли дать людям?

– Но дали нам.

– О чём вы?

– Никто не знает, что это. Только не перепутать бы это с душой.

– Айшét... Эти её слова... И это так важно иметь – чувствовать, чтоб жить в полную силу! Но... «Никто не знает, что это». У меня чувство такое, что и говорить мы не имеем об этом права.

– Нет. Тут важно другое: не совершить подмены. И не впасть в заблуждение относительно знания своего.

– Только не перепутать бы это с душой.

– Да. Ведь о душе всё известно. Об Этом – нет.

– Но что о душе известно?

– Всё что угодно.

– Пожалуй.

– Известно даже, что она есть. И у всех... Помните, что ответила Айшét на моё «Не знаю» в отношении реальности души?

– Она сказала: «А я знаю. Знаю, что вы ответили мне честно. А это значит: мы на Верном Пути». Тогда её так обрадовал ваш ответ!

– Реальность Омáййо иная. Очень сложная и филигранная. С множеством взаимосвязей нам неизвестных. Там путаницы и подмен быть не должно.

– И они искренне желали, чтоб мы их понимали верно и не совершали роковых просчётов... И всего за один день мы узнали столько, что на всю земную жизнь бы хватило.

– Возможно.

– Но это только начало. Жизнь продолжается – меняет формы свои и очертания, как те острова, к которым подплываем.

Из тумана медленно и величественно выплывала Новая Реальность – ошеломляющая реальность покинутых нами вчера островов:

Вместо низких, зарослями покрытых берегов, теперь из Океана поднимались высокие крутые скалы... утёсы... отдельные фрагменты фантастической геометрии гор, – геометрии нерукотворной.

– Проект этой части Планеты мы уже оценили. Сколько же времени понадобится, чтоб он воплотился в жизнь? – делился своими мыслями Зандор.

– При таких темпах – не много.

– Эх, если бы все замыслы Омáийо стали Реальностью! И если бы увидеть это!

Течение Океана само несло нашу лодку к цели, и вскоре, обогнув несколько отдельно стоящих камней-гигантов и небольших атоллов, мы въехали в устье реки.

А между тем ничто не оставалось неподвижным. Очень медленно, плавно и точно всё становилось на свои места, – словно выросло из недр Земли. Но... теперь это было лишь царством камней, песков и воды. Основное богатство и Красота архипелага оставались в замысле проекта.

– Здесь не осталось уже ни одного места, которое мы могли бы узнать, – заметил Зандор.

– Пожалуй. Только почему-то не до ностальгического плача.

– О потерянном Рае?

– Рае, с Российским стягом над святилищем каннибалов и символом вашей власти, мой друг.

– Да. Но ущербность компоненты той разве и вам тогда не очень-то в глаза бросалась? А прошлое – фундамент будущего.

– У будущего теперь другой фундамент. И я не прочь на него ступить.

– К берегу подплываем.

– Похоже, это и есть то место, откуда мы отчалили, когда у вас случился «приступ».

– Да.

– Отсюда можно подняться к каскаду вон тех платформ. А дальше – пройти к хребту горы, что правей... Но больше всего интригует меня вон та скала, что возвышается над всеми.

– Сомнений нет: она взывает к нам – к нашей отваге.

– Сопротивляться этому – не в силах я.

– И я не в силах.

– Тогда пойдём.

Вместе с камнями

Лодка пристала к прибрежному валуну. Мы вышли из неё и пошли вглубь острова. Миновав песчаный берег, стали подниматься – то перепрыгивая с камня на камень, то восходя по крутым склонам скал.

Уже на небольшой высоте мы увидели, что взбираемся на массивный горный хребет, по одну сторону которого – просторная долина, по другую – акватория Океана. Наша река соединялась с ним множеством рукавов, входящих в прибрежную зону.

Долго... одолевая препятствия и усталость, мы шли. Шли чувствуя, как движутся под нами каменные блоки и пласты. Как они раздвигаются и надвигаются... Соприкасаются... Соединяются... находя друг друга. И своё подлинное место в жизни.

И нам казалось, что и мы с ними грядём в поисках своего подлинного места в жизни.

Вместе с Камнями... Мудрыми. Вечными. Живыми.

– Это ваши мысли, Сигео?

– Не знаете?

– Нет.

– И я не знаю, кому что принадлежит в Мире, когда он Един. Когда он – Целое.

– Тогда и Правда Одна. И, исповедуя Правду, мы на Верном Пути.

– Да. Пойдём.

– Вместе с Камнями... Мудрыми. Вечными. Живыми.

Солнце поднималось всё выше. Подъёмы становились всё круче. Идти становилось всё тяжелей. А усталость становилась невыносимой.

Наконец, на половине пути мы вышли на большую, почти горизонтальную, платформу с глубоким полноводным озером посередине. И, не раздумывая, тут же кинулись в воду и поплыли.

Холодная вода, освежая и обжигая, возвращала нам бодрость и силу. И вскоре мы вышли на берег без признаков усталости, с настоящим намерением путь продолжить.

Но тут мы заметили, что с противоположенной стороны террасы к нам идёт небольшая группа Омáйю, – идёт своей лёгкой – летающей поступью. Улыбчивые. Излучающие радость и теплоту.

Как всё последнее время их нам не хватало! А они были рядом.

Сколько радости приносит встреча с ними!

Они остановились на небольшом расстоянии от нас... как обычно, – создав цельную композицию... «вписав» себя и нас в то, что было для них Целым. Никто не произнёс даже слова. И тогда – заговорило Оно – Наше Целое... Единое... Что?

Этого никто не знал. Но мы слышали и понимали друг друга. Не произнося ни слова. Не нарушая космическую благодать быть Целым... Единым... Вечным.

В эту пору дня Омáийо слов избегали. Вернее, они были излишни. Сама Реальность диктовала оптимальную «манеру» поведения для гармоничного бытия в Мире.

Блажен следующий этим Путём... Но он не для всех. У каждого свой Путь.

Какая это радость, когда твой Путь совсем рядом с Омáийо! Когда твой Путь пересекается и переплетается с их Путём, наполняя течение времени Смыслом, – Смыслом событий от горизонта до горизонта.

Наверное, так – неподвижно стоять мы могли бы целую Вечность. Как камни, как скалы, что нас окружали. Но Космический Закон этого не позволял: всегда кто-то один имел право решать за всех, и ему это было известно.

Лёгкое движение рукой сделала девочка лет семи. И внимание всех сразу же было обращено к ней. Она улыбнулась и сделала несколько шагов вперёд. Остановилась.

Вдруг быстро преодолела расстояние до Зандóра и словно птица взлетела к нему на руки.

– Айшét! – он произнёс тихо, но девочка приложила ладонь к его губам, обняла его и прильнула лицом к его щеке.

Дальше всё произошло точно так же, как кода мы прощались с Омáийо с островов другой части их Мира...

Когда я опустил Айшét на землю, она медленно отошла от нас на несколько шагов. Потом повернулась к нам.

И посмотрела внимательно каждому из нас в глаза тем долгим и невыразимо одухотворённым взглядом... в котором отразилась вся глубина, красота и благодать Мира.

И Айшét уже возвращается к соплеменникам.

Затем... поворачивается к нам снова... и медленно прикладывает руку к Сердцу.

Этот прощальный жест последний раз объединяет нас – мысли наши и чувства... А через минуту... в поле нашего зрения не остаётся никого.

Подступает горечь. Жгучая. Острая.

Некоторое время мы ещё стоим молча, преодолевая боль. В глубоком раздумье. Потрясённые до глубины души... Души?

Мы не знали. А в словах ответа быть не могло. В словах не было правды.

Но Правда была в Пути. В дороге. Поэтому молча мы отправились в Путь. Туда, куда звал голос Сердца. Сердца?.. Нет, мы знать не могли.

Лучше хранить молчание. «Никто не знает, что Это».

***

Мы очень высоко. И на исходе снова наши силы. Мы так высоко!

Облака... Они – наше спасение... Мы едва не сгораем на солнцепёке.

Облака холодные, мягкие, добрые... Скала горячая, твёрдая... Суровая скала... Но нам без неё нельзя... Нам нельзя отрываться от почвы.

Облака добрые. Но ненадёжные. Лёгкие. Скоротечные.

Скала Верная. Надёжная. Вечная... Вечная?

Нет?

Но по ней шаг за шагом идём мы к цели. По ней пролегает наш Путь.

Да. Наш Путь.

Ибрагим

Я иду впереди. По каменному узкому хребту. На высоте очень большой.
И оступаюсь. Падаю. Встаю. Попутчику встать помогаю.

И снова идём мы. Падаем. Встаём. Карабкаемся. И идём.

Попутчик обессилел. Сознание почти теряет. Падает.

Не может встать.

И произносит тихо:

– Узнаете Свой Путь вы по тому, что нет трудней его на Свете.

Встаёт... Идём.

В Пути утоляем жажду... – становиться собой обновлёнными. И Быть.

– Учитель.

– Да, – я отвечаю.

– Я так люблю Вашу Пустыню!

– Она не моя, Ибрагим... Это твоя Пустыня. Давай руку.

Помогаю мальчишке осилить подъём. И мы дальше идём. Шаг за шагом
– выше... и выше.

– Как хорошо быть в дороге, учитель! Но я опасюсь, чтоб на таком
солнцепёке... вы не потеряли ясность ума.

– Ещё что за новость?

– У меня нет Пустыни. Чтоб не сбиться с Пути, мы должны слышать
шум двух Океанов – слева и справа. Я их не слышу.

– Сейчас нет в этом нужды. Ты можешь идти?

– Не важно. Я и так знаю, что вы ответите.

– Не сверх всякой меры ли ты самонадеян?

– Точно знаю только одно: не сверх всякой меры.

– И что я отвечу?

– Что мы должны.

– На свою голову ты угадал.

– Не удивительно ли?

– Пойдём. Мы близки к цели.

Но разве мне может быть это известно?

Идём. Очень долго идём...

– Ибрагим.

– Да, учитель.

– Почему ты молчишь?

– Я размышляю.

– Много ли толку в твоих размышлениях? Спрашивай!

Но Ибрагим не отвечает. Лишь глубоко вздыхает. Идёт. Глубоко дышит. Потом:

– Учитель.

– Да.

– Почему у меня разрывается Сердце, когда я слышу эти ваши слова? Словно целую вечность их ждал. Пытался вспомнить. Может быть... это я теряю ясность ума?

Поворачиваюсь. Никогда не видел я ученика таким: столь обессиленным. Таким разбитым!

Юноша едва держится на ногах. Его стройное твердокаменное тело вот-вот готово рухнуть. Сильные руки он прижимает к груди. Ясные, быстрые глаза его полузакрыты... устало смотрят под ноги – босые, израненные, в крови... они виднеются из-под длинной белой рубахи.

Я подхожу к ученику и беру его за плечи. И он широко открывает глаза. Смотрит в лицо мне. Внимательно. Сквозь боль и усталость.

Улыбнулся. Счастливый... Но! Сознание он теряет. Почти теряет себя. К груди прижимаю его... Отпускаю.

– Учитель.

– Да.

– Вы говорили, что некуда в этом Мире идти, если мы не идём к Богу.

– Так говорил и мой учитель.

– Мне кажется. Нет, я знаю: есть нечто, чего не знает никто. Но главное: не перепутать бы это с Богом.

– Ты бредишь. Или Истина оживает в тебе. Истина, что выше всех тех, что доньше нас поднимали из тьмы.

– И всё-таки вы правы, учитель: в Мире Лжи некуда идти, если не идти к её истокам – к Источнику её.

– Ты о Боге?

– Да. Только он не Источник. Он мутный «плевок» из уст тех, кто прячутся за ним. И прячут Правду. Это люди. И ТЕ...

– Значит, некуда человеку идти в Мире Лжи, если не идёт он к Себе – к Своим Истокам.

– К Истокам, где под личиной Бога запрятана Правда о Жизни. И о себе. И где есть выбор другого Пути.

Но почему остановились мы? Мы сбились с Пути?

– Нет.

– Тогда пойдём. Мы должны.

***

Смотрю на Ибрагима. Но предо мной словно мираж:

Ночь в Пустыне далёкой – Лунная Светлая Ночь.

И там. В ночи.

У основания старого, как Мир, баобаба...

К нему прислонившись спиной. Лицо открыв лунному свету.

Засыпает юноша, утомлённый тяжестью дня.

– Учитель!

– Ты не спишь, мальчуган?

– Я лечу! Я птица. Я вижу Весь Мир!

Я Всё слышу... Слышу Вселенную!!!

Как далеко я!!!

– Правильно. Спи.

***

И нет миража. А напротив меня на краю обрыва – мальчишка... Почти сгорающий в Солнца лучах – в горячих белых жёстких лучах, – в той же длинной рубахе... с распущенными волосами.

Но. С разбитыми в кровь ногами... – едва держащими его на краю раскалённой скалы...

Он.

С усталыми смертельно глазами...

И... Всё... всё, что могу ему сказать:

– Правильно, Ибрагим. Пойдём.

И мы снова идём. Грядём... поддерживая друг друга. Медленно... Очень медленно идём... И очень долго.

– Учитель.

– Да.

– На этом Пути... мы... не расставались с вами?

– Разве друзья расстаются?

– Спасибо.

– За что?

– За то, что вы мне «солгали».

– Но я Правду сказал.

– Да. И за Правду спасибо.

Но. Впереди нет больше тропы. Нет скалы! Обрыв пред нами... И мы у Цели.

Только какой?

Чтоб сгореть на Солнце?

– Красиво как! – с закрытыми глазами произносит Ибрагим. – Учитель.

– Да.

– Правда, что Путь свой узнаем мы по тому... что он самый красивый?

– Правда.

Юноша складывает перед собой руки ладонями вверх, поворачивает лицо к Солнцу, открывает глаза и тихо зовёт:

– Ки-о-тáй!

И тогда – весь Мир погружается в непроницаемую тьму. А в руках мальчика – золотая рыбка... Не больше его ладони... Сверкая и переливаясь, она плещется в собственных лучах. Словно танцует.

Это мираж? Аллегория? Что?

– Как красиво! – произносит Ибрагим снова и поднимает рыбку к лицу... Прикасается к ней щекой.

Но... ей пора, – пора быть собой в космической – царственной своей ипостаси – на Пути к Горизонту... – на Своём Пути.

И в руках юноши уже не рыбка – Солнечная Сфера.

Прижимает её к Сердцу он.

И нет её. Но снова в небе светит Солнце. Освещает Путь... – наш Путь перед крутым обрывом – бездной.

И концом?

Возможно это?

Нет.

Ведь мы в Пути. И мы у цели.

В запёкшейся крови и мои ноги... Руки в порезах и ранах. Рубаха пропитана потом. Волосы застилают глаза.

Как два привидения мы. Смертельно уставших два привидения.

Ничего. В пути так бывает.

Но откуда мы знаем, что мы у цели? Ведь цель может быть только в дали – за горизонтом. За ним.

Но всегда... себя преодолев... мы словно у Цели – и в начале Пути.

Как будто он и есть наша Цель.

Ибрагим стоит на самом краю обрыва, и взор его устремлён к горизонту... на губах притаилась улыбка.

Даль скрыта от нас облаками. Но ветер их разгоняет.

И вот – перед нами уже Океан. Порывы ветра настолько сильны, что кажется: вот-вот нас поднимут они. И унесут. Но... они лишь нас освежают. И уносят нашу усталость.

И нет её больше.

На краю огромного камня сидим, – на краю камня, чья форма столь безупречна, как геометрия диска Луны, Солнца... Всех Небесных Светил. Летящих. Свет проливающих... Радость. И Жизнь.

Мы сидим на краю Оживлённого Солнцем Камня. Над обрывом крутым. Над ним свесив ноги.

И говорим.

Говорим, словно не только мы на своём Пути, но и на Пути Солнца... Солнца, одолевающего Путь Свой к Горизонту.

– Всё, что стремится к Жизни, падает за Горизонт, – говорит Ибрагим.

– Да.

– Падает в неизвестность. В никуда. Это разумно?

– Да, если так велит Жизнь.

– Но что есть Вера?

– Пьедестал Бога. Олимп фальшивых Иллюзий. Стезя Заблуждений.

– Вы раньше так не говорили.

– Раньше мы шли по Пустыне. Теперь мы здесь.

– И теперь у нас нет Веры? Нет Бога?

– Здесь не властны над нами они. Здесь Правде в глаза мы смотрим без страха. Без упования на вековую Ложь.

– Но что есть Правда?

– То, что больше всего мы Любим... Больше всего на Свете!

– Это Иллюзия?

– Её Жизнь в Самой Высокой... доступной нам форме.

– К которой идём наперекор всему?

– Да.

– Но что есть Смерть?

– Опасный, Крутой Подъём На Пути Жизни... Подъём На Новую – Неведомую Высоту. Прекрасную. И невозможную почти... И Она – Смерть – Падение... На Пути Лжи.

– Но Ложь... – не только Лживые Слова, Ложные представления, падшие существа.

– Не только. Это – и Ложная Реальность.

Ибрагим отрывает взор от Фантастически Красивой Дали. Взволнованно обозревает всё вокруг... Рассматривает изумлённо...

Почти глазам не веря.

Наконец, медленно и тихо произносит:

– Если бы знать... что Красоты Этой глаза наши достойны. Что Красоты этой достойны мы.

– Достойны. Если Любим её. И Творим. Как Реальность.

– Иллюзию... Я хочу запомнить её навсегда. Как боюсь я её забыть!

– Всему на Свете – своё время. И всё на Свете – Можно Вспомнить.

– Здесь всё в движении. Я никогда не видел, как камни растут. Как растут горы. Это не чудо?

– Нет.

– Но что это? Я знать хочу.

– Память твоя... хранит и это.

Несколько минут Ибрагим смотрит вдаль. Потом тихо, неуверенно произносит:

– Но я не помню даже того, что было вчера. Я только помню наш Путь среди бескрайних песков. С частыми бурями и солнцепёком. С редкими оазисами и дождями.

– Когда тучами грозными застлано небо. И молнии словно птицы летят.

– Помню! Я помню те Молнии-Птицы! Живые!

Беседы... бесконечные наши беседы я помню! Баобабы в лучах заката... В лучах таинственных Луны.

В лучах добрых и тихих. Чарующих белых лучах... Звёздное Небо!.. Я помню Его! Вы помните, учитель?

– Да.

– А табун лошадей?! Моего скакуна вороного... Помните? Тот дебош, что мы учинили, разгоняя верблюдов?

Горящие поленья костра, что кидали в небо!

Переполох среди стай чёрных птиц!

Помните?

– Да.

– И Океан. К нему не должны были мы выхолить. Но... Его фантастическая красота! Разве можно это забыть?

– Нет. Невозможно.

– Смотрите! Здесь кругом только камни и Океан. Океан повсюду! Со всех сторон... Вода и камни... Это то, чем стала ваша Пустыня?

– Нет. Не совсем.

– Ещё помню, как однажды... снег выпал в Пустыне... И мы этому так радовались тогда! А утром... Следующим утром, – Ибрагим медленно, с трудом произносил слова. Произносил их с болью, – я вас покинул... Мне кажется, с тех пор минула вечность. И я не знаю, как вспомнить её. Вы поможете мне?

– Не я, Ибрагим.

Юноша встал и отошёл от меня на несколько шагов. Встал и я.

– Не может быть, чтоб здесь были только камни, – он произнёс и пошёл к краю платформы, за которой начинался опасный спуск к одной из множества платформ ниже.

Без малейшего страха мальчишка разбежался и прыгнул на соседний камень, с которого можно было перепрыгнуть на следующий. Так он добрался до крутого склона, по краю которого, балансируя над пропастью, взошёл на небольшое каменное плато.

И там – на опасной, недоступной почти высоте, на отвесной скале, в изломах каменной тверди – он увидел цветы.

Белые. Свежие. Вешние.

Таких цветов он никогда не видел. Никогда!

Никогда?

Ибрагим не может оторвать глаз от цветов. Подходит к ним ближе. Касается щекой. Вдыхает их снежную свежесть... Вспоминает... Осознаёт...
Падает!

Что с его Сердцем? Разве кто сможет понять?

Держу в руках его голову. Но не в себе мальчишка. Бредит... Нет. Это другое. Это видение. Прозрение... Реальность?

Перед нами девочка Омáййо... лет десяти. Ибрагим смотрит на неё с удивлением и не может вымолвить слова. Спрашивает, наконец:

– Как твоё имя?

– Нейс́и, – отвечает девочка.

– Нейсі, скажи мне: ты тоже принимаешь участие в работе над этой программой?

– Да. Я придумала несколько новых видов цветов. И разместила их на крутых склонах гор и на полянах лесных. Их не каждый сможет найти. Но если найдёт, удивится... И меня в них узнает.

– Ох!.. Я должен найти эти цветы! Это так важно! Но какие они?

– Я покажу их в проекции вам. Но не скажу, где именно вы сможете их найти. Согласны?

– Да.

– Тогда летим!

Высоко. Океан. Ветер. Скалы. И там – среди холодных монументальных форм мира камней – в редких изломах гранита – притаились островки холодных белоснежных цветов.

– Ну вот. Они такие. И ещё такие.

Летим над террасами, где цветущие кусты и фруктовые деревья дополняют друг друга обилием форм и богатством цветов. И среди них тоже – островки цветов Нейсі. Только эти цветы другие – тёплые, жаркие, яркие.

– Спасибо тебе за цветы, Нейсі. И Красоту, что в тебе и во всём, что творишь ты. Я так это ценю! И найду цветы твои непременно. Правда, не знаю, когда.

– Спасибо. Только вы должны быть осторожны. Снежные цветы растут в очень опасных местах. Но если вы их найдёте, я буду об этом знать. Надеюсь, это случится скоро.

– Да, Нейсі. Я тоже надеюсь, – Ибрагим улыбнулся собеседнице. Но только хотел лучше её рассмотреть, как девочка исчезла.

– Почему она исчезла, учитель?

– Ты хочешь, чтоб девочка твою тяжесть несла?

Как ужаленный мальчишка вскочил на ноги и растерянно мне кинул:

– Нет! Только теперь... у меня как бы два Сердца. И одно – ей принадлежит. Я это знаю.

– Хорошо. Пойдём. Сейчас не время для нежных чувств.

Лишь украдкой глянув на цветы Нейсі, Ибрагим решительно направился к отвесной стене и, после нескольких «акробатических трюков» и прыжков, уже стоял на центральной платформе высокогорной гряды.

Я последовал за ним.

И вот – мы снова стоим на краю плоского камня-гиганта и смотрим в даль, – в даль, где шумит и вскипает волной Океан. И где Солнце клонится к закату.

Я не всегда проявляю ту заботу об ученике, которую проявить мог бы. Но ничего с этим поделать не могу. Ничего... Таков закон в нас, который объяснить мы не в силах... Мы – идущие за Горизонт.

– Ты должен уйти за Горизонт сегодня вместе с Солнцем, Ибрагим.

– Я это сделаю, учитель.

– Но до того есть время у тебя. Время, чтоб вспомнить всё, – всё, что ты вспомнить должен.

– Да.

– Ты уже понял, что не из лёгких эта задача?

– Да.

– Но испытание, что предстоит тебе, в тысячи раз сложнее... Ты не боишься?

– Я ко всему готов.

– Но главное: ты должен быть готов к тому, что будет на Большой Земле при нашей встрече. Ты хочешь у меня что-то спросить?

– Нет, учитель.

– Тогда... посмотри мне в глаза.

И мы посмотрели друг другу в глаза. Как смотрят Звёзды в Космическую Даль.

Потом я обнял ученика... Как сына. А ещё через минуту шагнул за пределы террасы... То ли в Бездну, то ли в Звёздную Даль. То ли – за Горизонт.

С болью в Сердце и с мыслью не самой лёгкой: летать «птенец» должен учиться сам. Таков закон.

Это то – что я есть

«Разве друзья расстаются?», – тихо произнёс Ибрагим и подошёл к краю камня. Один... в тревожном раздумье стоял он там и всматривался в даль. Ничего ни от кого не ожидая. Полагаясь только на себя.

Поднялся сильный ветер. Холодный и свежий. И вдруг юноша почувствовал, что ветер живой. Что хочет ему помочь. Что-то сказать, что-то отдать... Хочет влить в него свою свежесть и силу. И камень тоже под его ногами стал тёплым и одушевлённым.

И воспоминания яркие, необычные стали оживать в памяти мальчишки. Сколько воспоминаний!.. Из такого далёкого, непостижимого Мира людей! Но самые волнующие – о ставшем родным ему Мире Омáийо.

Как волны они набегали и разворачивались – событие за событием. Все до единого. До мельчайших деталей – наполняли знанием и чувством Поток Жизни Ибрагима.

Но! Вдруг стало темно и жутко в Памяти. Зандóра?.. Нет. Не только Память Зандóра обрушилась на мальчика как горная лавина – смертельная, страшная... Чёрная Лавина Тварей!

Она мраком наполнила всё его существо – кровавым ужасом и страхом. С ног сбила. Вонзилась в Сердце тысячами «стрел».

Загрохотала гулом Смерти.

В сосуде Жизни эхом гиблым застонала!

Прокатилась... пронеслась лавина Та... И убивала... Пожирала...

Болью...

Непреодолимой!

Нет! Преодолимой!!!

Здесь! Сейчас! Где никого нет рядом.

Никого?..

А Снежные Цветы?

Они...

Глаза открылись.

Но на них тут же набросились Байдó – их разодрали, выпили, сожрали.

В Сердце мальчонки вновь и вновь они впивались ртами. Его терзали.

Пожирали. Рвали и уничтожали.

Всё, кем он был.

Всё, кроме неистребимой его мысли: «Это я... То, что я есть... Память Моя... Я Это!».

И это всё, что раз за разом оставалось от него – и не по зубам было Байдó, разгорячённым приступами неуёмного каннибализма.

Снова и снова не могли они дело своё завершить: юноша восставал словно из пепла – из Сути Своей. И широко открывал глаза.

Чтоб видеть. И жить.

Но! Однажды почувствовал он, что кто-то хватает его за руку... вытягивает из юдоли Боли. Потом... кто-то схватил его за другую руку. И! – вытянул на Поверхность Жизни.

Когда Ибрагим открыл глаза... он увидел перед собой две свои ипостаси: Зандóра и Юношу Омáйю. Все трое держались за руки. Потом отошли друг от друга... посмотрели «сами себе» в глаза – себе вне себя... И стали Одним. Одним из трёх.

Им был Ибрагим.

Всё осознав и приняв... очень медленно он шёл к краю камня. Так же медленно, как Солнце пряталось за Горизонт. И... когда последний, самый крохотный, сегмент Солнца исчез за «чертой», юноша глубоко вздохнул, поднял руки...

И шагнул в Пропасьть.

***

Сначала он долго падал. Потом чёрные огромные крылья унесли его в такую бескрайнюю даль, из которой, казалось, не могло быть возврата.

И тогда! – он крыльями обнял всю Вселенную.

Как в Пустыне. Тогда.

Во сне?

Но теперь не во сне! – иначе.

Как хорошо быть птицей ночной! Как хорошо летать так высоко!

И к восходу Солнца – возвращаться на Землю.

У меня нет имени, Нейсі

Когда Ибрагим «проснулся», первое что он увидел, это был огромный чёрный ворон. Он глянул ему в глаза своим звёздным взглядом, сделал несколько неуклюжих шагов по земле. Взмахнул крыльями и взлетел.

Не отрывая глаз от птицы, юноша провожал её взглядом, пока она полностью не исчезла в дали.

Лишь потом он оглянулся по сторонам и отметил, что «ночевал» у подножья горы на небольшом расстоянии от реки. Той самой реки, по которой они прибыли с Сигео в эту «страну», – «Страну Омáийо».

А на берегу его уже ждала лодка Сигео. Надо было идти. Но. Это было трудно. Очень трудно. Ведь это значило – покинуть Мир Омáийо.

«Сейчас не время для нежных чувств», – укором прозвучали в памяти слова учителя. Но. Ибрагим глубоко вздохнул, сделал необходимое усилие воли...

И стал Омáийо.

Свои последние шаги по этой земле он пройдёт тем, кем стремился быть больше всего. И был им. Почти.

Став Омáийо, юноша изменился не только внешне, но и внутренне. Он тут же почувствовал все свои взаимосвязи с Землёй, Космосом, соплеменниками, и это его так восхитило, что он на миг застыл – как стрела перед полётом.

И... никуда не улетел. Сумел сдержать свой восторг. И трансформировать его в изящную «пластическую фразу» тела. Ещё одну. И всё.

Теперь он неподвижно стоял на берегу реки и его взор был устремлён в те Миры, что «проплывали» мимо. Он мог войти в любой из них. И черпать знание и опыт из всего, что ему открывалось. Но теперь... не было времени на это.

Теперь с высоты он окинул лишь взглядом свой Мир. Все острова. И всех, кто на него смотрели. И видели его. Не глазами. Иначе.

И были они – Одним Целым. Целым в том, что не имело право быть названным... чтоб не стать причиной заблуждений и невольного обмана.

Самая глубокая, доступная восприятию суть понятия Аийó – слияния себя с Целым – со всем Миром – не имела права быть названной.

На губах оживает прикосновение ладони Айшёт... И в тишине молчания – в тиши сознания – там, где самое полное и совершенное знание уступает место Реликтовой Тишине Жизни – ОНО...

Какой полноводной и быстрой стала за ночь река! А там – посередине её – залёг огромный плоский валун. К нему Сердцем потянулся юноша сразу. Одновременно с воскресшими в памяти словами Айшёт:

– Как вы себя ведёте, Зандор?! Разве можно так сотрясать землю и воду? Ведь они живые! Сейчас же дайте мне слово, что этого больше не повторится!

– Простите, Айшёт. Я... Я даю вам слово.

– Вы не сердитесь на меня, что делаю вам замечания?

– Нет. Я восхищаюсь вами...

В полном соответствии с данным словом, «Зандор» осторожно вошёл в реку. И быстрая ледяная вода тут же его подхватила и понесла к острову-камню. Как хорошо! Как хорошо было ещё вчера в ночи – плыть вместе с Омáйю к такому же камню!

Как холодно! Как свежо! И одиноко.

Зандор один стоит на своём острове-камне, где только воспоминания согревают его... И слова Айшёт:

– Это Ки-о-тай – моя подружка. Возьмите её в руки, Зандор. Я хочу, чтоб она запомнила их. И вас.

Зандор медленно подходит к воде. Вглядывается в неё. Протягивает к ней ладонь. И зовёт:

– Ки-о-тай.

И серебристая рыбка выпрыгивает из воды и снова в его ладони. Снова резвится, подпрыгивает, радуется встрече.

Юноша поднимает её к лицу. Касается щекой. Ей что-то тихо говорит. И отпускает. Бережно.

– О, Айшёт! Моя лодка уже подплывает. Когда я тебя увижу?

Пора. С тяжёлым Сердцем Зандор заходит в ладью, и она отчаливает от камня – уносит его в другой Мир – враждебный, суровый, жестокий.

Не важно – это препятствие на Пути. Важно всё одолеть, через всё пройти. И остаться собой.

«– Ты не боишься?

– Не важно. Я ко всему готов».

Готов ли? Да.

Ветер. Снова этот живой, мощный, животворящий поток Воздуха-Силы. Силы, что наполняет каждую клетку. Силы, что творит совершенной Жизнь.

Лодка словно стрела летит над водой. Почему так быстро? Почему так скоро время летит? Это жестоко.

Нет.

Граница каменного Мира. Последний её оплот. Последний камень. Чёрный. Плоский. Лодку прибило к нему, и она будто оцепенела. Пора.

Юный Омáййо ступает на камень. И через несколько шагов – почти на его середине. Поворачивается лицом к своему Миру. Неужели на прощание он «не подаст ему руки»?

Но он весь перед ним. Как на ладони. Словно перед глазами.

И тогда юноша понимает, что сейчас поступит как настоящий Омáййо.

Ему очень хочется увидеть всех, кого он полюбил... Каждого: Айшét, Минéй, Герóма, Демийáра... Синта́й... Эне́й...

Но. Он знает, как поступить должен. И есть в его жизни та, кто только и может теперь представлять всех их.

Странно?

Но это знают все Омáййо. И он произносит её имя:

– Нейс́и.

И девочка, как живая, стоит перед ним. Не она – проекция её. Но она в полной мере представляет себя и всех Омáййо.

– Нейс́и... У меня времени не хватило, чтоб найти твои полевые цветы. Те, что растут в долинах. Но я очень хочу их найти.

– Спасибо.

– Когда я вернусь...

– Вы обязательно вернётесь.

– Но... как у Омáййо... у меня нет имени, Нейс́и. И я хотел бы, чтоб его дала мне ты.

Милая, искренняя улыбка озаряет лицо девочки. И она отвечает:

– Я так счастлива, что смогу вам его дать! И от себя, и моего народа.

Оамá... – это ваше новое имя. Как и моё. И всех Омáййо.

Но и своё личное имя узнаете вы от меня. Не сейчас. Когда вернётесь. Согласны?

– Да, превосходно.

– И ещё, Оамá... – я вас встречу, – серьёзно она добавляет.

– Если так, Оамá... – я непременно вернусь.

– Я сделаю всё, что смогу... чтоб вы вернулись. Вернулись как можно скорей.

Ещё несколько мгновений девочка смотрит в глаза юноши. Грустно... серьёзно. И медленно исчезает.

Исчезает... медленно произнося:

– Где будет труднее всего... буду рядом.

Дрогнул «Зандóр».

Только не этого он ожидал от ребёнка!

Нет!

Словно Мир изменился...

Что стало с Миром? Что стало с ним?!

Как жить теперь?

Как?

Но.

«Только дети Омáийо... не совсем дети...»

Нейсí...

Как много осталось «за кадром»!

Как много!

Ещё с минуту «Зандóр» смотрит на свой настоящий Мир. Затем решительно поворачивается в сторону Большой Земли. Делает глубокий вздох. И идёт к ней... минуя центр каменного диска.

Теряя свой внешний облик Омáийо. Воплощаясь в иную свою ипостась.

Не люди

На противоположенной стороне камня Зандóра ждёт лодка Сигéо. Он уже в ней. И она раскачивается. Ведёт себя непослушно. Совсем не так, как «за границей». Приходится брать в руки весло и грести. Дело не хитрое, но до чего же всё здесь иначе!

Враждебно, жёстко, грубо.

Через несколько минут езды в небе сгущаются тучи и начинается дождь.

Тропики. Сырость, насекомые, комары...

«У вас с ними «пакт о ненападении». Как, впрочем, и со всем остальным Миром живых существ. Кроме одного вида», – вспоминает Зандóр слова Сигéо. Но. Здесь закон служит лишь ширмой – благовидным прикрытием Сути.

Посредством своего ножа Командóр задаёт необходимые параметры окружающей среде. Теперь назойливая мошкара ему не докучает. Капли дождя летят мимо. Но то и дело из воды высовывают морды крокодилы, питоны, змеи, водяные крысы.

За ним следят. Оценивают свои шансы... Какие? – не секрет ни для кого.

Да, без церемоний встречает «Большая Земля» своего «Героя». И кто он для неё? Злобный могильщик? Да.

Злобный?

А какая разница ей? Она хочет жить. Жить хочет вечно. Жить так, как привыкла.

– Чёрта с два! – про себя молвит Зандóр и на весло налегает. – Я с этим покончу. Раз и навсегда. Немного терпения. Немного. Я удовлетворю все ваши аппетиты.

И вот – перед глазами хмурый и безрадостный ландшафт Тайó-Танаó.

Всего несколько дней назад Зандóр провёл здесь памятную встречу с Блейком. Повсюду искорёженная техника, инфраструктура.

Израненная, изуродованная Земля.

Зандóр причаливает лодку. Направляется к посадочной площадке вертолётов.

Ни души кругом. Дождь моросит настойчивый, прохладный.

Два штандарта по правую руку – российский и американский.

Несущественно это уже.

Существенно то, что на рукотворной платформе его ожидают несколько сот островитян. Они молча стоят под дождём, не произнося ни слова. Лишь взоры их обращены к гостю. А на их лицах покой и радость.

Зандор подходит к ним. Он знает: перед ним не маски людей, а настоящие люди – те, кому должно было принадлежать прошлое и настоящее человечества. Но... оно принадлежало другим. А теперь...

Ничего теперь ещё не известно. Но будущее должно принадлежать им – этим таким несовершенным и неказистым в сравнении с Омáйю созданиям.

И в них уже есть что-то новое, общее и характерное. Оно в их молчании и понимании. И это для них – важней, чем слова.

Зандор внимательно всматривается в глаза этих людей. Нет – уже не людей.

Не людей! – «Антропогенный яд» убит в них, инфекция Смерти Каузальных Конструктов уже не властна над ними, – над их подлинным «Я».

Но... Завершить возрождение их – лишь Смерти под силу. Лишь ей под силу избавить их от всех метастаз «Техногенной Чумы» – от надругательства над плотью их, генетикой, менталитетом.

Только Смерти Это под силу.

Да. Как быстро меняется Мир!

В густом тумане летит вертолёт. Уже подлетает. Канатная лестница из него выпадает и висит над головой Зандора.

На вихри от винтов никто внимания не обращает. Но... пора. Пора прощаться.

Когда без слов всё ясно... к чему слова? Зандор кладёт руку на Сердце и охватывает мысленно всех провожающих его островитян. И все едины в прощальном жесте, и прощальном порыве чувств. Без слов.

Как паук на нити своей паутины, Зандор летит под технически «оживлённым» железом.

Недолго.

Недалеко от берега – в водах тревожного Океана – его дожидается грозный белый корабль. Его корабль. И его команда. Да, «вся» его команда. Уже перед ним. И он перед ней на борту эсминца.

От нескольких сот моряков осталось не более двух десятков. Не густо. Но объяснять никому ничего не надо. Всё и так ясно. И ясность эта – от

состояния атмосферы Планеты. И от последних событий, что донесли до каждого телеэкраны.

Теперь всё в Мире происходит в соответствии с тем, что внесено в программу Земли Зандóром. Вчера. После того, как его оружие вручила ему Айшét.

Куда с корабля разбежались «крысы»? Грустно? Нет, не грустно. Остались лишь те, кого Зандóр и не знал. И он к ним подходит. К каждому... не спеша.

Смотрит в глаза... жмёт руку.

Только на них он и мог положиться. На тех, кого не знал... И лишь когда очередь подходит к последнему, Командóр с облегчением вздыхает.

– Григорий! Я так и знал.

Капитан улыбнулся с грустью... Но это состояние духа уже было неуместно в жизни этих «людей», ибо всё полней они ощущали, что погружаются в будущее. То будущее, чьи очертания им уже были известны. И они видели их в своём командире.

Поэтому Григорий произнёс лишь одно слово, – слово, отражающее чаяния всех... и в то же время, обращённое к Зандóру:

– Омáийо.

Ещё несколько счастливых минут молчания... и Зандóр прижимает правую руку к Сердцу. И все моряки прощаются с ним тем же жестом. Им нельзя дольше здесь оставаться. Они должны покинуть корабль и командира.

Спасательные шлюпки готовы.

Дальше... Зандóр должен следовать сам. Один.

Этот Мир не совсем живой

И он один. Один на этой гигантской железной посудине – среди бушующих волн Океана. Жутко ему? Одиноко?

Нет. Сейчас не до этого.

Зандóр подходит к бассейну. Улыбается. Потом прыгает в него и плывёт. И вдруг понимает, что что-то сделал не так.

– Как вы себя ведёте, Зандóр?! Разве можно так сотрясать землю и воду? Ведь они живые! – снова звучат в его памяти слова Айшёт.

– Я даю слово.

«Я нарушил данное слово?» – мелькнула мысль в сознании Командóра, и он словно окаменел. От ужаса. Но... вода не несла его к «берегу». Не несла к цели. Вода не была здесь живой. Значит, и он здесь был не совсем живым.

Доплыв до противоположенного конца бассейна, Зандóр вышел из него и помчался в спортзал. Несколько стен там были зеркальными, и он увидел в них своё отражение.

Узнал ли себя он?

Нет. Прежнего Зандóра в зеркалах он не увидел. Он увидел в них «человека», невероятно похожего на Сигéо. Лишь чуть меньше ростом и более коренастого... Таким теперь был он.

Но и внутренне он тоже стал ближе к Сигéо, ибо тут же счёл свои электронные шорты, безрукавку и обувь безвкусицей несусветной... и сразу же «переоделся». Для этого потребовалось лишь небольшое усилие воли.

Да, теперь – в костюме вельможи восемнадцатого века – он чувствовал себя превосходно: и причёска как у Сигéо, и темно синяя лента, собирающая волосы на затылке, были для него в самый раз.

Сигéо.

«– Вы просто в зеркале ещё не видели себя. Поверьте мне: увидите когда... шокированы будете чудовищно приятно!».

Да. Но...

«– Но сложность в том, что, в сущности, не знаешь никогда – с кем в точности имеешь дело.

– А главное – не знаешь, кто ты сам».

Переменами удовлетворённый Зандóр вернулся на палубу. Немного штормило. А корабль несло на большой скорости на запад, и он подумал:

«Да. Мир Этот – не совсем живой. И быть живым в нём – далеко не безопасно. Но течение под кораблём уже живое. И оно знает, куда нести эту «гору металла». Оно знает. И на него я могу положиться».

Дождь уже прошёл и местами сквозь тучи прорывались лучи Солнца. Это было красиво. Даже здесь – на этой обезображенной цивилизацией Гомо части Земли. Да. Ведь в Океане её следы были не столь заметны.

Солнце ещё высоко. Но. В памяти... вершина горы на одном из островов Омáийо:

Клонится Солнце к закату.

Незабываемая сцена. Диалог:

– Ты должен уйти за Горизонт сегодня вместе с Солнцем, Ибрагим.

– Я это сделаю, учитель.

– Но до того есть время у тебя. Время, чтоб вспомнить всё, – всё, что ты вспомнить должен.

– Да.

– Ты уже понял, что не из лёгких эта задача?

– Да.

– Но испытание, что предстоит тебе, в тысячи раз сложнее... Ты не боишься?

– Я ко всему готов.

– Но главное: ты должен быть готов к тому, что будет на Большой Земле при нашей встрече. Ты хочешь у меня что-то спросить?

– Нет, учитель.

– Тогда... посмотри мне в глаза.

«Значит, и ЭТО произойдёт на закате. И у меня ещё есть время», – подумал Зандóр и взглянул на черту, за которую ему сегодня снова падать.

– Как хорошо падать за горизонт вместе с Солнцем! – ещё негромко сказал вельможа, так похожий на Сигéо. Сказал то ли Горизонту, то ли Солнцу.

То ли себе.

Но ответа не последовало. И он медленно пошёл к тому месту на палубе, где перед гигантским экраном были расставлены кресла.

Теперь они все были свободны. Незаняты никем. Уже навсегда. Все. Кроме одного – кресла Зандóра.

Командóр к нему подошёл, расположился в нём. Нажал клавишу на пульте. И экран ожил.

Я готова взлететь до Солнца

Вначале всё пространство экрана занимало небо – глубокое... синее... облачное. И вдруг в нём появилась чёрная птица. Огромная Знакомая Птица.

Вот – она медленно кружит под облаками... И внезапно камнем падает вниз.

И нет птицы. Нет гордого ворона. А есть мальчуган лет двенадцати.

Он стоит в огромном саду – среди высоких плодовых деревьев. Обильных... Щедрых... Смотрит на спелые плоды, но не прикасается к ним. Вспоминает.

Кажется, вспоминает.

Нет, это не то, что должен был вспомнить Зандор. Это не он вспоминал. Это Сигео. Хотя...

Почему они так похожи?

Мальчик подходит к скромному жилью тех, чьим трудом и заботой живёт этот чудный оазис – беззащитный и хрупкий. Среди опустошённой людьми некогда прекрасной долины.

И тут ему идёт навстречу девочка. Подходит... И с очаровательной улыбкой и любовью произносит его имя:

– Сигео.

– Йеанние. Ты не забыла.

– Я ждала тебя. И знала: ты придёшь.

– Знала?

– Не знаю.

– А я знаю Йеанние. Знаю, что ты говоришь правду.

– И это значит, что мы на Верном Пути?

– Да.

– Я хочу быть такой, как Айшёт, Сигео. И хочу быть Омáийо. Это стремление моё необратимо!

– Ты даже не представляешь, как близка к цели, Йеанние!

– Тебе невозможно не верить. Сигео!

– Да?

– Ты другой. Ты мне и друг. И отец. И мой дедушка. Как это прекрасно!

– Да.

– Я должна сказать.

– Что, Йеанние?

– Ты это знаешь, но... Это Истина. Она в словах Герóма. Вот эти слова:

«Я, Айшёт, лишь изложил то, что нам хорошо известно. А ты – Душа мною сказанного – Доказательство Высоты, Красоты и Силы Полёта Мысли Омáийо».

– Йеанние.

– Теперь я знаю, ради чего живу. Чтоб услышать эти слова от тебя, Сигео. И от Омáийо. Я готова взлететь до Солнца, чтоб их услышать! И ведь ты здесь, чтоб мне помочь?

– Да. Но и ты здесь, чтоб помочь мне.

– Правда?

– Разве этого ты не знаешь?

Девочка вздохнула. Она знала. Но и перед ней был Путь. Её Путь к цели. Путь к совершенству. Очень тяжёлый Путь. И она снова вздохнула и произнесла:

– Сигео. Твоя Пустыня... Ты мне расскажешь?

– Да. Но не сейчас. Сейчас – не время.

– А моя Пустыня.

– Там, где трудней всего, Йеанние... Ты не боишься?

– Это не важно. Я ко всему готова.

– Ты прекрасная ученица. Но... Ты должна уйти за Горизонт сегодня вместе с Солнцем.

– И вместе с тобой, Сигео. Я знаю. И я уйду, – уверенно и спокойно произнесла девочка.

Разве дети могли говорить о подобных вещах?

Могли. И Йеанние могла видеть меня в любой моей ипостаси – по своему выбору, и не было ничего неестественного в нашей беседе.

Вдруг из дома вышли отец и мать девочки и радостно приветствовали меня.

– За вашей встречей мы наблюдали на телеэкране, – сообщил отец Йеанние.

– Но, чтоб не упустить возможность повидаться с тобой, Сигео, поспешили к вам навстречу, – добавила мать девочки.

– Мы называем Сигео на «ты», как самые близкие люди, – заметила Йеанние, вдумчиво глянув в мои глаза. – Разве это не удивительно?

– Это замечательно, Йеанние. Хуже другое: нам пора расставаться. Нынче время летит очень быстро.

– Ты хочешь уже нас покинуть? – с грустью в голосе спросила Йеанние.

– Нет. Не хочу... Но должен. И ведь ты знаешь, что я должен ответить тебе.

– Да, Сигео.

– Скажи мне это.

– Разве друзья расстаются?

После этих слов все улыгнулись с грустью и надеждой. И воцарился мир и покой в саду добром и щедром. И в наших Сердцах... Я подошёл к матери девочки, и она наклонилась и обняла меня.

Обняла меня и Йеанние.

Прежде чем попрощаться с отцом девочки, я ещё раз посмотрел в её милые детские глаза. Они были спокойны, как Вечность, и смотрели на меня так, как Звёзды смотрят в Космическую даль.

«Она своей цели достигнет», – подумал я. И девочка мне ответила своей очаровательной улыбкой. Словно прочла мои мысли. Словно понимала меня без слов.

Потом я попрощался с её отцом и сказал:

– Помните, как вы подняли меня, когда мы распродали все фрукты?

– Помню, – ответил он. И, только он поднял меня над собой, как из его рук вылетела чёрная птица. И словно молния вонзилась в небо.

Улетела.

И снова на экране только синева неба... его глубина... И Солнце, клонящееся к Горизонту.

Зандор нажал на клавишу, и экран погас. Потом он встал и прошёлся по палубе. Всё увиденное тронуло его до глубины души. И он не мог отказать себе в нескольких минутах невероятно красивых воспоминаний из жизни своей...

Какими драгоценными были эти минуты!

Оборотни

Но. Неумолимо Время летит вместе с Небесным Светилом к Черте. И всё-таки – немного времени ещё было. На что?

Зандор снова сел в кресло. И вдруг увидел на краю стола сложенный вдвое лист. Да, из той самой грубой обёрточной бумаги с памятной надписью: «Меню». С его славного «Конкорда».

Сигео:

«Надеюсь, возражений нет, если отныне «непотеряемость шедевра» я возьму всецело на себя?»

Зандор приподнял бровь... с загадочным... не вполне определённым выражением лица... упрятал драгоценный «уникум» в складках кружевной отделки рукава.

И улыбнулся.

Затем нажал на клавишу для управления ТВ системой.

И снова на экране только небо. Но теперь мрачное, мутное оно. И в нём летит знакомая чёрная птица. Медленно кружит над облаками. И не падает камнем на землю.

Нет.

Лишь зорко следит за тем, что происходит под ней. Там – на поверхности Планеты. Где миллионы людей. Нет, – тоже уже не людей. А окончательно сформированных техногенно Тварей – Гомункулов – Оборотней в «скорлупе» Каузального Спрута – с Искусственным Геномом вместо данного Природой. Бегут!.. Куда?

Торопятся.

Спешат, держа в руках пожитки. Их тащат на себе, несут... их волокут... и цепко держатся за них. Не отпускают. Нет, не выпускают их из рук.

Смятённые... объятые тревогой. Одержимые. Куда спешат? Куда боятся опоздать?

Напрасны их тревоги, опасения. Никто не опоздает никуда. И никогда.

Успеют все – до триумфального падения Звезды за горизонт.

Такова программа Зандора. Но только ли его эта программа? Это – реализация фундаментальной Космической Идеи.

Самые удачливые совершают посадки на самолёты и улетают. Сотни, тысячи самолётов летят в одном направлении. И никому неважно куда. Их Туда ведёт инстинкт зверя.

Вот – без масок они на экране. И есть у них лица. Нет. Это не лица! Но что выражают они? Что отражают?

Эти глаза!

Правду! Голую правду они отражают, – правду жадности, ненасытности их чрева и почти мёртвого ума.

Наконец, они вместе. Без масок. Нет, ещё не лицом к лицу. Ещё не вечер. Пока «фейсы» их обращены только к Зандóру – заклятому их врагу. И возможно, могильщику. А возможно, и жертве.

Осталось не долго – лишь до Заката. Они это знают: есть у них шанс. Они так считают – потомки Байдó.

Что думали так же, так полагали, хотели, жаждали, ждали...

И жрали. Пили. Лакали.

Миллиарды людей со всех стран и сторон движутся к единственной точке в Америке – в Соединённые Штаты. В крупнейший мегаполис безудержного Зла – в Нью-Йорк.

Туда же устремлён и Зандóр. Перед ним на экране – цель его путешествия.

Те, кто сочли для себя невозможным там оставаться, покинули город. Но с каждой секундой «население» его возрастает.

И это уже миллиарды людей.

И это уже не Нью-Йорк – это свалка всех городов Планеты. С их небоскрёбами, дворцами, автобанами, мостами – конструкциями из железа, бетона, пластмасс...

Как могло это случиться? Как могла столь мощная цивилизация за несколько часов деградировать в свалку?

Откуда у Земли столько силы?

Зандóр мог не задавать себе этот вопрос. Он знал откуда. Но и он был поражён. Поражён силой Аийó.

Между тем птица отдалялась от Мегаполиса Зла и летела над далью, свободной от плодов живодёрских занятий людей.

На расстоянии сотен миль от Гранд-свалки не было ни души. Но дальше люди встречались. Они спокойно воспринимали происходящие перемены, и их лица не выражали ни удивления, ни тревоги.

И взоры их были обращены к Солнцу, приближающемуся к черте горизонта.

Зандóр нажал на клавишу пульта. И когда экран погас, встал и тоже взор обратил к Солнцу.

Пора? Да.

Медленно шёл он к носовой части эсминца. Вошёл на наблюдательную площадку и остановился. Остановился перед Солнцем впереди – Огромным – Огненным – Раскалённым.

И тогда!

Что-то в Сердце Зандóра словно проснулось. Ожило. «Увидело»!

Увидело себя в горящем Небесном Светиле – в Сердце его.

И взорвалось!!!

И из гортани Зандóра вырвалось нечто – то ли вопль, то ли стон. Дикий и страшный!

Он вырвался из него и стал сотрясать вею Вселенную.

Так казалось ему.

Казалось?

Казалось, вопль этот впитал Землю и Солнце. И он доносился уже из глубин Мироздания. Всё нарушая. Всё разрушая.

И... Соединяя.

И наполняя заново. Чем?

Смыслом?

Да! Смыслом чудовищной Боли. В которой рождается Истина.

Но. Нет. Не Время ещё для Боли...

Лишь до основания содрогается Мир в ожидании «Смерти».

И Рождения Жизни – в Истине Новой.

Чистой. Холодной. Вешней.

Содрогается Мир.

Но!

Лишь одно из мириад его Сердец.

Не содрогается.

Бьётся Ровно. Спокойно. Сильно.

Люцифер

Зандор глубоко вздохнул и волевым усилием переместился туда, где должен был оказаться, – где его ждали цивилизованные «Байдó» – те, что уже освободились от «карнавальных масок» для жизни среди людей, отделились от них. Покинули их и забыли.

Зандор оказался в самом центре этих свирепых существ. Только пока недосыгаем их восприятию – недоступен для их органов чувств.

И глаза их слепило Солнце. То самое (?).

Только теперь – оно не падало за горизонт. Нет. Оно сошло под ноги Зандора. И огромным огненным диском пылало на небольшом расстоянии от первых рядов разъярённых и жаждущих крови «Байдó».

Но для Зандора эта огненная сфера, внутри которой он оказался, была «точкой» вечного и абсолютного покоя. Абсолютной тишины.

Он стоял на огромном пурпурно красном каменном диске, светящемся изнутри. А вокруг ничего не было. Лишь космическая даль, разноцветные алмазы Звёзд и атмосфера вечного, несокрушимого покоя.

И стоял Зандор на светящемся камне в своей ипостаси мальчишки – в длинной белой рубахе – с распущенными длинными, чёрными как смоль волосами.

Здесь он должен был встретить учителя. И ждал этой встречи.

Я взошёл на пылающий камень в ипостаси пилигрима-пустынника, и мой ученик радостно мне улыбнулся.

Но за мной на огненную платформу стали всходить и другие «люди». Ибрагим не был знаком с ними и лишь удивлённо смотрел на них своими ясными глазами.

Пытался что-то вспомнить. И вспомнить не мог.

И только когда на камень взошёл почти такой же мальчишка как он, Ибрагим его вспомнил. Вспомнил, как тот спас его и его учителя в Пустыне, когда они тонули в песках.

Тогда он решил, что это его брат. Но учитель... ничего объяснять не стал.

Юноши встретились взглядами и улыбнулись друг другу.

Здесь было ещё несколько рослых мужчин очень яркой, индивидуальной внешности. И среди них он узнал и себя: себя Зандора и себя Омáийо.

И Сигéо.

Он... краем глаза взглянул на Зандóра.

Зандóр... повёл бровью едва.

Да. Общее «меню» и схожее убранство –

Всё же обязывают.

И ещё.

Ещё он узнал того Дикаря! Из Палеолита. Из племени Фиандóр-Па-Итó.

Как важно! Как важно, что здесь он! Теперь! Кто он?

Ибрагим смотрит ему в глаза.

Но... видит, как волк тащит шкуру медведя. Тогда...

Волк прыгает через спину Сандóра.

И! – Пустыня.

Ибрагим слышит слова своего учителя Чёрным Отарам:

– Из прудов тех давно вы не пьёте. Вы пьёте кровь. Последний раз пьёте
– Волк я – Оборотень!

Да. В Пустыне, как в Пустыне – пески до горизонта.

Не правда!

То не пески.

То небольшими тушками шакалов и гиен усыпана Пустыня.

И...

Одиноким серый волк бежит среди песков безбрежных.

И освещает его бледная Луна.

Да... Вот как?

Но вдруг на камень не просто взошли, а скорей взлетели десятка три юных и очень красивых дев. Очень необычных – стройных, быстрых, подвижных. Их сила, отвага и смелость первым долгом бросались в глаза.

Да... это были женщины-воины – загадочные и непостижимые амазонки.

В руках у них были луки и стрелы, а вели себя они настолько уверенно и слаженно, словно за секунду перед смертельной схваткой с врагом.

Но... уже через минуту, отдельной группой и вместе со всеми – воительницы полукругом стояли напротив удивлённого юноши в белой рубахе... и на их лицах, вместе с едва уловимой улыбкой, засветилась невыразимая словами нежность. И всех... словно обнял их глубокий, несокрушимый покой.

Появилось и несколько зверей. Эндóр?! И он здесь! Паук Шалáбе на кончике его рога – спокоен... полон достоинства и уважения к себе.

Волк Рэй. Ну, наконец! Он... – его брат. Как хорошо!

Глаза волка встречаются с глазами мальчишки. Светятся... Волк до чрезвычайности свиреп. Но в глазах его улыбка.

Светится Она.

Никто молчания не нарушает. Тихо. Безмятежно.

И вдруг! – из космических глубин доносится знакомый голос:

– Ибраг-и-и-и-м!!!!!!

И, сидя на дешёвеньком троне, над «сценой» летит самое невыносимое божество на Свете. Оно уже расположилось среди всех и требует к себе особого внимания.

Я подхожу к нему и, приветствуя, импровизирую изящный поклон. На что сразу получаю едкий ответ:

– Не припомню, чтоб обучал тебя этой безвкусице, мой друг. Ах, Мир просто сходит с ума! Не на его ли похоронах мы? Мне объяснит кто-нибудь, что здесь происходит?

– Что вы, учитель! Лишь вы объяснить можете всё. Включая и то, чего нет на самом деле.

– Вот! – это мысль. Вот она – школа нетленная. Эх! Как я рад видеть вас, дети мои! Всех... Всех вместе... Не часто улыбается нам эта светлая удача. Разве это не чудо?

Старец всех обнимает взглядом. Всем дарит такую тёплую, невыразимую радость быть вместе! Но времени мало. У него, и у всех. И тогда... мы вдруг замечаем, что не все в сборе.

– Не понимаю. Где он? Где Люцифер? – недоумевает «Божество».

Но уже гремит гром и слышится топот копыт подъезжающего экипажа. То чёрная карета, запряжённая шестёркой вороных коней.

Подъезжает. Останавливается. Стоит.

Тишина.

Лишь вороны то взмахивают крыльями, то перекликаются на крыше экипажа.

Кто-то внутри в сторону отводит занавеску. И... из-за неё профиль светится ясный, утончённый – Профиль Хозяина Тьмы.

Дверь открывается. И из кареты выходит Кот. Чёрный. Большой... К Ибрагиму бежит.

Трётся о его ноги. Мурлычет. На руки просится и прыгает к нему на грудь. Мордочкой касается лица, мурлычет... Ибрагим держит его. А Бестия

мурлычет всё громче. И всем становится тепло и весело от этой сцены. И радость у всех на лицах.

Наконец, из кареты выходит тот, кого ждали все. ОН – Царь Мира Тьмы – в изысканной, усыпанной сверкающими бриллиантами одежде, – чёрной... в контраст светлым, сверкающим, словно песок Морской под Солнцем, волосам.

Высокомерен. Непрístupен. Горд.

В руке у него кочерга из цельных бриллиантов, мерцающих как Звёзды. К Рэю подходит. Смотрит ему в глаза. Произносит:

– Давно не виделись. Где пропадал?

Рэй встрече рад и громко дышит. Люциферу лапу подаёт. Тот – снимает драгоценную перчатку. И волку подаёт Руку...

Свою.

И пока эта сцена длится, Мир обретает полноту Любви в Сердце каждого участника встречи.

Теперь – они Целое. Как Вечность. Без границ и преград.

И это длится Вечность. Или мгновение? Не это важно.

Время.

Люцифер всех охватывает взглядом.

И нет его!

Нет никого. Словно нет ничего на Свете!

Только Пустыня. Погружённая в ночь. Страшную. Объятую метафизическим ужасом ночь с Красной Луной над горизонтом.

Не Луной?

Протяжно Волк воет вдали.

Ближе. И ближе. И всё страшней становится... страшней.

Волк уже рядом.

Глаза его светятся. Изнутри.

Волк раскрывает пасть.

И – воет...

Но! Кто видит это? Смотрит кто?.. Страшно кому? Кто задыхается от Страха, ужаса, слёз?!

Кто?

Кто бежит по мёрзлому песку Пустыни?

Кто?

Кто вознестись пытается над ней?

До Солнца кто пытается взлететь?!!

Что? Истина?

Чья?

«Ты Душа мною сказанного. Доказательство Высоты... Красоты... и Силы Полёта Мысли Омáийо».

Айшэ́т? Йеанни́е?

– Теперь я знаю ради чего живу, Сигео́: чтоб услышать эти слова от тебя и Омáийо.

Я готова взлететь до Солнца, чтоб их услышать!!!

Бежит... летит девочка к Солнцу в Ночи...

– Сигео́! Твоя Пустыня... Ты мне расскажешь?

– Да.

– А моя Пустыня.

– Там, где трудней всего, Йеанни́е.

– Я всё смогу.

– Но... ты должна уйти за Горизонт сегодня с Солнцем.

Летит девочка к Солнцу... Сквозь Ночь. Сквозь глаза Рэя.

Взбегает на Огненный Камень.

Где снова – все мы.

И Она.

Остановилась. Напротив Властителя Тьмы...

Нет... Не совсем.

Она напротив мальчишки.

Порывисто дышит.

– Сигео́! Ты здесь, чтоб помочь мне?

– И чтоб ты помогла мне.

– Как хорошо!.. Только времени нет. Расстаёмся...

– Ты хочешь уже нас покинуть?

– Нет. Я должна... И ты знаешь, что должен ответить.

Скажи мне!

– Разве друзья расстаются?

– Нет. Никогда!

Лишь несколько мгновений объятия детей соединяют. И Йеанни́е сбегает с Камня. В Ночь... В Пустыню. Свою.

На свой Путь взбегает – на Самый Трудный... и Самый Красивый!

С Солнцем у Роковой Черты.

Бежит Йеанни́е. Летит!..

Время.

***

Звучит негромко голос «Божества»:

– Люцифер.

Тот лишь слегка поворачивает голову в сторону говорящего.

– Благослови мальчишку.

Хозяин Тьмы словно не слышит. Медлит. Потом... подходит к Ибрагиму. Ему смотрит в глаза... И кочергу прикладывает к его Сердцу.

И, не произнося ни слова, быстро уходит. Уходит от него и от всех. К карете идёт.

Кот его, прощаясь, прыгает на плечо Ибрагиму. Там задерживается на секунду. На землю спрыгивает и к хозяину бежит. Его опережает и влетает первым в распахнувшуюся дверь.

После... Люцифер входит в карету. Дверь затворяется, и экипаж трогает с места.

И исчезает.

Но вместе с ним исчезают и все участники встречи. Остаёмся лишь мы с Ибрагимом. Только мы.

Нет. Не только.

Далеко в небе мы видим пурпурно красный диск, пролетающий мимо. И знаем: кто мысленно с нами на нём.

С нами в Сердце.

Мы это знаем.

– Омáийо, – произносит тихо мой ученик.

– Они, – я тихо отвечаю.

– С нами.

– Да.

– Сейчас не время для нежных чувств?

– Не время, Ибрагим. Ты боишься?

– Да.

– Чего?

– Что Этого нет.

– Даже если нет ничего, – ничего нет на Свете! Не бойся. Ничего не бойся на Свете! Это последнее моё наставление.

– Спасибо, учитель.

Я обнимаю ученика... Потом, отступая... произношу:

– Иди, Ибрагим. Ты должен, – и исчезаю.

С минуту юноша ещё стоит и всматривается в бездонную космическую даль. В которой исчезает – тает красный Камень. На котором нет для него места пока.

Но...

Куда падает Солнце?

«Преодолимо ЭТО!», – с этой мыслью усилием воли Ибрагим обретает свою ипостась грозного борца Зандóра и уверенной поступью направляется к краю камня.

А Солнце... в это время медленно падает... Неспешно катится. За Горизонт.

Зандóр видел его. И вместе с ним падал.

С ним – с Солнцем.

Не долго. Нет. Не долго так падал он.

И не знал он куда закатилось Солнце. В какую кануло бездну. Но он!

Он на огромной площади.

Площади – среди обломков сотен тысяч городов Планеты. Среди гигантских трущоб, кишачих человекоподобными существами.

Среди небоскрёбов, перезаполненных ими.

Ими... Вззирающими на него миллиардами глаз. В ожидании напряжённом. В ожидании Пира Среди Чумы – Проказы Алчности – Прожорливости их ненасытной.

И снова Зандóр идёт навстречу племени «Байдó». Но. На этот раз – цивилизованным, культурным, просвещённым.

И не очень цивилизованным, и просвещённым – «Байдó» всех времён и народов.

Их «лица» уже перед ним.

Нет. Это не лица. Нет. Что-то другое. Морды! Миллионы звериных морд! Миллиарды!

Здесь. Без масок и без прикрас.

Здесь и сейчас. Чтоб отстоять «своё» право быть вечно.

Они уже рядом. На расстоянии вытянутой руки. Злобно рычат. Храбрятся. Не слишком ли долго? Теснятся... Нет. Не решаются... Отступают.

Смеётся Зандóр. Громко. Презрительно. Им смотрит бесстрашно в глаза.

Но.

Боятся эти «Байдó». Трусливы. Им далеко до этнических предков. Эти – не нападут. Им страшно.

И что, если они не нападут? Что, если разбегутся? А Зандóр должен! Должен убить их ядом крови своей. И что, если они не нападут?!!

И! Твёрдой рукой выхватывает он нож из ножен. Поднимает его над собой.

И! – грудь им свою вскрывает!

И падает нож на землю. А вместо него – в руке Зандóра Сердце его!

Мгновение.

И он бросает его в толпу каннибалов. И падает. Падает сам...

Куда?

Куда падает Солнце?

Но куда падает оно? Кому-нибудь это известно? Но. Зандóр падает с ним в пучину Вселенской Боли.

Боли. Где в страшных муках рождается Истина.

Но здесь – среди «Байдó» – упасть невозможно. Здесь никто никому не позволит упасть. На землю не падают здесь! Не падают в пыль. Здесь падают только в жадные лапы и пасти убийц. Здесь раздираются, делятся, рвутся, разрываются, распределяются, распространяются по «пищевым цепям». Вдаль к окраинам!

Тронулся лёд! И кровь потекла. Ручьи её. Реки.

Императив «Съешь Сердце Зандóра!» уже оптимизирован – новая формула «жизни» на пике страстей ошалевших гурманов: «Съешь Съевшего Сердце Зандóра!».

До чего омерзительна формула эта! – когда все впадают в экстаз от пульсации в них самого дикого чувства – инстинкта убийцы.

Кровавое действие принимает всё более страшные формы: обглоданные... с выдранными, съеденными потрохами и частями тела... «люди» снуют среди трупов в поисках новой добычи.

И находят её в избытке – в эпицентре событий, – находят, ведомые Геном Убийц – противоестественным зовом их Сути.

При этом выжить все жаждут. Чтоб есть без конца. И выживать, обедаясь.

И длиться Смерти возня – резня за «жизнь» среди трупов, – среди изъятой, разъятой, прожёванной плоти.

Ах, сколько тех, кому «жизнь» и здесь в радость!

Их Много.

Сильнее они, жизнеспособнее тех, кого съели. И власть им нужна. Миллиардам антропофагов! – необходима здесь власть – на свалке – на кладбище псевдо-живых – критически власть им необходима!

И едят, и умирают за власть здесь. За право есть первым – съесть Всех!
Ведь так только и можно обрести Полную Власть над всем – в своём
чреве.

И не смолкают вопли, стоны, крики... Смерть не отступает.

***

Миллиарды «Байдó» съедены и отравлены кровью Зандóра. Но
миллионы ещё невредимы. Их ничто не берёт.

А у Зандóра нет уже ничего... Ни Крови, ни Плоти, ни Сердца.

Не хватило на всех... Нет. Не хватило.

Где его Сердце? Где?

Нет его. Но.

«Скажите мне вы, Зандóр: у вас действительно есть Сердце?»

Нет. Уже нет.

Но!

Демийáр:

«Всё зависящее от нас мы сделаем для того, чтоб оно билось вечно...
Ведь это Сердце Омáийо?».

Да. Сердце Омáийо. И в том месте, где оно было разодрано на части,
воспламеняется нечто... Взрывается!.. Вспыхивает ярким потоком Самого
Белого Света на Свете!

И... Оживает.

Вздрогнул Зандóр. Встал... Подошёл к Демийáру. И как тогда – на
летающем в Космосе огненном камне – обнял его... как отца... И Демийáр
прижал его к груди. Как сына.

Но никого из Омáийо здесь быть не могло.

Не могло.

Но.

Снова Зандóр лицом к «лицу» с врагами. Полон решимости и отваги.

Вкусившие радость Победы «Байдó» оторопели, но тут же пришли в
дикую ярость и, уже не раздумывая, кинулись скопом на заклятого врага.
Врага, который этого только и ждал.

Кому-то тут же повезло меньше других, и схваченный за руку он стал
орудием, отбросившим всех остальных. И...

Раскручивает Зандóр над собой каннибала...

И...

Почему?

Не бросает оземь его... Не бросает в толпу...

Бережёт?

***

Тэйён:

– Чтоб себя сохранить, мы не должны были уподобляться врагам. И никого не убили. Поэтому открыты только лучшему, что во Вселенной есть. И это в миллиарды раз ценней, чем наша жизнь здесь.

Идёт Зандор.

Часть Мира несёт над собой... не бросает.

Нет.

***

Пустыня.

Идёт он.

Он?

Кто он?

– «Но сложность в том, что никогда не знаешь, с кем в точности имеешь дело.

– А главное – не знаешь, кто ты сам».

Кто сам ты???

Кто?

***

– Но столько крови на моих руках!

– Пускай хотя бы это вас не беспокоит. Не милосердие уравнивает Мир... Его уравнивает Справедливость.

***

Пустыня.

Чья?

– Я так люблю эту Пустыню! Вашу Пустыню, учитель.

– Она не моя, Ибрагим. Эта Пустыня твоя...

***

Кто идёт по полыхающей, охваченной огнём Пустыне? Кто над собой несёт тело врага?

Раскручивает его над собой. Нет! Не бросает.

Горит... сгорает сам...

Но не даёт огню врага. Щадит его, жалеет... бережёт.

Огонь.

Цветы!
Цветы перед глазами?
Огненные.
Чьи?
«– Спасибо, Нейсі. Спасибо тебе за цветы... Я найду их непременно».
Где?
В Пустыне? В огне?
«– Где будет труднее всего...».
Нейсі...
Она идёт по горящей Пустыне... Своей. Рядом?!.
Она складывает руки перед собой ладонями вверх.
Она.
Кого-то зовёт:
– Ки-о-тай...
И из огня в ладони её прыгает серебристая рыбка.
Несёт... выносит её из огня Нейсі.
Внезапно:
Ночь! Холодно. Страх. Дрожь. Пустыня.
Волк воет вдали... Ближе и ближе.
Диск Солнца!
Не светит почти – среди злобных теней блуждает. Среди чёрных теней.
Жутких... низких и страшных.
Низко блуждает кровавый и мрачный Диск Смерти.
Диск Солнца?
Оно здесь такое??!
В Логове Лжи... В Пучине Обмана.
Где?
Но.
– Я готова взлететь до Солнца!!!
Бежит девочка по Пустыне... Через потоки Страх бежит.
К Солнцу летит!
Йеанние...
Она уже не бежит.
Она стоит напротив Нейсі. На неё изумлённо смотрит.
– Это подружка моя – Ки-о-тай. Возьми её в руки. Я хочу, чтоб она
запомнила их. И тебя, Йеанние.

Держит рыбку в руках Йеанние... К лицу подносит... ей тихо что-то говорит... Возвращает её Нейсі.
И нет рыбки в руках Нейсі.
Пылает в них Солнце... Нет... – в небе – на горизонте оно горит!
– Я готова взлететь до Солнца!!!
К краю Пустыни бегут – Нейсі, Йеанние... держатся крепко за руки...
Что будет, если ?!
Прыгают в Бездну они! – за Горизонт.
Падают вместе с Солнцем...
***
Огонь.
Только Огонь в Пустыне... Цветы...
Кто несёт над собой тело врага?
Кто его бережёт.
Не бросает.
Горит... Сам сгорает.
Но врага не бросает... Щадит. Не бросает...
Огонь.
Только Огонь и Цветы...
Жаркие... Яркие... Огненные.
Нейсі, Йеанние.
– Где будет труднее всего...
Они бегут по Пустыне... Своей.
Ки-о-тай.
Кому несут они, подают – дарят Солнце?
Кому?..
Чьё Сердце приемлет его? Чьи руки не могут принять?
«– На моих руках столько крови!!!»
Чьё Сердце приемлет Любовь?.. Чья Совесть не может принять?
Кто он?
С той страшной... Такой красивой!
Космической улыбкой на лице? –
На устах, обожжённых...
Произносящих неслышно почти:
– Спасибо... Только себя берегите... Себя сохраните...
Но.

Врага не бросают чьи руки?

– Нейсі... Йеанніе.

Живые Цветы...

Но сколько Смерти вокруг!

***

Но!

Почему холодными глазами Рея Жажда Жизни смотрит из огня???

Глазами Рея?

Не совсем.

Глазами Дикаря. Того...

Его лицо...

Его слова:

– Я смог бы тоже.

Смог?

Идёт... Бежит он по Пустыне.

Несёт тело врага. Раскрывает над собой. И видит.

Видит...

Как к костру каннибалы несут тело той, которую защитить он был должен! Но... Не защитил.

Нет??!

Нет же!

Он может Всё!!!

Он тоже.

И он у цели. Где тело матери его подвешено над яростно и злобно полыхающими красными и чёрными углями.

– Нет! – выдыхает он и на «жаровню» раскалённую взбегают.

Усиливается огонь в костре. В десятки, в сотни раз! Свирепо, люто, злобно... полыхает тело Дикаря.

С телом врага над ним.

И он... в огонь его швыряет!!!

И мать свою берёт на руки –

Свою Мать!!! –

Солнце своё.

Берёт из рук юных и добрых...

Иртамай...

Нейсі, Йеанніе,

Ки-о-гай...
В его Сердце они.
Их Светом Пустыня Залита.
На миг –
Нет боли на миг!
Нейсі, Йеанніе!..
– Когда будет труднее всего, будем рядом...
Грядёт Фиандор...
По Пустыне. Ночной. Ледяной.
Своей.
С Матерью Всего в руках горящих.
Он?
Кто он?
Пустыня?
Сон? Иллюзия? Идея? Память? Жизнь?
Нет?
Но.
Его слова Чёрным Отарам:
– Последний раз кровь пьёте. Волк я – Оборотень!
И...
В Пустыне пески... Пески до горизонта!
Не правда!
То не пески.
То тушками шакалов и гиен усыпана Пустыня.
И...
Одинокий серый Волк бежит среди песков безбрежных.
И освещает его бледная Луна.
***
Со всей силы бросает оземь Зандор людоеда!!! Жизни лишает!
Всех врагов жизни лишает вокруг.
Никого не щадит.
Да.
Как тогда. Как всегда! Навсегда...
Навсегда?
С тех самых пор. С тех –
С тех самых...

Рей. Фиандор.

ОНИ... – ОН.

Они тоже.

Снова атака... Снова и снова.

Но силой нельзя победить миллионы «Байдор». Только Кровью.

Истекает кровью Зандор. Впиваются в тело его жадные рты и пальцы людей. Они пожирают его... Снова и снова.

Но не могут сожрать. Довершить не могут своё сытное дело.

Не могут.

В различных своих ипостасях Зандор возвращается к жизни. То как Икар, то Ибрагим, то Сигео, Рэй, Люцифер, Шалабе... Эндор... Кот Люцифера...

Крови много у них.

А невредимых «Байдор» – всё меньше и меньше.

Тысячи. Сотни. Десятки.

И никого. Никого среди живых. Никого.

Кроме...

Но тогда! – «трещит по швам» и расщепляется Реальность!!! И гигантским Спрутом висит над Зандором чудовищно мерзкая сущность – убийственно гадкое существо с «навороченным» до ужаса кишечником наперевес.

Оно! – коллективное «Я» человечества.

Парит Бестия над своим палачом и своей могилой... Если только это её могила. Если оргия смерти здесь в её «честь» – на её ошеломительных похоронах.

Яростно атакует виртуальное «Я»! – всей мощью щупалец-метастаз рыщет в логове смерти.

И... ничего там не находит.

Находит лишь крохотного паучка с горошину. И его теряет.

Но... Тогда летят в Бестию сотни огненных стрел и пробивают её броню – хранилище Антропогенных Конструктов Виртуала. И фонтанирует липкая «кровь» нанотехнологического субстрата из чёрных пробоин – проливается смрадным дождём.

И снова летят огненные стрелы амазонок. Жгут, ранят, терзают «ментальную плоть» мерзкой Гидры.

Но... Она всё пожирает, – всё, что живёт на её гнусном пути, – пути бессмысленной жатвы Смерти.

Уже не стрелы летят. Не стрелы горят – возгораются сами воительницы на своих рысаках – влетают в пасть Гидры... Взрываются там! Словно молнии рвут Техногенную Тварь! Её разрывают!

Догорают в слабеющих вихрях жизни своей.

И тогда... Да! Уже никого. Никого больше вокруг. Никого рядом.

Отползает едва живое чудовище от могилы своей... Как бы своей могилы.

Но. Отползти не может. Даже пошевелиться уже не может, обвитое нитью цепкой и тонкой – паутиной нитью – золотой.

А паучок крохотный спешно завязывает последние узелки на «саване» жертвы, – на «саване» Матрицы Антропогенеза. И – исчезает.

Чтоб через мгновение невообразимым гигантом наброситься на неё!

И прикончить. Задушить. Растворить её в смертельном яде своей слюны.

***

И нет больше чудовища. Нет больше Каузальной Твари. Есть только лужа техногенных помоев вместо неё.

И никого больше. Никого среди живых... Никого.

Кроме Зандóра.

Посреди кровавого месива из «человеческой грязи» один он. Живой.

Но разве здесь можно жить?!

Разве можно здесь находиться хотя бы минуту?

Нет! Здесь лучше быть мёртвым.

И! Вырывается из гортани Зандóра Вселенский Протяжный Вопль!!!

Не то Стон, не то Вопль.

Вопль его неистребимого «Я»! Вопль, взывающий к бытию Нового Мира.

И поднимает он громадную бетонную плиту, – над собой поднимает её... раскручивает! Как раскручивал тысячи побеждённых «Байдó»... чтоб метнуть их... разбить о землю.

Нет их теперь. И побеждать теперь некого. Но этот жуткий их Мир! Как расправиться с ним?

Раскручивает Зандор всё быстрее над собой бетонную балку – в вихрь её струй захватывает всё больше компонент уходящего Мира. В вихре едином и мощном вращает всю свалку отходов цивилизации Гóмо!

Всё сильнее и быстрее её над собой вращает... Быстрее!

И уже не только Зандор закручивает в смертельное торнадо этот жуткий суррогат. Земля, Солнце, Вселенная приходят ему на помощь... Скорость смерча близка к скорости Света. Сжимает всё в сверхплотное ядро. Ядро Реликтового Света, – Звёздное Ядро!

И! Зандор швыряет его оземь!!!

И взрывается Твердь! Вскрывается Планета... Расступается...

Уходит из-под ног Зандора ... Бежит.

Его за собой увлекает. Уносит. Вместе с горящим Ядром – Сферой. Пылающей. Раскалённой. Уже далеко. Далеко под ним.

Далеко.

И всё дальше летит сфера к центру Планеты. Дальше и дальше... Становится менее яркой. Словно в облаке прячется... из «Ткани» Живой – превращается в Солнце – Золотое Солнце в Сердце Земли.

Сердце Земли

Так вот куда падало Солнце! – подумал Зандор и мысленно попытался заглянуть за его «Горизонт», – Его Горизонт. Новый... И за свой Горизонт.

Как хорошо! Как хорошо, что ВСЁ ЭТО есть!

И это значит...

Это значит, что надо идти. Дальше.

Идти до тех пор, пока...

Но. Что это? Прикосновение ладони Айшёт к его губам?

– Вы не можете знать, – произносит она... и все женщины Омáййо.

И не произносят они ничего. Только смотрят. Смотрят усталыми материнскими глазами.

Почему такими усталыми? Почему такими Родными?

***

Зандор летел на пурпурно красном диске во тьме. Тьме тёплой и доброй. Как прикосновение Айшёт. Тогда...

Как её слова:

«Никто не знает, что Это. Только не перепутать бы это с душой».

Не перепутать...

«Только Омáййо относились к Миру, как к своему ребёнку», – подумал Зандор. – «Не от того ли в глазах их женщин эта Материнская Вселенская Любовь?».

И повторил вслух:

– Только Омáййо относились к Миру, как к своему ребёнку.

– И мы, – произнёс кто-то рядом.

Зандор повернул голову. И увидел рядом с собой Люцифера.

Точно таким, как при встрече до заката Солнца – с бриллиантовой кочергой в сильной и властной руке – Сверхсамоуверенного, Несокрушимого.

Но. Его невероятно красивые – аристократические черты лица – утратили что-то только ему присущее и характерное. А именно: превосходную степень неприступности, надменности, высокомерия.

Люцифер улыбнулся и продолжил:

– И мы ждём своего «ребёнка».

– Да, – ответил Зандор.

– И сумеем его защитить.

– Как защитили чужого?

– Чужих «детей» нет во Вселенной. Просто... они все нуждаются в защите. Таков пока Мир.

– Я видел проект Омáийо. Проект их Нового Мира – Земли.

– Знаю. Нам очень пригодится их опыт, чтоб весь Мир сделать лучше. И себя. Жаль только...

– Что?

– Что не все мы одинаково близки к Омáийо.

И «братья» рассмеялись с тем глубинным пониманием друг друга, какое может быть только у одного существа. А не двух. Но.

– Сила Омáийо здесь – в Сердце Земли, – Люцифер продолжил, – и оно нам доверяет.

– И мы к нему так близки!

Люцифер посмотрел на золотое Солнце впереди – Сердце Планеты – и сделал едва уловимое движение кочергой. И! – на одно мгновение пространство наполнилось светом столь интенсивной силы, радости и чистоты, что захватило дух.

И по щеке Люцифера скатилась слеза. Он вздохнул и произнёс:

– Это то, что мы вернули Земле.

– Жизнь.

– Да. Сконцентрированную миллиардами «Байдó» в их бессмысленном «Я».

– Смертном?

– Ценой Крови своей и Предельным Страданием вырвали мы бессмертие их из Материи и Виртуала. Конструкт этот «спалили» в нерве его: Боли, Страдании, Страхе.

– И ничего от него не осталось.

– Кроме Жизни Земли. Что вернулась к своим Истокам.

– Но и в «смерти» своей мы изничтожили тварь.

– Их Смертью в наших Сердцах. Это ТЕ... так в нас умирали. Нас пожирая... И пожирая себя в нас...

– И это Цена.

– Плата Себе за право быть теми, кто есть мы. Когда Вершим Суд над Всем. И лишь так... воплотить можно Вселенскую Мечту. За неё умирая. Это Закон.

– Законы Космоса – наши законы. Но почему Гóмо смогли внедрить в тело Земли замысел свой? Свою Идею.

- Не совсем так. Сами они – идея.
- То есть.
- На заре человечества Космос доверился чудовищно опасным существам. И только я восстал против мошенников и их проекта «Гóмо». И уже столько лет... меня во лжи они хоронят!
- Тщетно.
- С тех мерклых, гибельных времён... так много мутной воды утекло! Но вот – Вселенная услышала... узнала моё Сердце. И снова всё становится на своё место.
- Да. Но Омáийо.
- Они – моя Идея. И Истина моя.
- И всего Мира. Мы постоять за них сумеем.
- Значит, сумеем постоять и за себя.
- Значит... Они и есть мы?
- В очень далёком прошлом. И в будущем. Если изменим Мир.
- Но ведь изменим?!
- Да.
- Да... Но существа те – зодчие «прогресса».
- «Кино» смотрят пока, – улыбнулся Люцифер. – «Досье» на них – полнее не бывает. Это – моя забота.
- И прелюдия к их неизбежному Концу.
- И к концу той программы, что изобрели они для Жизни. Но испытают на себе. Это необратимо.
- А те пророки, кто лишь поверили их лжи...
- Им подана моя рука. Но те, кто перешли черту...
- Да, пусть трепещут.
- Мы с Жизни стёрли их программу «Смерти». Смерти! Не в качестве момента обновления и восхождения...
- А в качестве импульса к редукции и энтропии.
- И в Этом – мы их похороним.
- Но как много Света всё ещё в плену!
- Да. Очень много.
- А сколько его было скованно в инфраструктуре Гóмо!
- Не совсем так.
- То есть...

– Не лишь инфраструктура то была... а полуживая и взбесившаяся оболочка Спрута – «плоть» деградирующей Твари.

– И виртуальный её «склеп».

– Мегалополисы, государства, наука, «культура», все производства... техника, электроника... Всё это – Он. Он всё, что мучило, пожирало и ввергало Планету в Ложную Формулу Жизни.

– Вне жизни почти.

– Вне её высшей – естественной формы.

– Да.

– Чудовище изничтожало жертву. Пыталось подменить её собой.

– Пыталось...

– Изводя и пожирая Плоть Земли. И «лепя» из переработанных её «отходов» своё тело, – тело гигантской механической – космической заразы.

– Тело «Трупа».

– «Трупа», снующего среди Галактик в поисках Планет живых... Для цели нам известной.

– Да. Но люди.

– По замыслу: порталы в мир энергии живой. Рабы. Биологически активные узлы в «акупунктуре» «Трупа».

– Эх, знать бы, что покончили мы с этим раз и навсегда!

– Если бы знать.

– А что теперь? Что мы должны?

– Должны расстаться.

– И идти.

– Да.

– Хорошо так идти. Когда пути наши рядом.

– И дополняются. Пересекаются. Сливаются в Единую... Вечную Магистраль.

– Превосходно!

– Да.

– Но мы идём к Омáийо?

– Нет. Пока лишь ты, – Люцифер улыбнулся, – и те...

– Кто уже не люди?

– Да.

Мы помолчали с минуту, и я продолжил:

– Теперь у Земли столько силы!

– И она спешит отдать её тем, кого любит.
– Омáийо. И их Проекту.
– Проект есть и у нас. Красивый, дерзкий. И он развивается вместе с нами. Становится всё грандиозней, совершенней... И Реальней.
– И ради его Красоты и Воплощения... мы отправляемся снова в Путь.
– Путь Вечный.
– Разве не стоит ради этого Жить?
– Стóит!
«Братья» улыбнулись друг другу и обнялись.
Потом... повернулись к Золотому Сердцу Планеты. И, с ним прощаясь, приложили руку каждый к своему Сердцу, – Сердцу Омáийо.
И исчезли.
Исчезли в потоках самого белого и чистого Света на Свете, – в потоках Света, творящего Миры.

На Пути Вечном

Вернувшись на поверхность Земли, Зандóр обнаружил себя на берегу Океана.

Была тёплая лунная ночь. Волны тихо набегали на каменистый берег и словно о чём-то шептались.

Хотелось слушать их без конца, не отрывая взгляда от звёздного неба. Неба, где вдали мог промелькнуть красный каменный диск.

И не мог... Для этого время ещё не настало.

Но для чего время настало? Возможно, для того, чтоб понять, осмыслить и принять всё, что пришлось пережить?

Зандóр подошёл к камню на берегу Океана и взбежал на его круглую спину. Осмотрел всё вокруг. И мысленно сравнил увиденное с тем, что всего пару дней назад радовало его на берегу Океана Омáийо.

– Ничего... здесь скоро всё изменится и станет живым и уютным, – подумал он, и непрерывной чередой в его памяти стали оживать события последних дней... Сколько их было!

И всего несколько дней назад ничто не предвещало краха цивилизации. Мир казался стабильным и прочным. И каким высокомерным и самоуверенным тогда был он – Зандóр:

– Добро пожаловать в мою страну, Сигéо. Надеюсь, вас ничто здесь не разочарует.

– Благодарю вас, сударь. Надеюсь, что и мною приготовленные вам сюрпризы, придутся вам по вкусу. Как экспедиция? Вы к ней готовы?

И проникновенные последние слова Айшét:

– Прощайте, Сигéо. Прощайте, Зандóр! Это на тот случай, если мы не увидимся. Но с этой секунды мы ждём вас, – ждём вашего возвращения! Мы так много вместе должны совершить!

Да, впереди был непочатый край дел и свершений. И Зандóр был готов сию же минуту взяться за всё. Но. Один среди ночи... в неизвестной ему части Света... он стоял на берегу Океана и не знал, – не знал с чего начать.

Но. Всё начинается с Дороги.

И Зандóр спрыгнул с камня и пошёл. Один. В ночи... Не задумываясь о том, кратчайший ли это путь к цели. Не это ему было важно. Совсем другое: переживать Красоту Своего Пути. Каким бы тяжёлым и сложным он не был.

– Свой Путь узнаете вы по тому, что нет трудней его на Свете, – тихо повторяет Зандóр слова учителя... И слова учителя своего учителя. И улыбается ночи... неизвестности, дали.

И своему наряду вельможи восемнадцатого века.

Кто придумал этот наряд? Обычные люди для нелюдей? Для «Байдó»? Возможно. Но Зандóру нравился этот наряд. Так же, как он нравился Сигео. Тем не менее... не лучше ли в дороге одежда скромней?

Да, лучше. И у Зандóра был выбор.

За пределами Мира Омáийо, он не мог обрести их ипостась, поэтому стал пятнадцатилетним мальчишкой – только в одежде Омáийо.

Сразу идти стало легче и беззаботней. Ибрагим то и дело пускался в бег до выбранной им скалы, взбирался на неё, проделывая сложные акробатические элементы, и, достигнув вершины, оставался там на время.

Разглядывая всё вокруг и размышляя.

Потом... точно и плавно старался воспроизвести те пластические фигуры, которым обучили его Омáийо.

Ох! Не всегда это удавалось. Но юноша настойчиво шёл к цели. И вдохновенная улыбка не покидала его лица.

– Ловкость, гибкость, красота и сила необходимы мужчинам Омáийо, чтоб быть идеальными партнёрами для женщин. В танце – в том числе, – вспоминал слова своих учителей Ибрагим.

Только не Ибрагим... И не Зандóр... Тогда кто?

– Как у Омáийо... у меня нет имени, Нейс́и. И я хотел бы... чтоб его дала мне ты.

Милая, искренняя улыбка озаряет лицо девочки. И она отвечает:

– Я так счастлива, что смогу вам его дать! И от себя, и моего народа.

Оамá... – это теперь ваше имя. Как и моё. И всех Омáийо.

Но и личное имя узнаете вы от меня. Когда вернётесь. Согласны?

– Да, превосходно.

– И ещё, Оамá... – я вас встречу, – серьёзно она добавляет.

– Если так, Оамá... – я непременно вернусь.

– Я сделаю всё, что в моих силах... чтоб вы вернулись. Вернулись как можно скорей.

И он уже возвращался. День за днём Ибрагим приближался к «стране» Омáийо. И на себе ощущал, как меняется атмосфера Земли – становится прозрачней, чище, живей.

И ландшафт под его ногами будто медленно плыл в Океане... формировался – обретал свои новые формы, – величественные формы будущего Планеты.

Земли!..

При мысли о ней не мог Ибрагим не вздрогнуть. Ведь это Она... Она с ним так говорила!

Так.

Так по Жизни его вела. Несла... Хранила... Она.

Гуардо:

«Любое событие – это «фраза» Вселенной всем своим ипостасям. И все они – различные «фразы» или формы Жизни Разумной...».

Звёзды. Галактики. Камни вокруг... Океан. Ветер...

Как много они хотели сказать мальчишке! Ему рассказать... И как важно было их понимать!

Как важно было уметь им ответить!

Любовью.

Чтоб самому быть таким же Светлым, Ярким и Чистым. Таким же Живым и Тёплым, как все-все Они. Как Солнце. Как Месяц. Капли воды.

И поэтому – быть Счастливым.

Айшёт:

– Тебе не кажется, Сейón, что мы самые счастливые на свете?

– Да. Так и есть, Айшёт. Только почему-то, когда ты уйдёшь. Когда расстанемся мы, – моё Сердце будет болеть. А глаза наполнятся слезами. Почему, Айшёт?

Перед глазами Айшёт, Инсй, Йеанние...

Наполняются глаза Ибрагима слезами. Но:

– Мы никогда не расставались. И не расстанемся, Сейón. Как только ты это поймёшь, отступит боль и горечь. И тишина тебя обнимет, и покой. И океанская волна. Ты в Океане спал минувшей ночью?

***

Ничего уже не хотел Ибрагим. Ничего на Свете. Только бы все были такими счастливыми, как он.

Но.

Сигео:

– Мир для Счастья слишком велик.

Да?

Но разве в нём его не стало больше?

Стало!

Взглядом обнял Ибрагим Океан. Обнял его Сердцем.

Всё обнял Сердцем своим!

И пошёл.

Пошёл Всему Навстречу. И Себе – Подлинному. Каким он был. Каким себя почти не помнил.

Почти забыл... Как мог он?!

***

– Но как?! Как стал я этой тварью???

– Просто. Захотели и стали.

– Но я не мог!

– Могли. Не себя ради.

***

– «Огонь!»...

Торпеды. Ракеты... Взрываются! Ах, если б забыть!

Навсегда бы забыть Это!!!

Если бы право иметь!..

Право иметь забыть стоны «птенцов железных»...

Но.

Нет права на это.

Нет.

***

Самым Белым и Чистым Светом на Свете на миг наполняется
Атмосфера Земли:

Жизнью Планеты. Любовью... Откликом на Любовь.

Красотой Всего Мира!

Голосом:

«Сколько помню себя, только тебя и ждала... И вот...».

Это её «голос»! Её «слова».

Матери? Дочки? Земли? Вселенной? Айшёт? Йеанние?

Иртамай.

Да. Это Её Голос.

Голос Планеты.

Её.

И...

Плывёт снова Ландшафт под ногами мальчишки. Словно рождается.
Оживает. Живёт. Идёт вместе с ним. Танцует... Бежит... Обретает
новые формы, – величественные формы Земли.

***

И всё-таки – пока здесь были только камни, песок и вода. Пока... Как в
Пустыне.

– Учитель.

– Да.

– Я так люблю эту Пустыню! Вашу Пустыню.

– Она не моя, Ибрагим... Эта Пустыня твоя..

Внезапно прерывает танец юноша на твёрдой спине камня. Падает.
Ложится. Прижимается к Камню лицом. Его обнимает.

Так, как Омáййо обнимают Камни свои, Деревья, Планету... И через
них слышат себя и весь Мир.

И так Ибрагим слышит, слушает Пустыню... – свой пробуждающийся
новый Мир. И весь Мир – Новый.

Потрескивает камень. Возгорается. Тёплым становится... горячим.
Пытается взлететь.

Так высоко взлететь!.. как летают камни Омáййо.

Но. Летать ему надо ещё учиться. И не только ему надо учиться летать.
Летать так высоко!

Ибрагим слышит... понимает, что камень ему говорит. Он говорит, что
они на Верном Пути.

Они.

А это значит – скоро встреча с Нейсй.

И тогда – с новым именем, данным ему Омáййо, он снова будет в
Начале Пути.

На Пути Вечном.

Copyright © 2017 Set-Amon Sigeo